

РУССКАЯ ПЕСНЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ РОМАНС

В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ НАЧАЛА XIX В.:
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА
НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Л. С. Соболева
О. А. Михайлова

серияла, ахв; мой светъ:
твоя я вся твоя 2;

20 ая

№ 20 Чубинская

Конецъ

Помни наши погрешки
всилье покаянъ в твоемъ;

Всего, всего, всего всего,

поверную чернилу,
поправную чернилу,

33

21

Кто же моя душа,
спрелитвляе бездверстакъ;
кто мучитъ ко слезамъ, и —
тоскою и бездыханно;

каждъ я угарно
рогителю свою илитою
отъ бездверствъ твоихъ и —

еще ли тебе о мила,
живешь въ тоску свою,
или въ волнахъ шумящихъ
сонгала злую жизнь? —

авися мне авися,
любимый моя твоя
я самъ въ волнахъ шумящихъ? —

Конецъ

№ 10² Молодъ иланной итрянной

Кто мой любимъ твоя страстко
каждъ я люблю твоя.
ноя бездыханно напрасно
тоскою итрянной себя.
любилъ илбвдъ любимилъ
кнествство моему,
любилъ илбвдъ

суровость прекрати,
веселье возврати;
ишь тебебъ драгая,
печерб хотв мало шив.

| Концы |

№ 25^{ан} известной кельской

теби погибав мов псрод,
тебв доволкв ш псрабъ;
што шивв мена покоя,
совершилв свой злой обманъ?
оболбогилв мена Елевант

44

Ахъ! котиби сожалеви в обомнв;
Сударушка красна девица душа;
Кети шивв, радоств красавица мена,
по старавов я прошеди вв забвтивв,
тебв естани болши притенено мовитв

18 аа

№ 18

| Концы |

б. Восвал елв покрове мов,
Среди улицы бившюи,
развираласв растаясала св
красна девица душа,
красна девица душа
аву отбавиша хороша,
радвиравиш св зовариа;
Всв погрудилкв мов!
по и срабв те сонино
попердлв те псерб;
я св созадотв св влевва

**БИБЛИОТЕКА ЖУРНАЛА
QUAESTIO ROSSICA.**

Основана в 2016 году

Ministry of Education and Science of the Russian Federation
The Ural Federal University
named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

RUSSIAN SONGS
AND
THE EUROPEAN ROMANCE

IN A MANUSCRIPT FROM THE EARLY 1800^s:
EMOTIONAL CULTURE IN AN EPOCHAL SHIFT

Y E K A T E R I N B U R G

Ural University Press
University Press

2016

Министерство образования и науки Российской Федерации
Уральский федеральный университет
имени Первого президента России Б. Н. Ельцина

РУССКАЯ ПЕСНЯ
И
ЕВРОПЕЙСКИЙ РОМАНС

В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ НАЧАЛА XIX В.:
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

ЕКАТЕРИНБУРГ

Издательство Уральского университета
Университетское издательство

2016

УДК 398
ББК Ш23(0)
Р892

*Электронное издание подготовлено в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации.
(Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет).
Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.*

Рецензенты:

д-р филол. наук, проф. Е. И. Дергачева-Скоп;
д-р филол. наук, проф. С. И. Ермоленко

Р892 Русская песня и европейский романс в рукописном сборнике начала XIX в.: эмоциональная культура на переломе эпох : [монография] / Авторы-сост., подготовка текстов Л. С. Соболева, О. А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та; Университетское изд-во, 2016.–668 с. –ил. (Б-ка журнала *QUAESTIO ROSSICA*).

ISBN879–5–7996–1981–7 (Изд-во Урал. ун-та)
ISBN978–5–9903496–5–0 (Университетское изд-во)
DOI 10.15826/B978–5–7996–19981–7

В электронном издании воспроизводится лирический сборник с текстами традиционных лирических песен, авторских и анонимных романсов, созданный в начале XIX в. Публикация сопровождается научным комментарием разного характера и предназначена для исследователей, занимающихся национальной культурой и историей словесности, краеведам и всем читателям, заинтересованным в приобщении к истокам российского поэтического слова и сохранении культурного наследия. Это интересная образная иллюстрация для воспитания уважения к отечественному прошлому в самом важном – человеческом – измерении.

УДК 398
ББК Ш23(0)

ISBN879–5–7996–1981–7
ISBN978–5–9903496–5–0

© Соболева Л. С., вступление, послесловие, 2016
© Михайлова О. А., словарь, список литературы, 2016
© Уральский федеральный университет, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (*русс., англ.*)

Рукописный песенный сборник 1814 года: взгляд через два века 5
(*Л. Соболева*)

Песни воинские и патриотические

1. Песни русской армии

«Не кокушечка в сыром бору куковала...»	31
«Долго ли снежочкам во чистом поле лежать...»	32
«Уж как нуте, господа, споем песню про себя!..»	34
«Наши в поле не робеют...»	37
«Малбрук в поход наш едет...»	38

2. Патриотические песни и победные гимны

«При зачине каменной Москвы...»	40
«Веселитесь, все наши солдаты...»	45
«Ты, злодей-злодей, ретиво сердце!..»	46
«Батюшка Никола с нами и Суворов, друг ево...»	48
«Нам нельзя того оставить, чтоб Румянцева не славить...»	51
«Гром победы раздавайся!..» [<i>Г.Р. Державин</i>].....	53
«Вспомним, братцы, россос славу...» [<i>Ф.Н. Глинка</i>].....	55
«Не в чистом поле...» (Сатира на войско Наполеона).....	57
«Несись повсюду, громка слава...»	61
«Скоро зов послышим к бою...» [<i>Ф.Н. Глинка</i>]	64
«Понесися по поднебесью...»	66

3. Песни о казаках

«Ах, по морю, морю синему...»	68
«Что пониже было города Саратова...»	70
«Не шуми мати, зеленая дубровушка...»	72
«Уж как вниз было по матушке-Камышенке-реке...»	73
«Вниз по матушке, по Волге...»	75
«Ах, ты наш батюшка, Ярослав-город!..»	76
«Ах, талан ли мой, талан такой...»	78
«Сказать ли вам, братцы, про диковинку...»	80

Народные плясовые и комические песни

1. Песни плясовые

«Хожу я по улицы да не нахожуся...»	83
«Как ходил-гулял Ванюша вдоль по улице...»	85

«Вдоль по улице молодчик...»	87
«Улица, улица, моя, трава, мурава зеленая!..»	89
«Ты, отеческая дочь, не ходи гулять в полночь...»	92
«Как по речке, как по быстрой сизой селезень плывет...»	94
«И я селезня любила, я касатова хвалила...»	96
«Барыня-барыня...»	100
«Ах, сени мои сени...»	103
«Ах, по мосту-мосту, по калинову...»	105
«Ах, по мосту-мосту, по калиновому мосту...»	107
«У ворот девка стояла, рукавом махала...»	109
«При долинушке стояла, калину ломала...»	111
«Выйду ль я на речиньку, посмотрю на быструю...»	113
«Возле речки, возле мосту...»	115
«Во лузях, во лузях, таки во лузях...»	117
«Из-под дуба, из-под вяза...»	119
«Пошли наши подружки в лес по ягоды гулять...»	121
«В темном лесе, в темном лесе...»	124
«Как во городе было во Казани...»	126
«Я посею ль, млада-молоденька, цветиков маленько...»	128
«Скучно, матушка, весной мне жить одной...»	130
«Ой, матушка, тошно, сударыня, грустно!..»	133
«Мне моркотно, молоденьке, нигде места не найду...»	135
«Что девушке сделалось...»	140
«Веселая голова! Не ходи мимо сада...»	143
«Молодость, молодость, приятная молодость!..»	145
«Ах, ты, Ванюшка, Ванюша!..»	148
«Ах, ты, пиво мое, молодое мое...»	150
«Что это за сердце во мне все изныло...»	152
«Ты поди, коровушка моя, домой...»	153
«Как у наших у ворот...»	155
«Ах, утушка луговая, люли-люли, луговая!..»	157
«Ваня, братец мой, показался разум твой...»	159
«Во поле береза стояла...»	161
«Я вechор, млада...»	163

2. Песни комические

«Во приселке, во селе, во бобыльской слободе...»	165
«Девки скачут, красны пляшут...»	167
«Долго ль будешь куралесить...»	169
«Отдана я пономарю обучаться букварю...»	170
«Несчастливая наша доля: никто нас не любит...»	175
«Я в том острове родился, где на свет произведен...»	176
«Фу! на сфете как мне крусна...»	178

Народные лирические песни о любви и судьбе

1. Мужские песни о судьбе

«Ах, житье мое, житье бедное!..»	183
«Как никто-то про то не знает и не ведает...»	185
«Как на матушке на Неве-реке...»	187
«Нещастным детинка на свет сей родился...»	189
«Ты воспой, воспой, млад жавороночек...»	190
«У Троицы, у Сергия было под горою...»	192
«Ты змейка, скоропейка, змея лютая!..»	193

2. Любовь мужчины в фольклорной песне

«Что не сам-то я к девице ходил...»	195
«Ах, жил я, молодец, во своей деревне...»	196
«Нынче был я на почтовом на дворе...»	199
«Ах, девица, красавица моя!..»	200
«На закате светла месяца...»	201
«Ты душа моя, красна девица...»	203
«Ты рябинушка, ты кудрявая...»	204
«У залетного ясного сокола...»	206
«[С]лучилось-то мне, доброму молодцу...»	207
«Ах ты поле мое, поле чистое!..»	208
«Уж как пал туман на сине море, на сине море...»	209

3. Женские страдания о любви

«Не спала я целу ноченьку, млада...»	211
«Ой, коли я продыгуса любила-любила...»	212
«На берещку у ставка, на дощечки у млинка...»	213
«Как на горке, на горе...»	216
«Молодка, молодка молодая...»	217
«Ах, девица, красавица моя!..»	218
«Ах, как нынешния люди...»	219
«Ах, очи, мои очи, свет, ясные очи...»	220
«Ах, деревня от деревни...»	222

4. Измена и расставание в женской судьбе

«Снеги белые пушисты...»	225
«Вспомни, вспомни, мой любезной...»	227
«Цвели-цвели цветики, да поблекли...»	229
«По улице мостовой, по широкой столбовой...»	231
«Денечик проходит, ночка наступает...»	234
«Я пойду ли, молоденька...»	236

«Ах, жаль-то мне милово, любезново своево!..»	237
«У сыра дуба, скрыпучего нет ни корня, ни отросточка...»	238
«Как за речинькой слободушка стоит...»	240
«У нас было во садочке гуляла девочка...»	243
«Я вечер своего милова провожала далеко...»	245
«Ты, дубровушка моя, дубровушка!..»	247
«Как вечер тоска нападала...»	248
«Говорил-то мне сердечной друг...»	250
«Ах, вы, кумушки-голубушки-подружки!..»	251
«Сказали про молодца будто без вести пропал...»	252
«Ивушка, ивушка зеленая моя!..»	254

Мужские любовные переживания в книжной поэзии

1. Радости любви

«В поднебесье раздается...» [П. С. Гагарин]	259
«Лирой громкою иные...» [П. С. Гагарин]	262
«Напрасно хранить ты старалась...» [И. А. Крылов]	264
«Уже близка минута разлуки моя...» [И. А. Крылов]	265
«Ночную темнотою покрылись небеса...» [М. В. Ломоносов]	268
Уж солнце скрылось в чисты воды [Е. П. Люценко]	270
«В чем я виновен пред тобою...» [А. Ф. Мерзляков]	272
«Простите обольщенья честей, земных сует...» [А. Ф. Мерзляков]	274
«За горами, за долами...» [С. М. Митрофанов]	276
«Прости мне, дружечко, роптанье...» [Ю. А. Нелединский-Мелецкий]	279
«Презираю я богатства...»	281
«Как скоро я тебя узнал...»	284
«Ты почувствуй, дорогая, как люблю тебя, милая!..»	285
«Заря утрення взошла...»	287
«Звезда первая взошла...»	289
«Из роз – прекрасна роза...»	291
«Будь музою моею...»	292
«Мне нельзя быть равнодушным...»	294
«Винят меня в народе...»	295
«Винят меня на свете, что милою горю...»	296
«Миленушку свою люблю...»	298
«Теките, струйки, пеньтесь...»	299
«Ах, в прекрасном во местечке...»	301
«Уговор мы положили с милой видеться в саду...»	305
«Смертных счастье и мученье – непорочная любовь...»	307
«Любви препоны нет, мы будем вместе оба...»	310
«Пожалуйте, сударыня...»	313
«Ты дивишься, что ревную...»	315

«Здесь я жизнью наслаждаюсь...»	318
«Увяли нежные цветочки...»	320
«Ручей, текущий в сей долине...»	321
«Проходи, несносно время, время горести моей!..»	323
«Можно ль быть в лютейшей доле...»	325
«Не вини меня любезна, что я страстью ослеплен...»	327
«Ах, с тобою я расстался...»	328
«Ах, грустно мне на чужой стороне...»	329
«Не свети ты, месяц, ясно...»	331
«Как быстрой вихрь промчались дни счастья моего...»	333
«В сем месте тихом и безлюдном...»	336
«Я не думал, дорогая, что ты можешь изменить...»	338
«Я в печали пребываю и покоя не сыщу...»	340
«Зрак весны открыт природой...»	341
«Слеза священная, дрожи...»	343

2. Утрата любви

«Все покоится в природе...» [А. В. Аргамаков]	345
«Здесь, под тенью древ ветвистых...» [Д. И. Вельяшев-Вольницев]	347
«Я доволен был судьбою...» [П. С. Гагарин]	349
«Сидя вместе на кусточке...» [П. С. Гагарин]	351
«Неизбежным уже роком...» [Г. Р. Державин]	352
«Голубочик сизокрылый...» [И. И. Дмитриев]	353
«Тише, ласточка болтлива...» [И. И. Дмитриев]	354
«Уже со тьмою ночи...» [В. В. Капнист]	355
«Кто мог любить так страстно...» [Н. М. Карамзин]	357
«Разлука неизбежна, так хочет рок-тиран...» [И. А. Кованько]	359
«Ты почувствуй, дорогая, моя Пашинька, милая...» [С. М. Митрофанов]	361
«Престань, источник слезной...» [Н. П. Николаев]	364
«Вид прелестной, милы взоры...» [М. М. Херасков]	365
«Под розой разместившись...»	366
«Коль ты меня любила...»	369
«Для того ль, любезна Лиза...»	370
«Прекратились случаи часто видеться с тобой...»	371
«Любовью пагубной вспаленный...»	372
«Взвейся, ласточка вскрутится...»	373
«Голубочик нежно-страстный!..»	375
«Стонет сизой голубчик...»	376
«Полно-полно, зяблик милой...»	378
«Полно, пеночка любезна...»	380
«Другим прельстясь, моя драгая...»	383
«Где, где, ах, ах, укрыться, о, грозный день...»	384
«Эльвиры нет, она сокрылась...»	386

Женские любовные переживания в книжной поэзии

1. Радости и горести любви

«Пятнадцать мне минуло лет...» [И. Ф. Богданович]	391
Я в пустыню удаляюсь [М. В. Зубова]	393
«Взвейся, выше понесися...» [А. Ф. Мерзляков]	395
«Вылетала бедна пташечка на долину...» [А. Ф. Мерзляков]	397
«Чернобровой, черноглазой молодец удалой...» [А. Ф. Мерзляков]	399
«Я не думала ни о чем в свете тужить...» [А. Ф. Мерзляков]	401
«Выйду я на реченьку...» [Ю. А. Нелединский-Мелецкий]	403
«Весела тогда бываю и довольна я судьбой...»	405
«Любовь за грех считают, на что ж родимся с ней?...»	407
«Желанья наши совершились...»	408
«Я в пятнадцать лет узнала...»	410
«Чем больше скрыть стараюсь...»	412
«Где счастье, где отрада? Где ты, любезной мой?...»	413
«Я птичкой быть желаю...»	415
«В лазурном своде неба ни туч, ни облаков...»	416
«Мне должно изъясниться...»	417
«Вечерком в саду гуляла...»	418
«Увы, любезной в отдаленьи...»	420
«Звук унылой фортепьяной...»	421
«Фортопьяно звук унылой...»	424
«Что есть на свете злее несклоннаго любить?...»	425
«Чем тебе я досадила?...»	426
«Чем тебя я огорчила...»	427
«Чем я тебя огорчила...»	429
«Ах, ты день ли мой, денечик...»	431
«Я не знала ни о чем в свете тужить...»	433
«Я не вижу дорогова...»	435
«Канареечка любезна, утешай хоть ты меня...»	437
«Полно сизенькой кружиться...»	439
«Естьли б ведал ты жестокой...»	441
«Не нежна горлица порхает...»	443
«Ах, тошно мне на своей стороне...»	445
«Друг мой милой, красно солнышко мое...»	447
«Ах, когда б я то предвидела...»	450

2. Утрата любви

«Ах, когда б я предузнала...»	452
«Радость, выслушай два слова...»	454
«Во селе-селе Покровском...»	457
«Зараз любви еще не зная...»	459
«Вам, прекрасная долины...»	460
«Волга, речин ь ка глубока!...»	462

«Светик, Тянюшка злосчастлива...»	465
«О, свидетели безгласны...»	469
«Ты, погубитель моего строя, тем доволен ли, тиран...»	470
«Я когда была девицей...»	472
«При потоках чистых вод...»	474
«Как у нашего широкого двора...»	476
«За что губишь меня, неверной...»	477
«Где она, ах, где любезна?...»	478

Любовное чувство в книжной поэзии

1. Любовные диалоги

«Ты проходишь, дорогая, мимо кельи...»	481
«Ты проходишь, мой любезной, мимо кельи...»	483
«Я навеки тобою страстна...»	484
«Я твой, а ты моя, моя!»	486
«Позволь себе открытка о участии моей...»	488
«Другим прельстись, моя дорогая...»	490
«Забудь тебя мне должно...»	491

2. Образ любви

«Птичка вырвавшись из клетки...» [И. И. Дмитриев]	493
«Кому страдать, крушиться назначено судьбой...» [А. Ф. Мерзляков]	494
«У кого душевные силы истощились тоской...» [Ю. А. Нелединский-Мелецкий] ..	496
«Кто страсть любовную в жизни знает...»	498

3. Пасторали

Молчите, струйки чисты [М. В. Ломоносов]	501
«Лишь только занялась заря...»	505
«Как розы здесь растут в кустах, между лесами?..»	507
«Прийти ко мне в лесок Анята не забудет?..»	509
«Ах, как скучно мне одной...»	511
«Перестань петь, друг природы...»	513
«Унылый глас свирели вещай мою напасть...»	515
«В сих горестных местах...»	517

Песни-поздравления

«Приятна, весела, разумна и мила...» [С. Каргопольский]	521
«Звук веселья, раздавайся в день счастливой, дорогой!»	522
«Утеха флоры, нежна роза, цветочик милой, дорогой!»	524
«Лапочке, душечке, милой милушечке...»	526

Песни из театральных спектаклей, литературных произведений и масонская

А. О. Аблесимов («Мельник, колдун, обманщик и сват»)	
«Уж как шли старик со старухой из лесочка...»	531
«Я цыганка молодая, я цыганка непростая...»	533
Д. Б. Горчаков («Халиф на час»)	
«Полноте вздорить...»	534
«Кто оконча дни младыя, нажил волосы седыя...»	535
«О судьи, судьи, плутяги!..»	536
Н. М. Карамзин («Остров Борнгольм»)	
«Законы осуждают предмет моей любви...»	537
Я. Б. Княжнин («Сбитенщик»)	
«Щастье строит все на свете...»	539
«Кажется, не ложно: все на свете можно!..»	540
П. Н. Кобяков («Оборотни»)	
«Для любви одной природа нас на свет произвела...»	542
М. Комаров («История мошенника Ваньки Каина»)	
«Бес проклятой дело нам затеял...»	544
Н. С. Краснопольский («Днепровская русалка»)	
«Полноте вздорить, начните плясать!..»	547
М. М. Херасков («Добрые солдаты»)	
«Веселяся в чистом поле...»	548
«Мы тебя любим сердечно!..»	550
«Свет троякий зря, щастливы очи,...»	551
«Масонская...»	552
<i>Соболева Л. С.</i>	
Фольклорная и светско-европейская традиции в картине чувств русского человека начала XIX в.	555
Summary (англ.)	593
ПРИЛОЖЕНИЕ	
Географический и именной указатель – (указать страницы)	601
Список инципитов	616
Словарь устаревших слов и выражений	623
Список сокращений	636
Список литературы	660
Список иллюстраций	664

CONTENTS

Preface

Manuscript Song Collection: Two Centuries Since	5
<i>(Larisa Soboleva)</i>	

Folk Songs and Romance from a Manuscript Collection

War and Patriotic Songs

1. Russian Army Songs.....	31
2. Patriotic Songs and Victory Hymns.....	40
3. Songs about Cossacks.....	68

Dance and Comic Folk Songs

1. Dance Songs.....	83
2. Comic Songs.....	65

Lyric Folk Songs about Love and Fate

1. Men's Songs about Fate.....	183
2. Men's Love in a Folk Song.....	195
3. Women's Love Passions.....	211
4. Cheating and Separation in Women's Destiny.....	225

Men's Love Passions in Book Poetry

1. Joys of Love.....	259
2. Loss of Love.....	345

Women's Love Passions in Book Poetry

1. Joys and Sorrows of Love.....	391
2. Loss of Love.....	452

Love in Book Poetry

Love Dialogues	481
Image of Love	493
Pastorals	501

Congratulatory Book Songs

Songs from Theater Performances, Literature, and Freemason

Afterword

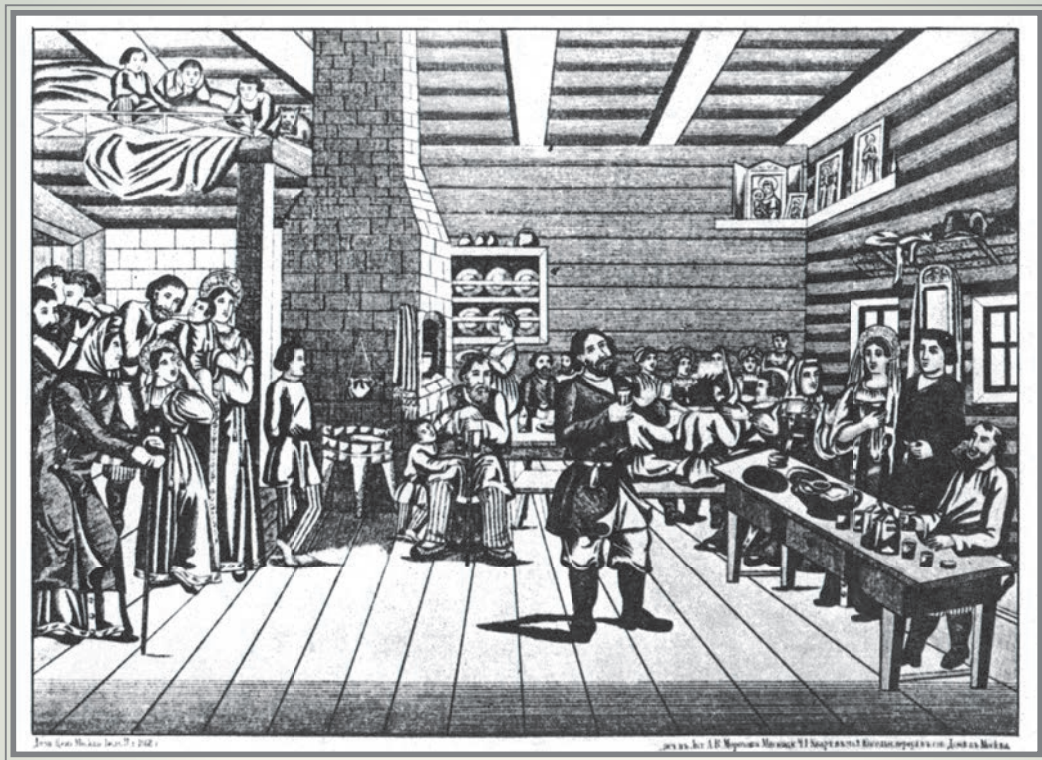
Larisa Soboleva

Folk and Secular European Traditions in the Map of the Feelings of a Russian Person in the 1800s	555
---	-----

Summary	593
----------------------	-----

Annex

Manuscript Description	1
Index of Names and Places	601
List of Incipits	616
Dictionary of Obsolete Words and Expressions	623
List of References	660

Рукописный сборник песен начала XIX в.

Рукописный сборник песен начала XIX в.:
ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ ДВА ВЕКА

*Народ требует сильных ощущений < ... >
Смех, жалость и ужас суть три струны нашего воображения*

А. С. Пушкин

Сопричастность к переживаниям, чувствам и взглядам на мир других людей делает человека неизмеримо богаче. Еще большее достояние мы обретаем обращаясь к историческим глубинам эмоциональной сферы народа, ибо история страны – не только освоенные земли, возведенные города, проложенные дороги, история страны – это прожитые и пережитые народом счастливые и горестные события, характерные для времени человеческие взаимоотношения, воплощенные в художественной словесности. На протяжении многовекового развития эмоциональная сфера русского человека, образно представленная в музыкально-словесном песенном жанре, имела немало ярких художественных страниц, и в ряде конкретных исторических моментов именно песня явственнее всего выражала общественные настроения. Не случайно, например, целые поколения современников, чья молодость пришлась 60–80-е годы XX в., высоко ценили рукописные песенники, ходившие по рукам от одного исполнителя к другому. Эти тексты с нехитрыми мелодиями, но трогающим за душу живым чувством текстами перекочевывали в разные компании, передавались от человека к человеку и в многочисленных вариантах расходились по стране. Они помогали находить близких по духу друзей, объединяли людей в их надеждах и давали силу пережить разочарования сильнее, чем эстрадный официальный репертуар. Подобные сборники говорят нам о той эпохе полнее и точнее, чем победные репортажи газет и риторика правительственных речей¹.

Рукописные песенники имеют свою историю бытования и изучения. Они появились в контексте городской культуры, и были вызваны желанием общения в творческой обстановке, особенно в молодежной среде. Овладение книжными знаниями, умение писать дает возможность широким городским слоям (служащим, торговым людям, ремесленникам, дворни и т. п.) обращаться

---

¹О значении такого рода текстов говорит факт исключения А. А. Галича (Гинзбурга) из Союза писателей СССР (1971), Союза кинематографистов СССР, Литфонда СССР (1972) именно за исполнение его песен, распространяемых устно, в рукописных и самиздатовских песенниках и магнитофонных записях.

к литературному пласту словесности, причем не только как читателям, но и как исполнителям книжных песен и романсов. И хотя сборники песен создавались в различных местах и преимущественно в городской среде, но в них воплощались общенациональные интересы. Формирование в русском обществе новой светской культуры с иными типами досуга и развлечений, привело к появлению рукописных, а во второй половине XVIII в. печатных песенников, соединивших лирическую устно-поэтическую и книжно-литературную традиции. В них перед читателем раскрывалась палитра переживаний в богатейших оттенках, и история эмоций оказывается не менее существенной для понимания человека, чем и событийная история.

Рукописные песенники становятся признанным фактом культуры с XVII в., изначально в их составе были конфессиональная поэзия, духовные стихи и нравоучительные вирши. В XVIII в. в сборники включаются фольклорные песни, зримо свидетельствующие об открытии национальной культуры как эстетически признанного феномена, а также книжные песни лирического и панегирического содержания. Песенники будучи пестрыми и насыщенными по составу обретают популярность, их востребованность в бытовой культуре приводит к выпуску печатных изданий, содержание которых определяется вкусом и представлением издателей о национальных приоритетах². Опубликованные песенники не вытеснили рукописные сборники, у которых было неизмеримо больше возможностей отвечать личному выбору переписчика или интересам дружеской компании³. В XIX в. количество рукописных песенников уменьшается, в моду начинают входить альбомы (особенно в женской культуре)⁴ и личные дневники, фиксирующие, состояние души и интимные переживания⁵. А. С. Грибоедов использовал для характеристики Молчалина его склонность к списыванию «песенок» («Бывало песенок, где новеньких тетрадь / Увидит, пристаёт: пожалуйста списать...» (д. 1, явл. 7). В этом высокомерно-ироническом замечании человека дворянской элитарной культуры зафиксировано между тем неслучайное увлечение «бессловесного» Молчалина: рукописные песенники оказываются для героя комедии своего рода наставлением в обретении и литературном воплощении разнообразных любовных переживаний, и на этот момент заменяют ему

---

²М. К. Азадовский, следуя перечислению М. Н. Сперанского, указывает на 33 издания песенников, из которых не все сохранились. См.: Азадовский М. К. История русской фольклористики. Т. 1. М., 1958, С. 63, прим. 2.

³Песенники полностью не описаны. В опубликованной в форме монографии диссертации А. В. Позднеева упоминается около 200 известных ему рукописных песенников. См.: Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII – XVIII вв. М.: Наука, 1996. С. 5–6.

⁴См. исследование альбома Софьи Пономаревой (конец 10-х годов XIX в.) в кн.: Вацура В. Э. С.Д.П. Из истории литературного быта пушкинской поры. М.: Книга, 1989.

⁵Из всех публикаций текстов и исследований дневниковой прозы характерно недавняя книга А. Л. Зорина, посвященная изучению дневника А. И. Тургенева (1781–1803). См.: Зорин, А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века М.: Новое литературное обозрение, 2016.

собственные слова о чувствах. Тот же Грибоедов чутко зафиксировал момент, когда песенники перемещаются из элитарной культуры дворян в более широкую среду грамотных служащих, военных средних чинов, посадского населения и формирующегося мещанского сословия.

В собрании редких книг Областной библиотеки им. В. Г. Белинского (г. Екатеринбург) хранится рукопись с лирическими произведениями песенного и романсного характера, написанная, судя по датировке бумаги и составу произведений после 1814 года, то есть непосредственно после победы в Отечественной войне, события которой столь решительно повлияли на российскую культурную ситуацию. В сборнике 263 песни разнообразного характера, относящихся исключительно к светской культуре⁶. В создании рукописи участвовали несколько человек разного возраста, о чем свидетельствуют типы почерков. Это определило разнообразие репертуара. Здесь нет текстов религиозного и обрядового содержания, былин, а из исторических произведений приведено только одно драматическое – о спасении сына Ивана Грозного. Фольклорные песни перемежаются книжными песнями и романсами, авторство которых частично установлено, хотя все тексты переписаны без указания на поэтов. Среди авторов удалось определить как известных, так и забытых сегодня поэтов допушкинского периода отечественной словесности (Ломоносов, Державин, Сумароков, Николев и др.) – всего 26 имен. Но большинство книжных романсов, описывающих чувствительного человека сентиментально-романтического свойства, остаются анонимными. Многие популярные в начале XIX в. романсы затем исчезли из репертуара исполнителей, но трудно переоценить их роль в формировании нового типа переживания в эмоциональной культуре, сложность которой ярко проявилась в поэзии позднее. Их содержание не менее интересно и показательно для истории эмоций в национальном контексте. Судя по качеству записи, наличию многочисленных отступлений от печатных вариантов их воссоздание в данной рукописи ориентировалось на устную коллективную память, в которой фольклорные тексты перемежались произведениями литературного и театрального происхождения. Предположение, что сборник составлялся в дружеской компании, подтверждается тем, что некоторые песни переписывались разными почерками, дополняя друг друга.

В составе сборника выделяются несколько тематических направлений, полно раскрывающих своеобразие эмоционально-чувственной сферы в мире поэзии начала XIX в. Это было время приобщения среднего сословия⁷ к тонкостям

---

⁶ОРК СОУНБ им. Белинского. № 375380. Сборник песен. 4 (210/216 на 160/170 мм.). 121 л. Полное палеографическое описание сборника с комментариями см. в Приложении.

⁷Мысль о том, что среднее «мещанское» сословие имеет свои особенности культурного развития, относительно более позднего времени раскрывается в кн.: Гончаров Ю. М., Чутчев В. С. Мещанское сословие Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. Барнаул, 2004. Кобозева З. М. «Золотой век» мещанства: мещанская городская повседневность в 50–60-е годы XIX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. История. Международные отношения. № 4. Том 12. 2012. С. 38–45.

европейской культуры чувств, погружение в новые сюжеты, описывающие любовь, измену и страсть в сентиментально-романтическом духе. Существенно, что народные интерпретации любовных мотивов в фольклорных песнях не разбивают общей картины на не соединимые фрагменты, а дополняют и вносят в картину переживаний воздух российских просторов и детали русского быта.

Послевоенному обществу было присуще чувство национальной гордости и оно было охвачено оптимистическими ожиданиями грядущих перемен. Победное завершение войны с Наполеоном, когда русские войска, пройдя Европу, вошли в Париж, привело к подъему патриотических настроений. Сближение с Европой вызвало волну интереса к собственной национальной культуре, к русскому солдату и качествам русского характера.

Трогательные песни о трудной солдатской доле в сборнике сочетаются с вдохновенными гимнами в честь побед России и прославлению Петра I, Екатерины I и Екатерины II, Павла I, Александра I – тех императоров и императриц, в правление которых Россия вела победоносные войны. Среди песен нашла себе место сатирическая песня о Наполеоне и слова трогательного прощание горожан с императрицей, отъезжающей в 1813 г. из Петербурга к мужу. Армейские марши и солдатские боевые песни, песни о военных успехах императора и полководцев, соединились с фольклорными песнями об удалых казаках, разбойниках, сатирических песнях и балладах о несчастной судьбе молодца.

Большую часть рукописи занимают традиционные веселые (частые) и печальные (протяжные) песни, в которых любовная тема представлена в спектре от трагического отчаяния до озорного веселья. Они поются как от мужского, так и женского лица и отражают различные нравы и темпераменты, составляющие разные грани национального характера. Женские образы в песнях равновелики с мужскими. Возлюбленная, любимая представлена то покорной и нежной, готовой к самопожертвованию, то неистовой и даже дерзкой, то упрямой и настойчивой, готовой идти на все во имя любви. Очевидно, что народная лирическая песня – изначально, а романс и литературные песни – следом и становятся для женского мира первейшими способами утверждения права на личное счастье и любовь. В сборнике немало песен, раскрывающих душу героини и предвещающих будущие глубокие образы классической русской литературы.

Все литературные песни переписаны без указания авторов, что свидетельствует о фольклорном типе восприятия произведений, отличающим демократическую культуру. Текст раскрывал общие «коллективные» настроения – даже при наличии несомненно самобытных личных (вплоть до автобиографических) переживаний его создателя. При этом непререкаемость сочиненного кем-либо произведения не осознавалась и в песни зачастую вносились изменения, свойственные исполнительскому восприятию. Кстати, по ним мы можем судить о модных литературных пристрастиях и конъюнктуре вкусов публики, о путях, какими тексты «уходили» в массовую культуру, становясь популярными романами. Рядом с профессиональными поэтическими произведениями в сборнике

соседей произведений подражательного свойства, что столь же интересно. Наивные, не совсем умелые с точки зрения поэтической техники, эти стихи при все том помогают понять поэтическую атмосферу начала XIX в. Перед нами процесс созидания нового поэтического языка, в который была включена, в первую очередь, молодежь как провинциальная, так и столичная. Что-то из этих песен пелось и в Александровском лицее, где с 1811 по 1817 год учился А. С. Пушкин. Чувство любви получало в этом творчестве новую огранку, предчувствующую будущие поэтические бриллианты русской любовной лирики.

Сборник раскрывает разнообразные движения души, показывает многоцветную палитру чувств и переживаний человека, дает возможность увидеть патриотические настроения в русском обществе послевоенной эпохи. Сочетания смеха и горя, картин любви и разлуки, военного сражения и мирного веселья делают сборник уникальным источником понимания русского человека той эпохи. Сборник составляется для дружеского общения. Это песни исполнялись для поднятия духа, улучшали настроение, и давали слова для выражения самых тонких переживаний. Они могли петься на дружеских пирушках и вечеринках, исполняться как признание в любви, развлекать и скрашивать одиночество.

Составители сборника, к сожалению, неизвестны, но, учитывая состав, он мог быть написан в военной среде или в кругах просвещенной горнозаводской администрации, принимавшей участие в войне 1812 г. Произвольное расположение текстов и отсутствие внутренней классификации (за исключением алфавитного указателя инципитов) скорее свидетельствует о проявлении вкусов и предпочтений дружеской компании. Именно им сборник разнообразил досуг, давая возможность обратиться к исполнению песен различного эмоционального настроения.

Огромное эстетическое удовольствие эти тексты способны доставить всем любителям русского слова, демонстрируя свидетельства образных открытий, разнообразных по возникновению и контексту исполнения.

Сборник будет интересен исследователям, занимающимся прошлым Урала – историкам, филологам, фольклористам, краеведам, а также всем, кто интересуется становлением светской культуры и искусства. Это редкая образная иллюстрация для школьных уроков по темам патриотического содержания, в полной мере способная воспитывать уважение к отечественной истории в самом важном – человеческом – измерении.

Между тем, ценность рукописного сборника заключается не только в уникальности представленных здесь произведений, но и в их составе и соположении: система и сопряжения в ней генетически и тематически различных лирических текстов, раскрывая чувственную картину мира, показывает, как противоречивость эмоционального поля тогдашней культуры, так и ее потенциальную готовность к очередному этапу развития в соответствии в общеевропейским – чувствительно-сентиментальным и имперски-государственным – кодами.

Перед сегодняшним читателем разворачивается напряженный процесс становления культуры нового времени, в которую гармонично входят, взаимно

дополняя друг друга, отточенная коллективным мастерством исполнителей фольклорная лирика и «продукты» творческой индивидуальности – песни и романсы неизвестных авторов, в которых сливаются мотивы традиционной культуры и нарождающаяся образность романтических отношений наступившего столетия. В песнях сборника составители соединили традиционно-народные лирические переживания души с передачей эмоций, характерных для сентиментально-романтического типа мировосприятия. И даже если сегодня они представляются наивными и прямолинейными, чересчур выспренными, для людей той эпохи это было открытием новых граней чувственного мира, что по-новому расцветивало оценку жизненных событий, открывая невиданные ранее возможности их словесных воплощений.

Песни из рукописного сборника публикуются впервые, в интересах читателя мы позволили себе переформатировать их последовательность и объединить в разделы – в зависимости от происхождения и согласно передаваемым эмоциям. Мы не стремились к какой-либо единой классификации, тексты сборника не подчиняются единому принципу систематизации, будучи столь же многогранными, как и чувства, соответствующие разнообразию жизненных ситуаций и характеров.

В издании представлено палеографическое описание рукописи и раскрыто содержание, для тех, кто заинтересован в более точном представлении о последовательности расположения песенного материала, Даются научные комментарии, включающие сведения об авторе (если таковой известен), указание на дату первой публикации и сведения о вариантах, присутствующих в изданных сборниках XVIII – XIX вв., словарем устаревших слов, именным и географическим указателем, алфавитным списком начальных слов песен (incipitami). Публикация сопровождается аналитической статьей о значении сборника для истории эмоций в России начала XIX в.

Правила публикации

При воспроизведении рукописи мы старались сохранить особенности правописания, свойственные оригиналу, приводятся заголовки песен из оригинала, расставлены знаки препинания по современным правилам. Правка производится только в случае опечаток, нарушающих смысл текста, что оговаривается в подстрочных примечаниях, восстановленные фрагменты приводятся в квадратных скобках. Также в квадратных скобках даются установленные фамилии авторов произведений, отсутствующие в рукописи.

WAR, LOVE, AND FAREWELL IN AN EARLY 19TH–
CENTURY MANUSCRIPT COLLECTION:
NEW EMOTIONS AND TRADITIONAL FEELINGS IN SONGS AND ROMANCES

*The people demand strong feelings <...>
Laughter, pity, and horror are the three strings of our imagination*

A.S. Pushkin

Sharing the experiences, feelings, and worldviews of other people makes one infinitely richer. We enrich ourselves still more when we turn to the emotional history of a country and its people, because the history of a country is not just comprised of a list of lands gained, cities erected, and roads laid. It is a story of the events lived and experienced by people: happy or tragic, these events are reflected in relationships and embodied in literary tradition. Developing over several centuries, the emotional sphere of Russian man, reflected in the imagery of the spoken song genre, has seen many bright moments. Across history, it was this genre that expressed public attitudes most distinctly. It was not accidental, for example, that the entire generation who lived out their young years between the 1960s and 1980s valued above all the handwritten copies of songbooks which were passed from one singer to another. With simple melodies and touching, soulful texts, these songs migrated from one circle of friends to another and were disseminated around the country in numerous versions. They united people in their hopes and gave them the strength needed to survive disillusionment much more effectively than the officially approved pop repertoire. Such compilations tell us about the people of the epoch more accurately than the triumphant reports in the Soviet newspapers and the Orwellian rhetoric of government speeches.

Handwritten songbooks have their own history and traditions. Their appearance is connected with the arrival of urban culture, which provoked a search for appropriate creative expression, especially among younger people. Mastering literacy and the ability to write gave wider urban sectors (employees, merchants, artisans, servants, etc.) the opportunity to access written culture not only as readers, but also as performers. Although song collections were principally created in urban locations, they often embodied wider national interests. As visible evidence of the newly emerging secular culture in Russian society, songbooks became a kind of cultural meeting point from the mid-18th century onwards, combining as they did oral-poetic and literary lyrical traditions. They reveal the whole palette of human emotional experiences in the richest colours, thus establishing that the history of emotions is no less essential to understanding human society than the narrative of the events.

Handwritten songbooks have existed since the 17th century: initially, the genre included confessional poetry, spiritual poems, and moralising verses. In the 18th century, they began to include folk songs, a fact which testifies to the discovery of national culture as an aesthetically recognised phenomenon. Highbrow songs from the lyric and panegyric poetry of the 18th century were also included into these collections. Songbooks became variegated in terms of their composition: popular led to mass publications, with songs collected by publishers according to their tastes and understanding of national priorities. The emergence of printed songbooks in the second half of the 18th century failed to replace handwritten collections, however, since the latter were better suited to being tailored to the personal taste of the copyist or a company of friends. In the 19th century, the number of handwritten songbooks decreased as ‘albums’ became fashionable (especially in women’s culture). Personal diaries expressing one’s state of mind and intimate experiences also enjoyed higher levels of popularity. A. S. Griboyedov satirically punctures the character Molchalin in *Woe from Wit* by noting his penchant for copying ‘songlets’ (‘He used to spot a book of songlets, poor lad, / And pester the owners to copy those flat’ (Act. I, Sc. 7)). This arrogantly ironic comment from a member of the elite nobility depicts a rather fundamental passion in the otherwise silent Molchalin: for this comic character, hand-copied songbooks were a form of guidance for experiencing and representing amorous feelings which he uses instead of his own words. Griboyedov here is recording the moment when song collections were leaving the elitist culture of the nobility and entering into the wider circles of employees, military officers, estate servants, and the emerging petite bourgeoisie.

In the rare books collection of the Sverdlovsk Oblast Universal Scientific Library (known as the Belinsky library), there is a lyrical manuscript that was written during or immediately after 1814, judging by the dating of the paper and the contents of the compilation. In other words, the text was compiled directly after the Russian victory against Napoleon, an event which dramatically influenced Russian culture. The collection comprises of more than secular 250 songs of a diverse character. Judging from the handwriting, several people were involved in creating the manuscript: it thus combines a variety of interests. There are no religious texts or ceremonial content; nor are there any historical epics besides one dramatic account of the salvation of Ivan the Terrible’s son. Folkloric songs are mixed together with literary romances.

The authorship is partially known, although all texts were copied without any indication of the authors. We were able to identify a few famous poets and some more obscure figures (Lomonosov, Derzhavin, Sumarokov, Nikolev, etc.); altogether, we were able to assemble a list of 19 names. However, the authorship of most of the romances, which describe a sensitive person of a sentimental-romantic character, remains unknown. Such romances, popular at the time, later disappeared from the common repertoire, but their role in the formation of new feelings within contemporary emotional culture retained its importance in 19th-century poetry. Their content is no less interesting in terms of the history of national emotional culture. Judging by the presence of numerous deviations from printed analogues, the process of reproduction was probably based on oral collective memory in which folklore was mixed with works of literary and theatrical origin. The assumption

---

that the collection was copied by a company of friends can be confirmed by the fact that some songs were rewritten in different handwriting.

The collection is divided into several thematic areas, thus revealing the uniqueness of the emotional-sensual sphere of national culture in the early 19th century. This was a time when the middle class was becoming acquainted with the finer points of the European culture of the senses, diving into new narratives that described love, betrayal, and passion in a sentimental-romantic spirit. It is important to stress that popular interpretations of love motifs in folklore songs do not rip the whole picture into unrelated fragments but rather complement it, bringing in details of Russian life.

The post-war period was one of national inspiration, filled with optimistic expectations. The victorious finale of the war with Napoleon, when Russian troops marched through Europe and occupied Paris, led to the rise of patriotic sentiment across the entirety of Russian society. Renewed connections with Europe caused a wave of interest in national culture, the Russian soldier, and the qualities of Russian nature.

Touching songs about the hard fate of soldiers accompany inspirational hymns in honour of Russian victories and panegyrics to Peter the Great, Catherine I, Catherine II, Paul I, and Alexander I (i. e. those emperors and empresses during whose reigns Russia fought victorious wars). The collection features a satirical song about Napoleon, which includes a touching farewell from the townspeople of St Petersburg to the empress as she left the city during the war to reunite with her husband. Military marches, battle chants, and songs glorifying the military successes of the emperor and his generals are mixed with folk songs, satires, and ballads about brave Cossacks and robbers with unhappy fates.

A large portion of the collection consists of traditional jolly (*chastye*) and sad (*protyazhnye*) songs: the theme of love is discussed in terms ranging from tragic despair to mischievous fun. The songs are meant to be sung by either male or female performers and reflect the variety of temperaments and personalities that made up different facets of the national character. The female characters in the songs are usually as important as the male ones. The beloved is described in a wide variety of terms: as submissive, gentle, and self-sacrificing, frantic and even provocative, or stubborn and insistent, ready to go all-in in the name of love. Lyrical songs, and later romances and literary songs, were the first means for asserting the right of Russian women to personal happiness and love. Many pieces in the collection unveil the female soul, serving as preliminary bases for future profound female characters in the great works of Russian literature.

A significant number of the copied lyrics are represented in the works of the pre-Pushkin epoch. All literary songs are copied without attribution, which testifies to their folk and democratic character. The text was supposed to generalise feelings even when the personal experiences of the authors are present. Thus, the value and integrity of the text as the product of a single author were not recognised; often the copyists made changes in the lyrics, which is characteristic of performative perception. One can observe daily literary predilections and the ways in which the original texts were disseminated in popular culture. Next to professional poetic works are the works of an imitative nature that nevertheless are also of interest. Naive and often lacking in terms

of poetic technique, these verses still help us to understand the poetic atmosphere at the beginning of the 19th century. We witness the creation of a new poetic language, which was initiated primarily by the young people of Russia in the provinces and capitals. Some of these songs were disseminated in the Alexandrovsky Lyceum during A. S. Pushkin's time there. The experience of love received new facets in these songs, anticipating the future poetic 'diamonds' of Russian love lyrics.

The collection illustrates the variety of states and feelings of a soul, revealing a multicoloured palette of emotion and human experience. It also clearly shows the strong patriotic prevalent in the post-war period. A combination of laughter and sorrow, love and separation, military battles and joyful peace make the collection a unique source for understanding the emotional and personal life of this era. The collection was most probably copied as a friendly pastime. These songs were performed to lift the spirit and improve the mood; they provided the words for expressing the most subtle feelings. They might have been sung at friendly feasts and parties or performed as a declaration of love to entertain and soothe away loneliness. While it remains difficult to identify the authors of the manuscript, the composition suggests that the collection was compiled either in military circles or by educated groups in the mining administration which took part in the war of 1812. The random placement of the texts and the absence of any internal classification (besides the alphabetical index) suggest that the anthology reflects the tastes and preferences of a group of friends. The songbook was likely meant for leisure time, where it would have given the company an opportunity to perform songs manifesting a wide spectre of emotions.

Such texts are a true jewel for all lovers of the Russian literary tradition. The collection might be of interest for researchers into Urals culture and for historians, philologists, folklorists, and others investigating the wider history of Russian culture and art. The collection can also serve as a brilliant illustration for school lessons on the history of patriotism, since they promote respect for most important aspect of the past: the human condition.

It is important to stress that the value of a handwritten collection does not consist merely in the uniqueness of the texts included, but also in the composition and relative positioning of texts. Composition undoubtedly communicates a certain mapping of the senses, so the coexistence of thematically diverse lyrical texts shows just how controversial emotional culture was and how it was potentially ready for a new phase of development in accordance with the European understanding of sentiment on the one hand and the state codes of the empire on the other. The collection seems to demonstrate the difficult formation of a new type of culture, where refined folklore, authored songs, and anonymous romances merged, complementing each other and melting together traditional motifs and feelings with modern sensuality and sense mapping. Many songs in the collection have descriptions of the various states of the human soul. While composing the manuscript, the copyists opted to combine traditional lyrical descriptions of feelings with emotions specific to sentimental-romantic poetics. Even if these new means of mapping feelings seem naive and blunt today, for the people of the time it constituted the discovery of novel facets of the sensory world that gave new colour to the evaluation of events and opened unprecedented prospects for developing relationships and their sophisticated verbalisation.

The songs from the manuscript collection are now being published for the first time; in the interest of the reader, we allowed ourselves to reformat their sequence and compile them into sections depending on their origin and the emotions involved. We were not striving for any general classification: the texts cannot be subjected to a single principle of systemisation, since they are as multifaceted as the feelings they manifest and provoke. Thus, the songs are grouped into sections combining themes and experiences; the genesis of each text is also taken into account. Anonymous songs and romances that could not be attributed are separated while larger blocks of love lyrics are placed together.

This publication reproduces the handwritten copy. The edition includes a complete palaeographic description of the manuscript for those interested in a deeper understanding of the original, including the sequence of the song material and proof for the dating. The edition provides insightful scholarly commentary, including information about the author (if known), reference to the first publication in a magazine or an anthology, appearances in published collections of folk lyrics from the 19th and 20th centuries, and important episodes in the piece's history. The appendices include a dictionary of old or obsolete words, as well as geographical and personal indexes. The publication is accompanied by an analytical article discussing the importance of this collection for the history of emotions in Russia. Unlike some previous publications which aimed to extract variants of the same song from different collections, by grouping them thematically this edition insists on representing the integrity of the collection: this is because we think that its main value lies as much in the diversity of topics and feelings available for the performer as in the songs' order and the interplay of themes. The interpretation of the order of songs that are often opposed in terms in their tone leads to a more adequate understanding of the diversity of public sentiments and emotional memory that the generation of 1814 sought to capture and preserve for active circulation.

^{польки}
Прокляты спойте мазеры
За чашу вы польгали мери
Вредные грады прилечи
И вотъ за то теперь нализ мери
Идсь всех разить гувить павать
Истачеть дивою умещивать

^{французы}
Съ поле мой и господини
Суйми твоей гневъ мери покини
Житю ай павдонъ пардонъ
Мою не тронь мери натронъ
И путь павать слу вл ответа
Житале павъ пощды не павъ

^{аргон француз}
Аи дай павать ж умираю
Последне воели возмущаю
О доверъ мой комратъ пустомъ ж
Мы скоро же уйдеть къ пардонъ ж
Ты виднеш мой неарстанъ спонтъ
Сей часъ умру пардонъ пардонъ ж

^{аргон павать}
Аи ж мери ты и путь дерзавъ
И путь еще ты раздражася
Ты зной павать ж ружа
Можь не сужеть грага
И вотъ спавать ж павать ж
Не доверъ знать нализ руски шивки

ПЕСНИ ВОИНСКИЕ И ПАТРИОТИЧЕСКИЕ

ПЕСНИ РУССКОЙ АРМИИ

*В бой пойдём мы: сто – со тьмою,
Силысяча ж – со светом всем!*

Не кокушичка в сыром бору куковала,
Не соловушка в зеленом саду громко свищет,
Доброй молодец во неволюшке сидя, плачет,
Обливается горячими слезами.
«Как берут меня доброво молотца в неволю,
Уж как вяжут доброму молотцу белы руки,
Что куют-куют добру молотцу скорыя ноги,
Везут-везут добра молотца во город,
Отдают там добраго молотца в царску службу,
Что во ту ли царску службу – во солдаты.
Уж никто по мне, по молодце, не потужит,
Только тужит одна матушка родная.
Молодая ли жена проклиная,
Красны девушки про молодца вспоминают,
Весь род-племя меня, молотца, провожают:
«Послужи там, доброй молодец, верой-правдой,
Положи за нас свою буйную головку».

(л. 54 об. – 55)

Воснная

Долго ли снежочкам
Во чистом поле лежать,
Долго ли солдатушкам
Горе горевать.
Оставим тоску-печаль
Во темных во лесах,
Станем привыкать
Ко турецким ко странам.
Забывай, солдатушки,
Отца, мать, жену,
Вспомните, служивыя,
Тесак, ружье, суму.
Плащ, кафтан с камзолом
Нам не надо скидавать,
Стоя в карауле,
Нам не надобно дремать.
С девками, с молодками,
Полно нам гулять,
Мягкия перинушки
Пора нам забывать.
Солдатцко житье, право,
Лучше всего,
Черт возьми того,
Кто не хвалит его!
Ходя наедемся,
Стоя выспимся,
Поутру слезами умываемся,
Утремся полой,
Богу помолимся:
«Дай, Боже, солдатушкам
Пожить да послужить,

На чужой сторонушке
Головки положить».
Есть у нас, братцы,
Мука и крупа,
Хлебов напечем,
Еще каши наварим.
Сложимся по денежке ,
Да купим мы винца,
Выпьем мы по чарочке,
Позавтракаем,
Выпьем по другой –
Разгуляемся,
Выпьем мы по третьей,
Сами песни запоем:
«Трах, трах, трах,
Тарарушечки!
Где наши девали
Прежни душечки,
Душечки,
Красны девушечки».

(л. 77)

Воснная

Уж как нуте, господа,
Споем песню про себя.
Мы не для ради себя –
Для пруссаго короля!
Мы во Пруссии стояли,
Много нужды принимали,
Мы под пруса подступали,
Много силы потеряли,
Разселились по горам,
Что по прусским лесам.
По нас пулечки летают,
А нам некуды уйти!
С дыму сердце нездорово,
С чаду – головы болят,
Лишь чуть видно
Нам насквозь:
Генерал годит в полку –
Курит трубку табаку
Он затем курит табак,
Что не надобно быть так.
А другой, как пень стоит,
Ничего не говорит,
Нас и в строй не становит
Нас и в строй не становит //
И палить нам не велит!
Да что возговорит наш батюшка
Тому имени здесь нет:
«Повернись, моя девизия,
Со леваго крыла,
Что со леваго крыла
Да на правое крыло!

Не пора ль нам начинать,
Свое дело окончать?»
Ой! Мы бились-рубилась
Четырнатцать часов.
Утешилася баталия,
Стали мертвых разбирать.
Нам сказал тута один,
Что генерал наш господин,
Он столует и пирует
Со прусским королем,
Проедает, пропивает
Он всю армию ему.

(л. 87–87 об.)

Истор. Вѣст. М. 1839. Маи 12. Убог. В. Жуков.

Храбрый Милордовъ Генералъ Маиоръ

Военная

Наши в поле не робеют,
Всякой хочет город взять.
По лесам рубить умеют,
И открытой путь занят.
В барабаны когда грянут,
У солдат кровь закипит,
Все готовы к бою стануть,
Всякий рад колоть, рубить!
Только нужно разъяриться
И под пушки подбежать,
Неприятель мест лишится,
Станем город отпирать.
Закричим: «Ура, ура, взяли!».
Потрясутся стены, вал,
Естьли бомбы метали,
Город наш бесспорно стал.
Пусть враги идут со тьмами,
Пусть все царства ополчат,
Но со всеми их толпами
Страха нам не приключат!
Сильной ополчен рукою,
Росс не двинется ничем,
В бой пойдем мы: сто – со тьмою,
Тысяча ж – со светом всем!

(л. 76 об.– 77)

Песня Военная

Малбрук в поход наш едет,
Конь был под ним игрен.
Когда же он приедет?
Авось, либо в Троицын день.
День Троицын проходит,
Малбрука не видать,
Известья не приходит,
Нельзя о нем узнать.
Жена узнать хотела,
Идет на башню вверх,
Пажа вдали узрела,
Кой в грусть ее поверг.
Он в черном одеянье,
На кляче подъезжал,
В великом он отчаянье
Одежду свою рвал.
Супруга вопрошала,
Что нового привез,
Сама вся трепетала,
Лия потоки слез.
«Скидай одежду алу
И не румянь лица,
Привез печаль немалу,
Оденься так, как я,
Драгой твой муж скончался,
Не зреть тебе его,
Беспомощен остался и я,
Лишась всего.
Я видел погребенье –
Последний ему долг,
В каком, ах, изумленьи

Тогда его был полк. //
Его тяжелу шпагу
Полковник сам тащил,
Майор – сапожну крагу,
За ним же поп кадил.
Два первых капитана
Несли его шишак,
Другие два болвана¹
Маршировали так.
Четыре офицера
Значки его несли,
Четыре гренадера
Коня его вели,
Гроб в яму опустили,
Все предались слезам,
Две ели посадили,
Могилы по бокам.
На ветке одной ели
Соловьечек свистал,
Попы же гимны пели,
А я, глядя, рыдал.
Тогда уж было поздно,
Все думали о сне,
Ложились, как возможно,
Чего ж зевать и мне?»

(л. 77 об.–78)

---

¹Испр., в рукописи: батушка.

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ ПЕСНИ И ПОБЕДНЫЕ ГИМНЫ

*Вера нам и верность съята,
Победим или умрем!*

Быльбая

При зачине каменной Москвы
Зачинался тут и Грозный царь,
Царь Иван, сударь Васильевич.

Он два царства покорил себе,
Астраханско[е] и Казанское.
Казань-город мимоходом взял,
Полонил царя с царицею.

Он измену вывел лютую,
Из Новаграда, изо Пскова.
И тут ли царь похваляться стал:

«Ах, когда бы мне изменушку
Истребить и в каменной Москве?»

Тут Малюта рек Скурлатович:
«Ой ты, гой-еси, великий царь!
Не выведешь ее до веку, //

Твой изменник супротив тебе –
Он пьет-ест с одного блюда,
Парчу носить с одного плеча!» –

– «Гой-еси, князья и бояре! –
Царь воскликнул громким голосом, –
Поведите¹ вы царевича
Во палату особую,

Вы стащите² золоту парчу
И наден[ь]те³ платье черное,
И свершите над ним
Смертну казнь!»

Все бояре ужаснулись,
Из палаты разбежались.
Большой прячется за малаго,
Остается лишь Малютка-враг.

Он берет млада царевича,
Совлекает золоту парчу,
Надевает платье черное,
На болото ведет житкое,
Чтоб исполнить над ним
Смертну казнь.

Весь народ божий волнуется –
Жаль ему млада царевича,
Лишь Никита наш Романович
Не вздыхает, не кручинится,
Он у друга на пиру сидит.

---

¹Испр., рукописи: поведити.

²Испр., рукописи: стащити.

³Испр., рукописи: наденти.

Скачет-скачет к ему верной раб,
Восклицает, запыхавшись:
«Ой ты, гой-еси, наш батюшка,
Никита, сударь, Романович!

Ты пьешь и ешь, прохлажаесси – //
И беды нашей не ведаешь!
Гаснет свеча воску ярова,
Не становится царевича».

Ужаснулся тут боярин наш,
Он, вскочив на лошадь рабскую,
Поскакал на место лобное,
Ухватил Малютку за ворот
И воскликнул гневным голосом:

«Не за свой ты кусок примаеся,
Етим ты куском подавися!»
А потом, взяв за белы руки
Неповиннаго царевича,
Увел его в свой красный терем.

Между тем, великий Грозный царь
Говорит своим бояревам:

«Гой-еси, князья-бояра,
Надевайте платье черное,
Собирайтесь ко заутрени
Слушать вместе со царем своим
Панихиду по царевиче.
После ж – все мне
Отвечать должны».

Задрожали все боярева,
Облеклись в платье черное
И явились ко заутрени
Слушать вместе со царем своим⁴
Панихиду по царевиче.
И со ужасом готовились
Ко тому ответу страшному.

А Никита наш Романович //
Пришел в церковь
Во цветном платье.
Он привел с собой царевича
И поставил позади дверей,
Дверей северных на крылечке.

Грозный царь ему возговорил:
«Ой ты, гой-еси, боярин мой!
Ты в глаза мне насмехатца стал,
Или ты того не ведаешь,
Что угасла свеча белая,

Что упала звезда ясная,
Что не стало, ах! царевича».
«Повели не панихиду петь,
А заздравное молебствие!»
И привел млада царевича.

Царь, возрадуясь, возговорил:
«Ой ты, гой-еси, боярин мой!
Чем скажи тебя пожаловать:
Золотом ли, казной моей
Или мне тебе полцарства дать?» —

---

⁴Испр., в рукописи: вашим

– «Не давай мне золотой казны, –
Говорит ему боярин наш, –
Ни полцарства мне не надобно!
Тол[ь]ко дай мне Скурлатова,
Повели ты мне казнить его!» –
– «Предаю тебе живот его, –
Грозный царь ему отвечает, –
И ты делай с ним, что вздумаешь!»

(л. 89–90 об.)

Голос фронтовой

Веселитесь, все наши солдаты,
Славой, честью своей,
Что мы страшны всем нашим злодеям,
Мы их рубим, жжем и бьем⁵.

Мы не трусим, хоть их числом и больше,
Только слушаем приказ,
Куда скажут наши командиры,
Мы туда идем и бьем.

Хотя храбро на нас наступают,
Мы встречаем их в штыки,
Бьем, разим, не портя свой порядок,
И кричим: «Ура, ура!».

Виват, мать наша Екатерина,
О победе все кричим,
Нас не держат крепки стены градски,
Мы и в них врагам отмстим.

Нам ни горы, моря, холмы, реки
Не препятствуют идти,
Наша храбрость всем землям известна,
По морям все знают, знают нас.

(л. 61 об. – 62)

---

⁵Испр., рукописи: в рукописи: повтор «и бьем».

Быльбая

Ты, злодей-злодей, ретиво сердце!
Ретиво⁶ сердце молодецкое,
К чему ты ныло-занывало,
Ты беду мне, молодцу, предвещало.

Предвещало ты, а не сказало,
Что быть ли мне, молодцу, во рекрутах
И в солдатах быть, и в походе,
Что под славным городом под Орешком,
По-нынешнему званию – Шлиссербургом.

Вес[ь]ма скоро шведы догадались,
Они ударили тотчас в барабаны.
Да что возговорит
Наш батюшка император:

«Ах вы, любимые мои генералы,
Вы придумайте мне думу, прегадайте,
Еще брат[ь] ли нам город Орешек,
Иль не лучше ли нам и от него отступить?»

Что возговорят все генералы:
«Ах ты, наш батюшка, государь-царь!
Еще сила нам будет нада,
Что не лучше ли нам отсюда отступить?»

Что возговорит надежда, государь-царь:
«Ах вы, детушки, мои солдаты!
Вы придумайте мне думушку, пригадайте,
Еще брать ли нам город Орешек?»

---

⁶Испр., в рукописи: ретево.

Что не яряя пчелы тут зашумели,
Что возговорят российскийя солдаты:
«Ах ты, наш батюшка, государь-царь!
Нам водою к нему плыть – не доплыти, //
Нам сухим путем итти – не досягнути,

А что брат[ь] ли, не брать белой грудью!»

Тронулося войско ко стене,
Полетели башни на берег,
Отворилися ворота: не проделаны,
А проломаны из пушек⁷ ядрами.

Победили силу шведскую
Полонили город надобной.

(л. 91 об. – 92)

---

⁷Испр., в рукописи: пушак.

Песня русских солдат перед сражением с французами в Италии во время войны 1799 года

Батюшка⁸ Никола с нами
И Суворов, друг его,
Павел – царь... Ура! Горами
Сплющим черта самого!

Целой свет на штык поднимем
А француз – лишь черту сват!
В ад его мы, в ад закинем,
Чтоб не стал бурлить опять.

Экой варвар: «Без управы,
Ладно жить!» – он говорит,
А безвинным – для забавы –
Головы везде пилит!

Скиптры королей ломает,
Веру ставит ни во что
И таку камедь играет,
Что не слыхивал никто!

Полно ж, полно упиваться
Кровью и слезьми людей,
Час пришел тебе квитаться,
Выставляй богатырей!

---

⁸Испр., в рукописи: повтор «и бьем».

Виват, русские солдаты!
Виват! время работать,
Из-над невския палаты
Царь изволит примечать, //

Храбрым скажет он: «Робята!
Вы, как надо, молотцы!
Здесь из лавра вам заплата,
В небе же из звезд венцы!

Марш вперед, вперед скорее!
Залп! поближе⁹ подлетев,
Вмиг в штыки, коли ловчее,
Нам музыка – пушек рев!

(л. 110–110 об.)

---

⁹Испр., в рукописи: поближе.

и красоте;
 и некою секретной блати,
 и каю любовью,
 и некою трагическою
 и каю нагала

Ж

Ждалъ насъ въ школитъ ты на свою поудку
 Ахъ нѣтъ, неудалось, глшишь подъ ташу дуку

Всю, всю всю всю,
 поспрашу дѣлая тѣшу;
 руку поспрашу,
 всю, всю, всю, всю,
 поспрашу поспрашу;
 руку поспрашу,
 всю, всю, всю, всю,
 маду Абсину доушину;
 руку поспрашу,
 всю, всю, всю, всю,
 маду Абсину доушину.

Военная

Нам нельзя того оставить,
Чтоб Румянцева не славить.
Граф Румянцев – наш отец,
Мы сплетем ему венец
Из своих, братцы, сердец!

Песню нову запоем,
Как мы в лагере живем,
Провиант мы получаем
И ни в чем нужды не знаем.

Близ Дуная мы стоим
И без страха говорим
В той надежде утвердимся,
Что мы турок не боимся.

Как Бендеры штурмом взяли,
Крым с покорностью отдали
Мы Фонтаны и Браил
Взяли так, как Измаил.
Букерест, Журка, Килия –
Там баталия была сильна.

Граф Румянцев, генерал,
По армии разъезжал,
Турок с шанцов выгонял,
Гренадерам подтверждал:

«Гренадеры: вы не бойтесь,
Поскорее фрунтом стройтесь,
Я велю вас подкрепить,
Залп из пушек метко выстрелить».

Канонеры, бомбандеры,
Знают разные примеры,
Когда время есть стрелять
И когда пообождать.

Все полковники в строю
Наблюдают честь свою,
Приказ главной исполняют,
Всем солдатам подтверждают:

«Вы, солдатики военны,
Значики на вас отменны,
Заслужили честь отмену
Удивили всю Вселенну!»

(л. 87)

[Г.Р. Державин]

Гром победы раздавайся,
Веселися, храбрый *росс*,
Звучной славой украшайся,
Магомета ты потрес!

Слав[ь]ся сим, Екатерина,
Славься нежная к нам мать!

Воды быстрые Дуная
Уж теперь в руках у нас.//
Храбрость россов почитая,
Тавр под нами и Кавказ!

Славься сим, Екатерина,
Славься нежная к нам мать!

Звук Измайла раздается
Здесь, в подсолнечной стране,
Зависть и вражда мятется
И терзается везде.

Славься сим, Екатерина,
Славься нежная к нам мать!

Мы ликуем славы звуки,
Чтоб злодеи могли зреть,
Что свои готовы руки
В край [в]селенныя простерть!
Славься сим, Екатерина,
Славься нежная к нам мать!

Зри, премудрая царица,
Зри, великая жена,
Что твой взгляд, твоя десница –
Нам закон, душа одна.

Славься сим, Екатерина,
Славься нежная к нам мать!

Уж не могут орды Крыма
Ныне рушить наш покой,
Гордость низится Зелима,
И бледнеет он с луной.//

Славься сим, Екатерина,
Славься нежная к нам мать!

Зри на блещущи соборы,
Зри на красной это строй,
Все сердца тобой и взоры
Оживляются одной!

Славься сим, Екатерина,
Славься нежная к нам мать!

Зри, царица, утешайся,
На побед твоих венец,
Зри, о, мать, и восхищайся
На любовь к тебе сердец!

Славься сим, Екатерина,
Славься нежная к нам мать!

(л. 60 об. – 61 об.)

[Ф. Н. Глинка]

Солдатская песня

Вспомним, братцы, россов славу
И пойдем врагов разить!
Защитим свою державу,
Лучше смерть, чем в рабстве жить.

Мы вперед, вперед, ребята,
С Богом, с верой, со штыком!
Вера нам и верность свята,
Победим или умрем!

Под смоленскими стенами,
Здесь, России у дверей,
Будем биться со врагами,
Не пропустим злых зверей!

Вот рыдают наши жены,
Девы, старцы вопиют,
Что злодеи разъяренны
Меч и пламень к ним несут.

Враг, строптивый, мечет громы,
Храмов божиих не щадит,
Топчет нивы, палит дома,
Змеем лютым в Русь летит!

Русь святую разоряет!
Нет уж сил владеть собой,
Бранный жар в крови пылает,
Сердце просится¹⁰ на бой!

Мы вперед, вперед, ребята,
С Богом, с верой, со штыком!
Вера нам и верность свята,
Победим или умрем!

(л. 112)

---

¹⁰Испр., в рукописи: : проситься.

[Сатира на войско Наполеона]

Не в чистом поле, не в пустой степи,
Не в темном лесу, не в сыром бору
Да не пташечки, не касаточки
Вкруг тепла гнезда увивалися,
А слеталися орлы северны
И садились вкруг каменной Москвы,
Вкруг сердечушка царства русаго.

Они думали крепку думушку,
Думу крепкую, пригорюнившись://

«Да когда ж было на святой Руси,
На святой Руси, в каменной Москве,
Храмы божие златоглавыя
Опустели все, службы нету в них.

Не видать в Москве силы руския,
В светлых теремах красных девушек,
Не ездят по Москве золотых карет,
Не слышать совсем шуму градсаго.

Только видно лишь красно зарево,
Тучи мрачныя дыму чернаго,
Только слышны там хрестовен (?), да треск,
Вздохи тяжкие, вопли смертныя».

Как возговорят могучи орлы:
«Не прогневался ль православной царь,
Не губит ли он каменну Москву?

Да не быть тому, не бывать вовек,
Чтобы батюшка¹¹, православной царь,
Так прогневался на детей своих.

И не слыхано, и не видано,
Чтобы кроткой царь крепко гневался,
Чтобы наш отец так карал детей!

Видно, матушку, каменну Москву,
Раззорил злодей, неприятель наш,
Неприятель наш, Бонапарт лихой.

Да и что ж ему сделал русской царь?
Никому наш царь не завидовал,
И на царства он не ходил войной,
Всех царей чужих он за братьев чтет,
Любит подданных, как отец детей.

Видно, варвару много надобно,
Видно, извергу не вместим весь свет,
Бога вышнего он совсем забыл,
Православным всем он присяжной враг.

Уж как слышно нам, Бонапарт-злодей
Не одних скворцов на Москву пустил,
А привел он с собой и гусей, и грачей,
И чижей, и синиц, воробьев, журавлей
И сорок, и ворон, коршунов и сычей,
Вислоухих сов и ночных филинов,
Да и тех дураков – полевых дудаков.

---

¹¹Испр., в рукописи: батюшка.

Так возможно ли могучим орлам,
Могучим орлам, орлам северным,
Таковую дрянь на себя пустить?»

Слово молвлено – дело сделано.

Не густой туман подымается,
Не черны тучи собираются,
Не леса шумят, не моря кипят –

Поднялись орлы, орлы северны
На безчисленны стада мелких птиц:
Где орел махнет – лежит стадо птиц,
А где два и три – там и сметы нет.

Как поднялся крик да от мелких птиц:
«Бонапарт-злодей ты, ушатой сыч!
Но меж орлов ты – летуча мышь,
Да зачем ты нас, мелких пташечек,
Ты завел в Москву, на святую Русь?»

Поднялися стада и грачей, и сорок,
Полетели стада, куда Бог унеси.
Неоглядно летят, темны ночи не спят,
Не садятся стада покормиться в лугах,
Меж собою стада перешептывают:

«Вот такая-то честь нам, незванным гостям,
Будь ты проклят от нас, враг, ощипанной сыч,
Не из рода орлов, корсиканский петух!

Осрамил ты нас всех, мелких птичек своих,
Разорил, поморил, побираться пустил.
Вперед, пеской ты сын, не обманешь уж нас!

Да и кто же видал, да и кто же слышал,
Чтоб ободранной сыч мог сравниться с орлом?
Орел – всем птицам царь, всему свету – судья,
А ощипанной сыч – всему свету смех».

(л. 59–60 об.)

Военная песнь на баталью при Кульме и Теплице

Несись повсюду, громка слава,
Дела героев возвещай!
Воскресли днесь Кагул, Полтава,
Сердца славян всех восхищай!

Победа новая свершилась,
Над галлом торжествует росс,
Безсмертьем гвардия покрылась
И Теплице стал ей колосс.

ХОР

Славься, воинство избранно,
Ты являешь нам спартан,
Кто украсил поле бранно?
Леонид наш Остерман! //

О! день, навеки незабвенный,
Когда свершен Теплицкой бой,
И враг, от гвардии сраженный,
Познал, каков героев строй.

Героев, севером рожденных
Коварство, гордость низлагать,
И Александром ополченных,
Чтоб мир Вселенной даровать!

ХОР

Славься гвардия геройством,
Честь Отечеству, хвала,
Ты чудесным духа свойством
Побеждать пример дала!

Не страшны вражеския силы
Прямым Отечества сынам,
Исчезли полчища Аттилы,
Восстал Всевышний в помощь нам!
Уже на Сейне развевают
Победны руски знамена,
Монарха кроткого встречают
С восторгом южны племена.

ХОР

Славься, ЦАРЬ наш несравненный,
ТЫ Отечества отец,
Мир¹² ТОБОЮ водворенный –
Дел великих есть венец!

Восстаньте Петр с Екатериной!
И ты Суворов, сын побед,
Возьмите свой полет орлиной
И обозрите целый свет.

Найдете ль подвиги подобны,
Что зделал ваш любимец росс,
Цари и царства им свободны,
К величью, славе он возрос!

ХОР

Славьтесь, россы знамениты,
Вы – единственной народ,
Ваши предки имениты –
От славян ведете род!

---

¹²Испр., в рукописи: мы.

МОЛИТВА

О Боже, сил и, Боже, славы,
К тебе взываем от сердец.
Смири, смири войны кровавы,
Ты наш заступник и отец.
Пошли в Россию дни златые,
Храни ты нашего ЦАРЯ,
Да чтим судьбы твои святыя,
К тебе любовью горя.

(л. 109 об. – 110)

[Ф. Н. Глинка]

Авангардная

На голос «Веселяся в чистом поле...»

Сочинена во время командования авангардом главной армии графом
Михайлом Андреевичем Милорадовичем
В Бунидаут марта 16-го 1813-го года.

Скоро зов услышим к бою
И пойдем опять вперед,
Милорадович с собою
Нас к победам поведет.

Над Дунайскими берегами
Слава дел его гремит,
Где ни встретится с врагами,
Вступит в бой, врагов разит.

Вязьма, Краской, Ней разбитый –
Будут век греметь у нас,
Лавром меч его обвитый
Букарест от бедствий спас.

Чтоб лететь в огни, в сраженье
И стяжать побед венец,
Дай одно лишь мановенье,
Вождь полков и вождь сердец!

Друг солдат, служить с тобою
Все желанием горят
И к трудам, готовым к бою,
Общим гласом говорят:

«Милорадович где с нами,
Лавр повсюду там цветет,
С верой, с ним и со штыками
Руской строй весь свет пройдет!»

(л. 112)

*Песня петербургских жителей на отъезд царицы-матушки
к царю, к батюшке¹³ декабря 19-го дня 1813-го года*

Понесися по поднебесью,
Птица милая, голубушка,
Что лети-лети, сизокрылая!

На сторонущку на далекую,
На далекую, иноземную,
Ко быстрой реке, прямо к Рейну.

У шатров белых, во чистом поле,
Где вокруг сады виноградные,
Там увидишь ты светла голубя,
Твоего друга ненагляднова.

Опустись к нему стрелой быстрою,
Обними его крылом ласково,
Проворкуй ему всю любовь свою,

Горесть скуки злой без него тебе,
А печаль-тоску без обоих вас,
Ретивым нашим лишь известную.

Донеси ему, что птенцы его
Уж другой годок сиротинами
Без родимаго живут батюшки,
А теперь еще и без матушки.
Вдвое тяжко нам
Сиротство сносить.

---

¹³Испр., в рукописи: батюшка.

Расскажи ему, что и солнца свет
Не таков у нас, как при нем бывал,
Что светел месяц, как-то невесел,
Звезды ясные что-то пасмурны, //
Ветры буйные лишь бушуют все,
Грустно в свете жить сиротинами!

Не утай пред ним, как и мы с тобой,
Растававшись, горько плакали,
Горько плакали, слово молвили:

«Ты лети с Богом, наша матушка,
Приведи с собой света-батюшку,
Не желаем мы и Вселенной всей,
Только б с нами был твой сердечной друг!
Нам отец родной, православный царь».

(л. 111 об.– 112)

ПЕСНИ О КАЗАКАХ

*Удалые молодцы,
Все донские казаки*

Быльбая

Ах, по морю,
Морю синему,
Что по синему морю
Каспийскому,
Что плавает-гуляет
Сокол-корабль.
Он уж плавает-гуляет равн[о]
Тридцать лет.
А на якорях сокол-корабль
Не стаивал,
У крутых зеленых берегов
Не бывавал,
Церквей и монастырей
Не видывал,
Колокол[ь]наго звону
Не слыхивал.
Хорошо, добре сокол-корабль
Украшен был,
Выгнут нос его с кормою
По-звериному,
А киль его зделан
По-змеиному.
Веял парус,
Как орлиное крыло,
Атаманом был на нем
Святогор-богатырь,

Есаулом¹ – Илья Муромец.
На нем шуба была
В пятьсот рублей,
На нем шапочка
Во сотинку,
А пуговики на шубе
Чиста золота.
По кораблику Муромец
Похаживает,
И он тросточкой по пуговкам
Поваживает.
Его пуговики
Разгремелися,
Все товарищи
Подымалися,
Наступили оне
На турецкой флот,
Агаряне их
Испужалися,
В сине море
Побросалися,
А богатство все оставили
На добычу
Добрым молодцам.

(л. 90 об.)

---

¹Испр., в рукописи : есаулолом.

Быльбая

Что пониже было города Саратова,
А повыше было города Царицына²
Протекала, пролегала
Мать-Камышенка-река.
Как с собой она вела
Круты красны берега,
Круты красны берега
И зеленяя луга,
Она устьем впадала
В Волгу-матушку-реку.
Что по той ли быстрине,
По Камышинке-реке,
Как плывут тут, выплывают,
Два снаряжены стружка.
Хорошо были стружки
Изукрашены³,
Они копиями знамен,
Будто лесом поросли!
На стружках сидят гребцы,
Удалые молодцы,
Удалыя молодцы,
Все донския козаки,
Да еще же гребенские,
Запорожския.
На них шапочки соболы,
Верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны,
Кумачом подложены.
Астраханские кумачи

---

²Испр., в рукописи: Саратова.

³Испр., в рукописи : изукрашеныны.

Полушелковые,
Пестряные рубашки –
С золотым голуном,
Что зелен сафьян сапожки,
Кривые каблучки,
И с заносами чулочки
Да все гарусные!
Они веслами гребут,
Сами песенки поют,
Они хвалят-величают
Православного царя,
Православного царя –
Императора Петра.

(л. 92–92 об.)

Простонародная

Не шуми мати, зеленая дубровушка,
Не мешай мне, доброму молотцу, думу думати
Что завтра мне, доброму молодцу, во допрос ийти
Пред грозного судью, самага царя.
Еще станет государь-царь меня спрашивати:
«Ты скажи-скажи, детинушка, крес[т]ьянской сын,
Уж как с кем ты воровал, с кем разбой держал,
Еще много ли с тобой было товарищей?»
Я скажу тебе, надежда, православной царь,
Все правду скажу тебе, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первой мой товарищ – темная ночь,
А второй мой товарищ – булатной нож,
А как третий товарищ – то мой доброй конь,
А четвертой мой товарищ – то тугой лук,
А разсыл[ь]щики мои – калены стрелы!
Что возговорит надежда-православной⁴ царь:
«Исполать тебе, детинушка, крестьянской сын,
Что умел ты воровать и умел ответ держать.
Я за то тебя, детинушка, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
То двумя ли столбами с перекладиной».

(л. 93)

---

⁴Испр., в рукописи: есаулолом.

Быльбая

Уж как вниз было
По матушке-Камышенке-реке,
Супротив то было
Устьица Самары-реки,
Что плывет тут легка
Лодочка-коломенка,
Что в той лодочке сидит
Млад посланник царев –
Карамышев князь
Семен Константинович.
Во левой руке держит
Государев указ,
А во правой руке
Держит саблю острую.
Что по крутому красну
Бережку,
Что по желтому сыпучему
Песочку,
Как ходили тут, гуляли
Удалые молодцы.
Добры молотцы гуляли –
Все донские козаки,
Что донския, гребенские,
Запорожские,
Еще славные козаки
Яицкие!
Они думали за едину⁵
Крепку⁶ думушку,
Что сказали все словечушко

---

⁵Испр., в рукописи: за едену.

⁶Испр., в рукописи: крeбкy.

Во единой глас.
Становили оне, братцы,
Пушку медную,
Закатили в нее ядрышко
Чугунное
И стреляли они
В лодочку-коломенку.
Никого-то они в лодочке
Не ранили,
Лишь убили одного
Царского посланника.

(л. 92 об.)

Звостонародная

Вниз по матушке, по Волге,
По широкому раздолью
Разыгралася погода.
Погодушка верховая,
Верховая, волновая.
Ничего в волнах не видно,
Одна лодочка чернеет,
На ней парусы белеют,
На гребцах шляпы чернеют,
Кушаки на них алеют.
На корме сидит хозяин,
Сам хозяин во наряде,
Во коришневом⁷ кафтане,
В черном бархатном картузе.
Как возговорил хозяин:
«Мы пригрянемте, ребята,
Вниз по матушке, по Волге,
По Аленену подворью,
По Ивановной здоровью».
Аленушка выходила,
Таки речи говорила:
«Не погневайся, пожалуй,
В чем ходила, в том и вышла,
В одной тонен[ь]кой рубашки
И в домашней телогрейки».

(л. 74–74 об.)

---

⁷Испр., в рукописи: коринешневом.

Ярославская

Ах, ты наш батюшка, Ярослав-город!
Ты хорош, пригож, на горе стоишь,
На горе стоишь, на всей красоте,
Промежду двух рек, промеж быстрых,
Промежду Волги реки, промеж Котрасли.
С луговой было со сторонюшки,
Протекала тут Волга-матушка,
Со нагорной со старонушки
Пробегала тут речка Котрасля.
Что сверху то было Волги-матушки,
Что плывет-гребет легка лодочка:
Хорошо-то была лодка изукрашена,
У ней нос, корма раззолочены,
Что разшита легка лодочка
На двенадцетеры веселочки.
На корме сидит атаман с ружьем,
На носу стоит есаул с багром, //
По краям лодки добры молодцы,
Посреди лодки красна девица,
Есаулова родна сестрица,
Атаманова полюбовница.
Она плачет – что река льется,
В возрыдании слово молвила:
«Нехорош-то мне сон привидился,
Уж как бы у меня, красной девицы,
На правой руке, на мизинчике
Распаялся мой золотой перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталась моя руса коса,
Выплеталась лента алая,
Лента алая, ярославская.

Атаману быть пойману,
Есаулу быть повешену,
Добрым молодцам⁸ – голова рубить,
Красной девице – во темнице быть».

(л. 63–63 об.)

---

⁸Испр., в рукописи: молодцом.

Темничная

Ах, талан ли мой, талан такой,
Или участь моя гор[ь]кая?
Ты звезда моя злощастная.
Высоко звезда восходила,
Выше светла млада месяца,
Что затмило солнце красное.
Ах, талан ли мой, талан такой,
Или участь моя гор[ь]кая?
На роду ли мне написано,
На делу ли мне досталось,
Что со младости до старости,
До седова белова волоса //
Во весь век мне горе мыкати,
Что до самой гробовой доски?
Во Азове, славном городе,
Во стене ли белокаменной,
Как была тут темна темница,
Без дверей и без окошек.
Ай! во той ли темной темнице
Что сидел тут доброй молодец,
Доброй молодец, донской козак
В заключенье ровно дватцать лет,
Ровно дватцать лет и два года.
Лучилось тут мимо ехати
Самому царю туретцкому,
Что султанскому величеству,
Что возговорит доброй молодец:
«Ай ты, гой-еси, туретцкой царь,
Ты султанское величество,
Прикажи меня поить-кормить!
Не прикажешь ты поить-кормить,

Прикажи меня скорей казнить!
Не прикажешь ты меня казнить,
Прикажи на волю выпустить!
Не прикажешь ты вон выпустить,
Напишу я вскоре грамотку –
Не пером и не чернилами,
А своими горячими слезми
Ко товарищам, на тихой Дон.
Славной тихой Дон взволнуется,
Весь казачий круг взбунтуется,
Разобьют силу туретцкую
И тебя, царя, в полон воз[ь]мут!
Ай, что возговорит туретцкий царь,
Что султанское величество
Ко своим ко фельдмаршалам:
«Выпускайте добра молодца,
Козака донска удалова
Во его ли землю рускую,
Ко его да царю белому».

(л. 93–93 об.)

Воснная

Сказать ли вам, братцы, про диковинку
Про вернаго слугу Краснощекова⁹,
От чего скоро ему смерть случилася?
Случилася ему скоро смерть от изменщика,
Поймали же¹⁰ Краснощекова на черной грязи.
Он слезал, Краснощеков, с добра коня,
Вынимал Краснощеков саблю острую,
Он срубил со добра коня буйну голову,
Он срубивши голову говорил ему:
«Не доставайся ты, мой доброй конь, злу татарину!»
Уж как взяли Краснощекова за белы руки,
Повели же Краснощекова к хану крымскому,
Уж как стали же Краснощекова крепко спрашивати:
«Ты скажи, скажи, Краснощеков, правду-истину,
Еще много ли у вас силы с фел[ь]дмаршалом?»
«С фел[ь]дмаршалом у нас силы сметы нет!»
«Еще много ли у вас силы с Краснощековым?»
«С Краснощековым у нас что цветов в поле!»
«Послужи же ты нам, Краснощеков верой-правдой!»
Как возговорил Краснощеков злым татаревам:
«Послужу я вам, друзья, моей¹¹ саблей острую,
Посеку ей ваши буйны головы!»
Тут неверные озлобились,
Они стали над Краснощековым ругатися,
Они разными муками его мучали,
А правды от него не вывели
Хоть с живаго с него кожу содрали,
Да души его не вынули.

(л. 91)

---

⁹Испр., в рукописи: Краснощюкова.

¹⁰Испр., в рукописи: жа.

¹¹Испр., в рукописи: мои.

Народные плясовые и комические песни

ПЕСНИ ХОРОВОДНЫЕ

«Не дремала б, не спала, к себе милого все ждала»

Хожу я по улицы, да не нахожуся,
Гляжу-гляжу на милова, да не нагляжуся.
То-то люли, то-то люли,
То-то люлюшинки мои!
Свети, светел месяц высоко, не низко¹,
Не далеко, близко²: во все чисто поле!
То-то люли, то-то люли,
То-то люлюшинки мои!
Как там в чистом поле
Девка просу полет,
Белы руки колет.
Жаль красной девицы,
Снял бы рукавицы,
Подарил бы девицы,
Чтоб просу полола,
А рук не колола.
Красна девица хороша,
Взял бы, взял бы за себя.
Пошлю я к ней свата
За себя посватать:
Поп-то не венчает –
За сыночка чает.
Да и дьякон говорит,
Что ж за сына ж наровит.
Дьячок тоже служит –
По девушке тужит,
Пономарь горюет –

---

¹Испр., в рукописи: ниско.

²Испр., в рукописи: блиско.

Сам девушку любит.
Поедемте, братцы,
В лесок за охотой,
Наловимте, братцы,
Зверков разных много:
Попу-то куницу,
Дьякону – лисицу,
А дьячку-то³ бедняку – белу горностайку,
Пономарю-то⁴ горюну⁵ хоть серава зайку,
Просвирне горюше хоть заячьи⁶ уши.
Чтоб они мне не мешали,
С девкой обвенчали!
То-то люли, то-то люли,
То-то люлюшинки мои!

(л.6–6 об.)

---

³Испр., в рукописи: дъечку-ту.

⁴Испр., в рукописи: пономару-ту.

⁵Испр., в рукописи: горуну.

⁶Испр., в рукописи: заичьи.

Льостонародная

Как ходил-гулял Ванюша
Вдоль по улице,
Вдоль по улице.
На Паранино окошко,
На Паранино окошко
Часто взглядывал:
Ах, ты спишь, не спишь, Параня,
Или так лежишь,
Или так лежишь?»
Я не сплю-не сплю, Ванюша,
Я не сплю-не сплю, Ванюша –
Думу думаю,
Думу думаю.
Научить ли те, Ванюша,
Научить ли те, Ванюша,
Как ко мне ходить,
Как ко мне ходить?
Ты не днем, Ваня, ходи,
Ты не днем, Ваня, ходи –
Ходи вечером,
Ходи вечером!
Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи –
Переулочком,
Переулочком.
Ты не голосом кричи,
Ты не голосом кричи –
Соловьем свищи,
Соловьем свищи!
Чтобы я, красна девица,
Чтобы я, красна девица,

Догадалася,
Догадалася.
Со беседушки⁷ домой,
Со беседушки домой
Собиралася,
Собиралася.
Ах, я батюшке скажу,
Ах, я батюшке скажу:
«Голова болит!
Голова болит!»
Родной матушке⁸ скажу,
Родной матушке скажу,
Что я вся бол[ь]на,
Что я вся бол[ь]на.
Ко милу другу пойду,
Ко милу другу пойду
Здоровешенька⁹,
Здоровешенька!
От мила друга пойду,
От мила друга пойду
Веселешенька¹⁰,
Веселешенька!

(л. 107 об.)

---

⁷Испр., в рукописи: биседушки.

⁸Испр., в рукописи: матушки.

⁹Испр., в рукописи: здоровешинка.

¹⁰Испр., в рукописи: веселешинка.

Зростонародная

Вдоль по улице молодчик,
Вдоль по улице голубчик
Часто похаживал.
На Паранино окошко,
На Паранино окошко
Часто взглядывал.
«Ах, ты спишь, душа, Параша,
Ах, ты спишь, душа, Параша,
Или так лежишь?», –
«Я не сплю, не сплю, молодчик,
Я не сплю, не сплю, голубчик,
Я все так лежу,
Я тебя, моя надежа,
Я тебя, мой друг любезной,
Все в уме держу.
На уме держу, красавец,
На уме держу, мой милой,
В крепком разуме.
Научить ли те, молодчик,
Научить ли те, красавец,
Как ко мне ходить?
Ты не улицей ходи,
Ты не улицей ходи –
Переулками.
Не дорогой, друг, ходи,
Не тропинкой проходи –
Огородами.
Не ступенями ступай,
Не шагами ты гуляй –
Соколом летай!
Ты не речью говори,

Не словами знать давай –
Соловьем свищи.
Чтобы я, красна девица,
Лишь одна твоя милая
Догадалася,
Из беседушки¹¹ домой,
Из девичьей ко двору
Подымалася.
Я подружненькам скажу,
Я голубочкам скажу:
«Голова болит».
Родной матушке скажу,
Государыне скажу:
«Животом скорбна».
И я батюшке¹² скажу,
Государю доложу:
«И я вся больна».
Ко милу другу приду,
Ко сердечному приду
Здоровешенька,
От мила друга пойду,
От надежи я пойду
Веселешенька.

---

¹¹Испр., в рукописи: беседошки

¹²Испр., в рукописи: батюшке.

Цыганская

Улица, улица, моя трава-мурава зеленая!
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава¹³, зеленинькая.
По улице молодец идет, вдоль по широкой, удалинькой.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
На молодце¹⁴ смур кафтан¹⁵ и поясочка шелковая.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Рукавички¹⁶ барановья, а сапожки сафьяновья.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
На нем шапочка бархатная, околышек черна соболя,
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Под полой несет дуду-загулу, под другой несет гусельцы.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Как струна загула, загула а другая выговаривала.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Пора молодцу жениться, холостому пора свататься.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Стару бабу за себя ему взять, стару бабу на печи в углу держать.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.

¹³Испр., в рукописи: мурова.

¹⁴Испр., в рукописи: молотце.

¹⁵Испр., в рукописи: кавтан.

¹⁶Испр., в рукописи: руковички.

Старой бабе калачи покупать, стару бабу киселем кормить.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Стару бабу киселем кормить, молоком бабу подпаивати.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Как бы бабе калача да калача, с того баба горяча, горяча.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Кабы бабе киселя да киселя, с того баба весела да весела.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Кабы бабе молока да молока, с того баба молода да молода.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Кабы бабе сапоги да сапоги, ударила б в три ноги да в три ноги.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Затянула б баба песенку тонким, звонким своим голосом:
«Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая!
Сын на матери снопы возил, молода жена в пристяжке¹⁷ была.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Стару матушку пристегивал, молоду жену придерживал.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
«Ну, ну, ну, стара матушка! Пстой, мила молода моя жена!»
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Ты любимая моя песенка, я любила тебя в девках петь!

---

¹⁷Испр., в рукописи: пристяшке.

Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая..
Я люблю, и замуж вышедши, у милова воочью¹⁸ будучи.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Ах, беда, ах, беда, ах, беда моя немалинькая!
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Что зовут меня не девушкой, не девушкой и не молодухой.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Я со вечера девушка, со полуночи молодуха.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
По белу свету хозяйшка, через сорок недель матушка.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Ах, деверь, деверинушка, а где наша животинушка?
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Коровушки во дубровушке, лошабочки¹⁹ на площадушке.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
Овечушки подле речушки, а свинушки во долинушке.
Ой, жги, ой, жги, говори,
Трава-мурава, зеленинькая.
А свинушки во долинушке».

(л.82–82 об.)

---

¹⁸Испр., в рукописи: во очью.

¹⁹Испр., в рукописи: лащадочки.

Цыганская

Ты отеческая дочь!
Не ходи гулять в полночь,
Не ходи гулять в полночь,
Мимо моего двора
Не прокладывай следа.
В нову зелену саду
Есть у моего двора
Приукатана гора,
Приукатана, углажена,
Водою улита,
Водою улита,
Каблучками убита.
Лишь я скок на следок,
Окаянный башмачок²⁰,
Поскользнулся каблучок²¹,
Я упала на бочок²²!
Не слыхала, как упала,
Погляжу, млада, лежу,
Погляжу, млада, лежу
Я на правом на боку –
Обмираю со смеху!
И я глядь-поглядь:
Меня некому поднять!
Из гостинова двора
Шел детина молодой,
Шел детина молодой,
Неженатой, холостой.
Я не знаю как назвать,

---

²⁰Испр., в рукописи: башмачек.

²¹Испр., в рукописи: каблучек.

²²Испр., в рукописи: бочек.

Поучилась солгать
Его душен[ь]кой назвать:
«Душа моя, душенька!
Подними, радость, меня!»
«Уж я рад бы поднять,
Со стороны люди глядят²³,
Со стороны люди глядят –
Поймать меня хотят,
Поймать меня хотят,
Ручки ножен[ь]ки сковать,
Ручки ножен[ь]ки сковать
И в солдатушки²⁴ отдать,
Батюшке не сказать.

(л.107–107 об.)

---

²³Испр., в рукописи: гледят.

²⁴Испр., в рукописи: салдатушки.

Простонародная

Как по речке, как по быстрой
Сизой селезень²⁵ плывет,
Сизой селезень плывет.
По бережку, по крутому
Добрый молодец идет,
Добрый молодец идет.
Чешет кудри, чешет черны
Частым рыбьим гребешком,
Частым рыбьим гребешком
Сам со кудрями, сам со черными
Разговаривает,
Разговаривает:
«Кому, мои кудри, кому, мои черны,
Вы достанетесь чесать,
Вы достанетесь чесать?»
Доставались кудри, доставались черны
Старой бабе чесать,
Старой бабе чесать.
Она не умеет, она не горазда
Черны кудри чесать,
Черны кудри чесать.
Как по речке, как по быстрой
Сизой селезень плывет,
Сизой селезень плывет.
По бережку²⁶, по крутому
Доброй молодец идет,
Доброй молодец идет.
Чешет кудри, чешет черны

---

²⁵Испр., в рукописи: зелезень.

²⁶Испр., в рукописи: берешку.

Частым рыбьим гребешком,
Частым рыбьим гребешком.
Сам со кудрями, сам со черными
Разговаривает,
Разговаривает:
«Кому, мои кудри, кому, мои черны,
Вы достанетесь чесать,
Вы достанетесь чесать?»
Доставались кудри, доставались черны
Красной девице чесать:
Она-то умеет, она ведь²⁷ горазда
Черные кудри чесать.

(л.95)

---

²⁷Испр., в рукописи: вить.

Простонародная

И я селезня любила,
Я касатова хвалила,
Я кафтан ему купила.
Люли-люли селезень,
Люли-люли молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
В кафтане селезень.
И я селезня любила,
Я касатова любила,
Я камзол ему купила.
Люли-люли селезень,
Люли-люли молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
В кафтане²⁸ селезень,
В камзоле селезень²⁹.
И я селезня любила,
Я касатова любила,
Я штаны ему купила.
Люли-люли селезень,
Люли-люли молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
В кафтане селезень,
В камзоле селезень,
В черных бархатных штанах.
И я селезня любила,
Я касатова любила,

---

²⁸Испр., в рукописи: кавтане.

²⁹Испр., в рукописи: зелезень.

Я чулки³⁰ ему купила.
Люли-люли селезень,
Люли-люли молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
В кафтане селезень,
В камзоле селезень,
В черных бархатных штанах,
В белых шелковых чулках.
И я селезня любила,
Я касатова любила,
Башмачки ему купила.
Люли-люли селезень,
Люли-люли молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
В кафтане селезень,
В камзоле селезень,
В черных бархатных штанах,
В белых шелковых чулках,
В сафьянных башмаках.
И я селезня любила я,
Я касатова любила,
Пряжечки³¹ ему купила.
Люли-люли селезень,
Люли-люли молодой!
Чернобровой селезень,
Черноглазой селезень,
В кафтане селезень,
В камзоле селезень,
В черных бархатных штанах,

---

³⁰Испр., в рукописи: чулки.

³¹Испр., в рукописи: пряжычки.

В белых шелковых чулках,
В сафьянных башмаках,
Пряжки с искорками –
Вон повыскакали!

(л.69 об.-70)

и красоте;
и красоте я псалм любил,
како коря,
не оми.

погружену, влю, влю,
погружену потадрману,
влю, влю, влю, влю,
младу влюблену доумену,
влюблену доумену.

Барыня-барыня,
Сударыня-барыня!

Приехала барыня
Из деревни в Москву.

Барыня-барыня,
Сударыня-барыня!

Становилась барыня
Во палатах каменных.

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!]³²

Мимо тех ли ведь палат
Шла дорожка³³ широка;

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!]

А по той ли по дорожке
Офицер часто ходил;

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!]

Офицер часто ходил,
На окошечко смотрел.

---

³²Здесь и далее: в ркп. писец указывает «и прочее», не приводя текста.

³³Испр., в ркп.: дорошка.

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!]

У барыни, барыни,
Глаза разгорелися,

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!]

Глаза разгорелися,
Вся кровь воскипелася!

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!] //

«Офицерик молодой!
Побывай, душа, ко мне!

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!]

У барыни, барыни,
Офицерик побывал,

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!]

У барыни побывал,
С нею время препровел,

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!]

Чаем, кофею поила,
В уста его целовала.

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!]

К нежну сердцу прижимала,
Таки речи говорила,

Барыня-[барыня,
Сударыня-барыня!]

«Я щастлива бы была,
Если б век с тобой жила!»

Барыня-барыня,
Дударыня-барыня!

(л. 15)

Ах, сени мои, сени,
Сени новья мои!

Ах, знать мне по вас, сени,
Не хаживати!
Мне мила дружка
За рученьку не важивати!

Выходила молода
За новья ворота,
За новья, кленовые
За решетчатя!

Выпускала сокола
Из правова рукава:
«Полети ты, мой сокол,
Высоко и далеко!
И высоко, и далеко,
На родиму сторону!

На родимой на стороншке
Сударь-батюшка живет.
Он грозен, сударь,
Грозен и немилостив!

Не велит он мне,
Младешеньке,
На улицу ходить,
На улицу ходить,
С молодцами говорить.

Я не слушаю отца,
А потешу молодца!
Я за то его потешу,
Что один сын у отца.
Зовут Ванюшкою,
Пивоварушкою!

Пивовар пиво варил,
Молодой вино курил,
Он к себе-то на поварню
Красных девушек манил:

«Вы пожалуйста³⁴, девицы,
На поварню, на мою!
На моей ли пивоварне
Пиво пьяно сварено,
Пиво пьяно на ходу
И на сладком на меду!»

(л. 11 об.)

---

³⁴Испр., в ркп.: пожалуйста.

Ах по мосту, мосту, по калинову!
Что шел-прошел детинка³⁵, удалой молодец,
Голубой на нем кафтан³⁶, фалды машутся
И грезетовой³⁷ камзольчик раздувается,
Миткалинна рубашичка белеется,
На шейке-то платок, будто³⁸ алый цветок!
Во кармане³⁹-то другой, итальянской голубой,
Во правой во руке трость серебряная⁴⁰,
Во тросточке ленточка пукетовая.
Он тросточкой подпирается,
Сам пукетовой лентой похваляется:
«То-то лента, то-то лента, то-то ленточка ала!
То-то ленточка ала, мне сударушка дала,
Что сударушка дала и пожаловала.
Пойду-выйду на крыльцо,
Вижу лапушку в лицо,
Перед молодцем⁴¹ девица, призадумавшись, стоит,
Призадумавшись, стоит, сама речь говорит:
«Полюби школьну, матерню, коли я не мила!»
Ах! ты, голубушка, высушила,
Ты вынула рюмянец из белова лица,
Из белова лица у дородна молодца.
Ах! Школьная, матерная сударушка моя!
Как увидела его мать родная из окна,
Из того ли из окна, из косящетова!
«Ах, сын ли мой, сыночик! Тебе полно, сын дурить,

---

³⁵Испр., в рукописи: детинька.

³⁶Испр., в рукописи: ковтан.

³⁷Испр., в рукописи: гризетовой.

³⁸Испр., в рукописи: быть-то.

³⁹Испр., в рукописи: кармане.

⁴⁰Испр., в рукописи: серебрянная.

⁴¹Испр., в рукописи: молотцем.

За охотою ходить, черных соболей ловить,
Черных соболей ловить, красных девушек дарить».
«Ах, мать, моя мать! Тебе меня не унять!
За охотою ходить, черных соболей ловить,
Черных соболей ловить, красных девушек дарить».

(л.13–13 об.)

Театральная

Ах, по мосту, мосту, по калиновому мосту,
Ах, шел тута детина, удалой молодец,
Голубой на нем кафтан⁴², фалды машутся,
А грезетовый камзол⁴³ раздувается,
Миткал[ь]ная рубашичка белеется,
На шейке⁴⁴ платочек, будто аленький⁴⁵ цветочек,
Во кармане-то другой [и]тальянской, голубой,
Во правой руке тросточка камышовая⁴⁶,
Во тросточке ленточка пукетовая,
Он тросточкой подпирается,
Сам пукетовой лентой похваляется:
«То-то лента, то-то лента, то-то ленточка!
Ах, эту мне ленточку сударыня дала,
Что сударыня и пожаловала,
Когда выйду на крыльцо, вижу лапушку в лицо,
Перед молодцем⁴⁷ девица, призадумавшись, стоит,
Призадумавшись, стоит, сама речь говорит:
«Полюби школ[ь]ну манеру, коли я те не мила».
Ах, ты меня, голубушка, высушила,
Что ты выняла румянец из белова лица,
Ты из белова лица у дородна молодца».
Как увидела его родна матушка в окно,
Из тово ли из окна, из косящетова..
«Ах, сын мой, сын, чадо милое мое!
Тебе полно сын дурити, за охотою ходити,

---

⁴²Испр., в рукописи: кавтан.

⁴³Испр., в рукописи: комзол.

⁴⁴Испр., в рукописи: шейки.

⁴⁵Испр., в рукописи: алинкой.

⁴⁶Испр., в рукописи: камышевая.

⁴⁷Испр., в рукописи: молотцом.

За охотою ходить, черных соболей ловить,
Черных соболей ловить, красных девушек дарить».
«Ах, мать, моя мать, тебе меня не унять!
Тебя меня не унять, за охотою ходить,
Черных соболей ловить, красных девушек дарить».

(л. 64–64 об.)

Льостонародная

У ворот девка стояла,
Рукавом девка махала,
Охо-хо да охти мне!
Рукавом девка махала,
К себе милова ждала,
Охо-хо да охти мне!
Непростаго, холостаго
Офицера молодого,
Охо-хо да охти мне!
Офицера молодого,
Что майора полеваго,
Охо-хо да охти мне!
Майор по торгу гуляет,
Майор пороху закупает,
Охо-хо да охти мне!
Майор порох закупал,
Пистолеты заряжал,
За Неву-реку стрелял,
Охо-хо да охти мне!
За Невою, за рекою
Что живет бобыль-мужик,
Охо-хо да охти мне!
У того ли бобыля
Ни скота нет, ни двора,
Охо-хо да охти мне!
Ни скота нет, ни двора,
Ни кола, ни живота,
Охо-хо да охти мне!
Один серенькой коток,
На нем аленькой платок,
Охо-хо да охти мне!

Как повадился коток
Во слободку на краек,
Охо-хо да охти мне!
Во слободку на краек,
Что во новый во дворок,
Охо-хо да охти мне!
Ко барыне, ко вдове,
Ко сержан[т]ской жене!
Охо-хо да охти мне!
Как увидели кота
Два сержанта из окна,
Охо-хо да охти мне!
Они хлопнули окном,
Побежали за котом,
Охо-хо да охти мне!
«Тебе полно, кот, ходить,
Полно, серенькой, дурить,
Охо-хо да охти мне!
Потерять тебе, коток,
С шейки аленькой платок,
Охо-хо да охти мне!»
«Стану больше ходить,
Стану больше я дурить,
Охо-хо да охти мне!»
Очутился не коток,
Очутился мой дружок,
Охо-хо да охти мне!
Очутился⁴⁸ мой милый,
Ты, майор молодой,
Охо-хо да охти мне!

(л. 109)

---

⁴⁸Испр., в рукописи: очутился.

Льостонародная

При долинушке стояла, калину ломала,
Я калинушку ломала, в пучочки вязала,
Я в пучочки вязала, в дорожку бросала,
Я в дороженьку бросала, друга возвращала⁴⁹.
Воротись, моя надежда, воротися, сердце,
Не вороти[шь]ся, надежда, хотя оглянися,
Не оглянется надежда, махнет черной шляпой!
Загадаю я загадку, изволь отгадати:
С чего⁵⁰ кудри завивались, с чего развивались?
Со радости кудри вьются, с печали⁵¹ секутся.
Издалече⁵² из Украины едет молодой школьник,
Он на вороном на коне, в немецком⁵³ уборе,
На школьничке рубашечка тонка, полотняна,
Не мать ему ее шила, не сестра дарила,
Ему шила, подарила купеческа дочка.
Его матушка журила, не худу учила:
«Ах, ты сын ли, мой сыночик, ясный соколочик,
Тебе полно, сын, ходити к купеческой дочке,
Тебе полно, сын, любити купеческу дочку,
Изведет тебя, сыночка, купеческа дочка,
Велю, велю тебя поймати, велю приковати,
Велю, велю приковати к каменной палате!»,—
«Не куй, не куй меня, мати, к каменной палате,
Прикуй, прикуй меня, мати, к девичьей кровати.
Я у девичьей кровати рад год годовати,
Рад хоть годик годовати и век вековати,

⁴⁹Испр., в рукописи: возвращала.

⁵⁰Испр., в рукописи: чевю.

⁵¹Испр., в рукописи: печяли.

⁵²Испр., в рукописи: издалеча.

⁵³Испр., в рукописи: немецком.

У девушек вечеринка всегда веселенька,
Девки скачут, красны пляшут, всегда веселятся,
А я со горя, с кручины на кроватку лягу,
Со великия печали девку поцелую
И к отраде моей грусти прижму ко сердечку».

(л. 63–63 об.)

Выйду ль я на речиньку,
Посмотрю на быструю,
Не увижу ль милова,
Сердечнова своево?
Как сказали про милова,
Мил не жив, не здоров,
Милой без вести пропал...
А нынеча⁵⁴ мой милый
Вдоль по улице прошел,
Звонко – громко просвистал,
На окошко не взирал.
На окошке есть приметка –
Винограду висит ветка,
Виноград тот не дозрел,
Друг сердечной подоспел.
Мы сойдемся, поклонимся,
Разойдемся и простимся.
«Ты прости, прости, милая,
Прости, радость, дорогая!
Ты скажи, скажи, милая,
С коих пор любишь меня?», –
«Я с той поры люблю,
Как гуляла во саду,
Где два яблочка сорвали,
Два наливчатых.
Мы на блюдечко клали,
На серебряное⁵⁵.
К тебе, милой мой, пошли
Во высокий во терем.
Я там яблочко вкусила,
Свою честность погубила,
Тебя, милой, полюбила».

(л. 9–9 об.)

---

⁵⁴Испр., в рукописи: нынеча.

⁵⁵Испр., в рукописи: серебрянное.

Иностранная

Возле речки, возле мосту,
Возле речки, возле мосту
Трава росла⁵⁶,
Трава росла шелковая,
Шелковая, муравая, зеленая.
И я в три косы косила,
И я в три косы косила ради гостя,
Ради гостя, ради друга,
Ради гостя, ради друга дорогова.
Слышит, чует мое сердце ретивое,
Что задумал моя радость,
Что задумал моя радость,
Друг жениться.
Он не хочет со мной, бедной,
Он не хочет со мной, бедною, проститься.
«Как поедешь, моя радость,
Как поедешь, моя радость, друг, жениться,
Заезжай ко мне, девице,
Заезжай ко мне, девице, друг, проститься.
Неравно, моя надежда,
Неравно, моя надежда, что случится,
Через реченьку поедешь,
Через реченьку поедешь, друг, утонешь,
Через быстру понесешься,
Через быстру понесешься, захлебнешься⁵⁷,
Про меня, красну девицу,
Про меня, красну девицу, вспомянешь.
Какова-то я младенька,
Какова-то я младенька, младешинька бывала,

---

⁵⁶Испр., в рукописи: расла

⁵⁷Испр., в рукописи: захлебнесся

Поутру, раным-раненько,
Поутру, раным-ранешинько вставала.
На босу ножку⁵⁸ башмачки,
На босу ножку башмачки надевала,
А на плечики салопчик⁵⁹,
А на плечики салопчик накидала,
На головушку платочик,
На головушку платочик повязала,
Встретить гостя дорогова,
Встретить гостя дорогова поспешала.

(л. 68 об. – 69 об.)

---

⁵⁸Испр., в рукописи: ношку.

⁵⁹Испр., в рукописи: салобчик.

Веселая

Во лужах, во лужах,
Таки во лужах, зеленых лужах,
Зеленых лужах
Выросла, выросла,
Выросла трава шелковая,
Трава шелковая.
Расцвели⁶⁰, расцвели
Расцвели цветы лазоревыя,
Цветы лазоревыя.
В той траве, в той траве
И я в той траве выкормлю коня,
Выкормлю коня.
Выкормлю, выкормлю
И я выкормлю, выглажу его,
Выглажу его.
Подведу, подведу,
Подведу я коня к батюшке⁶¹,
К батюшке,
«Батюшка, батюшка,
Уж ты, батюшка родимой мой,
Родимой мой,
Ты прими, ты прими,
Ты прими слово ласковое,
Слово ласковое!
Полюби, полюби,
Полюби слово приветливое,
Слово приветливое!
Не давай, не давай,
Не давай меня за старого замуж,

---

⁶⁰Испр., в рукописи: разцвели.

⁶¹Испр., в рукописи: батюшке.

За старова замуж,
Стараго, стараго.
Я и старова на смерть не люблю,
На смерть не люблю!
С старым, с старым,
Я со старым гулять не пойду,
Гулять не пойду».

*(Потом должно начинать опять,
сначала уж к матушке и остановась на месте:
Полуби слово приветливое)*

«Ты отдай, ты отдай,
Ты отдай меня за ровнушку,
За ровнушку,
Ровнушку, ровнушку
И я ровнушку душой люблю,
Душой люблю.
С ровнушкой, с ровнушкой
И я с ровнушкой гулять пойду,
Гулять пойду».

(л. 86 об. – 87)

Цростонародная

Из-под дуба, из-под вяза,
Из-под вязава коренья,
Ой, калина, ой, малина!
Там девушки цветы рвут,
Молодчикам венки вьют.
Ой, калина, ой, малина!
Из-под вязава коренья
Бежит зайко-горностайко, //
Ой, калина, ой, малина!
Бежит зайко-горностайко,
В зубах несет везеницу,
Ой, калина, ой, малина!
В зубах несет везеницу,
Небылую небылицу,
Ой, калина, ой, малина!
Небылую небылицу
Про душу, красну девицу,
Ой, калина, ой, малина!
Про душу, красну девицу,
Про любимую сестрицу,
Ой, калина, ой, малина!
Девка, стоя на плату,
Мыла шелкову фату,
Ой, калина, ой, малина!
Мыла, мыла, колотила,
Фату в воду опустила,
Ой, калина, ой, малина!
Фату в воду опустила,
За фатой в воду скочила,
Ой, калина, ой, малина!
За фатой в воду скочила,

Башма[ч]ки обронила,
Ой, калина, ой, малина!
Башмачки обронила
И чулочки обмочила,
Ой, калина, ой, малина!
«Мне не жаль вить башмачков,
А жаль шелковых чулок,
Ой, калина, ой, малина!
Мне ли эти башмачки
Сударь-батюшка⁶² купил,

(л. 97–97 об.)

---

⁶²Испр., в рукописи: батюшка.

Цыганская

Пошли наши подружки⁶³
В лес по ягоды гулять,
Вею-вею-вею, вью!
В лес по ягоды гулять.
По черную по чернику,
По красную землянику
Вею-вею-вею, вью!
По красную землянику.
Оне ягод не брали,
Подружку потеряли
Вею-вею-вею, вью!
Подружку потеряли.
Любимую подружку,
Младу сельскую дочушку
Вею-вею-вею, вью!
Младу сельскую дочушку.
«Ты, ау, ау, подружка,
Млада сельская дочушка
Вею-вею-вею, вью!
Млада сельская дочушка!
Не в лесу ли заблудилась,
Не в траве ли заплелась
Вею-вею-вею, вью!
Не в траве ли заплелась?
Как бы в лесе заблудилась,
То бы лесы приклонились
Вею-вею-вею, вью!
То бы лесы приклонились.
В траве бы заплелась,
Вся б травушка завилась

---

⁶³Испр., в рукописи: подрушки.

Вею-вею-вею, вью!
Трава бы завилась.
В воде бы утопилась,
Вода бы возмутилась
Вею-вею-вею, вью!
Вода бы возмутилась».
Пойду я по тропинке⁶⁴
Найду я две елилки
Вею-вею-вею, вью!
Найду я две елилки.
Под елилкою кровать,
На кровати перина,
Вею-вею-вею, вью!
На кровати перина.
На кровати-то перина,
На перине Катерина,
Вею-вею-вею, вью!
На перине Катерина.
На перине Катерина,
Перед ней стоит детина,
Вею-вею-вею, вью!
Перед ней стоит детина.
Перед ней стоит детина,
Он просит Катерину
Вею-вею-вею, вью!
Он просит Катерину:
«Ах, ты, душечка, Катюша,
Ты сударушка моя,
Вею-вею-вею, вью!
Ты сударушка моя,
Буде любишь, так скажи,
А не любишь – откажи

---

⁶⁴Испр., в рукописи: тропиньки.

Вею-вею-вею, вью!
А не любишь откажи!»,—
«Любить — я не люблю,
Отказать я не хочу
Вею-вею-вею, вью!
Отказать я не хочу⁶⁵».

(л. 28–29)

---

⁶⁵Испр., в рукописи: хочу.

В темном лесе, в темном лесе,
В темном лесе, в темном лесе,
Залесье, залесье
Распашу ль я, распашу ль я,
Распашу ль я, распашу ль я
Пашенку, пашенку.
Посею ль я, посею ль я,
Посею ль я, посею ль я
Конопель, конопель.
Уродися, уродися,
Уродися, уродися,
Конопель, конопель,
Тонок-долог, тонок-долог,
Тонок-долог, тонок-долог,
Бел-волокнист, бел-волокнист!
Повадился, повадился,
Повадился, повадился
Вор-воробей, вор-воробей
В мою конопельку, в мою конопельку,
В мою конопельку, в мою конопельку
Летати, летати,
Мою конопельку, мою конопельку,
Мою конопельку, мою конопельку
Клевати, клевати.
Уж я его, уж я его,
Уж я его, уж я его
Изловлю, изловлю,
Крылья-перья, крылья-перья,
Крылья-перья, крылья-перья
Ощиплю, ощиплю.
Он не будет, он не будет,
Он не будет, он не будет
Летати, летати,

Мою конопел[ь]ку, мою конопельку,
Мою конопельку, мою конопельку
Клевати, клевати.
Повадился, повадился,
Повадился, повадился
Доброй молодец, доброй молодец
К моей Марусиньке, к моей Марусиньке,
К моей Марусиньке, к моей Марусиньке
Ходити, ходити,
Мою Марусиньку, мою Марусиньку,
Мою Марусиньку, мою Марусиньку
Любити, любити.
Уж я его, уж я его,
Уж я его, уж я его
Изловлю, изловлю,
Ручки-ножки, ручки-ножки,
Ручки-ножки, ручки-ножки
Перебью, перебью.
Он не стане[t], он не станет,
Он не станет, он не станет
Ходити, ходити,
Красну девицу, красну девицу,
Красну девицу, красну девицу
Любити, любити,
Дороги подарки, дороги подарки,
Дороги подарки, дороги подарки
Носити, носити.

(л. 73)

Простонародная

Как во городе было во Казане,
Здунинай-най- най, во Казане,
Молодой чернец постригся,
Здунинай-най- най, постригся.
Захотелось чернецу погуляти,
Здунинай-най- най, погуляти, //
Что за те ли за святые за ворота,
Здунинай-най- най, за ворота.
За воротами беседушка сидела,
Здунинай-най- най, сидела,
Как во той ли во беседушки стары бабы,
Здунинай-най- най, стары бабы.
Уж как тут чернец не взглянет,
Здунинай-най- най, не взглянет,
Чернечищо кlobучищо принахлупит,
Здунинай-най- най, принахлупит.
Как во городе было во Казане,
Здунинай-най- най, во Казане,
Молодой чернец постригся,
Здунинай-най- най, постригся.
Захотелось чернецу погуляти,
Здунинай-най- най, погуляти,
Что за те ли за святые за ворота,
Здунинай-най- най, за ворота.
За воротами беседушка сидела,
Здунинай-най- най, сидела,
Как во той ли во беседушки молодицы,
Здунинай-най- най, молодицы.
Уж как тут привзглянет,
Здунинай-най- най, привзглянет,
Чернечищо кlobучищо приподнимет,

Здунинай-най- най, приподнимит.
Как во городе было во Казане,
Здунинай-най- най, во Казане,
Молодой чернец постригся,
Здунинай-най- най, постригся.
Захотелось чернецу погуляти,
Здунинай-най- най, погуляти,
Что за те ли за святые за ворота,
Здунинай-най- най, за ворота.
За воротами беседушка сидела,
Здунинай-най- най, сидела,
Как во той ли во беседушки красны девки,
Здунинай-най- най, красны девки.
Уж как тут чернец привзглянет,
Здунинай-най- най, привзглянет,
Чернечищо клубучищо долой сбросит,
Здунинай-най- най, долой сбросит:
«Ты сгорай, моя скучная келья,
Здунинай-най- най, скучная келья!
Пропади ты, мое черное платье,
Здунинай-най- най, черное платье!
Уж как полно мне,
доброму молодцу, спасат[ь]ся!
Здунинай-най- най, спасться,
Не пора ль мне,
доброму молодцу, женит[ь]ся?
Здунинай-най- най, женит[ь]ся,
Что на душичке,
на красной на девице,
Здунинай-най- най, на девице».

(л. 104 об-105 об.)

Простонародная

Я посею ль, млада, молоденька
Цветиков маленько.
Стали цветы расцветати⁶⁶,
Сердце обмирати,
Я на цветики взирала,
Сердцем обмирала,
Сердечушком обмирала,
Друга дожидала.
Идет, идет моя радость,
Идет, да нескоро.
Вижу, смечу, моя радость
Не хочет любить!
Люби, люби, моя радость,
Кого ты захочешь,
Я довольна друг тобою,
Простимся со мною!
Уж я с горя со кручины
Пойду во светлицу,
У девицы во светлице
Поют разны птицы,
Они пели, распевали
Разными голосами.
Я б списала б голос-голосочик
На тонин[ь]кой листочек,
Что тоненькой листочек,
На белу бумажку.
Я послала б голосочик
К любезному другу,
Что к любезному другу
Со милинькой пташкой.

---

⁶⁶Испр., в рукописи: расцветати.

Как велит ли мне надежда
Хорошо ходити:
«Ходи, ходи, моя радость,
Ходи хорошенько,
Не ходи, моя надежда,
Ко соседу в гости,
У соседа во беседе
Холост, неженатой
Холост на ногу ступает
И вон вызывает,
На двор, на двор на часочик,
На одну минутку».

(л. 62)

Простонародная

Скучно, матушка, весной
Мне жить одной,
А скучнее того –
Нейдет ко мне милой.

И я с горя, со кручины,
Молода, //
И я вы[й]ду на крылечко,
Постою,
На все четыре сторонки
Погляжу:

Не летит ли, не ле[ти]т ли
Мой сокол,
Он не машит ли
Своим сизым крылом?

Или я с горя, со кручины,
Молода,
Вы[й]ду, вы[й]ду
За новья ворота.

Погляжу ли вдоль по улице
В конец,
Вдоль по улице
Метелица метет,
За метелицей
И милой мой идет.

Он мне машет своим
Ситцовым платком:
«Ах, стой, стой,
Сударушка моя!

Сударушка,
Красна девица, душа.
Позволь, радость,
Насмотреться на тебя!

На твою ли
На прекрасную красоту!
Такова твоя
Прелестна красота
Сокрушила
Добра молотца, меня!

А походочка с ума
Давно свела,
Поговорочка
Здоровья лишила.

«Не прельщай меня,
Удала голова,
Такова ли я доселе,
Друг, была,
Из красавиц я
Красавицей слыла!
А что ныне – так худа стала,
Бледна,
Из ясных моих очей
Невесела.

Вот свидетели –
Соседушки мои,
В каком горе
Без тебя я, друг, жила».

(л. 48–48 об.)

Тростонародная

Ой, матушка, тошно!
Сударыня, грус[т]но,
Ой-люли-люли-люли,
Сударыня, грус[т]но!
И я с той тоски-кручины
Не могу ходити⁶⁷,
Ой-люли-люли-люли,
Не могу ходити.
Обещался моя радость
Ко мне в гости быти,
Ой-люли-люли-люли,
Ко мне в гости быти.
Приезжай, милой, скорее,
При тебе мне веселее,
Ой-люли-люли-люли,
При тебе мне веселее
Я решетчаты⁶⁸ ворота
Велю растворити,
Ой-люли-люли-люли,
Велю растворити,
Я широкой двор коврами
Велю устилати,
Ой-люли-люли-люли,
Велю устилати,
Белы-каменны палаты
Велю украшати⁶⁹,
Ой-люли-люли-люли,
Велю украшати!

---

⁶⁷Испр., в рукописи: хадити.

⁶⁸Испр., в рукописи: решетчаты.

⁶⁹Испр., в рукописи: укращати.

Ты ночуй, ночу[й], надежда,
Хотя одну ночку
Ой-люли-люли-люли,
Хотя одну ночку!
Коль ночуешь⁷⁰, моя радость,
Станем веселит[ь]ся
Ой-люли-люли-люли,
Станем веселит[ь]ся!
Не ночуешь, моя радость,
Стану тосковати,
Ой-люли-люли-люли,
Стану тосковати.

(л. 107)

---

⁷⁰Испр., в рукописи: начуешь.

Иностранная

Мне моркотно, молоденьке,
Нигде места не найду,
Ай-люли, ай-люли,
Нигде места не найду.
Посиделки, хороводы⁷¹
Опостылили уж мне,
Ай-люли, ай-люли,
Опостылили уж мне.
Все мерещится детинка
Наяву мне и во сне,
Ай-люли, ай-люли,
Наяву мне и во сне.
Как теленок за коровой,
Так и я за ним бреду.
Ай-люли, ай-люли,
Так и я за ним бреду.
Как пастух о[т]ставшу овцу,
Везде парня я ищу.
Ай-люли, ай-люли,
Везде парня я ищу.
Его голос без умолку
Во ушах моих жужжит,
Ай-люли, ай-люли,
Во ушах моих жужжит.
Лицо, стан его, походка,
Речь, насвисточка и смех,
Ай-люли, ай-люли,
Речь, насвисточка и смех.
Вон из разума не лезут,

---

⁷¹Испр., в рукописи: короводы.

Совершаются⁷² в очью,
Ай-люли, ай-люли,
Совершаются в очью.
Где он встретится со мною,
Взбудоражит всё нутро,
Ай-люли, ай-люли,
Взбудоражит все нутро.
Мимо пройдет, да не взглянет,
Как морозом подерет.
Ай-люли, ай-люли,
Как морозом подерет.
Вдоль спины перепояшет
Хворостиной иль кнутом,
Ай-люли, ай-люли,
Хворостиной иль кнутом.
Мне то за честь и не больно,
Хоть малиной не корми.
Ай-люли, ай-люли,
Хоть малиной не корми.
А как, ну, он к ляду скажет:
«Надоела уж ты мне!
Ай-люли, ай-люли,
Надоела уж ты мне!
Как проклята лихоманка
Привязалася, отстань!
Ай-люли, ай-люли,
Привязалася, отстань!»
Тут-то свету я незвижу,
Рада в петлю иль на нож,
Ай-люли, ай-люли,
Рада в петлю иль на нож.
Нос повешу, лоб наморщу

---

⁷²Испр., в рукописи: соверщаются.

И, потупясь, побреду,
Ай-люли, ай-люли,
И, потупясь, побреду.
А куда – сама не знаю,
Как безумна поплетусь
Ай-люли, ай-люли,
Как безумна поплетусь.
Сяду прясть: то пряжа рвется,
Донце ездит подо мной.
Ай-люли, ай-люли,
Донце ездит подо мной.
Вертено из рук валится,
Мочки клочу, не чешу.
Ай-люли, ай-люли, м
Мочки клочу, не чешу.
Взявши ведра за водою,
К парню в избу я бегу,
Ай-люли, ай-люли,
К парню в избу я бегу.
Коль не выгонит оттуда,
Умереть хоть рада там!
Ай-люли, ай-люли,
Умереть хоть рада там!
Я врасплох⁷³ вчера у матки
Стянула навину,
Ай-люли, ай-люли,
Стянула навину.
А у батюшки⁷⁴ роднова
Поубавила мошну,
Ай-люли, ай-люли,
Поубавила мошну.

---

⁷³Испр., в рукописи: врасплох.

⁷⁴Испр., в рукописи: батюшки.

Я дождуся той поры,
Как наедут торгоши,
Ай-люли, ай-люли,
Как наедут торгоши.
Шелков разных и бумаги
Накуплю я на торгу,
Ай-люли, ай-люли,
Накуплю я на торгу.
Я нашью рубах, ширинок
И по-свойски рас[с]трочу,
Ай-люли, ай-люли,
И по-свойски рас[с]трочу.
Подойду к детине близко,
Как пойдет сушить овин,
Ай-люли, ай-люли,
Как пойдет сушить овин.
Поклонюсь детине низко,
Поднесу свои дары,
Ай-люли, ай-люли,
Поднесу свои дары.
Авось, любо ему будет,
Воспогудорит со мной,
Ай-люли, ай-люли,
Воспогудорит со мной.
А как это не поможет,
И дары будут не в честь,
Ай-люли, ай-люли,
И дары будут не в честь,
Черт⁷⁵ возьми родню, соседей,
Вся деревня чинь огнём!
Ай-люли, ай-люли,
Вся деревня чинь огнем!

---

⁷⁵Испр., в рукописи: чорт.

Тут-то я млада ряхнуся,
Совсем спячу я с ума,
Ай-люли, ай-люли,
Совсем спячу я с ума.
И саму уж свои руки
Подниму я на себя!
Ай-люли, ай-люли,
Подниму я на себя!

(л. 84 об. – 85)

Простонародная

Что девушке сделалось,
Что красной доспелось,
Э-эхи, что красной доспелось?

Ходит она невесела,
Головушку повесила,
Э-эхи, головушку повесила.

Со бела лица спала,
Румянцу не стало,
Э-эхи, румянцу не стало.

Сидит в горнице одна
На кровати, у окна,
Э-эхи, на кровати, у окна.

Славно, славно как она
В злу печаль погружена,
Э-эхи, в злу печаль погружена.

Как пташечка в клетке
Думает о ветке,
Э-эхи, думает о ветке.

Подружки съе[з]жались,
Все ей дивовались,
Э-эхи, все ей дивовались:

«Сестрица, подружен[ь]ка,
О чем так печали[шь]ся,
Э-эхи, о чем так печалишься?» –

– «Подружки-голубушки,
Ах, как не печалит[ь]ся,
Э-эхи, ах, как не печалит[ь]ся?»

Мне снилось, виделось,
Что болен мой милой друг,
Э-эхи, что болен мой милой друг».

С восточной сторонушки,
С любимой дорожен[ь]ки,
Э-эхи, с любимой дорожен[ь]ки,

Там пыль подымалася,
В лесах раздавалось,
Э-эхи, в лесах раздавалось.

Скачут, свищут и поют,
В терем голос подают,
Э-эхи, в терем голос подают,

В дудки ложки и рожки
Наши милыя дружки,
Э-эхи, наши милыя дружки.

«Полно плакать и грустить,
Пора друга навестить,
Э-эхи, пора друга навестить!»

Девушка взвеселилася,
Сердце вспламенилося,
Э-эхи, сердце вспламенилося.

«Ах ты, миленькой, милой,
Пойдем в горницу со мной,
Э-эхи, пойдем в горницу со мной!

Сядем вместе на кровать,
Начни меня целовать,
Э-эхи, начни меня целовать»

(л. 104–104 об.)

Веселая

Веселая голова,
Не ходи мимо сада,
Дороженьки не тори,
Худой славы не клади!
Отцу-матери бесчестье⁷⁶,
Роду-племени позор,
Стыд головушки⁷⁷ долой,
Мне нельзя придти домой
Мне нельзя придти домой,
Сказать матушке родной.
Скажу так, скажу сяк,
Скажу этак и вот так:
Скажу в садике была,
Во зеленом гуляла,
Сладки яблочки рвала,
Все наливчатая,
Все наливчатая и рассыпчатая!
Я на блюдишко клала
На серебряное⁷⁸,
Ко милому относил
Во высокой во терем,
Яблок он не примаёт,
Ничего не говорит,
Не отказывает,
Не приказывает!
И я топнула ногой –
Сама с терема долой

---

⁷⁶Испр., в рукописи: безчестье.

⁷⁷Испр., в рукописи: головужки.

⁷⁸Испр., в рукописи: серебрянное.

Оставайся, черт⁷⁹ с тобой,
Не ломайся надо мной
Над девичьей красотой,
Над моей русой косой!
На ступеньку ступила,
Призадумалася,
На другую я ступила,
Прираздумалася,
А на третью я ступила,
Ворочусь, млада, назад.
Другу выговорю,
В глаза выругаю:
«Ты подумай-ка негодной,
Погодяй, негодяй!
Я за что тебя люблю,
Худу славушку несусь?
Я за то только люблю,
Что на ножку легок,
На босу ногу сапог
Во полночь гулять готов».

(л. 88–88 об.)

---

⁷⁹Испр., в рукописи: чорт.

Молодость, молодость,
Приятная молодость!
Ай-люли, ай-люли,
Приятная молодость!
Приятная молодость,
Девичья красота,
Ай-люли, ай-люли,
Девичья красота!
Девичья красота,
Молодетцкая сухота,
Ай-люли, ай-люли,
Молодецкая⁸⁰ сухота.
Ах, чем-то мне молодость
При старости вспомнать,
Ай-люли, ай-люли,
При старости вспомнать,
Вспомню тебя, молодость,
Тоскою, кручиною,
Ай-люли, ай-люли,
Тоскою, кручиною.
Тоскою, кручиною,
Печалью великою,
Ай-люли, ай-люли,
Печалью великою.
Не пила бы я, не ела,
Все на милова глядела,
Ай-люли, ай-люли,
Все на милова глядела!
Не дремала б я, не спала,
К себе милова все ждала,
Ай-люли, ай-люли,
К себе милова все ждала.//

---

⁸⁰Испр., в рукописи: молодетцкая.

Пойду, млада, по воду
С ушатами, с ведрами,
Ай-люли, ай-люли,
С ушатами, с ведрами,
Со ушатами, с ведрами,
С дубовыми, с новыми,
Ай-люли, ай-люли,
С дубовыми, с новыми.
Брошу ведры под гору,
Сама сяду на траву,
Ай-люли, ай-люли,
Сама сяду на траву.
Сама сяду на траву,
Раскинусь я яблонью,
Ай-люли, ай-люли,
Раскинусь под яблонью.
Яблонью кудрявою,
Грушею зеленою,
Ай-люли, ай-люли,
Грушею зеленою.
Мимо той ли грушеньки
Протекала речинька,
Ай-люли, ай-люли,
Протекала реченька⁸¹,
Как по той ли по речиньке
Съезжались господа,
Ай-люли, ай-люли,
Съезжались господа,
Съезжались господа
С семидесят городов,
Ай-люли, ай-люли,
С семидесят городов.

---

⁸¹Испр., в рукописи: Грушеньки протекала реченька.

Срубили они грушеньку
Под самой под корешок,
Ай-люли, ай-люли,
Под самой под корешок.
Сделали из грушеньки
Звончатая гусельки,
Ай-люли, ай-люли,
Звончатая гусельки.
Кому ж в гусли поиграть,
Кому под них поплясать,
Ай-люли, ай-люли,
Кому под них поплясать?
Играть будет Ванюша,
Плясать будет Аннушка,
Ай-люли, ай-люли,
Плясать будет Аннушка.

(л. 57–57 об.)

Ах ты Ванюшка⁸², Ванюша!
Ваня белой, кудреватой,
Ваня белой кудреватой,
Холост неженатой.

Не тори, Ваня, дорожку,
Не ходи, Ваня, почасту
К моему окошку.

Не прокладывай следочка,
Ты по травке, по муравке
К моему садочку.
Удалы твои следочки
В зеленом моем садочке
Люди примечают.

Люди злые примечают,
Тебя, Ванюшка, ругают, //
Напастью стражают!
Я боюсь, твои следочки
Для отеческой чтоб дочки
Не были позором.

И напастью лютой,
Что для красных девок
Злою славою, худою.
А вить славушка худая,
Та побраночка лихая –
Кому есть по сердцу,

---

⁸²Испр., в рукописи: Ванушка, Вануша.

Хоть любовь наша пустая,
Одна дружба лишь простая –
Люди все прибавят!
Люди злые все прибавят,
Нас с тобою обе[с]славят,
Себя позабавят!

Кровать моя, кроватушка,
Кровать тесовая!
Ты срублена, кроватушка,
С бе[с]щастного дерева,

Из бе[с]щастного дерева,
Из гор[ь]кой осины.
Поставлена тесовая
На разлучном месте!

Всегда моя, кроватушка,
Пуста ты стояла,
И соболье одеяло
В ногах лишь лежало.

А я ль, а я ль, молоден[ь]ка,
Ночки не сыпала,
Все ночинки не сыпала,
Глаза не смыкала.
Дума думу побивает:
«Где милой гуляет?»

Ах, гуляет мой любезной
Не со мной с одною,
Не со мной с одною,
Красною девицей.

(л. 97 об.–98)

Простонародная

Ах! ты пиво мое,
Молодое мое,
Не пьяно сварено!

Али ты не пьяно,
Али я гостям не рада?
Я рада всей душой!

Ах, как гостейки⁸³ мои,
Полюбовныя мои,
Невесело сидят.

«Ах ты, вдовушка моя,
Ты красавица моя!
Не любишь, знать, меня!

Когда любишь ты меня,
Удалова молодца,
Ты выпей для меня!»

«Ты, кроватушка моя,
Ты тесовая моя,
Некрепко склеена!

Ты, перинушка моя,
Ты пуховая моя,
Не мягка пос[т]лана!

---

⁸³Испр., в рукописи: хостейки.

Изголовьице мое,
Ты высокое мое,
Невзбитое лежит!

Ах ты, шуба моя,
Соболиная моя,
Не греешь ты меня!

Ах ты, миленькой дружок,
Сердце, радость, животок,
Не любишь ты меня.

Ты на ручку не кладешь,
К ретиву сердцу не жмешь,
Надежей не зовешь.

Когда солнышко взойдет,
Тогда с гор вода пойдет,
Разлуку наведет.

(л. 98)

Что это за сердце во мне все изныло,
Ах, люшиньки-люли, во мне всё изныло.
Знать, я милова верно полюбила,
Ах, люшиньки-люли, верно полюбила.
Ах, что это за милой не дает покою,
Ах, люшиньки-люли, не дает покою!
Принуждает, радость, всегда быть с собою,
Ах, люшиньки-люли, [всегда] быть с собою.
Не смутит, было, очи, сидит до полночи,
Ах, люшиньки-люли, сидит⁸⁴ до полночи,
Видишь, что страдаю, а ты лицемеришь,
Ах, люшиньки-люли, а ты лицемеришь!
Сушишь, не жалеешь, бранишь, покидаешь,
Ах, люшиньки-люли, бранишь, покидаешь.
Не можно ли, радость, на вздох умили[тъ]ся,
Ах, люшиньки-люли, на вздох умили[тъ]ся,
Перестань бранит[тъ]ся, опять помирит[тъ]ся,
Ах, люшиньки-люли, опять помирит[тъ]ся.
Али вы забыли, как прежде любили,
Ах, люшиньки-люли, как прежде любили?
А нынеча, радость, любовь изменили,
Ах, люшиньки-люли, любовь изменили!
Сердце повредили, другую полюбили,
Ах, люшиньки-люли, другую полюбили⁸⁵.
Иная милая чем же меня лучше,
Ах, люшиньки-люли, чем же меня лучше⁸⁶?
Лицем не белее, бровью не чернее,
Ах, люшиньки-люли, бровью не чернее.
Разве тем получше, что живет поближе,
И ходит почаще, целует послаще,
Ах, люшиньки-люли, целует послаще.

(л. 10 об. – 11)

---

⁸⁴Испр., в рукописи: сидет.

⁸⁵Испр., в рукописи: полубили.

⁸⁶Испр., в рукописи: лутче.

Цыстонародная

Ты поди, коровушка моя, домой,
Пропади моя головушка долой.
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
Уж как все мужья до жен⁸⁷ добры,
Покупили женам черные⁸⁸ бобры.
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
Уж как мой-то мужичоночка,
И он весь с кулачоночка.
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
Он купил мне коровушку,
Погубил мне головушку.
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
Снарядил мне работушку,
Нехотную заботушку.
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
«Отворяй, жена, широки ворота,
Принимай, жена, корову за рога».
Ай-дилили, калинка моя, в саду ягода-малинка моя!
Уж я встану ли ранешенько,
Я умоюся белешенько.
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
Погоню ли я корову на росу,
Как навстречу мне медведь из лесу.
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
Я медведя испугалася,
Я за кустики бросалася.
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
Ах, во лугах зеленых, во лугах
Принимала я корову за рога.

---

⁸⁷Испр., в рукописи: жон.

⁸⁸Испр., в рукописи: черные.

Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
Ты поди, моя коровушка, домой,
Ты поди, моя недоенная.
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
У нас горенка нетопленная,
А ребяташки некормленные.
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
А телятушки непоеныя.
Как ворчит на меня муж супостат,
Он велит детей кормить,
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
Приказал мне коровушку доить:
«Ты коровушку подой да подой,
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!
А подойничек помой да⁸⁹ помой,
А телятушек напой да напой».
Ай-дилили! калинка моя, в саду-ягода малинка моя!

(л. 79 об. – 80)

---

⁸⁹Испр., в рукописи: как.

Как у наших у ворот, (2)
Люли-люли, у ворот, (2) //
Стоял девок хоровод⁹⁰, (2)
Люли-люли, хоровод, (2)
Молодушек табунок, (2)
Люли-люли, табунок. (2)
Меня девки кликали, (2)
Люли-люли, кликали, (2)
Молодушки манили, (2)
Люли-люли, манили, (2)
На улице погулять (2)
Люли-люли, погулять, (2)
С ребятами поиграть, (2)
Люли-люли, поиграть. (2)
Меня свекор не пустил, (2)
Люли-люли, не пустил, (2)
Хоть пустил, да пригрозил, (2)
Люли-люли, пригрозил. (2)
«Гуляй сноха недолго, (2)
Люли-люли, недолго, //(2)
«До первых петухов, (2)
Люли-люли, петухов! (2)
А я, млада, до поры, (2)
Люли-люли, до поры, (2)
До утренней до зари, (2)
Люли-люли, да зари. (2)
Лишь зорюшка занелась, (2)
Люли-люли, занелась, (2)
А я, млада, поднялась, (2)
Люли-люли, поднялась. (2)
Навст[р]е[ч]у мне деверек, (2)
Люли-люли, деверек. (2)

---

⁹⁰Испр., в рукописи: каровот.

«Деверюшка-батюшка, (2)
Люли-люли, батюшка! (2)
Проводи меня домой, (2)
Люли-люли, меня домой, (2)
До моего, до двора, (2)
Люли-люли, до двора, (2)//
До высока терема, (2)
Люли-люли, терема». (2)
Подхожу я ко двору, (2)
Люли-люли, ко двору, (2)
Свекор ходит по двору, (2)
Люли-люли, по двору, (2)
Повесевши голову, (2)
Люли-люли, голову. (2)

(л. 6 об. – 8)

Льостонародная

Ах утушка луговая,
Люли-люли, луговая,
Молодушка молодая,
Люли-люли, молодая!
Ты где спала-ночевала,
Люли-люли, ночевала⁹¹?
Ночевала я во лужечки,
Люли-люли, во лужечки,
Под ракистовом под кусточком,
Люли-люли, под кусточком.
Как шли прошли веселья,
Люли-люли, веселья,
Два молодца удалья,
Люли-люли, удалья!
Они срезали по пруточку,
Люли-люли, по пруточку,
Они срезали по гудочку,
Люли-люли, по гудочку.
Ай, вы, гудки, вы не гудите!
Люли-люли, не гудите!
Мово батюшку не будите,
Люли-люли, не будите!
Мой батюшка спит с похмелья,
Люли-люли, с похмелья,
Моя матушка за рекою,
Люли-люли, за рекою,
Сварит пиво молодое,
Люли-люли, молодое!
Что крит вино, вино зеленое,
Люли-люли, зеленое.

---

⁹¹Испр., в рукописи: молодая.

Поит зятя молодова
Люли-люли, молодова,
Свово гостя дорогова
Люли-люли, дорогова.

(л. 108 об. – 109)

Льостонародная

Ваня, братец мой,
Показался разум твой,
Весь обычай⁹² дарагой.
Перестанешь, Ваня, пить,
Станут девушки любить,
Станут девушки любить
И молодушки хвалить.
Ах, я ли молода,
Одинакая была,
Одинакая была,
В одиночестве жила.
Затопила я избушку,
Сама поводу пошла,
Сама поводу пошла
На матушку, на Неву.
На матушке, на Неве
Гуси-лебеди сидели,
Свежу воду возмутили,
Уж я долго тут стояла,
Свежей воды дожидалася,
Размахнула, почерпнула,
Подняла млада, пошла,
На круту гору взошла.
Ах, на горе, горе
Учинилася беда,
Загорелась слобода,
Расплескалася вода,
Съезжалися господа,
Дивовались на пожар:
«Ах, что это за пожар,

---

⁹²Испр., в рукописи: обычай.

Он непылко горит
И не вспыхывает,
Он к обеду побьет,
А к ужину опять».
Были-то щи горячи,
Каша масленая,
Жена ласковая!

(л. 47 об.)

Листопадная

Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Ах, люли-люли, стояла, (2)
Некому березы заломати,
Некому кудрявой заломати,
Ах, люли-люли, заломати, (2)
Я пойду, погуляю, (2)
Ах, люли-люли, погуляю, (2)
Белу березу заламаю, (2)
Ах, люли-люли, заламаю, (2)
Вырежу три пруточка, (2)
Ах, люли-люли, три пруточка, (2)
Сделаю три гудочка, (2)
Ах, люли-люли, три гудочка, (2)
Четвертую – балалайку, (2)
Ах, люли-люли, балалайку, (2)
Вы, гудки, не гудите, (2)
Ах, люли-люли, не гудите, (2)
Старова мужа не будите, (2)
Ах, люли-люли, не будите, (2) //
Старый спит с похмелья, (2)
Ах, люли-люли, с похмелья, (2)
С великаго с перепою, (2)
Ах, люли-люли, с перепою, (2)
Вы[й]ду на новья сени, (2)
Ах, люли-люли, на сени, (2)
Стану старова будити, (2)
Ах, люли-люли, будити, (2)
Встань, мой стар, пробудися, (2)
Ах, люли-люли, пробудися, (2)

Вот тебе помои, умойся, (2)

Ах, люли-люли, умойся, (2)

Вот тебе онуча, утрися, (2)

Ах, люли-люли, утрися. (2)

Вот тебе лопата, поклонися, (2)

Ах, люли-люли, поклонися. (2)

(л. 36–36 об.)

Зростонародная

Я вечер млада во пиру была,
Во пиру была, во беседушке.
Ни у батюшки, ни у матушки,
Я была в гостях у мила дружка,
У мила дружка у сердечнаго.
Я не мед пила, не полпиво,
Я пила, млада, сладку водочку.
Я не рюмочкой, не стаканчиком,
Я пила, млада, чайной чашичкой⁹³.

И я лесом шла, не боялася,
И я полем шла, не шаталася⁹⁴,
Ко двору пришла, пошатнулася,
За вереюшку ухватилася,
Верея ль моя ты, вереюшка,
Верея ль моя новоточена,
Поддержи меня, бабу пьяную,
Бабу пьяную и похмельную.
Не увидел бы свекор-батюшка⁹⁵,
Не сказал бы он своему сыну,
Своему сыну, моему мужу.

---

⁹³Испр., в рукописи: чашичкой.

⁹⁴Испр., в рукописи: шеталася.

⁹⁵Испр., в рукописи: батюшка.

Уж как мой-то муж горька пьяница,
Он вина не пьет, с воды пьян живет,
Надо мной, молодой, он ломается.
У меня, молодой, в доме убрано,
Ложки вымыла⁹⁶, во щи вылила,
Порог вымыла, в горох вылила,
Чашу вымыла, в кашу вылила,
Косячки скребла, пироги пекла.

(л. 86)

---

⁹⁶Испр., в рукописи: вымала.

ПЕСНИ КОМИЧЕСКИЕ

*Долго ль будешь куралесить,
ты, Хобронья, надо мной?*

Веселая

Во приселке, во селе,
Во бобыльской слободе
Молодка жила,

Всем манерна хороша,
Невеличка, но статна,
Приветлива всем,

Кто заедет по случаю,
Хоть попросит кофию-чаю,
Всем служит она.

Ах, звали ту молодку
В беседушку сидеть,
Чему была рада,

Во беседе не сидела,
Во садике очутилась
С любезным одна.

Ах, как муж жены хватился,
По сеничкам расходился,
Все искал жену,

А хозяин догадался¹,
Что дурак жены взыскался,
Ну его поить!

Напоили мужа пьяна,
Посадили мужа в сани,
Ну е[го] катать!

Муж проснулся-пробудился,
В Матисове очутился,
Спрашивал друзей:

«Ах, где моя жена,
С кем поехала она
В чужое² село?» –

– «Не тужи, друг, жена с нами,
Ты доволен будешь нами,
Катались мы с ней».

(л. 101–101 об.)

---

¹Испр., в рукописи: догадался.

²Испр., в рукописи: чужее.

Иростонародная

Девки скачут, красны пляшут,
Всегда веселятся!
Замужня стонут, плачут, рвутся
И крушатся.
Девки чтоб ни захотели –
Все им угождают,
А замужние грустят,
Им лишь досаждают.
Первое щастье – значит,
Все те ото всех почтенье,
А последнее вам желанье –
От мужей презренье.
Веселитесь, красавицы,
Пока ес[т]ь вам воля,
Не спешите³ вы с замужеством,
Выбирайте время!
Вышед⁴ замуж неудачно,
Будете тужити,
Вы будете⁵ принуждены
Век в неволе жити.
Вы не вер[ь]те женихам,
В чем вам кляст[ь]ся будут⁶:
В женихах оне клянутся,
Женившись, забудут!
Несносные грубияны
Нежностью владеют,
Красоту, приятность,

---

³Испр., в рукописи: спешите.

⁴Испр., в рукописи: вышет.

⁵Испр., в рукописи: будите.

⁶Испр., в рукописи: будет.

Прелесть при себе имеют.
Все покорности обманом
Себе получили,
Что пред ними вы клялись
Вечно верно любить,
А сами, негодная,
Клятвы-клятвы преступили,
Клятвы-клятвы преступили
И вам изменникам!
К тому тол[ь]ко и доводят,
Чтобы все им клялися,
Все бы все бы им клялися,
Все б покорны были.

(л. 101 об.)

Веселая

Долго ль будешь куралесить
Ты, Ховронья, надо мной?
Перестань, пострел, чудесить,
Тумака бы дал иной!
Полно, что за чертовщина,
Нам пора попасть на лад,
Чем собой я не детина,
Право, малой, что твой клад.
Мелким бесом разсыпаюсь,
Завсегда с тобой труню,
Только навзбалмашь пытаюсь,
Хоть ты тешу, хоть браню.
Всё тетеришься, шел[ь]мовка,
Без проказ не пройдет дня,
Видно неспроста, плутовка,
Притаранила меня.
Молвлю: взмилуйся, Хавронья,
И чуфис перед тобой!
Хоть и стать на те воронья,
Сердце не лежит к иной.

(л. 85)

Цыганская

Отдана я пономарю
Обучаться⁷ букварю.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Я сначала, в первой раз,
Начинала с буквы Аз.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Отягчила книга руки,
Неприятны стали Буки.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Как дадут денег мне меди,
Тогда выучу⁸ Веди.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Пономарик мой, сокол,
Велит выучить Глагол.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Как зазубристо Добро
Переломит мне ребро.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Мне какая в этом честь,
Когда выучу я Есть?
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Я на самом на рассвете⁹
Начала учить Живете.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Едва только рассвело¹⁰,
Принималась за Зело.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!

---

⁷Испр., в рукописи: обучаться.

⁸Испр., в рукописи: выучю.

⁹Испр., в рукописи: разсвете.

¹⁰Испр., в рукописи: разсвело.

Ах, голубушка моя,
За зелом стоит Земля.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
От Земли всего поближе
Осьмерично стоит Иже.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Ах, голубчики мои,
Принуждают учить I.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Словом, мыслю я инако,
Не хочу учить и Како.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Во чьей воле то ни буди,
Не примуся и за Люди.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Право, нет в моем предмете,
Языком болтать Мыслете.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Мне что в этом за кураж,
Когда выучу я Наш?
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Пономарь мой Агафон
Принуждает учить Он.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Ах, проклятой ты какой,
Мне не нравится Покой!
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Разорили нас в концы
Долгохвостыя Рцы.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Я рождения простова,
Не хочу учить и Слова.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!

Лучше сести мне за бедро,
Чем учить проклято Твердо.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Мой умишка невелик,
Непонятен стал мне Ик.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Понять почти не могу
Долгохвостое и У.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Пономарь жестоко бьет,
Принуждает учить Ферт.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Полна бездна здесь химер,
Должно выучить и Хер.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Часто мечет меня в тот
От проклятой буквы От!
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Пусть учатся молодцы,
Непотребны дамам Цы!
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Лучше и сяду прясть я вервь,
Чем учить несносной Червь.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Как беда моя больша,
Что ленилась учить Ша.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Не дадут мне и леща,
Коль я не выучу Ща.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Я наказана без мер
За прокляту букву Ер.

---

11 Испр., в рукописи: лутче.

Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Я до самой до зари
Просыпалась до Еры.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Полно ныне мне гулять,
Принялася я за Ять.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
О, болезнь проклята, флюс,
И в тебе твержу я Юс.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Хоть учиться не люблю,
Только выучу я Ю.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Много бита я была
За прокляту букву Я.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Конец еще букв не вси,
Должна выучить я Кси.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
А робята наши вси
Принуждают учить Пси.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Показалась мне не та
Эта литера Фита.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Буквы к концу ближаются,
Остается Ижица.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Вот, удалой молодец,
Моей азбуке конец!
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
После азбучных сих слов
Начала учить я слог.

Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Хоть ничуть не понимала,
А склады все толковала,
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Пономарь мой, баснослов,
Дал учить мне часослов.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Мне учиться многи годы,
А нельзя отстать от моды.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Окончав эту науку,
И перо дадут мне в руку.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
Пономарь ты мой любезной,
Дай в пис[ь]ме мне толк полезный.
Барыня-барыня, сударыня-барыня!
За твои труды плачу,
А знать грамоте хочу!
Ах, барыня-барыня, сударыня-барыня!

(л. 81–81 об.)

Цыганская
Нещастная наша доля: никто нас не любит.

Полюбила молодчика дворянска дочка,
Взяла его за рученьку, повела во спальню,
Посадила на кровать, стала его целовать.
Целовала, миловала, к сердечушку прижимала.

«Сердечушка, радость мой, ты мой молодчик молодой,
Посиди душа со мной, сотворю любовь с тобой.
Научи меня по-русски, еще по-немецки»,—
«Шилды-балды-закоулды – это по-немецки,

Раз бестия подай башмак – то есть по-русийски».
Вдоль по лугу, лугу, лугу зеленому
Шел молодчик молодой, неженатый, холостой,
Увидела барыня молодчика из окна:

«Ах, душечка, ты лакей, ты молодчик молодой,
Где ты был, побывал, темну ночьку ночевал?»,—
«Сударыня, барыня, я у вас в терему,
Я у вас в терему, в шитом бранном пологу.

На кроватушке спал, твою дочку целовал».
«Ах, ты, бестия, лакей зачем сказываешь?!»,—
«Сударыня, барыня, на что спрашиваешь?»,—
«Я ж за эту за вину со двора тебя сгоню!»,—

«Сударыня, барыня, я и сам сойду,
Я и сам сойду, три беды стрясу.
Уж как первую беду – кладовую подломлю,
А другую-то беду – пару коней уведу,
Еще третью беду – твою дочку увезу».

(л. 80 об.)

Приметы: то же, да не так

Я в том острове родился,
Где на свет произведен,
Он средь моря находился
И водой был окружен.

Летом нету там морозов,
А зимою нет жаров,
Нет там [ни] лилей, ни розов,
Потому что нет садов.

Лишь я матушки лишился,
Так отец мой овдовел,
Он тем столько огорчился,
Что обнову вмиг надел.

Он обычаем был недурен
И собой весьма красив,
И тогда лишь был нахмурен,
Он когда бывал гневлив.

В городе его искавши,
Труд напрасно б потерял,
Шумной жизни убежавши,
Он один в полях гулял.

От безделки до бол[ъ]шова:
О всем здраво рассуждал¹²,
Что в дожде много сырова –
То публично утверждал!

---

¹²Испр., в рукописи: рассуждал.

Коль объехал бы вокруг света,
Тогда б много ездил он,
Но, не зная, что карета,
Хаживал всегда пешком.

Впал в такое расслабленье¹³
Что не мог ни есть, ни пить,
Чем и подал он сумненье,
Что недолго будет жить.

Лишь о том жалею боле,
Что он умер в октябре,
Он конечно б прожил доле,
Если б¹⁴ умер в ноябре.

Докторов всех на совете
Одни были голоса,
Что он жил еще на свете
До смерти за полчаса.

(л. 124 об.)

---

¹³Испр., в рукописи: расслабленье.

¹⁴Испр., в рукописи: естлиб.

Сатирическая

Фуй! на сфете как мне крусна,
Мой Крестин талек пашол.
Мой Крестин пул ошинь вкуса,
Всех мамзелей буля кроль.
Пальшой рот ана имела
И в щеках румян играл,
Супашерна профа, пела,
Суфершена была кроль.
Фолос ей совсем былъ рижа
И как солнышка блистал,
Нет, я шай, и на Парижа
Так висок и пряма таль.
Я с одной кушал с ней миска,
Кушал сладка, клала в рот:
Силерей, салат, сасиска
И калпас и цукерпрот.
Фермочели, макарони –
С мой Крестин я всё телил!
Я латил с ней на фсе страни,
В шустер-круп я ей фасил
На извощик с ней катался
На театр и маскерад,
А теперь я весь пропался
И ана пашол на ат.
Шорни, шерти ее стянит,
Шарить в скафрат, на коструль,
Меднам феник в паня парит
И сашать в желеска стул.
Расна, расна с ней манира,
Пудит тамо потреблять,
Шалка мне моя Фенира,

Шем те ей мне посаплять. //
С мой Крестин кажда спасался,
Я ей много палафал,
С мой Крестин растался
И карман мой кранкер стал.
Нет на сфете ей феселья
И не знай что кафарить,
Расфе только от безделья
Станем фейфь тапак курить.
Или к снатна каспадина
Я на козл пашол седить,
И на ней с плетом на спина
Пальшой сфет пудит кледить.
Моя много задалшался
И на лафк, и на трактир,
Моя всяка ни скушался
Перестал я выпить пир.

(л. 102–102 об.)

Дети село Моск. и Восточной.

ПЬЕСИ.

Искрени мене родная
Что я такъ люблю его,
Скучно скучно дорогая,
Жить одной мнѣ безнѣго
Лично знаю что такое
Вздуть случилось сонной.

Что такъ рвется ретивое
И тоскою тоской
Все оно во мнѣ извѣло,
Все горю я какъ вогнѣ
Все немилдо все пастыло
И страдаю я по немъ

Въ лѣсны днѣ и темны ночи
И во снѣ и на вѣху
Слезы мнѣ туманятъ очи
Все летѣлакъ я къ немъ
Мнѣ неужны все наряды
Ленты камни и парчи

Будди холода и вѣтрыды
Сердце вѣдрое залечи
Зжался зжался же родная
Нестань меня бранить
Знать судьба моя такая
Что должна его любить.

ПЬЕСНИ О СУДЬБЕ

МУЖСКИЕ ПЕСНИ О СУДЬБЕ

Несчастным детинка на свет сей родился

Простонародная

Ах, житье мое, житье бедное!
Изжил я свой век не как человек:
В горе живучи, беды терплючи.
Люди все живут, как цветы цветут,
Моя голова – вянет как трава.
Куды ни пойду – попаду в беду,
С кем ни посижу – вкруг себя свяжу.//
Сглажусь с кем совет, ни в чем пути нет!
Говорит[ь] ли стал – в дураки попал!
Очи потупил – пронырцем прослыл,
Быстрой простер взор – выпука стал вор!
Ах, деться куды? Все мне от скуды!
Как бы был богат – всяк был бы мне брат,
Родня всем бы был, всяк бы чтил-любил,
А то чтут людей, ты ж стой у дверей,
Люди сидя пьют – меня в шею бьют:
«Пошел, не теснись и так пьян, проспись!»
Ах, беда – скуда, нет ей суда,
С ней в суд пойдешь – казни не минешь.
Хоть прав обвинят, прибьют, прибранят:
«Чорт тебя принес, врылся б ты в навоз!
Там бы ты сидел, не знал таких дел».
Ах, беда в скуде, нет щастья нигде!
Куды ни поди – в скуде страх беды,
Как корабль в море, так то я в горе,
Тот всегда в волнах, а я во слезах!
Иль глаза зажать да в лес убежать?

Да и там найдут, за зверя убьют!
Оставить ли мир, итти в монастырь?
Да и там скуда не минет труда:
«Ну, брат ты русак, узнай, каков смак!»
Ах, беда скуде, нет места в воде,
Вытащут оттоль, изсушат, как моль,
Почнут потрошить, чтоб кости сушить,
Да тем чередом во убогой дом:
Там ночь велика, спи до Семика!

(л. 95 об.–96)

Иностранная

Как никто-то про то
Не знает и не ведает,
Что куда-то наш православной царь
Снаряжается,
Снаряжается государь-царь
В землю шведскую,
Он меня ли, добра молодца,
С собой берет.
Уж как мне ли, добру молодцу,
Не хотелось,
Мне хотелось, добру молодцу,
В Москве пожить,
В Москве пожить,
При дворце служить государевом.
Как ни жаль-то мне, добру молодцу,
Золотой казны,
Тол[ь]ко жаль-то мне, добру молодцу,
Зелена сада.
Что во зеленом ли во садике
Три деревца:
Уж как первое в саду
Деревцо кедровое,
А другое в саду
Деревцо кипарисное,
А третье в саду –
Сладка яблон[ь]ка.
Что кедровое в саду деревцо –
Родной батюшка,
Кипарис ли в саду дерево –
Родна матушка,
Сладка яблон[ь]ка в саду –

Молода жена,
А отростики у яблон[ь]ки –
Родны детушки.

(л. 55–55 об.)

Иностранная

Как на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове,
Что у пристани корабельныя,
Молодой матрос¹ корабли снастит
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых, полотняных.
Из высокога нова терема,
Из косящетова окошечка,
Из хрустальныя из оконеньки,
Что смотрела тут красна девица,
Красна девица, дочь отеческа.
Посмотревши же, вышла на берег,
На Неву-реку воды черпати.
Почерпнувши, ведра поставила,
А, поставивши, призадумалась,
Призадумывши[сь], слово молвила:
«Ах, душычка ты, молодой матрос,
Ты зачем рано корабли снастишь,
О двенадцати тонких парусах,
Тонких, белых, полотняных?»
Как ответ держит доброй молодец,
Доброй молодец, молодой матрос:
«Ты любезная, красна девица,
Красна девица, дочь отеческа,
Не своей волей корабли снащу,
По указу я государеву,
По приказу ли адмиральскому».
Подняла ведра красна девица,
А поднявши их, по двору пошла.//
Из-под камушка, из-под белова,

---

¹Испр., в рукописи: матроз.

Из-под куста, куста ракитова,
Не огонь горит, не смола кипит,
Что кипит сердце молодецкое.
Не по батюшки, не по матушки,
Не по братце, не по родной сестрице,
А по душечки, красной девице.
Перепаала ли ему весточка:
Красна девица немозна лежит.
После весточки – скоро грамотка,
Красна девица представилась.
Я пойду теперь на конюшей двор,
Я возьму коня, что не лучшаго,
И поеду ли к церкви божией,
Привяжу² коня к колоколенке,
Сам ударюся об сыру землю:
«Раступися ты, мать-сыра- земля,
И раскройся ты, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
Пробудися ты, красна девица!
Ты протись со мной,
С добрым молодцом,
Добрым молодцом, с милым другом,
С твоим верным полубовником».

(л. 73 об.–74)

---

²Испр., в рукописи: превежу.

Иностранная

Нещастным детинка
На свет сей родился,

На свет сей родился,
В девушку влюбился.

С которой любился,
И той он лишился,

С которой целовался,
И той он миновался.

С которой бранился,
На той он женился!

Кантора, конторушка,
Контора государева!

Стоишь ты, конторушка,
На крутой на горушке,

На крутой на горушке,
Против краснова солнышка!

Не ты ли, конторушка,
Лишила гуляньица?

Гулянья, гуляньица,
Гулянья молодецкова»

(л. 87 об.)

Темничная

Ты воспой, воспой, млад жавороночек,
Сидючи весной на проталинке!
Доброй молодец сидит во темнице,
Пишет грамотку к отцу, к матери,
Во пис[ь]ме пишет доброй молодец:
«Государь ты мой, родной батюшка³,
Государыня, родна матушка,
Выкупайте вы добра молодца⁴,
Своего сына, вам родимаго!»
Как отец и мать отказались
И весь род племя отрекались:
В роде нашем-де воров не было,
Воров не было и разбойников!
Ты воспой, воспой, млад жавороночик,
Сидючи весной на проталинке!
Доброй молодец сидит во темнице,
Пишет грамотку к красной девице.
В другой раз просит жавороночка,
Чтоб отнес пис[ь]мо к красной девице.
Во письме пишет доброй молодец:
«Ты, душа ль моя, красна девица!
Моя верная полюбовница!
Выручай меня, добра молодца».
Вдруг возговорит красна девица:
«Ах, вы, нянюшки⁵ мои, мамушки!
Вы сennыя красныя девушки!
Вы берите мои золоты ключи,

---

³Испр., в рукописи: батушка.

⁴Испр., в рукописи: молотца.

⁵Испр., в рукописи: нянушки.

Отмыкайте скорей кованы ларцы,
Вы берите казны сколько надобно
Выпускайте вы добра молодца,
Моего верного полюбовника!»

(л. 94)

Темничная

У Троицы, у Сергия
Было под горою:
Стояла новая
Темная темница,
Во той ли, во новой,
Во темной темнице
Сидел удалинькой
Добренькой молодчик.
Никто к нему не зайдет,
Никто не заедет:
Друзья, братья, товарищи все
Прочь отступились.
Зашла к нему, заехала
Матушка родная:
«Дитя ль мое, ты дитятко!
Дитя, чадо милое!
Кому тебя, мое дитятко,
Будет выручати⁶?
Друзья, братья, товарищи
И все в том отказали.
Семь раз тебя я, мое дитятко,
Выручала,
Семь тысячек чистых денежек
Издержала.
Ос[б]мой-то тысячи
У меня не достало,
Так знать тебе, дитятко,
Здесь век вековати».

(л. 94 об.)

---

⁶Испр., в рукописи: выручати.

Темничная

Ты, змейка-скоропейка, змея лютая!
Из норы ты, змея, ползешь – озираешься,
По песку ползешь – извиваешься,
По траве ползешь – всю траву сушишь.
Изсушила в поле всю травушку,
Да всю травушку, всю муравушку,
Все цветочки, все лазоревыя!
Ты душа ль душа, красна девица,
Изсушила ты добра молодца,
Как былиночку во чистом поле.
Довела его ты до гибели,
Что до той ли темной темницы,
Что из славного села Преображенского!
Из того приказа государева
Что вели казнить доброго молодца,
Как казнить его и повесити!
Его белы руки связаны,
Его скоры ноги скованы,
По правую руку идет страшен палач,
По левую его мать родная,
Позади идет красная девица,
Его милая полюбовница,
Что зазноба его ретива сердца,
Погубительница живота его.

(л. 94–94 об.)

ЛЮБОВЬ МУЖЧИНЫ В ФОЛЬКЛОРНОЙ ПЕСНЕ

Долго ли, любезная, за тобой ходити

Простонародная

Что не сам-то я к девице ходил,
Не каналью-лакея посылал,
А сама ко мне красавица пришла,
Что пришла-пришла, пожаловала.
В окошечко правую ручку подала,
В окошечко во косящето,е,
Сквозь оконницу
Немецкаго стекла.
«Сударушка, не гневайся на меня,
Неровно я слово молвил во хмелю.
За досадушку покажется тебе,
За досаду, за великую беду!»
Во чистом поле калинушка стоит,
На калине соловей-птица сидит,
Гор[ь]ку ягоду-калинушку клюет,
А малиною закусывает.
Прилетели к соловью два сокола,
Оне взяли соловья во зеленой сад,
Посадили соловеюшку
Что в медную во клетку,
За серебряну решеточку. //
Соловейка во [в]сю ночку просвистал,
Доброй молодец осенню ночь не спал,
Все душу, красну девицу, утешал,
Чтобы девица любила молодца.
И любила бы, и жаловала,
И ни в чем бы не отказывала.

(л. 67 об. – 68)

Простонародная

Ах, жил я, молодец,
Во своей деревне,
Во своей деревне
Не видал веселья.

Заросла моя деревня
Горами и долами,
И горами, и долами,
Крутыми берегами.

По задворью сударушка
Водицу носила,
Коромысло кипарисно,
Ведерки дубовы,

Ведерки дубовы,
Обручи кленовы.
Коромысел гнется,
Свежа вода льется.

Детинушка бел, кудряв
Из окошка смотрит,
Из окошка смотрит,
Ничего не молвит,

Тяжко воздыхает,
Слезно възрыдает:
«Кабы ты, моя сударушка,
Не эдак ходила,

Не эдак ходила,
Многих не любила,
Многих не любила,
Меня б не сушила».

Ах, по лугу, лугу,
Лугу зеленому,
Ходил-гулял молодец
Не радостен, не весел.

Сударушки не нашел,
Сам заплакал да пошел,

Повесил головушку
На праву сторонушку,
Потупил ясны очи
Во мать во сыру землю.

Увидела матушка,
Усмотрела родная,
С высокова терема,
Из косящетова окна:

«Дитя ль, мое дитяtko,
Дитя, чадо милое,
Что ходишь невесело,
Гуляешь нерадостно,
Не я ль тебя изсушила,
Не я ль сокрушила?» –

– «Изсушила, матушка,
Чужая сторонушка,
Чужая сторонушка,
За речкою слободушка.

Во слободушке дворик,
Во дворике девушка,
У вдовушки девушка,
Зовут ее Аннушкой.

Она меня иссушила,
Она сокрушила,
Пустила сухоту
По моему животу,
Разсыпала печаль
По моим ясным очам».

(л. 85 об.)

Свободная

Нынче¹ был я на почтовом на дворе,
Льстил себе найти от милинькой пис[ь]мо
И пошел назад с унылою душой²...
Нет пис[ь]ма, нет сердцу радости ни в чем,
Ах, давно, давно не пишешь уж ко мне,
Та, которую я на свете живу,
Та, котора уверяла так меня,
Что писать будет о горести своей.
Что ж мешает ей в отраде той теперь,
Что мешает³ сердце друга оживить?
Неужель забыт я милою своей,
Неужели сон был щастие мое?
Нет, не может статься этова вовек,
Я довольно знаю милую мою,
Ея сердце не можит изменить,
Ее сердце век останется моим!
Знать, свободного и в тереме своем
Не имеет она времени-часа,
Иль препятствуют недобры люди ей
К другу грамотки чрез почту посылать,
Но чтоб ни было причиною того,
Лишь была б здорова милая моя!

(л. 62 об.)

---

¹Испр., в рукописи: нынче.

²Испр., в рукописи: душой.

³Испр., в рукописи: мешаает.

Простонародная

Ах, девица, красавица моя!
Изволь выведать у молотца ума,
Каков ум-разум, обычай у дружка⁴
«Мне нельзя выведать у нево ума,
Я весьма с ним мало времечко жила:
Один годик со милым гуляла,
Лишь когда один часочик, когда два,
На другой год сиротинкою была,
А на третий по бережку⁵ гуляла,
Погляжу, мило[й] по ту сторону реки,
Чрез речку милой просится ко мне,
Чрез речку, на мою сторону.
Ах, ево я не присвоила к себе,
Во глаза ево негодным назвала:
«Ах, какой ты разнегодной, милой мой!
От какой ты, от красоточки отстал!
А какую негодяйку полюбил,
Знать, жестокое сердечушко в тебе, //
Ах! но ты сожалеешь обо мне». –
– «Сударушка, красна девица, душа!
Не покинь, радость, красавица, меня,
Постараюсь я прошедше все забыть,
Тебя стану больше прежнего⁶ любить!»

(л. 26–26 об.)

---

⁴Испр., в рукописи: друшка.

⁵Испр., в рукописи: берешку.

⁶Испр., в рукописи: прежнего.

Пустонародная

На закате светла месяца,
На восходе красна солнышка
Не сокол летал по поднебесью,
Не яшень явился над чистым полем:
Что ходил-гулял доброй молодец,
У Невы-реки, возле бережку⁷,
Он нескоро шел, спонаравливал,
Во зеленой сад сам заглядывал,
Он, кручинясь, приговаривал:
«Уж все пташечки проснулися,
Друг со другом повидалися,
Сизыми крыльями обнималися,
Лишь одна моя голубушка,
Лебедь белая, красна девица,
Что прилука молодецкая,
Крепко спит теперь во тереме.
Знать, не грезится ей милой друг,
Знать, не мыслит обо мне она,
А мое сердце разрывается,
Что с надеждой не встречается⁸».
Идет девица из терема,
У нея лицо заплакано,
Очи ясны потупилися,
Руки белыя опустилися,
И руса коса разтрепалася.
Как увиделась со милым другом,
Залилась слезами горячими,
Во слезах она чуть промолвила:
«Ты прости, прости, мой милой друг,

---

⁷Испр., в рукописи: берешку.

⁸Испр., в рукописи: встречается.

Ты прости, душа, отецкой сын,
Скоро мне с тобой разстатися!
Не стрела мне сердце ранила,
Не люта змея ужалила,
Не лихи люди погубить хотят,
Но чего я не надеялась,
Кто губит меня – отец и мать,
Выдают меня за немилова,
Уж вчера меня помолвили,
Завтра будут поезжалыя.
Скажи, как мне их не слушаться,
Я достануся немилому,
Не любя, его любить должна
И верна буду по смерть ему».

(л. 65–65 об.)

«Ты душа моя, красна девица,
Моя прежняя⁹ любовница!
Не сиди, мой свет, долго вечером,
Ты не жги свечи воску ярова
И не жди меня до бела света!
Ах, задумал ведь¹⁰ я жениться
И зашел к тебе взять прощение,
За любовь твою поклониться», –

Только вымолвил доброй молодец,
Разрыдалась красна девица,
Затопилась в горячих слезах,
Говорит ему:
«Так отдай, злодей, мой золот перстень
И возьми назад свой булатной нож,
Проколи ты им мою белу грудь,
Растерзай мое ретиво сердце!», –
«Ах, не плачь, не плачь, красна девица,
Я ходить буду милей старого».

Прослезилась красна девица,
Тяжело вздохнув, ему молвила:
«Ах, не греть солн[ц]у жарче летняго,
Не любить другу милей прежняго».

(л. 71)

---

⁹Испр., в рукописи: прежняя.

¹⁰Испр., в рукописи: веть.

«Ты, рябинушка¹¹, ты, кудрявая,
Ты когда взошла, когда выросла? //
Ты, рябинушка, ты кудрявая,
Ты когда цвела, когда вызрела?» –

– «Я весной взошла, летом выросла,
Я зарей цвела, в полдень вызрела».

Под¹² тобою ли, под рябинушкой,
Что не мак цветет, не трава растет,
Не трава растет, не огонь горит,
Не огонь горит – ретиво сердце,
Ретиво сердце молодетцкое.

Ах, горит, горит, как смола кипит,
По душе ль, душе, по лебедушке,
По лебедушке, по голубушке,
По голубушке, красной девице.

Ты, душа ль, душа, красна девица!
На заре ль, заре, заре утренней,
При восходе ли светла солнышка,
Не простившись с отцом, с матерью,
Не выдавшись с добрым молотцом,
Жизнь оставила, ах, скончалася.

Ой, вы ветры, вы ветры теплыя,
Ветры теплые, вы весенняя,
Вы не дуйте, здесь вас не надобно!

---

¹¹Испр., в рукописи: ребинушка.

¹²Испр., в рукописи: пот.

Прилетайте вы, ветры буйные,
Что со северной сторонушки,
Вы развеите здесь мать-сыру-землю.

И развеявши по чисту полю, //
По чисту полю, по широкому,
Вы раскройте мне гробову доску.

Уж и дайте мне вы в последний раз
Распрощатися с моею милою,
С моею милою, с душой-девицей!

Окропив ее горючей слезой,
Я, вздохнув, умру подле ней тогда.

(л. 57 об. – 58 об.)

У залетного ясного сокола
Подопрело его крылышко правое,
Право крылышко, правил[ь]ное перышко.
У заезжаго добраго молодца
Разболелась бол[ь]но его головушка,
Разболелось его сердце ретивое
Не по батюшки, не по матушки,
Не по братце, ах, и не по родной сестрице,
И не по душечке молодой жене!
Ах, что болит его буйна головушка,
Что щемет его ретиво сердечушко,
Слышит по милушке, по красной девице,
По его ли, по названной по сестрице.
Ах, слышь, в его саду, во зеленом во саду
У любимой да его, ах, слышь, яблоньки,
Ах, отломился да вдруг наилучший сук.
И с сука-де того повалилися
С[л]адки яблочки по сырой земле
Подбирала да те сладки яблочки
Что та ль душа красна девица,
Его ль молодца названная сестрица.
Уколола она тут правую ручен[ь]ку,
Ах, да об сучочек¹³ той сладкой яблон[ь]ки,
Обронила она там золото кол[ь]цо,
Золото кол[ь]цо, кол[ь]цо обручал[ь]ное.
Обронивши¹⁴ же его, не могла найти.
Ах, болит-болит ее бол[ь]но ручен[ь]ка,
От тово щемит ретиво ее сердце,
А красавчику, доброму молодчику,
Ее милому, ее другу верному,
Ах, то золото кол[ь]цо предвещает¹⁵
Весть недобрую, гор[ь]ко разлученьице.

(л. 98 об.)

---

¹³Испр., в рукописи: сучечек.

¹⁴Испр., в рукописи: обронивше.

¹⁵Испр., в рукописи: предвещает.

Иностранная

[С]лучилось-то мне, доброму молодцу,
Мимо зеленова саду ехати, //
Случилось мне диво видети,
Такова дива, братцы, не видано
И такова, братцы, чуда не слыхано!
Как под яблонью, под кудрявою,
Что под грушею, под зеленою,
Что на травушке, на муравушке,
На цветах-цветах, на лазоревых,
Как жена мужа потерять хочет.
Вынимает она булатной нож,
Что садится к нему на белы груди,
Распорола ему белу грудь,
Что закрыла ево очи ясные,
Она смотрит в его ретиво сердце.
Посмотрев, сама молвила:
«Ты каков был до меня, мой друг,
Такова тебе и кончинушка».

(л. 70–70 об.)

Простонародная

Ах ты, поле мое, поле чистое!
Ты раздолье мое широкое,
Ах, ты всем, поле, изукрашено,
Ты цветочками-василечками,
Ты одним поле обезбещено:
Посреди тебя, поля чистаго,
Что растет¹⁶-цветет
Част ракивов куст.
А на кусте, на ракивовом,
Как сидит тут млад сизой орел.
В когтях держит черна ворона
И он точит кровь на сыру землю.
Черной ворон тот – доброй молодец,
А молодой орел тот – злодей его.
Как под кустиком, под ракивовым,
Что лежит убит доброй молодец.
Ах! не ласточки, не касаточки
Вкруг тепла гнезда увиваются,
Три лебедушки сокрушаються:
Увивается тут родна матушка,
Она плачет, как река льется
А родна сестра, как ручей течет,
Молода жена – что роса падет.
Взойдет солнышко – росу высушит.

(л. 99)

---

¹⁶Испр., в рукописи: растете.

Иностранная

Уж как пал туман на сине море, на сине море,
А злодейка-кручина в ретиво сердце.
Как не схаживать туману со синя моря,
А злодейке-кручине с ретива сердца.

Как далече-далече, в чистом поле,
Разгорелся огонечек малешенек,
Возле огничка послан ковричек,
А на ковричке лежит доброй молодец;

Во правой руке держит тугой лук,
Во левой руке – калену стрелу,
Во скорых ногах стоит доброй конь,
Он и бьет копытом об сыру землю.

Конь знать дает добру молотцу:
«Ты встань, вставай, доброй молодец,
Ты садись на меня, добра коня,
Я свезу тебя к отцу, к матери,
К молодой жене, к малым детушкам», –

Так возговорил доброй молодец:
«Ты мой доброй конь, слуга верной мой,
Поезжай один на святую Русь,
Поклонись от меня отцу-матери,
Челобитье моей молодой жене,
Благославленье скажи малым детушкам;

Ты скажи, объяви молодой жене,
Что женился я на иной жене,
Я взял за себя поле чистое,
А в приданы взял зелены луга,
У нас добрый сват – булатной меч,
А сосватала калена стрела,
На постель клала свинцовая пуля».

Ты дуброва, дуброва зеленая,
Ты долина, долина широкая,
Уж как всем ты, долина, изукрашена,
А одним ты, долина, обезчещена,
Посреди тебя зеленой курган,
На кургане разослан ковричек,
А на ковричке лежит молодец,
Он избит, изъстрелян, изранен весь.

(л. 75 об.–76)

ЖЕНСКИЕ СТРАДАНИЯ О ЛЮБВИ

*Всю тайность объявлю:
я молодчица люблю*

Простонародная

Не спала я целу ноченьку, млада,
Со вечернея до утренней зари.
Не комарики мешали мне уснуть –
Волновалось ретивое сердце мое!

Друга мила ждала, млада, к себе,
Во всю ночь дожидаться его не могла.
На рассвете я уснула, молода,
Лишь заснула – вижу милова во сне.

Будто милой друг в высок терем взошел,
К тесовой моей кровати подошел,
Будто полог миткалинной разпахнул,
Стал меня целовать он и миловать.

Я со радости, с веселия того,
Пробуждаюсь, молодешенька, от сна,
Пробудившись, я на белой свет гляжу,
Гляжу, вижу: возле милаго лежу.

Не обманчивой привиделся мне сон,
Наяву милой случился быть со мной!

(л. 88)

Малороссиянська

Ой, коли я Продыуса любила, любила,
Не одни я черевики зносила, зносила,
Цур¹ тебе, Продыусе!
Пек тебе, Продыусе!
Сама себе дивуюся,
С Продыусом целуюся!
Ой, приехав мой милинькой у ночи, у ночи,
А я себе с Продыусом целую на печи, на печи,
Цур тебе, Продыусе!
Пек тебе, Продыусе!
Сама себе дивуюся,
С Продыусом целуюся!
Ой, кто тебе, мой миленькой, и сказав, и сказав,
Що у меня Продыус ночевав, ночевав?
Цур тебе, Продыусе!
Пек тебе, Продыусе!
Сама себе дивуюся,
С Продыусом целуюся!
Наехали москали, донец и донец,
Дали мне два рубличка на танец, на² танец,
Цур тебе, Продыусе!
Пек тебе, Продыусе!
Сама себе дивуюся,
С Продыусом целуюся!
И копеечку на горлинку, и шажок на медок,
Щоб³ у меня, молоденьки, не болев животок!
Цур тебе, Продыусе!
Пек тебе, Продыусе!
Сама себе дивуюся,
С Продыусом целуюся!
(л. 100 об.)

---

¹Испр., в рукописи: цурт.

²Испр., в рукописи предлог «на» повторен дважды.

³Испр., в рукописи: що.

Малороссиянська

На бережку⁴ у ставка,
На дощечки у млинка
Фартук пряла девчина,
Плескалась яко рыбчина.
Да купала, встав небого,
Гей, не мая тут никого.
Ой, некому подбегти,
Щоб девчину вытягти.
Кричит проба іе маты,
Щоб девчину радовати,
Каже то за прозцатую
Я девчину подарую.
«Гей, девчина уродлива,
Рюмянная, чернобрива!
Оченьки як ясочки,
Губеньки як розаньки,
Рученьки мякесеньки,
Ноженьки белешеньки,
Гарная як квіточка,
Любая як рыбочка!
Дак умее[шь] танцовать,
С козаками жертвовать».
Аж козак тут изгодився,
Зараз в ставок опустився.
Знай, щов видно вин девчину,
Да и вытяив як рыбчину.
«Гей, козаче уродливы!
Да молоденьки, да жартливы,
Усеньки чернавыя,
Зубоньки перловыя.

---

⁴Испр., в рукописи: берешку.

Чупчик твій кругесенький,
Да и жупан⁵ чернесенький,
Чирвонная шапочка!
Тая огулярочка,
Сафьяновы чеботцы
Да и сабельки прибацы».
«Стережися, девчина,
Моя любя рыбчина.
Одна к млинку не ходи
Да и в ставочик не вдады.
Во в ставочке да запнешься,
К бережку⁶ не зберешься.
Ой, да дуже процовав,
Як тебя выжитав.
Для родного твоего стану
И яж тебя не достану,
Я ж вечер буду близенько,
Приди до меня, серденько!
Ты ж, девчина уродлива,
Румяная, чернобрива,
Оченьки, як ясочек,
Рученьки белесеньки,
Ноженьки мякесеньки,
Гарная⁷ як квіточка,
Люб[а]я як рыбочка.
Дак умеешь танцовать
И с козаками жертвовать».
«Гей, козаченьки любеченьки,
Мой голубчик сизешеньки,
Потанцуй со мной, як можешь,

---

⁵Испр., в рукописи: шупан.

⁶Испр., в рукописи: берещку.

⁷Испр., в рукописи: горная.

Пожертвуй собі, як хочеш!
За твою я процатую
Все, що маєш, поцую.
Усеньки черновья,
Зубоньки перловья,
Чюпчик твой круглесеньки
Да жупан чернешеньки,
Червоная шапочка,
Тая агулярочка.
Коли то доля моя,
Так нехай буду твоя!»

(л. 5–5 об.)

Голос очень приятной и веселой

Как на горке, на горе,
На высокой, на крутой
Стоял высокой терем,
Он не низок, не высок,
Девяносто семь венцов,

Красна девица
По терему похаживала,
Она пялечки
Во ручен[ь]ках понашивала,
В руках пялички держала,
Клубок ниток потеряла.

«Ах! за эти ль меня нити
Хочет мати бол[ь]но бити,
Ах ты, матушка, не бей, //
Сударыня, не жури,
Я за эту, за вину
Всю покорность принесу,

И всю тайность объявлю:
Я молотчика люблю».

(л. 55 об.–56)

Пфостонародная

Молодка, молодка молодая,
Красотка, красотка дорогая,
Уж полно по улице ходити,
Ах, полно по миленьком тужити!

– «Как мне по милом не тужити,
Такова другова не нажити,
Что ростом, дородством, красотой,
Всею молодецкою поступкою.

Вечор-то я с милым побранилась,
Вечор с любезным посчиталась,
Побранка была с ним небол[ь]шая.

Не знаю, как с другом помирит[ь]ся:
Самой покориться – не годитца,
Людей засылати – мне некстати,
Дождуся я, млада, темной ночи,
Что темной ночки осенней.

Сама я к милому побываю, //
В глаза дорогому попеняю:
«Ах, любчик, мой миленькой голубчик,
Не слушай, друг, разума чужова,
Чужих, моя радость, наговоров!»

Люди-то смущают, разлучают,
Людям-то завидно, что советно».

(л. 46 об. – 47)

Простонародная

Ах, девица, красавица моя!
Изволь выведать у молотца ума,
Каков ум-разум, обычай у дружка

«Мне нельзя выведать у нево ума,
Я весьма с ним мало времечко жила:
Один годик со милым гуляла,

Лишь когда один часочик, когда два,
На другой год сиротинкою была,
А на третий по бережку гуляла,

Погляжу, мило[й] по ту сторону реки,
Чрез речку милой просится ко мне,
Чрез речку, на мою сторону.

Ах, ево я не присвоила к себе,
Во глаза ево негодным назвала:
«Ах, какой ты разнегодной, милой мой!
От какой ты, от красоточки отстал!
А какую негодяйку полюбил,
Знать, жестокое сердечушко в тебе, //
Ах! но ты сожалеешь обо мне». –

– «Сударушка, красна девица, душа!
Не покинь, радость, красавица, меня,
Постараюсь я прошедше все забыть,
Тебя стану больше прежнего любить!»

(л. 26–26 об.)

Ифостонафродная

Ах, как нынешние люди,
Они молоды лукавы, //
С измаленька вороваты,
Не выдавши, они видят
Не слыхавши, много слышат!

Как сказали про девицу
Напрасную небылицу,
Будто я, красна девица,
Во всю ноченьку не спала,
В зеленом саду гуляла,

Сладко вишенье щипала,
На серебряно блюдо клала,
Виноградом добавляла,
В итальянской плат вязала,

Извощичка нанимала,
Извозщичка молодова,
Неженатова, холостова.
«Вези меня поскорей,
Пока люди не видали
И соседушки не спознали,
Отцу-матери моему не сказали.

Мой батюшка очень грозен,
Грознея тово моя матушка,
Не велит мне и на улицу ходить,
Не велит мне с холостыми
Речь говорить».

(л. 24 об. – 25)

Голос протяжной

Ах, очи, мои очи,
Свет ясныя очи,
Не дают покоя
Во все темны ночи!

«Долго ли, любезная,
За тобой ходити,
Гостинцы носити,
Милости просити?»

Али ты, любезная,
Али мне не веришь?» –
– «А я тебе верю,
Велю слать постелю» –

– «Стели, моя радость,
Стели, дорогая,
Стели, дорогая,
Пашин[ь]ка милая!
А я в гости буду
И не преминую!»

Ах, по саду-саду,
Саду зеленому,
Ходила-гуляла
Красная девица,

Щипала-ломала
С винограду ветья,
Метала-бросала
Ко милому в спал[ь]ну.

«Знать-та, у милова
Дома нездоровы,
Закрыты окошки
Черною тафтою,
Черною тафтою
С белой бахрамою.

Не стала у милого никакой,
Никакой приметки, //
Хрустал[ь]наго графинчика
С веиной водкой,

С веиновой водкой,
Серебреной пробкой,
Из котораго мы
С любезным пивали»

(л. 56–56 об.)

Простонародная

Ах! деревня от деревни
Неподалеку стоит,
Промежду тоя деревни
Быстра речинька бежит.
Что во той ли во деревне
Два Иванушка живут,
Два Ивана, два Ивана,
Два Ивановича!
Как повадился Иванушка
Ко девушке ходить:
Он по улице идет,
Радость песенки поет,
К широку двору подходит,
Сам насвистывает,
За колечюшко берет,
Выговаривает:
«Дома ль любушка моя,
Чтобы встретила меня,
Чтобы встретила меня,
Удалова молодца^{8?}»
Ево любушка встречала,
За белы руки примала,
Что во горницу ввела,
За дубов стол посадила,
Чаем-кофием поила
И конфекты становила.
Со малиной пирог ставит,
Рюмку водки наливает:
«Коли любишь, друг, меня,

---

⁸Испр., в рукописи: молотца.

Выпей, радость, для меня».
«Я не пью, радость, не пью
Во белы руки приму,
Во белы руки приму,
Ко устам принесу!
Скажи, любушка моя,
С коих пор любишь меня?»
«И я с той поры люблю
Как гуляла я с тобою,
Как гуляла я с тобою
Во зеленом во саду,
Сладки яблочки рвала,
Я заметила тебя,
Я яблочко закусила,
Тебя, радость, полюбила».
«Скажи, любушка моя,
Не покинешь ли меня,
Детину-сиротину
На чужой стороне,
На чужой стороне,
В чужих людях живучи,
В чужих людях живучи,
Горе мыкаючи».

(л. 96–96 об.)

Звипташеся шрожець гаже

свиний гадло.

ИЗМЕНА И РАЗЛУКА В ЖЕНСКОЙ СУДЬБЕ

Что же ты, девица, небесело сидишь?

Голос томный, нежный

Снеги белые пушисты
Уж покрыли поле все,
Лишь одно оне не скрыли –
Горе лютое мое.

Как кусточик среди поля
Одинехонек стоит
К ней клонит к земле ветки
Ни листочка нет на нем.

Так без милова я друга
Здесь тоскую все одна,
Сердце мне печаль стиснула
И утехи скрылись все.

Злу кручину чтоб размыкать,
Выйду я на бугорок,
На иссохший там пенёчик
Подгорюнясь, сяду я.

Погляжу я в ту сторонку,
Где мой миленькой живет,
Погляжу, вздохну и слезы
Навернутся на глазах.

Замрет сердце и занует,
Обольется кровью вмиг,
Дух займется, грудь стеснится,
Вздых за вздохом полетит.

Замелкают на ресницах
И невзвижу света я
Градом слезы покатятся
Быстро горки по лицу.

Слеза канет, снег растает
И исчезнет он под ней.
Слезы льются, а не смоют
Горе сердца моего.

Пусть не смоют, пусть ручьями
Оне по груди текут,
Льзя ль без друга жить не в горе –
Сердцу пища лишь оно.

(л. 18 об. – 19)

Простонародная

Вспомни, вспомни, мой любезной,
Мою прежнюю¹ любовь.
Как мы с тобой, мой любезный,
Погуливали,
Осенняя темная ночи
Просиживали,

Забавные тайные речи
Говаривали.
Тебе, мой друг, мой друг,
Не жениться,
Мне замуж, девке, нейти.

Женись, женись, мой батюшка²,
Я замуж, девка, пойду.
В чистом поле-поле, при долине
Стоял высок терем.
В том ли новом-новом теремочке
Девушки песенки поют,
Знать, что мою любезную
Зговаривают...

Среди двора стоит крыльцо
Раскрашенное,
С того крыльца вели к венцу
Красну девицу, душу.
Один ведет за ручен[ь]ку,
Другому-то жаль,

---

¹Испр., в рукописи: прежнюю.

²Испр., в рукописи здесь и далее в тексте песни: батюшка.

Третий стоит слезы ронит,
Любил да не взял,
Кормил, поил свою любезную,
Все прочил себе:
– Доставалась моя любезная
Иному, не мне,
Хорошая, пригожая,
Простися со мной.

– И я рада бы простилась,
Воля не своя,
Как жила у батюшки,
Мне воля была,
Помнить буду, друг любезной,
Все ласки твои,
Как сойдемся, обоймемся,
Дружочик, с тобой,
Разходившись, слезы льются,
Радость, дорогой.

(л. 48)

Льстонародная

Цвели-цвели цветики,
Да поблекли,
Любил-любил милой друг,
Да покинул.

Покинул, душа моя,
Ненадолго,
Не на долго времячко –
На часочик.

Часочик-то кажется
За денечик,
Денечик-то кажется
За недельку,
Неделюшка кажется
За годочик.

Сбирался мой миленько[й]
В городочик,
А я за милым друшком
Не гонюся,

Гони[т]ся, душа моя,
Он за мною,
За моей девичьей
Красотою.

Спишу-спишу грамотку
Веселую,
Пошлю-пошлю служиньку
Молодую.

Сама б пошла, молодая я,
Да боюся.
Пойду-пойду к батюшке
Да спрошуся,
Сударыне-матушке
Доложуся:

– Пусти меня, матушка,
Поголяти»

– Гуляй, гуляй, дитятко,
Да недолго,

Недолгое времячко
Ты, часочик.

Вечор у нас, дитятко,
Сваты были,
Хотят твою косын[ь]ку
Разплетати,
Буйную головушку
Разчесати.

– В сыром бору сосенка
Зеле[ен]ька,
А я у вас, матушка,
Молоденька,

Руса косынька моя
Коротешенька,
Умом я и разумом
Все глупенька».

(л. 84)

По улице мостовой,
По широкой столбовой
Шла девица за водой
За ней парень молодой.

Кричит: «Девица, стой!
Красавица, погоди!
Пойдем вместе за водою
За холодной, ключевой!»

«Ах ты, парень, паренек!
Твой глупенькой разумок, //
Не кричи во весь народ,
Мой батушка у ворот;

Зовет меня в огород
Чесноку, луку полоть,
Маку сеенова,
Луку зеленова.

И я в праву руку – луку,
А в левую – чесноку.
Сама по цветики пойду
По лазоревые.

Я по цвет[ик]ам ходила,
По лазоревым³ гуляла⁴,
По лазоревым гуляла,
Цвета алава искала,

---

³Испр., в рукописи: лазоревых.

⁴Испр., в рукописи: хуляла.

Не нашла цвета такова
Супротив свово милова,
Как мой миленькой хорош
Чернобров, душа, пригож!

Ручки в пазушку положи,
Мне подарочек принес,
Подарок дорогой –
С руки перстень золотой.

Мне не дорог твой подарок,
Дорога твоя любовь!
Не хочу перстня носить,
Стану так дружка любить!

Ты куда ж, моя надежда,
Снаряжаешься?
Собирался мой милой,
Собирался дорогой;

Он на Волгу на реку,
На крутинькой бережок,
На крутинькой бережок,
На жолтин[ь]кой на песок!

Уж я по воду пойду,
На крутой берег взойду,
Туда-сюда погляжу:
Куда речинька бежит?

Волга-матушка быстра
Скоро судно пронесла
Моево мила дружка
Во зеленые лужка.

Суденьшко во лесок,
А я млада – в голосок!
Суденьшко – во пучину,
А я млада – во кручину!

Суденьшко тонет, тонет,
У мене ли сердце ноет,
Суденьшко потонуло,
А я млада воздохнула».

(л. 11 об.– 12)

Известная просто[народная]

Денечик проходит,
Ночка наступает,
Ко мне, к молоденьке,
Милой присылает,
Милой присылает
И сам приезжает:
«Дома ли милая,
Радость, дорогая?»
А я, молоденька,
А я, зеле[не]нька,
На ножку легонька,
С постели вставала,
На двор поспешала,
Дружочка⁵ встречала,
Про ево здоровье
Дружка рас[с]просила,
Про свое нещастье
Ему ра[с]сказала,
Тогда мой дружочик⁶
Отошел подале,
Сплеснулся руками,
Залился слезами.
А я, молоденька,
Дружку⁷ говорила:
«Сокол ты мой ясной,
Молодец прекрасной,
Дружочик мой милой,

---

⁵Испр., в рукописи: дружечка.

⁶Испр., в рукописи здесь и далее в тексте песни: дружечик.

⁷Испр., в рукописи: друшку.

Орел златокрылой,
Куда отъезжаешь,
Меня покидаешь?
На чужой сторонке
Меня, молоденьку,
Меня, молоденьку,
Меня, зелененьку», –
«Я отъезжаю
В нижний городочик,
В нижний городчик
На один годочек.
Пиши ко мне письма,
Я буду читати,
К сердцу прижимати,
Слезно возрыдати,
Тебя, молоденьку,
В слезах вспоминати».

(л. 71 об. – 72)

Узбестная

«Я пойду ли, молоденька,
Во всю темну ночь гуляти,
Друга милова искати.
Я нашла друга милова
В зеленом саду под грушей.
Ахти, горе горевати,
Про беду нельзя сказати».
Ты не сказывай, девица,
На купчика молодова,
Ты скажи, скажи, девица,
На сержанта полевова.
Буде, спросят про сержанта,
Ты скажи: он во походе,
Да на Шведцкой на границе,
Во горнице, во светлице.
Молодой тут писарь пишет,
Перед ним стоит девица,
Свои белы руки ломит,
Горячия слезы ронит,
В колыбелушке девица
Дитя милое качает:
«Ты баю-баю, дитятко,
Баю, милое, родное.
За тобой, за дитятей,
Вся гульба моя пропала,
Я от купчика отстала».

(л. 71 об.)

Любознародная

«Ах, жаль-то мне милова, любезнова своево!
Снаряжается⁸ милой друг на чужую сторону,
На чужу сторонушку, во незнамы города».
Кто бы, кто бы, девица, твоему горю помог?
Любезнова твоево с дороженьки воротил?

«Воротися, милой друг, воротися, жизнь моя!
Хотя не воротишься – оглянися на меня,
Хотя не оглянишься – махни правою рукой,
Махни правой рукой, черной шляпой пуховой.

Гулянье-гуляньице, молодецкая гульба!
Довело гуляньице до славушки до худой!
Журят-бранят молодца за худыя дела,
За худыя за дела, за поздные вечера. //

Уезжает молодец в чужу дальну сторону,
А я, красна девица, буду плакать и тужить!» –
«Не плачь, не плачь, девица,
Не плачь, радость, жизнь моя!
Наплачешься, жизнь моя, как не будет и меня.

Пришлю, пришлю, молодец, перстенечик золотой,
Когда тебе сгрустнится, перстенечик поноси.
При радости, девица, на портретец посмотри,
На портретец посмотри, меня, мой свет, вспомяни».

(л. 70 об. – 71)

⁸Испр., в рукописи: сряжается.

Простонародная

У сыра дуба, скрыпучева,
Нет ни корня, ни отросточка –
Мне от моего мила друга
Нет не весточки, нет не грамотки,
Ни словеснаго челобитьца.

Я пойду, млада, во высок терем,
Я возьму свои золоты ключи,
Отопру мои кованы ларцы,
Я возьму, млада, бела бархата,
Напишу на нем другу грамотку,
Не пером, млада, не чернилами,
А своими лишь горячи[ми] слезами⁹:

«Ах ты, душенька, мой сердечной друг!
Ты милее мне отца-матери,
Ты любезнее мне родной сестры,
Ты приятнее брата милова,
Рода-племени и подружек всех!

Ах, ты тужишь ли обо мне, мой друг,
Вспоминаешь ли обо мне, мой свет?
Для чего же ты не уведомишь
О житье-бытье во чужой стране,
О здоровьице твоём, милом мне?

Без тебя я здесь чуть жива хожу,
Я изсохла вся по тебе, мой свет,
Один остов лишь человеческой,
Только тень моя лишь шатается.

---

⁹Испр., в рукописи: слези.

Я хожу, млада, запинаяся,
Говорю, млада, забываюся,
Сна, питья, ества я лишаюся,
Что с тобой, мой друг, разлучилася,
Все тебя к себе дожидаюся,
А не будешь ты, я скончаюся».

(л. 103 об.)

Простонародная

Как за речинькой
Слободушка стоит,
Во слободке
Молода вдова живет. //

У вдовушки дочь
Хорошая растет,
Про нее слава
Порядочна идет.

Ее личико, как
Беленькой снежок,
Щечки алы, ровно
Розовой цветок,

Брови черны,
Развеселыя глаза,
Речь умил[ь]на,
Политичныя слова,
Где родилася
Такая красота?

Красоты в лице
Не можно описать
И подобия нигде
Не отыскать.

У ворот девка стояла
С молотцом,
Красавица
Говорила молотцу:

«Полно, милинькой,
В компанию ходить,
Перестань, друг,
Пустыя речи говорить,
Перестань, друг,
Меня, девушку, сушить!»

Я со той тоски
Замуж, млада, нейду,
Хоть замуж пойду
За старова старика.

Старой муж
Не пускает никуда,
А хоть пустит,
Сам за мною вслед идет.
Меня, молоду,
Кручинушка берет!

Злые люди, вы
Уймьтесь говорить,
Перестаньте меня,
Молоду, бранить!

А кто смолоду
Не знает той любви,
Какова любовь
На свете тяжела.
Остаюсь я за старым
Молода.

Ветры дуют,
Лесы клонют на меня,
Слышит сердце
Небыльи словеса.

Мой милинькой,
Молодинькой хорош! //
Хотел, милой
Все поместья заложить,
Хотел, милой,
Меня, девушку, снарядить.

Белой цвет мне
Не кажетца младой,
Голубой цвет,
Он от солнышка бежит,

Лучше, лучше
Черно платъице возьму,
В черном платье я
В компаньи покажусь,

Во всей славе
В монастырь-то я явлюсь
И тогда, млада, заочно
Я со всеми распращусь

(л. 25–26)

Печальная

У нас было во садочке
Гуляла девочка,
Гуляла красна девочка,
Купеческа дочка.
На ней платье миткалево,
Алого цветочка,
В косе лента голубая,
Девка молодая.
Девчоночка молодая
Полюбила парня,
Парня девка, паренечка,
Вдовина сыночка.
Идет парень¹⁰ долиною,
Сам машет рукою,
Выманивал красну девку
На путь, на дорожку.
На путь вызвал, на дорожку,
На праву сторонку.
При пути девка стояла,
Случаю не знала,
Разлуку она спознала,
От парня отстала,
От парня девка отстала,
К сержанту пристала,
Идет сержант по дорожке
В зеленом мундире,
В белой сержант портупее¹¹
И при острой сабле,

---

¹⁰Испр., в рукописи: паринь.

¹¹Испр., в рукописи: протупее.

Стучит гремит острой саблей
Над буйной головкой
И бьет сержант красну девку
По личику белу.
«Не бей, сержант, лица бела,
Руби мое тело,
И так мое лицо бело
От солнца сгорело,
От солнца сгорело
И от дождя ко ветру почернело».

(л. 84–84 об.)

Иностранная

Я вечер¹² сво[е]го милова
Праважала далеко,
Проводивши я милова,
Воздохнула тяжело:
«Воздохни-ка ты, любезной,
В чужой дал[ь]ной стороне,
Я по тебе, мой милый,
Сокрушаюсь всегда,
Сокрушаюсь, въздыхаю,
Обливаюсь слезами».
Во слезах я, молоденька,
Не знала, куда идти,
Темным лесом проходила,
Не казался алой цвет,
Не шелкова в поле травка
Застилала за мной след,
Застилала за мной след
Полынь, горькая трава,
Из-за гор ли, гор высоких
Катилась туча, гром,
Выкаталась туча, гром
Со сильным частым дождем.
От того ли, от дождя
Течет речин[ь]ка быстра,
А по той-то быстрой речке
Легка лодочка плывет,
Что в той ли лесной лодочки
Два молодца сидят,
Два молодца сидят,

---

¹²Испр., в рукописи: вечер.

Про разлуку говорят:
«Ты злодей, злодей, разлука,
Чужа, дал[ь]на сторона,
Разлучила¹³ ты, разлука,
С отцом с матерью меня,
А еще же разлучила
С молодой со женой,
Того горче разлучила
С красной девицей душой.
Всё бы, всё бы я, несчастной,
Под окошечком сидел,
Всё бы, всё бы горемышной
В свою сторону смотрел».

(л. 75–75 об.)

---

¹³Испр., в рукописи: разлугила.

Листопадная

Ты, дубровушка моя, дубровушка,
Ты, дубровушка моя зеленая!
Ты к чему рано зашумела, //
Приклонила ты свои ветви.
Из тебя ли из дубровушки
Мелки пташечки вон вылетали.
Одна пташичка оставалася,
Горемышна кокушичка.
Что кокует она день и ночь,
Не на малой час, перемолку нет,
Жалобу творит кокушичка
На залетнаго яснаго сокола.
Разорил он ея тепло гнездышко,
Разорил он ея малых детушак,
Малых детушак-кокуняточак,
Что по ел[ь]ничку, по березничку,
По часту леску, по орешничку.
Что в тереме¹⁴ сидит девица,
Что в высоком сидит красная
Под косящитым под окошечком.
Она плачет, как река льется,
Возрыдает, что ключи кипят,
Жалобу творит красна девица
На заезжева добра молодца.
Что сманил он красну девицу,
Что от батюшки и от матушки.
И завез он красну девицу
На чужую, дал[ь]ну сторону,
На чужу, дал[ь]ну, незнакомую,
Что завесши, хочит кинути.

(л. 99 об. – 100)

---

¹⁴Испр., в рукописи: терими.

Простонародная

Как вечер тоска нападала,
Во всю темну ночь,
Младенька, не сыпала,
У тесовой кровати простояла,
Соболиное одеяло продержала.

Я ждала дружка, дожидалася,
Я насилу дружка дождалася,
Я из горенки во спаленку ходила,
Я из шкапчика графинчик вынимала,
Пополнее стакан водки наливала.

Я ково прежде любила, подносила,
Подносила я прежнему дружочку:
«Выпей, выкушай, Душа моя, молодчик!»
На меня, красну девицу, не сердися,
На меня, красну девицу, без времянье,

Без времянье, без времянье, сговорень!
Сговорила меня матушка родная
За такова за худова человека!
Не ему было каналье мной владети,

А владеть было прежнему дружочку,
Я которова во девушках любила,
Золото-вито колечко подарила.
За колечко меня матушка бранила,
Прости, матушка, виновата!
Я во садике, младешинька, ходила,

Я виту белу капусту поливала,
Между гряд я колечко обронила,
Нелюбимая подружка находила,
Своему дружку подарила.

(л. 95)

Простонародная

Говорил-то мне сердечной друг,
Говорил, крепко наказывал,
С иным гулять не приказывал:

«Посмирнее живи, любушка,
Моя белая лебедушка».

Я наказу не послушалась,
С иным дружкой повадилась,
Повадивши, разбранилась,
Разбранивши, слезно плакала,
Во слезах слово промолвила:

«Погляди-тка мой сердечной друг,
У нас на дворе туман, туман,
Что густой туман с чястым дождичком, //

Во чистом поле буйны ветры,
Что буйны ветры со вихрями,
На синем море погодушка.
Есть у девушки зазнобушка,
Зазнобил сердце детинушка,
Зазнобивши, он в поход пошел,
Что во путь, в землю туретцкую».

(л. 36 об.– 37)

Иностранная

Ах вы, кумушки-голубушки-подружки!
Вы которому святителю молились,
Вы которым чудотворцам обещались,
Что у вас мужья молодья?
У меня ли, у младен[ь]ки, старичища!
Не пускает старичище на игрище.
Я от старова уходом уходила, //
Под полою цветно платье уносила,
За вереюшкой дубовой одевалась,
И я позже всех в беседу приходила,
Я на кончике младешинька садилась,
И я прежде всех с беседы торопилась.

(л. 105 об. – 106)

Простонародная

Сказали про молотца,
Будто без вести пропал.
Сказали, удаленькой
В синем море потонул.
А нонече молодец
Вдоль по улице прошол,
Любимую песенку
Шибко, громко просвистал.
На свисточке свищет,
Голос в терем подавал,
Чтоб слышала девица
Удалова молодца.
Горела бы у девицы
Воску свеча.
Ждала б, ждала б девица
Удалова молодца.
«Зачем, зачем, молодец,
Вечор долго не бывал?» –
– «Сударушка, девица,
Позамешкался в дому,
С худою женишкою вить
Побраночка была.
Журила, бранила меня,
Мой свет, и тебя,
Тебя, красну девицу,
Бесстыдницей назвала.
Меня, доброва молодца,
В обеществе привела.
Я бил ее, бестию,
Чуть живу на свет пустил».
А тут девица молодцу

Насмеяся в глаза:
«Не бей, не бей, молодец,
Ты худую свою жену!
С худую женишкою тебе
Век свой вековать,
Со мной, с красной девицей,
Одну ночку ночевать.
Воз[ь]ми, воз[ь]ми, молодец,
Полотняной бел шатер,
А я, красна девица,
Тесову свою кровать.
Ложись, ложись, молодец,
От лесу от темнова,
А я, красна девица,
От зверя от лютова,
От зверя от лютова,
От волка от серова».
Проснулся тут молодец:
Нет девицы и шатра,
Что ни добраго, братцы, коня,
Ни черкаскаго седла.

(л. 95 об.)

Простонародная

Ивушка, ивушка
Зеленая моя!
Что же ты, ивушка,
Не зеленая стоишь?

Или ту ивушку
Солнышко печет,
Солнышко печет,
Частым дождичком сечет, //
Под корешок
Ключева вода течет.

Ехали дворяне
Из Новагорода,
Срубили ивушку
Под самой корешок,

Сделали из ивушки
Два весла,
Два весла,
Третью – лодочку.

Сели они в лодочку,
Поехали домой,
Взяли-подхватили
Красну девицу с собой,

Стали оне девицу
Спрашивати:
«Девица, девица,
Красавица моя,

Что же ты, девица,
Невесело сидишь?
Или ты, красная,
Думаешь о чем?»

– «Как же мне, девице,
Веселой быть,
Как же мне, красной,
Не задуматся?»

Что это у батюшки
Выдумано,
У родимой матушки
Выгадано.

Мен[ь]шую сестру
Прежде замуж отдают.
Мен[ь]шая сестра
Чем же лучше меня,
Лучше меня или вежливее?

Мен[ь]шая сестра вить
Не ткать, не прясть,
Тол[ь]ко по воду ходить,
С горы ведра катить.

Качу я, покачу
С горы ведра,
Станете вы ведра,
Полным-полны,
Полным-полны,
С краями равны!»

(л. 74 об. – 75)

Мужские любовные переживания в книжной поэзии

РАДОСТИ ЛЮБВИ

«Лети, мой вздох, лети стрелой»

[П. С. Гагарин]

К ласточке

В поднебесье раздается
Звонкой, нежной голосок,
Птичка резво в небо вьется
И порхает, где прудок.
Вдоль летает,
То виляет,
Вдоль и вверх, и поперек¹, (2)
И туда,
И сюда.

Мила ласточка, здорова!
К нам с тобой утеха нова!

К нам весна спешит с тобою,
Чтоб забавы породить,
Ты порхай всегда над мною,
Вей гнездо, где буду жить
Я весною
С дорогою.
Ты весну ведешь с собою. (2)

Ах! она мне мила!
Мила ласточка, здорова!
К нам с тобой утеха нова!

---

¹Испр., в рукописи: поперег

Сизокрылой голубочик
И з голубкою своей,
Сядем на кусточик
Прид Лизанькою моей.
Он подружку,
Я пастушку,
Станем нежно целовать. (2)

Он в носок,
Я в роток!
Мила ласточка, здорова!
К нам с тобой утеха нова! //

Над душистыми цветами
Пестры бабочки летят
И узорны[ми] крылами
Игры, смехи к нам манят.
Тут лилее,
Им милее –
Розы Лизан[ь]ки² моей. (2)

Игры с³ ней,
Смехи к ней!
Мила ласточка, здорова!
К нам с тобой утеха нова!

---

²Испр., в рукописи: Лизынки.

³Испр., в рукописи: в ней.

И кусточки распушатся,
Зелень уберет поля,
Спешу с Лизой прогулят[ь]ся
Я в цветущия луга,
И в лесочик,
Под кусточик
Отдохнуть мы с ней зайдем. (2)

Буду с ней
Счастлив ей!
Мила ласточка, здорово!
К нам с тобой утеха нова!

(л. 121–121 об.)

[П. С. Гагарин]

Черныя, голубыя глаза

Лирой громкою иные
Славят славных на бою,
Глаза черны, голубые,
Вам я песенку пою!

Я в награду ожидаю
От любви себе цветок
И ногами попираю
Кровью купленной венок.

Я народом не владею
И на пышность не гляжу,
Участь лучшую имею –
Меж красот суд[ь]ей сижу.

Сердце нежно разбирает,
Что прелестнее для нас,
И что более пленяет:
Голубой иль черной глаз.

Глаза черные проворны,
Сердце вмиг они язвят.
Голубые ж – нежны, томны,
Тихо в плен они манят.

У Венеры взгляд небесной,
Черных глаз – огнем горит,
Взор же грации прелестной
Томность нежная живит.

В глазах черных всяк читает:
Да, желанно иль отказ;
От других же ожидает
Долго всяк желанный час.

Буйство страсти в глазах черных,
Нежность сладкая в других,
Зри восторг в глазах проворных,
Любви ж чувство в голубых!

Глаза черны... вы прелестны!
Но я Лизы не видал,
Взоры Лизины любезны,
В них любовь я прочитал.

Глаза черные, пленяйте
Не меня вы, а других!
Чувства сердца возглашайте,
Нет прекрасней голубых!

(л. 115)

[И. А. Крылов]

Похищение Волоска в перстень к Ан[н]ете

Напрасно хранить ты старалась
Прелестны волосы свои,
Любовь не меньше полагалась
На хитры выдумки свои. //

Любовь на нашу осторожность
Всегда с усмешкою глядит,
Препятство, труд и невозможность
Орудием успехов чтит.

На легких крылушках летая,
Она подкралась и к тебе,
Прилежно взор твой наблюдая,
Нашла минуту по себе,

Вселила вдруг в тебе забвеньё,
Вложив в уста обилье слов,
И срезала в одно мгновенье
Твоих немного волосов.

Потом, вспорхнувши, полетела,
Гордясь добычею своей,
Ты в изумленьи не хотела
Поверить хитрой тайне сей.

Смущенье на лице явилось,
Румянец нежной заиграл,
Прости, что делать? Так случилось,
Уже давно того искал!

(118–118 об.)

[И. А. Крылов]

Нежная «Отъезд»

Уже близка минута
Разлуки моя,
Прости, прости, Анюта,
Уж скоро еду я.

Расставшись с тобою,
Расстанусь⁴ я с душою⁵,
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?

Позволь мне в утешенье
Хоть песенкою сей
Открыть мое мученье
И скорбь души моей.

Пусть за меня в разлуке
Она напомнит муки,
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?

Моря переплывая,
Меж камней, между гор
Тебя лишь, дорогая,
Искать мой станет взор.

С кем встречусь лишь одной
Займу ево тобою,

---

⁴Испр., в рукописи: растянусь.

⁵Испр., в рукописи: душою

А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомниш[ь] ли меня?

Леса, деревня, поле –
Все вспомнит предо мной,
Места, где в тихой доле
Был счастлив я с тобой.

Все мне тебя представит,
Все слезы лишь заставит,
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?

Вот лес, скажу, унылый,
Где вдруг ты стала зла,
Потом улыбкой милой
Знак к миру мне дала.

Там я с тобой встречался⁶,
Здесь я тобой прельщался,
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?

Предвижу, как в оковы
Сердца к тебе летят,
Сулят утехи новы,
Быть верными сулят.

Увы, зря их мученье,
Их ласки, обоженье,
Увы, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?

---

⁶Испр., в рукописи: встречался

Хоть вспомни, как тобою
Томится грудь моя,
И что, лишась покою,
Не льщусь надеждой я.

Ах, вспомни все мученье
И это разлученье,
Мой друг, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?

(л. 117)

[М. В. Ломоносов]

Люббвая. Голос приятный

Ночною темнотою
Покрылись небеса,
Все люди для покою
Сомкнули уж глаза.

Внезапно постучался
У двери Купидон,
Приятный перервался
В начале самом сон.

«Кто так стучится смело?!», –
Со гневом я вскричал.
– «Согрей, обмерзло тело, –
Сквозь дверь мне отвечал, – //

Чего ты утрашился?
Я – мальчик, чуть дышу,
Я ночью заблудился,
Обмок и весь дрожу...»

Тогда мне жалко стало,
Я свечку засветил,
Не медлиши ни мало,
К себе его пустил.

Увидел, что крылами
Он машет за спиной,
Колчан набит стрелами,
Лук стянут тетивой.

Жалея о несчастье,
Огонь я разложил
И при таком ненастье
К камину посадил.

Я теплыми руками
Холодные руки мямл,
А крылья и с кудрями
Досуха выжимал.

Он чуть лишь ободрился:
«Каков-то, – молвил, – лук
В дожде, чай, повредился», –
И с словом стрелил вдруг,

Тут грудь мою пронзила
Преостра[я] стрела
И сильно уязвила⁷,
Как злобная пчела.

Он громко засмеялся
И тотчас заплясал:
«Чего ты испугался, –
С насмешкою сказал, – //

Мой лук еще годится
И цел, и с тетивой,
Ты ж будешь век крушит[ь]ся
Отнынь, хозяин мой».

(л. 40–41)

---

⁷Испр., в рукописи: уязвила.

[Е. П. Люценко]

«Клятва»

Уж солнце скрылось в чисты воды,
Питает души тишина,
Любви подруга, страж природы,
Выходит из-за гор луна.

Умолкли⁸ птичек милы хоры,
Журчит уныло быстрый ток,
Лишь смесь теней пленяет взоры,
Прохладный веет ветерок.

Тогда на холме я прекрасном
С моей Эльмирою сидел,
И восхищеньи сладострастном,
Настроив арфу, я запел.

Любовь и с нею добродетель –
Вот что в моей Эльмире чту,
Мой вздох, моя слеза – свидетель,
Что меньше чту я красоту.

Моя Эльмира не искала
Безстыдной ловкостью пленить,
Я был влюблен, она узнала
И мне позволила любить;

Я не дал клятв и не нарушу,
В любви себе не изменю,

---

⁸Испр., в рукописи: умолкните.

С Эл[ь]мирой редкой руку, душу
И верность я соединю.

Пусть все тогда меня забудет,
Пусть все тогда меня разит,
Моей Эльмира вечно будет,
Эльмира все мне заменит.

(л. 124 об.)

[А. Ф. Мерзляков]

Голос унылой

В чем я винен пред тобою,
Чем тебя я прогневил?
Разве тем, что всей душою
Я жестокою любил.

Сила страсти – рока сила,
Можно ль ей противостать?
Так судьба уже судила:
Мне, узнав тебя, страдать. //

Но в тоске бесплодной ноя,
Чем тебя я оскорблял?
Отказавшись от покоя,
Твой покой не нарушал.

Ни полслова, ни смущенья,
Даже взгляда при тебе
Из душевнаго почтенья
Не позволил я себе.

Роща дальная внимала
Злополучной страсти глас,
Ночь печальна примечала
Слезы горькия из глаз.

Не надеясь наслаждаться
Чувством нежности твоей,
Я решился утешаться
Самой горестью своей.

В сладком чувствий упоенья
Я не думал ни о чем,
Ты предмет мой – удивленье
Ты была для меня всем.

Милой образ твой скрывался
В тайне сердца моего,
Всякой день небес казался
Даром сердца твоего!

Ты в луне мне сострадала,
Краше солнышко с тобой,
Ты мне прелесть показала
Добродетели самой. //

Без тебя я был с тобою,
Чувство, мысли – все делил,
Я мечтал, что надо мною
Кроткий гений твой парил.

Вот страдальца награжденье,
Естьли можешь – отнимай!
Вот мое все преступленье,
Будь тиранкою – отмщай!

Позабудь меня жестока,
Запрети себя видать,
Но какие силы рока
Запретят мне обожать?

Чувство сладостно, отрадно –
Существо души моей,
Под землю, разве, холодной
Ты погаснешь вместе с ней.

(л. 30–30 об.)

[А. Ф. Мерзляков]

Голос нежной и беслой

Простите обольщенья
Честей, земных сует
О л[ь]стивы заблужденья
Незрелых пылких⁹ лет!

Навек, навек простите,
Узнал обман – и рад,
Ах, чем вы замените
Один Элизин взгляд¹⁰?

Довол[ь]но я скитался,
Был жертвой хитрых, злых,
Кумирам поклонялся
По образу других.

Любовь! клянусь отныне,
Ты – бог мне, весь я твой,
Благодарю суд[ь]бине,
Элиза, ангел мой!

Пускай честями, славой
Пленяется гордец,
Пускай ему с отравой
Приносит жертвы льстец.

Одно мне твое слово
Дороже хвал царей,
Оно стремленье ново
Дает душе моей. //

---

⁹Испр., в рукописи: пылких

¹⁰Испр., в рукописи: взглят.

Не роскошь и не пышность
Для счастья нужна,
Блестящая излишность –
Печалей, бед вина.

С природою с просто[то]ю,
С любовью будем жить,
Над жизнью городской
Лишь изредка шутить.

Чертог богатством блещет,
Но в светлой клетке сей
Богатый сам трепещет
Об участи своей.

Ты все мне: честь, награда,
Богатство – ты одна¹¹
В нещастии награда,
А счастья душа!

Одно, Элиза, страшно¹² –
С тобой в разлуки быть,
На что себя напрасно
Заранее крушить?

Нет, вместе жить мы станем,
Последний встретим час,
С любовью увянем,
Любовь пробудит нас!

(л. 52 об.–53)

---

¹¹Испр., в рукописи: отна

¹²Испр., в рукописи: страстно

[С. М. Митрофанов]

Веселая

1-я

За горами, за долами,
За лесами, меж кустами
Лужочик там был. (2)

На лужку¹³ росли цветочки,
Вокруг милы ручеечки
Блистали в струях. (2)

Птички нежны песни пели,
Слышны были там свирели,
Соловей свистал. (2)

Вся природа веселилась
И утеха там резвилась,
Веял ветерок. (2)

Недалече был там холмик,
А на холмике был домик,
На всей красоте. (2)

Подле домика дубочик,
Где сидел душа-молодчик
В кручине, в тоске. (2)

Поджав рученьки, сидел,
На цветочки он смотрел,
Песенку запел: (2)

---

¹³Испр., в рукописи: лушку.

«Ах ты, милая моя,
Милавидная моя,
Скучно без тебя! (2)

Без тебя мне все немило,
Все немило, все постыло,
Скрылся свет из глаз. (2)

2-я
Все кусточки и листочки,
И прозрачны ручеечки
Здесь не веселят. (2)

Они грусть лишь умножают
И о том напоминают,
Как резвились здесь. (2)

Мы играли в мотылечки,
А любовь плела веночки
Всякой вечерок. (2)

Целовались, миловались,
Птички, глядя, любовались,
Как любились мы. (2)

А теперь в несносной скуке,
С тобой, милая, в разлуке,
В смертельной тоске. (2)

Нет ни минуты, ни часа,
Чтоб не зрелась краса
Твоя в сих местах. (2)

Где всегда часто гуляли,
С тобой песенки певали,
Сидя на траве. (2)

Вдали эхо¹⁴ раздавалось,
И сердечко восхищалось
Среди всех отрад. (2)

А теперь сердечко ноет,
Во разлуке плачет-стонет
Доброй молодец» (2)

– «Не тужи, не плачь, детинка,
Не жалуйся, сиротинка,
Увижусь с тобой. (2) //

Опять будем мотылечки
И по-прежнему дружочки
С тобой, милой друг!»

(л. 80–80 об.)

---

¹⁴Испр., в рукописи: эго.

[Ю.А. Нелединский-Мелецкий]

Нежные чувства к люб[имой]

Прости мне, дружечко, роптанье,
Владычица души моей!
Мне мило от тебя страданье,
Утеха, рай моих ты дней.
Я строгостей тобой явленных
Не помню, взор увидя твой,
Всех чувствий, от тебя вкушенных,
Вместить уж дух не может мой.

В беседе, где с тобой бываю,
Тебя одну в ней вижу я,
Твой каждый шаг я трепетаю¹⁵,
Где взор твой, там душа моя.
И с кем ни молвила б ты слово,
Читая в милых мне очах,
Тебе ответствовать готово
Мое все сердце на устах.

Ты жизнь его, его стихия,
В тебе, тобой живет оно,
И в самые минуты злыя
Тебе, одной тебе дано
Души жестокое волнение
Единым взглядом усмирить
И без надежды утешенье
В унылы чувства поселить.

---

¹⁵Испр., в рукописи: трипетаю

О, если бы мог, смертный, льстит[ь]ся
Особый дар с небес принять:
Хотел бы в мысль твою вселит[ь]ся,
Твои желанья¹⁶ все узнать!
Для них пожертвовать собою,
И тайну ту хранить в себе,
Чтоб счастлива была ты мною
А благодарна лишь суд[ь]бе.

(л. 115 об.)

---

¹⁶Испр., в рукописи: желанье

[Анонимные]

Восенная

Презираю я богатства,
Злато, пышность, блеск пустой!
Все блаженства, все приятства
Нахожу в моей драгой.

Пышность – в щастии препона,
Я гнушаюсь сей мечтой,
Мне не надобна корона,
Нужен взор моей драгой.

О, мудрец, трудись вседневно,
Чтоб сыскать себе покой,
Я спокоен там душевно,
Где я вместе с драгой.

О, богач, збирай доходы,
Умножай достаток свой,
Все сокровища природы
Вижу я в моей драгой!

Все пиры, беседы знатны
С их обманчивой тщетой¹⁷
Мне не милы, не приятны,
Коль в них нет моей драгой.

Хоть гоним¹⁸ судьбой я строгой,
Хоть удел не знатен мой,

---

¹⁷Испр., в рукописи: тщетной.

¹⁸Испр., в рукописи: хоним.

Хоть я в хижине убогой,
Но я вместе с дорогой!

Всех других красавиц взгляды
Дух смутить не могут мой,
Все утечи, все отрады
Взор дарит моей драгой.

Хоть печаль иль огорченье
Иногда владеет мной,
Прогоняет все мученье
Взор один моей драгой!

Службы следуя уставу,
Я пойду в кровавой бой,
Чтобы лавры, честь и славу
В дар принести моей драгой.

Хоть умру я на сраженье,
Век спокойно кончу свой,
Естли слезы, сожаленье
Заслужу моей драгой.

(л. 86)

УРОКЪ МУЖЬЯМЪ ДУРАКАМЪ ИЖЕНАМЪ ЩЕГОЛИХАМЪ

Нежная

Как скоро я тебя узнал,
Тебе одной подвластен стал.
Прелестной взор пленил меня,
Боюсь сказать: «Люблю тебя».

Любовь сердца под власть берет,
Для всех равно венки плетет,
Кого люблю, страшусь сказать, //
И где отрад себе искать.

Почто судьба к тому вела,
На что ты стала мне мила?
О, небо, грянь, рази меня,
Карай, судьба, умру, стена.

Я мучуся презлой тоской,
Нельзя, нельзя мне быть с тобой.
Когда уж воли нет моей
Любезную назвать своей,

Лети, мой вздох, лети стрелой,
Скажи, скажи любезной той,
Кого люблю, нет имя ей,
Живет она в душе моей.

(л. 42 об. 43)

Веселая

Ты почувствуй, дорогая,
Как люблю тебя милая.
Ах, почувствуй, дорогая!

Как я в первый раз увидел,
Твой веселой нрав предвидел,
Ах, предвидел дорогая!

На фартучках петушки,
Золотые гребешки,
Ах, золотые, дорогие!

Защищают нежну грудь,
Караулят, берегут,
Ах, караулят нежны груди!

Нежны груди, бело тело,
Во мне кровь вся закипела,
Ах, закипела, дорогая!

Твое личико беленько
И орлина бровь черненька,
Ах, заразила, дорогая!

На руке твоей колечко
Вспламеняло всё сердечко,
Ах, ретивое вспламенило!

Твой шелковой поясок
Дал сердечку толчок,
Ах, неизцельной, дорогая!

Помнишь, ты мне говорила,
Своим другом объявила,
Ах, объявила, дорогая!

Ты божилась и клялась¹⁹
Побывать ко мне на час,
Ах, злодейка, обманула!

Не пришла и обманула,
В село красное сгинула,
Ах, обманула ты, злодейка!

Я и там тебя искал,
Рвался, плакал и стонал,
Ты не слышишь, не промолвишь.

Сжался, радость, дорогая,
По тебе мой дух страдает,
Ах, страдает, обмирает!

Приезжай, радость, ко мне,
Будем жить вместе одне,
Полюбовно и сердечно!

Полюбовно и сердечно
Будь со мно[й] навеки вечно,
Ах, расцелую²⁰, размилую!

Всю цветами я украшу,
Красавицей наряжу,
Ах, драгую и милую!

(л. 83–83 об.)

---

¹⁹Испр., в рукописи: клелась.

²⁰Испр., в рукописи: расцелую.

Нежная, Веселая

Заря утрення взошла,
Ко мне Пашынька пришла,
С ней утехи прилетели, //
Птички громче все запели,
День веселия настал. (2)

Не столь ясен солнца луч
Против самых грозных туч,
Сколько Пашин взор прелестен,
Драгоценен, мил и нежен,
Взором, взором моей драгой. (2)

Не блистает так роса,
Сколько Пашина краса,
Не равняйся, роза, с нею,
Ты ничто, ничто пред нею!
Столько нет в тебе красоты. (2)

Ея нежной поцелуй
Слаще меду, чище струй,
Ея глазки, ея брови
Божеством кажут любви,
В свете нет ея милей. (2)

Пойдем, Пашинька, гулять,
Всё нас будет утешать,
Рощи и луга прекрасны,
Быстрых рек струи прозрачны,
Вслед за нами потекут. (2)

Пойдем в милой наш лесок,
Сядем вместе под кусток,
Птичек пение прелестно
Там услышим повсеместно,
Запоем и мы с тобой! (2)

В сей прекрасной стороне
Ты всего дороже мне,
Ты утеха и забава,
Ты мне щастие и слава,
Ты покой души моей! (2)

(л. 34 об. – 35)

На голос «Утренняя заря взошла»

Звезда первая взошла,
Весть приятну принесла,
Чтоб я милой дожидался,
К ней в объятия бросался,
Сердце, душу бы встречал!(2)

Приди, милая моя,
Утешь в горести меня,
День был я с тобой в разлуке,
Целой день в несносной муке,
Но с тобой забуду всё! (2)

Что я вижу, друг ты мой?
Ты в объятьях, ты со мной!
Все утечи с ней явились,
Чувства нежны оживились,
Сердце бьется, кровь кипит.

Нежны взгляды дорогой
Уж встречаются со мной,
Страстно оба мы взираем,
Оба-оба жаром таем,
Ах, любовь, любовь, любовь!

Тут Амур к нам прилетел,
Он сердца взаимны зрел,
Вмиг обоих²¹ соединяет,
Огнь в обоих распаляет
Уже оба мы одно.

---

²¹Испр., в рукописи здесь и далее: *обеих*

Ах, Амур, постой на час,
Полетай ты между нас,
Дай любовны чувства новы,
Мы твои всегда оковы
Будем нежно целовать! //

Томной взгляд моей драгой
Полетел к сердцу стрелой,
Дал узнать ея утехи,
Оживить игры и смехи,
Кто щастливей ныне нас?
Кто щастливей ныне нас?

Мрачна ночка нам милей,
Нежель свет весенних дней,
Дни препоной нам бывают,
Они с милой разлучают²²,
Ах, продлися, мила ночь,
Ах, продлися, мила ночь!

(л. 35 об. – 36)

---

²²Испр., в рукописи: разлучают.

Совет мо[ло]дой красавице

Из роз – прекрасна роза,
А из лилей
Ты всех милей!
Цвети покамест до мороза –
Не пропускай весенних дней!

Коль лютой мраз настанет,
То уж зимой,
Никак – весной!
Поблекнет все, и все увянет,
Покроет иней сединой.

Приятны всем забавы,
Без них коль быть,
Нельзя и жить!
Природны всем любви уставы,
То как же Маше не любить?

(л. 113 об.)

Печальная слеза

Будь музою моею,
Сердечна[я] слеза,
Хвалитесь вы ею,
Влюбленные глаза!

Восторг изображайте,
Зря Лизины красы,
Но слезы проливайте
В безпристрастные часы.

Катись, слеза, рекою,
Из глаз моих катись,
И с миленькою слезою
Смешаться ты стремись.

Восторг – огонь вливает
Влюбленные глаза,
Но лучше изъясняет
Страсть – страстная слеза.

Любовь кудрявым складом,
Что хочешь, выражай,
Слезящим сердца взглядом
Страсть нежную являй.

Ах! страсть выражаю
Я страстной слезой
И слезы утираю
Подарком дорогой.

Так диво ль, что рекою
Из глаз слеза бежит...
Венок, смочен слезою,
Твой, милая, лежит.

Свою ль ты не уронишь
Хоть слезку на цветок,
Ты весь слезой покроешь,
Ах! счастливой венок.

(л. 116)

Любезная все замени [т]

Мне нельзя быть равнодушным,
Видя прелести твои,
И любви не быть послушным –
В ней утехи все мои.

Я тобою свет сей вижу,
Я живу²³ одной тобой,
Без тебя все ненавижу,
Не доволен сам собой.

Все в тебе меня прельщает:
Нежны взоры, голос твой –
Все во мне обворожает
Душу, сердце, разум мой.

И в разлуке даже слезной
Как ни плачу, ни грущу,
Но лишь вспомню взор любезной,
В грусти тому утех сыщу!

Не прельстит меня блеск трона,
Без тебя как обладать?
Нет другога мне закона,
Как тебя лишь обожать!

В чувствах, что тобой рождаются,
Ты – начало, ты – конец,
Все они к тебе стремятся,
Мне любовь твоя – венец!

(л. 115 об.)

---

²³Испр., в рукописи: вижу.

Любовн[ая]. Голос приятный

Винят меня в народе,
Любить мне не велят,
Вольно ж было природе
На свет меня создать!

За то нельзя сердиться,
Что чувствую любовь,
Желал бы не родиться
И не вспалить бы кровь.

Но, быв уже на свете,
Нельзя тому не быть,
Коль узришь, что в предмете,
Достойное любить.

Я страстен стал к Юноне,
Но как тому помочь,
И что взять к обороне,
Сей пламень превозмочь?

Я сам зрю неравенство
Сим пламенем гореть,
Но чувствую блаженство
Мне оным умереть.

Разсудок хоть вещает:
«Себя ты не губи!»
А сердце подтверждает:
«Пожалуйста – люби!»

(л. 19 об.)

*На голос предыдущей песни
[«Винят меня в народе»]*

Винят меня на свете,
Что милою горю,
Но я в ея предмете
Одно блаженство зрю.

Нельзя забыть небесный
Вид ангела сего,
Вид милый и любезный
Для сердца моего.

И кто б, ее увидя,
Не начал обожать,
Весь мир возненавидя,
Лишь ею стал дышать?

В ней кротость обитает
Со младостию лет,
Как солнышко блистает
Средь множества планет.

Так всех она собою
Прекрасней и милей,
Не может красотою
Ничто сравняться с нею!

Лице ее столь нежно,
Как лилия бела,
Так живо и прелестно,
Как роза разцвела.

Коль взором удостоит
Она меня своим,
Взор кроткий успокоит
Все горести мои.

Я сердце ей вручаю,
Жизнь, душу и себя,
Блаженство в том питаю,
Умру, ее любя!

(л. 20)

Московское времяпровождение влюбленных

Миленушку свою люблю,
Душой и сердцем обожаю,
Напрасно вздохов не гублю,
Взаимну страсть в ней обретаю.

Весной цветки мы станем рвать,
По рощицам с тобой гуляя,
Там птички будут воспевать,
Нам о любви припоминая.

А летом будем ездить в сад,
В воксал²⁴, на скачку, на гулянье.
Где только ты, там – тьма отрад,
Где нет – то скучное²⁵ собранье.

Коль мрачна осень придет к нам,
То ездить в клоб начнем с тобою,
В марьяж играть по вечерам,
Коль я в театр, и ты со мною.

Зимой в санях на бег²⁶ махнем,
Катать тебя сердечно рад,
Домой приехав, отдохнем,
А после можем в маскарад!

(л. 116)

---

²⁴Испр., в рукописи: восках.

²⁵Испр., в рукописи: скучно и

²⁶Испр., в рукописи: на бог

Любовная

Теките, струйки, пеньтесь,
Журчите по песку,
В лугах зеленых вейтесь,
Несите прочь тоску!

Зефиры, не бегите,
Здесь вейте на леса,
К кусточку припадите,
Где света спит краса.

О, рощица густая,
Над милой сделай тень
И, ветви соплетая,
Затми ты знойной день!

Пусть милая покойна
В тени твоей лежит,
О, птички, пойте стройно,
Друг сердца где мой спит.

Для легкости вдыханья
Карсет мне свободить,
Мое в том есть желанье,
Чтоб милой угодить.

Уж грудь твоя в свободе,
Покойся, жизнь моя,
И, следуя природе,
Спи, спи, с тобою я. (2)

Что вижу! Ты открыла
Ресницы нежных глаз.
О, небо! Что за сила
Пленительных зараз.

Я млею, воздыхаю,
Не знаю, что начать,
Боюся и желаю,
Не знаю что сказать;

Не знаю, как решиться,
Как к миленькой припасть
И как ей изъясниться,
Ах, как открыть ей страсть?

Но небо так хотело,
Нам взаимно чтоб тлеть,
Оно, оно велело
В объятия к ней лететь!

О сколь, о сколь приятно
Взаимностью пылать,
Тем только то понятно,
Не знает, кто ласкать.

Я с Пашей²⁷(?) веселюся
И, будучи ей мил,
Со вол[ь]ностью резвлюся,
Потом себя забыл.

(л. 97)

---

²⁷Испр., в ркп.: вашей

На голос «За горами за Долами»

Ах, в прекрасном во местечке
И при быстрой чистой речке
Стоял зеленый луг. (2)

При том солнышко светлеет,
И прохладной ветер веет
В зеленый тот луг. (2)

Где взялася тут девочка,
Красная ищет цветочка
Плести ей венок. (2)

В зеленом лугу гуляла,
Разных цветичков искала,
Сорвала цветок. (2)

Держит девушка цветочик,
Красная плетет веночик,
Стоя за рекой. (2)

Сплела девочка веночик
И стоит, как городочик,
Подпершись рукой. (2)

Недалеко тут, в лесочки,
Где я слышу голосочки,
Пойду, поищу.

Нет ли в том кого лесочке,
Чтоб товарищ был девочке,
Говорить хочу. (2)

Красна девица в лесочке,
Стоя к речке на мосточке,
Махала рукой. (2) //

Говорит тут: «Подожди,
Пойдем вместе гулять мы,
Милый дорогой»²⁸.

Я к девице торопился,
А мосточик подломился,
На мою беду.

Текла речка неширока
И казалась неглубока,
На берег бреду.

Радость руку подавала,
Из речин[ь]ки вынимала,
Рукою держит.

Сожалела дорогая,
Цветно платье выжимая,
И назад глядит.

Не видал бы кто нас с нею,
Доколь волю я имею,
Сказала тут мне:

«Пойдем мы теперь в лесочик,
Сядем вместе под кусточик
С тобою одне».

---

²⁸С этого места исчезают указания на повтор слов в припеве.

Молодец был в том проворен
И во всем мой друг сговорен,
За то я люблю.

«И притом и я не спорю,
Отдаюся в твою волю,
Хоть себя гублю.

Если б я так не любила,
То гулять бы не ходила
С тобою одна. //

В том себя бы не губила
И тебе бы не служила,
Что я молода.

Посидим, мой друг, мы здесь,
Пока воля теперь ес[т]ь,
До часу того.

У

ж и то время нам будет,
Когда воли в том не будет,
Лишимся всего.

Когда платье все провянет,
Притом темна ночь настанет,
Мы пойдем домой.

Мне и то время наскучит,
Кое, свет, с тобой разлучит,
В том мне молодец».

Пришло время расставаться,
С тобой милой целоватца, –
Вышли на лужок,

Не дошедши до двора,
Целовала молотца:
«Прости, мой дружок».

Притом тол[ь]ко говорила,
Что я столько вас любила,
Нел[ь]зя позабыть:

«Когда время, друг мой, сыщем,
Себе волю как отыщем,
Прошу побывать.

Когда свидимся с тобой,
Там не сделаешь покой,
Не буду тужить».

(л. 51–52)

[На голос] «Где Дружка²⁹ не вижу»

Уговор мы положили
С милой видеться в саду;
И прощанье заключили,
Чтоб ожидаться на пруду.

Тиха ночка наступала,
Солнце скрылось из очей,
Лишь заря еще сверкала
Через горы и ручей.

Я спешу, лечу к свиданью
И драгую нахожу,
Что ж помехою желанью?
Ничего! – я с ней сижусь. //

Нежны, страстны разговоры
Унесла с собой любовь
И оставила лишь взоры
И вспламененую в нас кровь.

Уста наши ни словами
Изъясняли страсть свою,
И не слезными струями
Омывал я грудь свою;

Нет, драгая не хотела,
Чтоб, грустя, нам воздыхать,
И меня она жалела,
Льзя ль в взаимности страдать?

---

29 Испр., в рукописи: друшка.

Мы час от часу вол[ь]нее
В темноте стали играть,
Стали друг другу милее,
Что ж еще мне вам сказать?

(л. 39–39 об.)

Прозуба любви

Смертных счастье и мученье —
Непорочная любовь,
Льюща в сердце восхищенье,
Зажигающая кровь.

Голос томной внявши лиры,
По воздушному пути,
Легче, нежели зефиры,
К Маше ты моей лети.

Мест достигни тех священных,
Где соборище красот,
Где рой нежностей любезных,
Где душа моя живет.

Вникнув тайными стезями
Ты моей богини в храм,
Запрети шуметь крылами
Резвым вокруг тебя духам.

Чтоб труду не быть бесплодну,
Ты невидимо предстань,
Машиньку мою свободну
И одну с собой застань.

Может быть, ея смущенье
Нев[з]начай подстережет,
Вздохи нежны, слез теченье
И удержишь, и отрешь.

Если то найдешь в ней точно,
Чем ласкает сердце мне,
То как будто ненарочно
Поддержи ее в огне.

Пламенник на[д] сим предметом
Свой небесный потряси
И, объяв восторга светом,
Мысль мою к ней принеси.

Воображенье воспаленно,
Пусть увидит образ мой,
В страсти как попеременно
Грусть и радость правят мной!

Не совсем поставь препятство
В вздохах, плаче и в грустях:
И во вздохах есть приятство,
Есть отрада во слезах.

Но вдобавок в ту унылу
Влей ты душу наконец;
Всю надежды сладкой силу,
Пищу страсти, жизнь сердец.

Чтоб из груди тяжку муку
Прочь усмешками гнала,
Словом, чувствуя разлуку,
Мне б равна она была.

Если ж душу несмущенну
И не то, чем сердцу льщу,
Если в ней найдешь перемену,
Я которой трепещу;

Если сделало то время,
Лютый враг влюбленных сей,
Или новой страсти бремя
Занимает сердце в ней,

Не вводи меня в срамленье
С любовником моим,
Вспоминать о том мученье –
Мы забыть, кого хотим.

Не влеки в ней мысль чрез силу,
Заперта ко мне стезя,
Ах, ведь³⁰ силою быть милу
Неприятно и нельзя.

Пусть в ней новой пламень страстен
Всю живет восторгом грудь,
Важно ль то, что я несчастен?
Лишь она счастлива будь!

Но ко мне ту весть плачевну
Со Эратами пошли,
Им удвоишь скорбь душевну,
Не щадить меня вели.

К Маше страсть моя безмерна,
Сердца я не изцеляю,
Но скажу: она неверна,
А я все-таки люблю.

(л. 114 об.)

---

³⁰Испр., в рукописи: вить

Веселая

Любви препоны нет,
Мы будем вместе оба
До смерти и до гроба
И вдруг оставим свет,
Драгая, так ли –
– Так!

Кто может разрушать
Любви закон священной,
Тот казни неперменной
От неба должен ждать.
Драгая, так ли? –
– Так!

Взгляни, сей лицемер
Бранит любви союзы,
Но чувствует он узы
Любви сам выше мер,
Драгая, так ли? –
– Так!

Смотри, старуха врет,
Любови связь ругает,
Но слезы проливает,
Что без утех живет,
Драгая, так ли? –
– Так!

Натуры весь устав,
Любовь одна связует.

Так, тот, кто негодует,
Вовек не будет прав,
Драгая, так ли? –
– Так!

Итак, в любви сердца
Пусть живут всечасно,
Влюбясь один раз страстно,
Мы верны до конца!
Драгая, так ли? –
– Так!

(л. 96 об.)

Любовная

Пожалуйте, сударыня,
Сядьте со мной рядом,
Пожалуйте, сударыня,
Наградите взглядом!

Прочь, прочь!
Отвяжись, какой беспокойной!
Прочь, прочь!
Отвяжись, тово недостойной!

Пожалуйте, сударыня,
Прошу не сердиться,
Позвольте мне, сударыня
В любви изъясниться!

Прочь, прочь!
Отвяжись, какой беспокойной!
Прочь, прочь!
Отвяжись, того недостойной!

Пожалуйте, сударыня,
Избав[ь]те от муки,
Пожалуйте расцеловать
Ваши белы руки!

Прочь, прочь!
Отвяжись, какой беспокойной!
Прочь, прочь!
Отвяжись, того недостойной!

Пожалуйте, сударыня,
За мои к вам ласки
Удостоите расцеловать
Щечки, губки, глазки!

Прочь, прочь!
Отвяжись, какой беспокойной!
Прочь, прочь!
Отвяжись, того недостойной!

Пожалуйте, сударыня,
Будьте повольнее,
Вы прекрасны, вы любезны,
Вы мне всех милее! //

Прочь, прочь!
Вас прошу, со мной не шутите,
Прочь, прочь!
Вам скажу, вы очень мне льстите!

Пожалуйте, исцелите
Мое сердце страстно,
Оно будет, сударыня,
Навек вам подвластно!

Прочь, прочь... иль постой!
Не могу в том спорить,
Когда буду я твоей,
Все могу позволить!

(л. 23 об. – 24)

«Нежная ревность»

Ты дивишься, что ревную
Я ко всякому тебя.
Ах, тебе б дивиться должно,
Если б твой прелестной взор,
Устремленный на другога,
Душу мне не раздирал.

Ты холодностью своею
Измеряя страсть мою,
Хочешь, что[б] покойством³¹ равным
Я с тобою обладал.
Но безчувственности чувство,
Равнодушию любовь,
Я взял судить, не ошибаясь.

Если хочешь ведать ты,
Всей души моей страданье,
Всю нечестность мук моих,
Променяемь сердцами!

Ты с моим тогда вселишь
В грудь свою тот жар безмерный,
Коим ты его зажгла,
И тогда-то ты узнаешь,
Сколько смертному, любя,
Позволяется к бессмертным
Приближать себя душой.

Ах, Селеста, если б можно
Грудь мою тебе раскрыть,

---

³¹Испр., в рукописи: токойством

Естли б зрела ты то сердце,
В коем пламенной чертой
Нежнейшая рука любви
Твой изобразила зрак³²,

Ты б сказала: «Это сердце
Должно ввек меня любить»
Ты б сказала: «Нет, неможно //
Без меня дышать ему».
Так, конечно, это сердце
Будет ввек тебя любить,

Так, конечно, невозможно
Без тебя дышать ему!

Страсть его к тебе, Селеста,
То же, что и жизнь его,
И затем-то упрекаю
Я в холодности тебя,
Не считай того, чтоб думал,
Будто я тебе не мил.

Нет, я с этой лютой мыслью
Ни часа б прожить не мог,
Но в сравненье с тою страстью,
Коей дух пылает мой,
Льзя ли, чтобы страсть такая
Не казалась хладной мне?

Все в тебе одной вмещая,
Все в тебе одной лишь зря,
Я б хотел один на свете

---

³²Испр., в рукописи: зрак

Быть любезным для тебя.
Чувства, мысли, разум, сердце –
Все занять в тебе одной,

Ото всех предметов в мире
Твой прелестный взор отвлечь,
Чтобы все забыв в природе,
Ты дышала б только мной,
И тогда-то лишь бы ревность
Я из сердца истребил.

(л. 122)

Островок

Здесь я жизнью наслаждаюсь,
Нежной страстию питаюсь,
Поют птички в один ток,
О прелестной островок!

Все здесь чувства обольщает:
Там зефир цветы лобзает,
Тут воркует голубок,
О прелестной островок!

Здесь я милой ожидаю,
Здесь ее воображаю,
И смотрю на ручеек,
О прелестной островок!

Но нейдет³³ еще Лизета,
Слава, украшенья света!
И я жалуясь на рок:
Ах! прелестной островок!

Мрачна тень тебя покрыла,
Мрачна грусть меня сразила,
Но повеял ветерок
И унылый островок. //

Солнцем паки озарился,
Образ милой мне явился!
Слышу Лизин голосок,
О прелестной островок!

---

³³Испр., в рукописи: найдет.

Голосок Лизин, нежны взгляды,
Проливают луч отрады,
Вспели птички в один ток:
«О прелестной островок!»

(л. 122 об. 123)

Зима

Увяли нежные цветочки,
Так вянет младость, красота;
И вы, тенистые кусточки,
Уже стоите без листа.

Уже влюбленные под вами
Отрад не будут находить;
Кусты, грустите вы и сами –
Веселье весело делить.

Куда свой взор ни обращаю,
Рушителя десницы зрю,
Все должно гибнуть – я то знаю,
Почто ж, почто ж я слезы лью?

О дух! надеждою питайся,
Преходит радость и беда,
Весны по мразах дожидайся –
Всему есть время и череда.

Теперь я в хижине уныло
При ярком пламени сижусь:
Туда, где сердцу быть бы мило,
На окна Лизины³⁴ гляжу.

Там Лиза мыслит, во[о]бражаю,
О мне, о страсти, ах! моей –
А с тем и о весне мечтаю,
Весной я часто вижусь с ней.

(л. 113 об.)

---

³⁴Испр., в рукописи: Лизины.

Нежная Ручей

Ручей, текущий в сей долине,
Во многом³⁵ сходен я с тобой.
Течешь по той же стремнине,
Я страстью все влекусь одной.

Твой ропот нежный и приятный
С зефиром слышен наравне,
Любовною тоской объятый,
Стеню и я лишь в тишине.

Сребристых струек чистотою
Меж вод ты славишься, ручей,
Не мене чист, равен с тобою,
Тот пламень, что в душе моей.

Свирепый ветер тебя не может,
Смутив, извлечь на берега.
Меня подобно не тревожит
Превратна счастья игра.

Я к милой то же привлеченье,
Любовь храню такую ж к ней,
Какое и твое течение –
Всегда стремишь к долине сей.

Темира коль вблизи случится,
Вмещаешь ты черты ея, //
И мною образ сей хранится,
Точь-в-точь он в сердце у меня.

---

³⁵Испр., в рукописи: во вногом

В тебе нет вовсе мест опасных,
Во мне коварства нет никак,
Ты кажешь дно сквозь струек ясных,
В моей душе читает всяк.

От цели, дивной от природы,
Твой верный ток не отстаёт,
Пока твои прозрачны воды
Не обратятся стужей в лёд.

Я без Темиры жить не в силах,
Душа ея – мне цель одна,
Как кровь оледенеет в жилах,
Ее покину лишь тогда!

(л. 113 об.– 114)

Любовная

Проходи, несносно время,
Время горести моей!
Протекайте вы, минуты,
О, минуты лютых дней!

Я, который жизнь плачевну
Провождаю в сих местах
И в печалях засыпаю,
Просыпаюся в слезах. //

Все места уже драгия
Столько здесь противны мне,
Сколько были те приятны,
Как жила ты в сей стране.

Ты отселе отдалилась –
Пременилися места,
Что тобой прекрасны были,
Их исчезла красота.

О струи сих рек прозрачных,
Протекайте к тем местам,
Где живет моя драгая,
К тем щастливым берегам.

И, кропя лице прекрасно,
Дайте знать мою напасть,
Как меня без ней терзает
В сей стране любовна страсть.

Иль раздайся глас плачевный
По несчастной стороне!
Вы, дубровы и долины,
Сожалейте обо мне.

Ты ж услышь, моя драгая,
Как вздыхаю я, стена,
Как вздыхаю я всечасно,
Злой разлуки час кляня.

А слова мои внимая,
Не сердися на меня,
Что тобою я страдаю,
Что тобою рвусь, стена.

Против воли я влюбился,
Против воли и люблю,
Но невольное мученье
Я с охотою терплю.

Коль не чувствуешь любви,
Коль моя презренна страсть,
Ты хотя почувствуй жалость,
Зря мою ты злу напасть.

Я к несчастью влюбился
И, терзаяся, люблю,
Но невольное мученье
Я с охотою терплю.

(л. 102 об. – 103)

Стенание любви[ика]

Можно ль быть в лютейшей доле,
Как открыть любви не сметь?

О, когда бы на престоле
Рок дозволил мне сидеть,

Я б тогда сказал Пленере,
На колена став пред ней:
«Сядь на трон со мной в порфире,
Будь владычицей моей!»

Может быть, свободной к [с]частью
Душу милой я нашел, //
И моей горящей страстью
В ней взаимность произвел,

Иль по крайности мгновенье
Я б себя надеждой льстил
Заслужить хоть сожаленье,
Естли бы не мог быть мил.

А теперь... о [о]горченье!
Чем мне, чем привлечь ее?
С чувством сердце – все именье,
Все сокровище мое!

Но она куда ни взглянет,
Всюд[у]³⁶ т[б]ма ей жертв таких.
Взор ея в оковы тянет
Стариков и молодых.

---

³⁶Испр., в рукописи: всуд.

Сей губительный мне пламень
Сокращает жизни путь,
О, судьба, зачем не камень
Ты вложила в мою грудь?
Иль зачем я с дня рожденья
Не лишен тобою глаз,
Чтоб спастись от впечатленья
Столь пре[ль]стительных зараз?

Нет, рабом, рабом Пленеры
Был бы я и чувств лишен,
Речь ея, как звук той лиры,
Коею кремень смягчен.

Ею б я одушевился
И пошел во плен ея,
Лучше б вечно не родился,
Как геенна жизнь моя!

(л. 112 об. – 113)

На голос «Зрю, что жад твой угас»
Ответ

Не вини меня, любезна,
Что я страстью ослеплен,
Страсть хоть всем моя известна,
Но я ввек тобой пленен!

Если б тебе полюбился –
Есть не только чернослив,
Я бы яд пить согласился,
Лишь бы был с тобой счастлив!

Сколь ни рвуся, ни крушуся,
Но тебя пленить нельзя...
С тем и жизни я лишуся,
Зря несклонною тебя.

Век я целой свой терзался,
Но в любви успеху нет,
С тем и жизни я лишуся,
Аду будет ли конец?

(л. 114)

После раслуки с милою

Ах, с тобою я расстался,
Ты рассталась ли со мной?
Нет, призрак не миновался,
Все со мною образ твой!

Как поутру мы пернатых
Слышим в небе голоса
И мним видеть их, крылатых,
Хоть не видят их глаза:

Так, хоть нет тебя со мною,
Взором чувства зрю тебя.
Говорю как бы с тобою:
«Возвратись, утешь меня».

(л. 114)

Иностранная

Ах, грустно мне
На чужой стороне,
Все немило, все постыло –
Со мной милья нет.

Здесь милой моей нет,
Постыл мне белой свет,
Что, бывало, утешало –
Теперь плачу о том.

Ах, милая моя!
Отстала от меня,
Против воли, в тяжелой доли
Буду жить без тебя.

Куда ни пойду,
Я тебя не найду;
Мне постылы и немилы
Все места без тебя!

Нет другой никакой,
Чтоб сравнилась с тобой,
Воздыхаю, вспоминаю,
Как была ты со мной;

Представляю я себе,
Говоришь будто мне,
Забываюсь, откликаюсь
Часто на голос твой.

Мне во всякой день
Твоя мнится тень,
Обернуся-оглянуся:
Ах, нет никого!

Здесь милой моей нет,
Пойду за ней вослед,
Где б не скрылась, не таилась –
Сердце скажет мне путь.

Не мило уж нигде,
Равна мне грусть везде,
Поражает, разлучает
Рок жестокой меня!

Свершилось все со мной,
Разлучился³⁷ я с драгой,
Сердце рвется, мысль метется,
Миновался покой!
На своей стороне
Не забудь обо мне,
Воздыхавши, вспоминая,
Будь мне также верна!

(Л. 72 об.– 73)

---

³⁷Испр. В Уральском сборнике: разлучился.

К луне

Не свети ты, месяц, ясно
И не мучь мой дух тоской,
Вспоминая мне всечасно³⁸,
Что любезной нет со мной.

Вспоминая те минуты,
Что исчезли так, как сон,
Ты усугубишь муки люты,
Извлекаешь тяжкой стон.

Ты – свидет[ель] молчаливой,
Всех утех моих бывал,
Как в объятиях у милой
В свете все я забывал.

Будь свидетель злой судьбине,
На тоску мою взгляни,
Вздохи слышишь, только ныне
Видишь слезы ты одни.

Как густыя затмевают
Облака лучи твои,
Так печали³⁹ облакают
Дух и мысли все мои.

Видя ты мое мученье,
Как стению я без нее,
Злой печали в облегченье
Хоть во сне яви ее.

---

³⁸Испр., в рукописи: всечасно.

³⁹Испр., в рукописи: печали

Покажи мне вид любезной,
Вид столь милой для души,
И в тогдашней части слезной
Слезы хоть на час ты осуши.

(л. 123 об.)

Голос известной, нежной

Как быстрой вихрь промчались
Дни счастья моего,
Веселья окончались,
Лишен я стал всего.

За что весь век томить,
За что того губить,
Кто прежде, дорогая,
Тебе был столько мил?

Холодность обретаю
Во взорах я твоих,
Как о любви вещаю,
Не внемлешь слов моих.//

За что ты так томишь,
За что того губишь,
Кто прежде, дорогая,
Тебе был столько мил?

Ужасной переменой
Несносно поражен,
Страшуся быть изменой
За нежность заплачен.

Престань меня томить,
Холодностью морить,
Коль прежде, дорогая,
Хоть мало был я мил.

Как нежной цвет от зноя
Завянет и падет,
Так дух, лишась покоя,
Мысль в горести влечет.

Недолго уморить, хоть,
Жаль, не возратить
Того, моя драгая,
Кто б был тебе так мил.

Прости мое сомненье
О верности твоей,
Почувствуй сожаленье,
Уверь в любви своей!

Уверь, престань томить,
Скажи и дай мне жить,
Что я тебе, драгая,
И был, и буду мил.

Коль в чем я провинился,
То, верно, нев[з]начай, //
Немало я томился,
Тоску мою скончай!

Спокойство возврати
И гнев свой прекрати.
Я, верно, дорогая,
Не зная, огорчил.

Прерви мое страданье,
Грудь томну оживи,

Сердечное терзанье
На радость премени,

Суровость прекрати,
Веселье возврати,
Коль я тебе, драгая,
Теперь хоть мало мил.

(л. 31–32)

От любви нигде покоя

В сем месте тихом и безлюдном,
Где мне суд[ь]ба велела жить,
Могу ли купно с миром злобным
Свою Кариту позабыть?

Места пустыя, места драгия,
Уже ль мне в вас покоя нет. //

Весна с улыбкою приходит,
За нею мир драгой спешит,
Вся тварь веселие находит –
Один Милон лишь здесь грустит.

Места пустыя, места драгия,
Уже ль мне в вас покоя нет?

Меня дубравы призывают,
Где умирает дневный свет,
Они укрыть меня желают,
Но для любви убежищ нет!

Места пустыя, места драгия,
Уже ль мне в вас покою нет?

Вотще любовь я истребляю –
Она владычествует мной,
Я с воздухом ее глагаю,
Я жадно пью ее с водой!

Места пустыя, места драгия,
Уже ль мне в вас покою нет?

В лугах, в долине, над холмами,
Из коих мирный ток струит –
Везде летает над глазами
Любезный бесподобный⁴⁰ вид!

Места пустыя, места драгия,
Уже ль мне в вас покою нет?

(л. 121 об. – 122)

---

⁴⁰Испр., в рукописи: пезподобный.

К небезной Маше

Я не думал, дорогая,
Что ты можешь изменить
И, мою страсть отвергая,
Перестать меня любить.

Но, ах, все то совершилось,
Чем грозил мне рок презлой,
Маша, ты переменилась –
Я ж тебя люблю душой.

Вспомни, что ты говорила,
Вспомни клятвы ты свои,
Много-много раз твердила:
«Вечно буду я твоя».

Где те клятвы, уверенья,
Где же нежная та страсть,
Где те ласки, восхищенья,
Что ввели меня в напасть?

Ах, и роци пременили
Прежний свой приятный вид,
Уж и птички позабыли,
Как в долинах нежно петь.

Сердцу томному в отраду
Дай хоть раз себя узреть
И за страсть мою в награду
Дай спокойно умереть.

Придешь, дух мой оживится,
И я снова жить начну,
Взглянешь, все переменится,
Весело тогда умру.

(л. 124)

На голос «В пустыню удаляюсь»

Я в печали пребываю
И покоя не сыщу,
Дни щастливы вспоминаю,
Когда плачу и грущу.

Где ж те дни от нас сокрылись,
Дни, блаженные для нас?
Ах, уж видно удалились
Навсегда от наших глаз!

Луч надежды тот сокрылся,
Что нам прежде озарял,
Я с надеждою простился
И несчастлив с тех пор стал.

Знаю, что и ты страдаешь
Равно так же, как и я,
Плачешь, стонешь и вздыхаешь,
Горька участь и твоя;

Нет ни тени к утешенью,
Рок жестоко гонит нас,
Ждать тогда конца мученью,
Как вздохнем в последний раз.

Там за гробом нет разлуки,
Век с тобою буду жить!
Там весела жизнь без скуки,
И помехи нет любить.

(л. 44 об.)

Весна

Зрак весны открыт природой
К утешенью твари сей,
Движет все теперь свободой
Жертву все приносит ей.

Мотылек живет и муха,
Громче свищет соловей,
Бодро ходит и старуха,
Забыв тягость своих дней.

Я, несчастной, лишь стенаю
Бедств под бременем своих,
Ниотколь не уповаю,
Чтоб смягчил рок лютость их.

Взор единыя Темиры
Делал счастливым меня,
Для нее презрел бы миры,
Скипетры и короны все.

Но судьба ожесточенна
Отнимает и ее,
Ах! что смертно оскорбленный
Предприму в отраду мне?

Нет! ничто не может
В жизни утешать меня
Нет веселья, чтоб умело
Разогнать тоску мою.

Адскую бы легче муку
Злой послал рок на меня,
Чем предположив разлуку,
Жизнь велел влачить стена!

Для меня жизнь тяжело бремя –
Ничего несносней нет!
Хоть пришло скорей бы время
Мне оставить грустный свет!

Умилися, участь злая,
Дни мои ты прекрати!
Иль, Темира дорогая,
Мне спокойство возврати!

В жизни, поклянусь, не будет
Ничего милей тебя!
Друг твой век не позабудет,
В жертву принесет себя!

Будет вечно жить тобою,
Именем дышать твоим
И во гроб снесет с собою,
Что был счастлив сим одним.

(л. 125 об.)

Воспоминание

Слеза священная, дрожи,
И, силой чувства вспаленна,
Пади на струны и скажи,
Сколь память дней тех драгоценна.
Я в кой из небесных глаз
Пил жадно сладкой ток зараз;

Скажи, как я прикосновенье
К ея одежде иль руке
Считал бесплодным, восхищенье
Глубоко чувствовал к себе.
Что все ничто пред долей тою,
Коль тихой чтишь любовь слезной.

Скажи, как сладко я дышал
Ея томительным дыханьем,
Какое счастье вкушал
В то время как водим мечтаньем,
В беседе, взорах дорогой
Зрел рай, отверстый пред собой.

Но ты, слеза, обильно льется,
Молчит потопленна струна;
Куда, блаженство, ты несешься
И мудрым⁴¹ делаешь меня?
Желал я только поцелуя⁴²,
Чтоб мирно встретить смерть лихую.

(л. 114)

---

⁴¹Испр., в рукописи: рырым.

⁴²Испр., в рукописи: поцелую.

УТРАТА ЛЮБВИ

«Минубала мне минуты, как была ты страстна мной»

[А. В. Аргамаков]

В любви и страдания приятны

Все покоится в природе,
Исполняя свой закон.
Только ветер на свободе
Тяжкой мой разносит стон.

Ветер ноет, завывает,
В рощах листьями шумит,
Сладкий сон – всех утешает,
От меня он прочь бежит!

Как ни бурно ветер воеет,
Завтра скроется от нас. //
Нет надежды успокоить
Бурю сердца ни на час.

Скрылось солнце, скрылись рощи,
Скрылся милой вид полей,
Но могу ль сравнить мрак ночи,
С мрачною душой моей?

Должен милой я лишиться,
Для меня ее уж нет,
Вздых за мыслью сей стремится
И на части сердце рвет.

Вкруг себя печальным взглядом
Я ищу ее всяк час,
Милой нет тут: слезы градом,
Градом катятся из глаз.

Скорбная душа застонет,
Как ее я назову,
Мысль в жестокой грусти тонет,
Но сей грустью я живу!

Пусть смеются страсти нежной
Токмо грубия сердца!
Моей грусти безнадежной
Не хочу искать конца.

Нахожу и в ней я сладость,
Равнодушия¹ страшусь...
И сей грусти на их радость
Променять не соглашусь.

Пусть тоска, всяк час съедая,
В хладный² гроб меня влечет,
Образ милой представляя,
Тихо жизнь она прервет.

(л. 117–117 об.)

---

¹Испр., в рукописи: равнодушия.

²Испр., в рукописи: гладный.

[Д. И. Вельяшев-Волынцев]

Перемена в любви.
На голос «Стонет сизой голубочек»

Здесь, под тенью древ ветвистых,
Где быстра река течет,
И в струях прозрачных, чистых,
Золотой песок влечет,

Где при бледном лунном свете
Можно в вольности стенать,
Здесь – забыв о целом свете –
Стану грусть мою вещать!

Как дыхания зефир[н]ы,
Речка, льется твой кристалл,
В нем мне зрятя дни те мирны,
В кои Клои я не знал.

Кля! сколько ни гордится
Роза, красота садов, //
Но узрев тебя, стыдится
Слабости своих цветов.

И с толикой красотою
Можно ль столь суровой быть,
Чтоб, лишив меня покою,
После злобно изменить?

Вспомни, как сидя с несчастным,
Огонь любви блистал в тебе,

С вздохом нежным, вздохом страстным
Ты сказала тихо мне:

«Прежде, нежели увянет
Страсть моя к тебе, Дорит,
Ручеек сей течь престанет».
Кля! Он еще журчит!

Он журчит еще в сей вечер,
От моих мутится слез,
Клятвы ж Клои бурный ветер
С счастием моим унес!

Может быть, когда промчится
Слух³, что в свете меня нет, –
Грусть в душе твоей вселится,
Скорбь на гроб мой приведет.

Живо вспомнишь ты мой пламень,
Горесть грудь твою стеснит,
Слеза канет.. хладный камень
Томны вздохи повторит.

(117 об.-118)

---

³Испр., в рукописи: слуг.

[П. С. Гагарин]

Разлука

Я доволен был судьбою
И мученья не знал,
Провождая дни с драгою,
Дни утехами считал.

Счастье, коим наслаждался,
Унесла она с собой,
Я со счастьем прощался,
Расставаясь с дорогой.

Кто любовью воспламенялся,
Кто любил, как я люблю,
Кто с любезной разлучался,
Тот лишь знает, что терплю.

Всем я прежде веселился
И на все смотрю с тоской,
Всех утех я вдруг лишился,
Нет утех без дорогой.

Я томлюся, я терзаюсь,
Грусть в душе моей живет,
Лишь надеждою питаюсь,
Что сердечна казнь минет;

Что я вскоре ту увижу,
Коей дух подвластен мой,
Жизнь без коей ненавижу,
Что увижусь с дорогой.

Мрак уныния промчится,
Лишь блескнет мне взор ея,
Радость в сердце поселится,
Снова счастлив буду я.

Час сей милый и блаженный
Тепло почту слезой,
Нежным чувством извлеченной
В дань от сердца дорогой.

(л. 123 об.)

[П. С. Гагарин]

Грустно жить одному

Сидя вместе на кусточке,
Ворковали голубочки,
Вдруг носками нежно: «Чок»,
И с голубкой голубок
Кои вместе страстью тлели,
Вместе, вместе и взлетели.
Ах, сижу я здесь один!

И под этим же кусточком
Соловей с своим дружечком
На тепле гнезде сидел,
Для дружечка нежно пел.
Пел он нежно, пел [он] страстно,
Пел он для миленькой прекрасно,
Не сидел он тут один.

Песнем я его пленялся
И за лиру было взялся,
Но как вспомнил, что она
Уж далеко..., то струна
Не запела, – застонала,
Томно, томно мне сказала:
«Ах, сидишь ты здесь один».

Здесь один я, здесь с собою,
Здесь со страстною слезою
Вместо Лизы посижу
И на слезы погляжу,
Их обильно проливая,
То для Лизы, воображая,
Я забуду, что один.

(л. 106 об.)

[Г.Р. Державин]

Прощение

Неизбежным уже роком
Расстаешься⁴ ты со мной
Во стенании жестоком
Я прощаюся с тобой.

Обливаюсь слезами,
Г[ру]сти не могу снести!
Не могу сказать словами,
Сердцем говорю: «Прости!»

Руки, грудь, уста и очи
Я целую у тебя,
Из [о]бъятию – нет мне мочи
Разделить с тобой меня!

Лобызаю, обмираю,
Тебе душу отдаю,
Иль из уст твоих желаю
Себе душу взять твою!

(л. 120 об.)

---

⁴Испр., в рукописи: растаесси.

[И. И. Дмитриев]

Нежная

Голубочик сизокрылый,
Томный, нежный,
Страстный, милый!

Отчего ты так уныл,
Легки крылья опустил⁵?
Отчего ты все вздыхаешь,
Плачешь, стонешь [и] рыдаешь?

Где девался твой покой,
Век щастливой, золотой?

Прежде, рано пред зарею,
Ты с голубкою своею
Страстно-страстно ворковал,
Не томился, не вздыхал!

Где теперь твоя любезна?
Видно, часть постигла слезна!
Не о том ли ты грустишь?
Ах! ее не оживишь.

Не один ты, друг мой, стонешь,
Не один в печали тонешь!
Злую грусть и я терплю...
Я – жестокою люблю!

(л. 106)

---

⁵Испр., в рукописи: отпустил.

[И. И. Дмитриев]

С тѣмнотью нежной

Тише, ласточка болтлива,
Тише, тише, полно петь!
Ты с зарею вновь щастлива,
Ах! а мне пришло терпеть.
Тише, ласточка болтлива,
Ах, а мне пришло терпеть.

Я расстаться должен с милой
На заре к моим слезам,
О, луна, твой свет унылой
Краше солнышка был нам.
Тише, ласточка болтлива,
Краше солнышка был нам.

Знать, и сонная мечтала
О любви ты своей,
Ты к утехам рано встала,
А я – к горести моей,
Тише, ласточка болтлива,
А я – к горести моей.

О, когда б и ты имела
Участь, равную со мной,
Ты б молчала и не пела,
И встречала б день с тоской.
Тише, ласточка болтлива,
И встречала б день с тоской.

(л. 41)

[В. В. Капнист]

Надгробныя стѣнания

Уже со тьмою ночи
Простерлась тишина,
Выходит из рощи
Печальная луна.

Я томну лиру строю,
Петь скорбь, объявшу дух,
Приди грустить со мной.
Луна, печальных друг!

У хладной сей могилы,
Под тенью древ густых,
Внемли мой вопль унылый
И вздохов стон моих.

Здесь Юлии любезный,
Праха милый погребен,
Я лить над ним ток слезный
Всечасно осужден.

Подобно розе нежной,
Ты, Юлия, цвела.
Ты в жизни сей мятежной
Мне друг, мне все была.

Теперь, тебя теряя,
Осталось жизнь скончать,
Иль скорбью грудь терзая,
Всечасно умирать.

Но песни сей плачевной
Прервать я должен стон,
Слезами омоченной,
Немее лиры звон.

Безмолвною тоскою
Сильней теснится дух,
Приди ж грустить со мною,
Луна, печальных друг

(л. 119)

[Н. М. Карамзин]

Голос нежной и приятной

Кто мог любить так страстно,
Как я любил тебя?
Но я вздыхал напрасно,
Томил, крушил себя.

Любил, не быв любимым,
К несчастью моему...
Увы, насильно милым
Не будешь никому.

Не знатен я, не славен,
За что меня любить?
Не весел, не забавен,
Могу ль кого прельстить?

Простое сердца⁶ чувство
Для света – ничего,
Там надобно искусство,
А я не знал его.

Искусство величаться,
Искусство ловким быть,
Умнее всех казаться,
Приятно говорить...

Не знал, и ослепленной
Любовию своей,

---

⁶Испр., в рукописи: сердце.

Мечтал я, дерзновенной,
О нежности твоей.

Я плакал, а ты смеялась,
Шутила надо мной,
Моею забавлялась
Сердечною тоской.

Надежды луч бледнеет
Теперь в душе моей,
Уже другой владеет
Навек рукой твоей.

Будь счастлива, покойна,
Сердечная⁷ всегда, //
Суд[ь]бой своей довол[ь]на,
Супруга в век мила.

Во т[ь]ме лесов дремучих
Я буду жизнь вести,
Ли[ть] токи слез горючих,
Желать конца, прости!

(л. 21–22)

---

⁷Испр., в рукописи: сердечно

[И. А. Кованько]

На разлуку. Нежная

Разлука неизбежна –
Так хочет рок – тиран,
На части сердце рвется,
С душою рас[с]таюсь.
О, милая моя, зачем не умер я
Во сладком чувств восторге,
Прильнув к губам твоим?

Ах, лучше б в ту минуту,
Как первой поцелуй
Дала ты мне за верность,
Я в пепел сжегся им!
Неможно слов сыскать,
Чтоб муки описать,
Которыя, Пленира!
Терплю уже теперь.

Что ж стану, как повсюду⁸,
Где прежде вместе мы
Благодарили небо,
Я не найду тебя.
Когда не голос твой,
Но только звук пустой
Тоскливых призываний
Моих услышу я?

Что стану той порою,
Чья будет часть лютей?

---

⁸Испр., в рукописи: повсуду.

Найдется ль в целом мире
Нещастней кто-нибудь?
Тогда со мной сравнен,
Стократ, стократ блажен
В морском водовороте
Кружащийся пловец.

Пленира! то измерит,
Удобно лъзя тебе,
Язык мой непонятен,
Быть может лишь другим,
О! естли бы хоть твой
Не исчезал покой,
Еще бы я и больше
Безмолвно стал терпеть.

Теперь мне в душу светит
Отраднa мысль одна,
Что без тебя я вскорe
В могилу погребусь,
А естли буду жить,
То должно заключить,
Что никогда от горя
Никто не умирал.

(л. 110 об.)

[С. М. Митрофанов]

Веселая

Ты почувствуй, дорогая,
Моя Пашинька, милая,
Ах, почувствуй, как страдаю!

Как я в первый раз увидел,
Твой веселой нрав предвидел.
Мое сердце предвещало,
Мое сердце предвещало
И любить не запрещало.

Ах, влюбился, но к нещастью,
Я к нещастью влюбился,
Год в оковах находился.

Больно сердцу быть в неволе,
Хоть сердечку было больно,
Но любовь дело невольное.
Эх, покорила в свою волю!

Твои нежны милы взгляды
И к лицу всегда наряды
Занимали мои взоры;

На косынках петушки,
В тамбур шиты гребешки –
Украшали грудь прелестну,
Украшали, защищали,
Чужим взорам запрещали.

Я касался, нежность видел,
Нежность видел бела тела,
Во мне вся кровь закипела,
Закипело мое сердце. //

Ты прельстить меня старалась,
Любить вечно обещалась,
Ах, злодейка, обманула!

Обманула, хоть клялась,
Но с любовью убралась
Ты к другому, меня брося.

Ты, покудова любила,
То всегда меня хвалила,
Что нет лучше во всем свете;

Я был ловок и приятен,
Танцовать–плясать был статен,
Всем детина был по нраву.
Но недолго продолжалось
И чрез год всё миновалось.

Всё пропало, всё исчезло.
Я был бел тогда и гладок,
Теперь мерзок стал и гадок,
В угрях рожа, щеки впали;

«Черт ли в гнусной твоей роже,
Есть теперь тебя пригоже
Всем, детина, убирайся!»

Вот вы, девушки, какие,
Ваши речи все пустыя,
Ваши клятвы – лишь обманы!

Знай, что я уж изцелился,
От любви освободился,
Впредь не буду девкам верить!

Вот те, Пашинька, сударка,
Песенка вместо подарка,
Пой, когда ты ни захочешь.

(л. 82 об-83)

[Н. П. Николев]

Нежная

Престань, источник слезной,
Престань всечасно лить.
В глазах моих, любезной,
Ты должен все забыть.

Внимай меня, Вселен[н]а,
Внимай, пленен[н]ый мной!
На то только рожден[н]а,
Чтобы гореть тобой.

Тобой чтобы прельщаться
И мыслить мне одно,
Тобой лишь утешаться
И чувствовать равно.

Тебе вручаю душу,
Тебя клянусь любить,
Я клятву не нарушу,
Доколе буду жить!

Я честью не прельщаюсь,
Не в ней ищу отрад,
За славой не гоняюсь,
Оне – один твой взгляд.

Люблю тебя я страстно
И сердцем и душой,
Вздыхаю повсечасно
И мучуся тоской.

(л. 102 об.)

[М. М. Херасков]

Разлука

Вид прелестной, милы взоры,
Вы скрываетесь от глаз!
Реки и леса, и горы
Разлучат надолго нас.

Сладко было спознаваться
Мне, любезная, с тобой,
Гор[ь]ко, гор[ь]ко расстават[ь]ся,
Гор[ь]ко – будто бы с душой.

Сердце ноет, дух томится,
Кровь то стынет, то кипит,
За слезой слеза катится,
Стон за стоном вслед летит.

О, несносное мученье,
Что любезно, то терять,
Медли, медли разлученье!
Медли душу отнимать.

Нет отрады, все теряю,
Час разлуки настает.
Стражду, мучусь, рвусь, рыдаю,
Ах! прости, прости, мой свет!

Во слезах, тоске и скуке
Продолжится жизнь моя,
Будь спокойна ты в разлуке,
Пусть один терзаюсь я.

(л. 118)

[Анонимные]

Должность и любовь

Под розой разме[с]тившись⁹,
На мягкой мураве,
С Лизетой целовавшись,
Я троны на траве,
И битвы я кровавы,
И свет весь засыпал,
Лишь тихия забавы,
Лишь Лизу воображал.

Вдохнувши лире страстной
Я нежной голосок,
На лире сладострастной
Повесил и венок,
Венок, из роз сплетенной,
Рукою дорогой,
От сердца оживленный
Проливаю слезой.

За струнку лишь рукою,
Лишь вздумал я сказать:
«В утехах с дорогою
Век буду провожать»,
Как вихри засвистели,
И струнка порвалась,
И грома загремели,
Война над мной неслась.

---

⁹Испр., в рукописи: разместившись.

Тут вспомнил, чем я свиту,
Чем должен и царю,
Взглянул я на Лизету,
На Лизан[ь]ку мою,
И лиру я поспешно
Повесил¹⁰ под кусток,
Ах, можно ль петь утешно¹¹
В разлуке со дружкой?

Иду я вслед [г]ерою,
Отечеству служить,
Победу он с собою
Привык всегда водить.
С ним лавром увенчаюсь,
С ним буду человек,
Я смерти посмеваюсь,
Лишь славен будь мой век!

С сим словом, меч хватая,
И[д]ти я в бой хотел,
Но шлем приподнимая,
Под ним гнездо нашел.
Птенцов там согревала
Голубка под крылом,
Умильно ворковала,
Целуясь с голубком.

Взглянул на птичек нежно
И слезку¹² уронил,
И к Лизан[ь]ке поспешно

---

¹⁰Испр., в рукописи: повесел.

¹¹Испр., в рукописи: утешно

¹²Испр., в рукописи: слеску.

В колени посадил.
Глядел – и сердце билось,
И Лизу прижимал,
И слава вся забылась,
И лавр пред мной упал.

Тут снова раздавался¹³
Гром брани, трубный звук.
«Со мной хоть простися,
Мой милой, милой друг!» – //
Мне Лиза говорила,
Сказал и я: «Пр[о]сти».
«Прости, – она твердила, –
Прости меня, любя».

Я, росс, иду сражаться
И легче расстаюсь,
Тогда ли сокрушаться,
Как с славой спознаюсь?
Злодеи, трепещите,
Отмщу как за любовь,
Мне, милые, простите,
Кипи, геройска кровь!

(л. 120–120 об.)

---

¹³Испр., в рукописи: раздавился

Долг платёжом Фрасен

Коль ты меня любила,
И я тебя любил.
Коль ты меня забыла,
И я тебя забыл.

В другаго ты влюбилась,
Покинувши меня,
Моя страсть охладилась,
Другой прельщен и я.

«Прости навек», – сказала,
Я тем же отвечал.
Ты гордость показала,
А я гнушаться стал.

Какие сходны нравы,
Голубушка, у нас!
Во всем мы оба правы,
Наш пламень вдруг погас.

(л. 116)

Нежные упрёки

Для того ль, любезна Лиза,
Ты клялась моею быть,
О любви вчера твердила,
Чтоб на завтра изменить?

Для того ли ты желала
Возвращения моего,
Чтоб опять меня бежала
Для покоя своего!

Для того ли ты ласкала,
Вместе как бывал с тобой, //
Чтобы после показала,
Что властна ты над собой?

Для того ль ты обещалась
Другом вечно называть,
Чтобы после отказалась,
Никогда не вспоминать!

Для того ль поцеловала
При прощанье ты меня,
Чтоб потом торжествовала,
Что тобой несчастен я!

(л. 115–115 об.)

Упрёки к неверной

Прекратилися случаи
Часто видеться с тобой,
Миновали мне минуты,
Как была ты страстна мной.

Скучив верностью моею,
Стала ты не та ко мне,
Вспомни время, как бывала
Ты со мной наедине.

Тяжки вздохи испускала,
Очи были полны слез,
Жар стократно повторяла,
Где же он теперь?.. исчез¹⁴.

Ты клялася, что на свете
Без меня не можешь жить...
Можешь, можешь, дорогая!
Коль могла меня забыть.

(л. 123)

---

¹⁴Испр., в рукописи: изчес.

Совместники

Любовью пагубной вспаленный,
Я дни в страданиях провождал
И тьмой печалей окруженный
Горчайших бед не представлял.

Увы, я мыслил в утешенье,
Что рок всю злобу истошил,
Я мнил, что чрез свое терпенье
Его жестокость победил.

Но, нет, еще не утомляет
Моя плачевна часть его,
Удар он новой вымышляет
Для пораженья моего.

Блаженство, коим я сраженный,
Не мог уже себя ласкать,
Другому рок ожесточенный
Судил в глазах моих вкушать.
Другой к ней верно не имеет
Такой горячности, как я,
Когда ж любить так не умеет,
За что он счастливей меня?

(л. 123 об.)

На голос «Взвейся, выше понесися»

Взвейся, ласточка, вскрутись,
Полети скорей, скорей!
Зачиликай, завертись
Над любезной моей.

Ниже, ниже к ней спустися,
Все пониже, не робей,
Сядь на грудь к ней, встрепенися
И опять слети скорей!

Потихоньку, чуть порхая,
Дале, дале отлетай,
И коль можешь, воздыхая,
Горки слезы проливай!

Не забудь плачевным тоном
Тронуть нежный дух ее,
Не забудь печальным взором
Озираться на нее!

Как увидит, оглянувшись,
Что невидно уж драгой,
Закружись и обернувшись,
Полети назад стрелой!

Вейся, птичка, извивайся!
Громче, птичка, громче пой!
Если можешь – улыбайся,
Приближаясь к драгой!

Прилети к ней, подымися,
Выше, выше к облакам,
И оттуда опустися,
Упади к ея ногам.

Томной взор лишь обратится
На тебя драгой моей,
Сердце грустью в ней пронзится,
Канет слезка из очей.

Белой ручкой приласкает,
Мила Аннушка тебя,
И вздохнув, вздохнув, узнает,
Что летишь ты от меня.

Дай ей знать, с каким мученьем
Расставался с нею я,
И коль сладким восхищеньем
Возвращусь к ногам ея.

(л. 15–15 об.)

Разлука неж[ная песня]

Голубчик нежно-страстной!
Ты с голубушкой своей,
Безпрестанно ты при ней,
Нет разлуки вам несчастной!

Лишь голубка отлетела,
Ты вспорхнул и полетел!
И на той же ветке сел,
Где твоя голубка села. //

Вы всегда благополучны –
Не тревожитесь ничем,
В теплом гнездышке своем
Дни проводите нескучны!

Громкой славой не прельщаясь,
Не летишь от милой прочь,
Спишь покойно в темну ночь,
Ты с подружкой лобызаясь.

Ах! зачем-зачем тобою
Быть нельзя мне, голубок?
Ах! тогда бы, мой дружок,
Был доволен я судьбою!

Не рвалось бы сердце страстно,
Если б крылышки имел!
Я взвился б и полетел
К той, о ком грущу всечасно.

(л. 116–116 об.)

Голос нежной и приятной

Стонет сизой голубочик,
Стонет он и день и ночь,
Ево миленькой дружочик
Отлетел надолго прочь!

Он уж больше не воркует
И пшенички не клюет,
Все тоскует, все тоскует
И тихонько слезы льет.

С нежной ветки на другую
Перескакивает он
И подружку дарагую
Ждет к себе со всех сторон.

Ждет ее, увы, но тщетно,
Знать, судил ему так рок,
Сохнет, сохнет неприметно
Нежной страстной голубок.

Он ко травке прилегает,
Носик в перья завернул,
Уж не стонет, не вздыхает,
Голубок... навек уснул.

Вдруг голубка прилетела,
Приуныв, издалека,
Над своим любезным села,
Будит, будит голубка.

Плачет, стонет, сердцем ноя,
Ходит милаго вокруг,
Но, увы, любезна Хлоя,
Уж не встанет милой друг.

(л. 16–16 об.)

Голос нежно[й], томной

Полно-полно, зяблик милой,
О неверной тосковать.
Пролетел твой век щастливой,
Ты престал ее пленять.

Не тужи о той всечасно,
Что могла неверной быть,
Хоть измену снести ужасно,
Но старайся п[о]забыть.

Оставляй скорей лесочик,
Где она гнездо свила,
Не грусти, о мой дружочик!
Не убавишь грустью зла.

Верь – сама неверна вскоре
Будет чувствовать тоску,
Полетит в слезах и горе
В том искать тебя леску.

На березке где ветвистой
Ты неверную узнал,
Где твой голос нежной, чистой
Ново чувство ей внушал.

Но пускай летит напрасно,
Вспомня позд[н]о уж тебя,
С нею быть тебе опасно,
Береги, мой друг, себя! //

Улетай и в огороде
Сядь на липочку мою,
Там со мною на свободе
Позабудешь грусть свою.

Я измену, друг любезной,
Сам несносно испытал
И в страданьи лил ток слезной,
Умереть¹⁵ сто раз желал,

Но в объятиях природы
Истребил ту нежну страсть,
Провожу в весельи годы
И не знаю, что напасть.

(л. 37–37 об.)

---

¹⁵Испр., в рукописи: утереть.

На тот же голос
[«Полно-полно, зяблик, милой...»]

Полно, пеночка любезна,
Токи слез[н]ы проливать,
Тщетна горесть, безпредельна,
Полно, перестань страдать!

Не тужи о том напрасно,
Что нельзя уж возвратить,
Хоть разлуку несть ужасно,
Но старайся позабыть.

С другом, коим ты пленилась,
Век кого клялась любить,
Коим часто веселилась,
С ним хотела вечно жить.

Оставляй скорей лесочик,
Он скончал тут дни свои,
Убегай того, дружочик,
Что родит печали злы. //

Улетай и под окошко
Сядь на веточку мою,
Здесь со мною хоть немножко
Позабудешь грусть свою.

Я утраты, друг любезной,
Сам довольно испытал,
Во страданьи лил ток слезной,
Умереть сто раз желал.

Не повремени, с терпеньем
Ощутил¹⁶ в душе покой,
Не тревожился прельщеньем,
Не пре[ль]щался я мечтой.

Не жалею, не боюсь
Я скончанья моих дней,
Нет: умру или продлюся –
Все равно душе моей!

Ах, когда коса смертельна
Вознесется надо мной,
Тогда воля безпредельна
Воззовет меня в покой.

Солнца луч когда померкнет
На всю вечность для меня,
Когда свет в глазах исчезнет,
В мрачной гроб сокроюсь я!

Тогда, пеночка драгая,
В тихий летний вечерок
Посети меня, милая,
Посети меня, дружок.

Близ могилы на кусточке
Сядь, уныло воздохни,
При прохладном ветерочке
Меня, мертва, вспомяни. //

И в награду вечной дружбы
Томну песенку запой,

---

¹⁶Испр., в рукописи: ощушил

Изъясни те горя нужды,
Кои я терпел живой.

Когда, пеночка драгая,
Прежде ты окончишь дни
И, дух томный испуская,
Прекратишь печали злы,

Суету и свет оставишь,
К сердцу крылышко прижмешь,
Образ смерти ты представишь,
Вечным сладким сном заснешь,

Сиротою я останусь
В скучной горькой жизни сей,
Во слезах¹⁷ я распрощаюсь
С милой ласкою твоей.

И тогда я, друг мой нежной,
Сам снесу тебя в лесок,
Томной, грустной, безутешной,
Схороню я твой гробок.

Близ кусточка кипарисна,
Близ уныла ручейка,
Где теперь струя волниста
Тихо моет берега.

(л. 37 об. – 38 об.)

---

¹⁷Испр., в рукописи: злезях

Недобреичивость

Другим прельстясь, моя драгая,
Щастлива будь, коль можешь быть,
Тяжка премена мне такая,
Но должно мне тебя забыть.

Разкаешься, мой друг, я знаю,
Как ложныя пройдут мечты,
Припомнишь, как теперь страдаю,
И обратишься ко мне ты.
Но поздно будет то:

Тому уж впредь никто не верит,
Кто в жизни обманул хоть раз,
Все мнится, будто лицемерит,
И рушит клятвы всякой час.

(л. 124 об.)

[Голос] Унылой, с порывами отчаяния

Где, где, ах, ах, укрыться,
О грозный день, лютейший час!
Рок злой на нас стремится,
Ах, скоро он постигнет нас!

О, взор прекрасный,
Как мы несчастны,
Что делать нам и что зачать?
Другие взгляды, нам нет отрады,
Надежды нет, о горька часть!

Свет мой, тебя со мною
Не разлучит совместник мой,
Я здесь своею рукою
Скончаю жизнь, умру с тобой!

Места пустыя, леса густыя,
Внемлите наш стнящий глас,
Сколь вы не льстили,
Никак не скрыли –
Хоть скройте вы по смерти нас!

А ты со стоном страстным,
О древо, с шумом возопи!
И здесь имян несчастных
Плачевну надпись сохрани.//

Жизнь прерывайся,
Ты оставайся,
Я растаюсь с тобой навек.

О взор прелестный,
О вид любезный,

Очей моих прекрасный свет!
Прости-прости, вся радость!
О рок! чего лишаяюсь я?
Прости, сердечна сладость,
Прости-прости, душа моя!

Уста прекрасны, уста несчастны,
В последний раз целую вас,
Все окончалось,
Все миновалось,
Прости, мой свет, в последний раз!

(л. 33об.– 34)

Плач любовника на гробнице своей любезной

Эльвиры нет, она сокрылась
Теперь навеки от меня,
Природа вся переменялась,
Эльвира, я не зрю тебя.

Не вижу взора нежна, мила,
И горестна душа, уныла,
Лишь утешенье зреть в слезах,
И так уже Эльвира прах...

Не слышу я ручьев журчащих,
Поблекли для меня поля,
Не слышу я древес шумящих,
И стонет подо мной земля.

Туманом солнце обложилось,
Ужасным мраком все покрылось,
Эльвиры нежной боле нет,
На что мне солнце, днесь и свет?

В печали, в ярости ужасной
Пришел к твоей гробнице я,
И что ж увидел я несчастной:
Эльвира, где краса твоя?

Твой друг стоит перед тобою,
Но, ах, и под его рукою
Не бьется сердце уж твое,
Стенанье тщетно днесь мое!

Тебя слезами омываю,
Но ты не чувствуешь того,
К [с]тесненной груди прижимаю
И рвусь – не слышишь ничего.

Смерть торжествует над любовью,
Омыл бы я гробницу кровью,
Эльвиры нет, на что мне жить?
Но мне приятно слезы лить...

Сказал и место то ужасно
Оставил, но куда бежать?
Безумный, хочешь ты напрасно
Отрады сердцу днесь искать;

Поди к гробнице возвратися,
О жизни боле не пекися,
Изчезли сладостны мечты,
Эльвиры нет, не будь и ты.

Се[й] час настал, иду, Эльвира,
Не страшен боле взор мне твой,
Нас сопряжет создатель мира,
Теперь доволен я судьбой.

Утешься ты, о, тень стеньща,
Услышал Бог меня, моляща,
И возвращает мне покой,
Я умираю... я с тобой.

(л. 123)

ЖЕНСКИЕ ЛЮБОВНЫЕ
ПЕРЕЖИВАНИЯ
В КНИЖНОЙ ПОЭЗИИ

РАДОСТИ И ГОРЕСТИ ЛЮБВИ.

«О, жестокие мушкетеры,
для чего мы любим вас?»

[И. Ф. Богданович]

Узрябляющий любовь и невинность [голос]

Пятнадцать мне минуло лет,
Пора теперь видеть мне свет.
В деревне все мои подружки¹
Разумны стали друг от дружки,
Пора видеть теперь мне свет!

Пригожей все меня зовут,
Мне надобно подумать тут:
Как должно в поле обходит[ь]ся,
Когда пастух придет любит[ь]ся, //
Мне надобно подумать тут.

Он скажет: «Я тебя люблю»,
Любовь и я ему явлю,
И те ж скажу ему три слова
В том нет урона никакова,
Любовь и я ему явлю.

Мне случай этот вовсе нов,
Не знаю я любовных слов!
Попросит он любви задаток,
Что дать, не знаю я ухваток,
Не знаю я любовных слов.

---

¹Испр., в рукописи: подружки.

Дала б ему я посох свой –
Мне посох надобен самой,
Зверей чтобы остерегаться,
С собачкой мне нельзя рас[с]таться,
Мне посох надобен самой.

В пустой и скучной стороне
Свирел[ьки также нужны мне.
Овечку дать ему я рада,
Когда бы не считали стада,
Свирельки также нужны мне.

Я помню как была мала,
Пастушка² поцелуй дала.
Не уж ли пастуху в награду
За прежнюю его досаду
Пастушка поцелуй дала?

Любовь – владычица сердец,
Как быть научит, наконец,
Любовь своей наградой платит
И даром стрел своих не тратит,
Как быть научит, наконец.

Пастушка говорит тогда:
«Пускай, пастух придет сюда³, //
Чтоб не было убытку стаду,
Я сердце дам ему в награду,
Пускай, пастух придет сюда».

(л. 45–46 об.)

---

²Испр., в рукописи: постушка

³Испр., в рукописи: суда.

[М. В. Зубова]

Голос нежной

Я в пустыню удаляюсь
От прекрасных здешних мест,
Сколько горестей смертельных
Мне в разлуке нужно снести.

Оставляю град любезной,
Оставляю и того,
Кто на свете мне милее
И дороже мне всего.

Применить нельзя предела,
Нельзя страсти истребить,
Знать, судьба бедной велела,
Чтоб в пустыне одной жить.

В тех местах уединенных
Воображать буду тебя,
О, надежда мыслей пленных,
Ты тревожишь здесь меня.

Повсечасно буду плакать
И тебя все вспоминать,
Ты старайся, мой любезной,
Взор несчастной забывать.

Уж вздыханьем и тоскою
Пособить невозможно нам,
Коль несчастны мы судьбою
И противны небесам.

Здесь собранье, здесь веселье,
Здесь все радости живут,
И меня назло мученья
В места страшныя влекут.

Уменьши мое мученье
И в разлуке тем уверь,
Не забудь меня несчастну,
Тем тоску мою умерь.

Знаю, что и ты страдаешь
И вздыхаешь обо мне,
Но и ты знай, мой любезной,
Что я мучусь по тебе.

Ах, прости, прости, любезной,
Разлучили нас с тобой,
Не забудь меня несчастну,
Не забудь, пленен иной.

(л. 29 об.)

[Н. П. Николев]

Взвейся, выше понесися,
Сизокрылой голубок!
На том месте опустился,
Где мой миленькой дружок.

Ты скажи, как сердце ноет,
Сердце, верное ему,
То забьется, то застонет,
Улететь хочет к нему! //

У кусточка, где любезной
Меня страстно целовал,
Я там лью теперь ток слезной,
И кусточик тот завял.

Соловей, на ветке сидя,
Громки песни тамо пел,
Теперь, милаго не видя,
В лес дремучий улетел.

Та зеленая дуброва,
Что от зноя в жаркой день
Принимала дорогова
И меня к себе под тень,

Свой зеленой цвет теряет
Без тебя, любезной мой,
И всяк час напоминает,
Что уж нет тебя со мной.

И в ручье, что извиваясь,
По песку тихо бежал,
При котором ты, видаясь,
Часто ягоды мне брал,

Вдруг вода с песком взмутилась,
Там и ягода горька
С той минуты, как лишилась
Я любезного дружка.

Ах, не медли ни минуты,
Ко мне, милой, прилети
И, прервав страданья люты
Ты в веселье преврати!

Все тогда переродится,
Горесть – в радость, слезы – в смех,
Когда милой возвратится,
Я щастливей буду всех!

(л. 8 об.– 9)

[А. Ф. Мерзляков]

На голос «Вылетела голубина»

Вылетала бедна пташичка на долину,
Выроняла сизы перья на долину,
Быстрой ветер их разносит по дуброве,
Слабой голос раздается по пустыне.

Не скликай, уныла птичка, бедных пташек,
Не скликай ты родных деток понапрасну.
Злой стрелок убил малюток для забавы,
И гнездо твое развеяно под дубом.

В буре ночин[ь]ки осенняя, дождливой
Бродит по полю несчастна горемыка,
Одинехонька, с печалью, со кручиной,
Черны волосы, бедняжка, вырывает,

Белу грудь свою, лебедушка, терзает:
«Пропадай ты, красота моя, злодейка!
Онемей ты, сердце нежное, как камень,
Разтворися, мать-сыра[–земля], могилой!

Не расти в пустыне хмелю без опоры,
Не цвести цветам под солнышком осенним,
Мне невозможно жить без милаго тирана.
Не браните, не судите меня, люди!

Я пропала не виной, а простотою,
Я не думала, что есть в любви измена,

Я не знала, что притворно можно плакать.
Я в слезах его читала клятву сердца⁴,

Для него с отцом и с матерью расталась, //
От родных своих, от дому отказалась.
За бедой своей летела на чужбину,
За позором пробежала доли-степи.

Будто дома женихов бы не [сы]скалась,
Будто в городе любовь совсем другая,
Будто радости живут лишь за горами,
Иль чужа земля теплее для могилы.

Ты скажи, злодей, к кому я покажуся?
Кто со мною слово ласково промолвит?
О безродной, о презренной кто потужит?
Кто из милости бедняжку похоронит?»

(л. 53 об.-54)

---

⁴Испр., в рукописи: сердце.

[А. Ф. Мерзляков]

Чернобровой, черноглазой,
Молодец удалой,
Родил мысли в моем сердце,
Зажег ретивое.
Нел[ь]зя солнцу быть холодным,
Красному потухнуть,

Нел[ь]зя сердцу быть на свете
И не жить с любовью.
Для того ли солнце греет,
Чтобы травка вяла,
Для того ли сердце любит,
Что[бы] горе мыкать?

Нет, не дам злодейке-скуке
Ретиво сердце,
Полечу к милому другу
Осеннею пташкой;
Покажу другу платочик –
Его же подарок.

Воет сыр бор за горами,
Метелица в поле,
Встала вьюга-непогода,
Запала дорога.
Оставайся, бедна пташка,
Заперта в клетке;

Социтай горячи слезы
На алом платочке,
Изсуши горячи слезы

На белой ты груди;
Или сладкими соделай,
Смешав со своими.

Не отворишь ты слезами
Отеческой терем,
Не увидишь дорогаго,
Ни прежнего счастья,
Не ходить, было, красной девице
Вдоль по лугу, лугу.

(л. 54–54 об.)

[А. Ф. Мерзляков]

*Цростнародная
Нежная*

Я не думала ни о чем в свете тужить,
Пришло время, начало сердце крушить.
Со вздыханья белой груди тяжело,
То ли в свете здесь⁵ любовью прослыло.

Полюбить дружка, от горести изныть,
Кто по сердцу мне, не смей того любить.
Злые люди все украдкою глядят,
Меня девушку заочно все бранят.

Как же слушать пересудов мне людских?
Сердце любит, не спросясь людей чужих.
Сердце любит, не спросясь меня самой.
Вы уймьтесь, злые люди, говорить,

Не уйметесь, научите не любить!
Потужите лучше в горе вы со мной.
Было время, и на вас была беда,
Чье сердечко не болело никогда?

Всяк изведал грусть-злодейку по себе,
А не всякой, ах, жалеет обо мне...
Что ж мне делать с горемышной головой,
Куда спрятать сердце с тяжкою тоской?

Друг не знает, что я мучусь за него,
Людям нужды нет до сердца моего!

---

⁵Испр., в рукописи повтор.

Вся забавушка при радости моей,
Цветы алые, поблекнете скорей;

Вас сердечными слезами я полью,
Вам одним скажу про грусть свою:
Как без солнышка невозможно вам пробыть,
Мне без милова невозможно бол[ь]ше жить!

(л. 64 об. – 65)

[Ю. А. Нелединский-Мелецкий]

Нежный и томный

Выйду я на реченьку,
Посмотрю на быстрюю:
«Унеси ты мое горе,
Быстра речи нька, с собой».

Нет! Унести с собой не можешь
Лютой горести моей,
Разве, грусть мою умножишь,
Разве, пищу дашь ты ей.

За струей струя катится
По склоненью своему,
Мысль за мыслью так стремится,
Вся к предмету одному. //

Ноет сердце, занывает,
Страсть мучительну тая,
Кем страдаю, тот не знает,
Терпит что душа моя.

Чем же злую грусть разсею,
Сердце успокою чем?
Не хочу и не умею
В сердце быть властна моем.

Милой мой им обладает,
Взгляд его – мой весь закон,
Томный дух пусть век страдает,
Лишь бы мил всегда был он!

Лутче век в тоске пребуду,
Чем его мне позабыть,
Ах, коль милаго забуду,
Кем же стану, кем же жить?

Каждое души движенье –
Жертва другу моему,
Сердца каждое биенье
Посвящаю я ему.

Ты, кого не называю,
А в душе всегда ношу,
Ты, кем вижу, кем внимаю,
Кем я мыслю и дышу.

Не почувствуй ты досады,
Как дойдет мой стон к тебе,
Я за страсть не жду награды,
Злой покорствуя судьбе.

Если ж ты найдешь возможным,
Силу чувств моих измерь
И приветствием, хоть ложным,
Ад души моей умерь!

(л. 39 об. – 40)

[Анонимные]

Люббная

Весела тогда бываю
И довольна я судьбой,
Все на свете презираю,
Когда миленькой со мной. (2)

С нетерпеньем ожидаю,
Чтоб скорее шел домой,
Для чего ж того желаю,
Будет миленькой со мной. (2)

То мне служит в утешенье,
Было б в тягость – что одной.
Разделяет упражненье
Всегда миленькой со мной! (2)

Как музыка ни играет,
Забавляясь меж собой,
Но то лучше утешает,
Что мой миленькой со мной! (2)

Тоску книга отнимает
И питает разум мой,
Но то больше забавляет,
Что мой миленькой со мной. (2)

Иногда гуляя в поле,
Птички слух пленяют мой,
Не завидую их доле,
Естьли миленькой со мной. (2)

Городами не прельщаюсь –
Здесь вкушаю я покой,
Всею утехой наслаждаюсь,
Когда миленькой со мной. (2)

Не желаю славы, злата
И считаю их мечтой:
Я щастлива и богата,
Когда миленькой со мной! (2)

(л. 106 об.– 107)

Любовь – не грех

Любовь за грех считают,
На что ж родимся с ней?
Напрасно нас страшат,
Нел[ь]зя грехом быть ей!

Как можно защищат[ь]ся,
Что мило не любить,
Суровою казаться
И нежность утаить.

За что прелестны лета
Мне в скуке провожать,
Бежать того предмета,
Что должно обожать?

Люблю и тем горжуся⁶,
Что сердце дам с рукой,
Греха я не боюсь,
Коль щастлив будешь мной.

(л. 117 об.)

---

⁶Испр., в рукописи: грожуся.

Голос живой, с некоторою тьмою

Желанья наши совершились,
И все напасти те прошли,
Которых столько мы страшились,
Приятны дни опять пришли.

Судьба наш пламень награждает,
Вос[с]тавая прежний наш покой,
Ты щастлив мной, а я тобой,
Чего ж душа моя желает?
Чтоб быть мне мил, ты верен был
И чтоб одну меня любил!

Любима будучи тобою,
Я чту себя щастливей всех,
Довольна я своей судьбою,
Вкушая тьму в любви утех!

Но естли презришь пламень страстной,
Отдашь другой ты сердце в дар,
Какой удар за весь мой жар
Ты приготовишь мне, несчастной!
Тогда твой взгляд – мне будет яд
И целой свет – будет мне ад...

Тебе навеки посвятила
Я сердце, мысль и жизнь свою,
Душа твоя меня пленила,
Я жар к тебе мой не таю,

Нельзя в тебе быть столько зверства, //
Чтоб ты, мой дух к любви склоня,

Сгубил меня, мне изменя –
Нет в свете столько лицемерства!
Чтоб так уметь расставить сеть
И на невинность цепь надеть!

Но естли мне данного слова
Не пременишь ты никогда,
Я ету цепь носить готова
И быть хочу твоей всегда!

Где б судьба жить не велела,
Лишь ты мой жар не призирай!
Мне всякий край с тобою рай,
К тебе я вечно страстью тлела.
Тебя любить и верной быть,
Я тщилаась клятву сохранить.

(л. 39 об.– 40)

Нежная

Я в петнатцать лет узнала
Страсть любовну невзначай.
Хоть того и не желала,
Но пришел такой случай.

Помню день я тот прекрасной,
Как любовь меня зажгла,
Там при речке при прозрачной
Как я милово нашла.

Он стоял и нежны взоры
На меня свои метал,
И со вздохом разговоры
Так ко мне он начинал:

«Ты уж в летах тех, драгая,
Чтобы знать любовну страсть
И, подружек отвергая,
Взять над милым нежну власть.

Ах, взяла мою навеки,
Но скажи мне ты моя ль?»,—
Полились тут слезны реки,
И его мне стало жаль.

Чтоб утешить я призналась,
Что и он мне также мил,
Лжей я ввек не заражалась,
Дух мой правду всю излил.

Льзя ли лгать, когда сгораешь
Милым, нежным огоньком
И на милого взираешь,
Обнимаешься с дружкой?

С тех-то пор, мои подружки,
Я уж с вами не резвлюсь,
Мне на ум нейдут игрушки,
Я любовью веселюсь.

(л. 96 об.)

Голос нежной и приятной

Чем бол[ь]ше скрыть стараюсь
Мою страсть пред тобой,
Тем бол[ь]ше я пленяюсь
Твоею красотой.

Нет сил уж притворяться,
Столь страстно люблюя,
Нел[ь]зя мне не признаться,
Что я люблю тебя.

Но что ж в том за отрада,
Что ты о том узнал?
Мне, разве, та отрада,
Что мной ты пленен стал.

Суд[ь]бы моей решенье
Окончи поскорей,
Подай мне утешенье
В жестокой страсти сей.

Минуты нет покою,
Ты сердце мне пронзил,
Вот язвою какою
Меня ты заразил!

Ах, естли пламень нежной
И твой дух вспламенил,
Стократно мой любезной,
Стократно будет мил.

(л. 23–23 об.)

Любовная

Где счастье? где отрада?
Где ты, любезной мой?
Где милая забава?
Где ты, душа, покой?

Расставшись с тобою,
Повсюду жизнь крушу,
Терзаюсь я тоскою,
Везде тебя ищу!

Бегу я в те лесочки,
Где мил искал меня,
Топчу я те цветочки,
Спешу найти тебя.

Но сердце ежечастно
Твердит: «Куда идешь?
Ково ты любишь страстно,
Тово уж не найдешь!»

Остались напасти
Лишь спутники мои,
Сойдите, люты страсти,
Где вы, щастливы дни?

Мой миленькой, будь спокоен
И верность соблюдай.
Ты щастия достоин,
И горе забывай!

Пусть счастье, веселье
Во след тебя спешат!
Я птичкой быть желаю,
Чтоб в армию летать.

Я б все тогда узнала –
Коль страшно воевать!
Узрела б, как сражался
Мой миленькой, во сне,
Пуль-ядер не боялся,
Мил думал обо мне!

Его бы там узрела,
Как он без чувств лежал.
Я б косточки собрала,
Ток слезный пролила,
Во гроб бы их поклала,
Земли бы предала.

Проснись! хотя от смерти
На время пробудись!
Сними тяжко бремя,
Последний раз простись!

(л. 109 об.)

С Веселостью приятной

Я птичкой быть желаю,
Везде чтобы летать.
Я все тогда узнаю,
Не буду тосковать.

Вослед бы полетела
За тем, кого мне жаль,
И в радости б запела,
Прошла [б] моя печаль.

Того бы веселила,
Кто тужит обо мне,
С тем скуку бы делила,
Кто мил и дорог мне.

Он стал бы меня, нежа,
Ласкать и целовать,
Я б ласки ему те же
Старалась повторять.

Мы были б неразлучны
И в осень, и весной
И, быв благополучны,
Вкушали бы покой.

Коль птичкой быть неможно,
Надеждой веселюсь,
Ласкать тебя⁷ возможно –
Я ввек не пременюсь.

(л. 38)

---

⁷Испр., в рукописи: себя.

Вздохи в разлуке

В лазурном своде неба
Нет туч, ни облаков,
Зрак ясен Феба,
И ясно ночь свой стелет кров.

Ах, сердце так ли ясно,
Так ясно ли во мне,
Стараюсь скрыть напрасно,
Что нет дружечка, нет при мне.//

Целуюся носками,
Пернатя поют,
Манят хоть голосками,
Но мысль печальна придет тут.

Сам-друг здесь попевают,
Оне веселие поют,
Друг друга забавляют,
Как я они одне ли тут?

И зелень здесь клубится,
Готовит тень любви,
Кто ж будет веселиться,
Считать утехами все дни.

Но я, наверно, знаю,
Дружечка нет при мне,
О нем я все вздыхаю,
Мой друг, вздыхаю о тебе!

(л. 119–119 об.)

Сомнение.

На го[лос] «Как быстрый вихрь про...»

Мне должно изъяснит[ь]ся,
Спокой смущенный дух,
Что хочешь ты женит[ь]ся, //
Правдив ли этот слух?

Сомненье прекрати,
Спокойство возврати!
Коль прежде я была
Тебе, мой свет, мила.

Прерви мое стенанье,
Грудь томну оживи,
Сердечное терзанье
На радость премени.

Уверь, престань томить,
Скажи и дай мне жить,
Что я тебе мила
И буду и была!

(л. 123–123 об.)

Люббвная

Вечерком в саду гуляла,
Меж кусточками в теньях.
В мыслях я тебя искала,
Мнился ты в моих глазах.

Все минуты повторяла:
Где мой миленькой дружок?
Сердце тщетно занывало,
В грусти села под кусток.

Так теперь и он летает,
Тот, кого любила я,
Сердце больше тем страдает,
Чем он дале от меня.

Знай, что вечно ты пребудешь
В сердце, нежном для тебя,
Хоть моим ты и не будешь,
Но умру, тебя любя! //

Скажешь ты: «Она достойна
Жертвы той, чтоб я любил,
Без меня б была покойна,
Я навек ее сгубил».

Ты, которой обитаешь
В чувствах, сердце и уме,
Но, ах, ты того не знаешь,
Сколь мне грустно по тебе!

В тот час мимо пролетела
Птичка, где сидела я.
Она песенку запела,
А я вспомнила тебя.

Но хоть как бы недалеко
Ты уехал от меня,
Пусть судьба мне и жестока,
Но ты в мыслях навсегда!

Если ты любить умеешь,
Не забудешь ты меня,
Если чувства ты имеешь,
Будешь верен мне всегда.

Все я горести имею
От любви и от тебя,
Но о том не пожалею,
Лишь люби и ты меня!

(л. 24–24 об.)

«Отсутствие»

Увы, любезной в отдаленьи,
Но близок он в воображеньи.
Когда цветущу розу рву,
Его в листке я каждом зрю;

Или на облака⁸ взираю,
Его и в них я обретаю,
Все для меня его портрет,
Он сердца моего предмет.

Читаю ли я его руку,
Она рассеет вмиг всю муку,
Во всякой дорогой черте
Его представит образ мне.

Там нежна ветка шевелится,
Я ж мню, драгой ко мне стремится.
Все для меня его портрет,
Он сердца моего предмет.

Душа объята ис[с]туплением
И эху внемлет с изумленьем,
Ручей журчит, с горы стремясь,
Мне ж кажется, его то глас;

Тот глас, что душу восхищает
И прелесть жизни составляет,
Все для меня его портрет,
Он сердца моего предмет.

(л. 122 об.)

---

⁸ Испр., в рукописи: аблака

Голос самой томной

Звук унылой фортопяной,
Выражай⁹ тоску мою!
Я люблю, хотя тирана,
Облегчи печаль мою.//

Удали ты на минуту
Грусть душевну от меня,
Я пью чашу скорби люту,
Пожалей¹⁰ хоть [ты] меня!

От[о] всех я сокрываю
Злой судьбы моей предел,
И з тобой лишь проливаю
Реки слез – вот мой удел.

Иногда с тишайшим¹¹ стоном
Я припомню клятву слов,
Слов священ[н]ых [пред]престолом,
Где свидетель бог богов¹²!

Судья правья, Бог – хранитель,
Внемли сердца томных грез¹³!
Вод и суши сотворитель,
Взгляни с трона Ты в сей час!

---

⁹Испр., в рукописи: «выражая»

¹⁰Испр., в рукописи: пожелей.

¹¹Испр., в рукописи: тишним

¹²Испр., в рукописи повтор: бог, бог богов.

¹³Испр., в рукописи: томный гроз.

В жертву сердце непорочно //
Тебе, боже, приношу,
И во всех Тебе [не]ложно,
Духом веря, я прошу.

Посели в нем чу[в]ства новы,
Разогрей отважну¹⁴ кровь,
Надень сброшены оковы,
Вспламени опять любофь!

(л. 16 об.-17 об.)

---

¹⁴Испр., в рукописи: огватну

[На голос] «Звук унылой фортепьяно»

Фортепьяно звук унылой,
Чувства сердца выражай,
Издавая тон твой милой,
Ты тоску мою питай;

Ты питай тоску сердечну,
Знай же, знай же, что терплю,
Горесть люту, безконечну
Оттого, что я люблю.

Долго я любовь скрывала,
Страсть старалась победить,
Но, к нещастию, узнала,
Что // поздно не любить.

Я не в силах скрывать чувства,
Милой что вселил в меня,
Во мне нет того искусства:
Равнодушной быть, любя.

Выражай же, звук унылой,
Все, что я теперь терплю,
Пусть узнает, ах, мой милой,
Сколько я его люблю.

(л. 44–44 об.)

Любовь к несклонному

Что есть на свете злее
Несклоннаго любить?
И тем, кто всех милее,
Век видимой не быть.

В местах я обитаю,
В которых он живет,
Шаги его считаю,
Но пользы в этом нет.

Я вслед за ним стремлюся,
Сосу яд с прелестей,
Отчаянна, клянуся
В любви к нему моей.

Он мук моих не знает,
Не может их и знать,
Меня он осуждает,
Не ведая страдать.

(л. 118)

Люббвная

Чем тебе я досадила,
Ты скажи мне, дарагой,
Или тем, что полюбила,
Что прельстилася тобой?

Ты мне клялся, уверяя,
Что моим ты хочешь быть,
Я ж, обман не предузная,
Начала сама любить.

Веселись, что я тобою
Вечно ввержена в напасть.
Смейся, смейся надо мною,
Ты, презревши нежну страсть!

Мне осталось в облегченье,
Тщетно мой покой губя,
Кончить тщетное мученье,
Позабыв навек тебя.

Но, ах, как тово забытьи,
Кто мне больше жизни мил?
Кто так мог, как ты вспалити,
Тот не будет век постыл.

Ты мне мил и мил пребудешь,
Сколь тобой я ни терплю,
Хоть навек меня забудешь,
И забывшаго люблю!

(л. 107)

Чем тебя я огорчила,
Ты скажи, любезной мой,
Или тем, что полюбила,
Потеряла жизнь, покой!

Ни здоровья, ни покою
Не щадила для тебя,
Ты мне жизнью был, душою,
Ты был слава, честь моя.

Сердце клятву ту хранило,
Ту, которой уверял,
Сердце бедное не мнило,
Чтоб ты клятвам изменял.

Ах, что вижу, ты вздыхаешь,
Утешать не в силах я,
Страсть мою ты отвергаешь,
Есть иная у тебя.

Есть иная, я немею,
Темен свет в моих глазах,
Рвусь в досаде и жалею,
Поневоле вся в слезах.

Так гори ты, ретивое,
Пусть моя пылает кровь!
Нужды нет тебе в покое,
Мне душа и жизнь – любовь.

Смейся, варвар-победитель,
Веселися всей душой,

Веселись, тиран-губитель,
И ругайся надо мной!

Я обману не училась,
Полюбив¹⁵, должна любить,
В том винюсь, что не спросилась
У разсудка, чем отмстить.

Мечь моя – тебе отравя,
Я тебя еще люблю,
Вот мне радость и забава,
От тебя что грусть терплю.

Чем я тебя огорчила,
Ты скажи, любезной мой;
Или тем, что полюбила?
Потеряла свой покой.

Ни покою, ни здоровья
Не жалела для тебя,
Слышу, вижу, как вздыхаешь –
Есть иная у тебя,

То – разлучница моя,
Полюбовница твоя!
Вспоминает мое сердце
По тебе, любезной мой.

Гори, гори, мое сердце,
Разгорайся в лице кровь!
Гасни, гасни, огонь страстной,
Исцеляйся, нежна грудь!

---

¹⁵Испр., в рукописи: полубив.

Смейся, варвар, надо мною,
Как я буду слезы лить,
Я обману твоего не знала,
Начала верно любить.

Влюблена в дружка смертельно
По несчастью своему...

Сколько мил меня любил,
Столько горестей терплю,
Столько горестей терплю,
Тебя, миленькой, люблю!

(л. 58 об. – 59)

[2 вариант]

Чем я тебя огорчила,
Ты скажи, любезной мой;
Или тем, что полюбила?
Потеряла свой покой.

Ни покою, ни здоровья
Не жалела для тебя,
Слышу, вижу, как вздыхаешь –
Есть иная у тебя,

То – разлучница моя,
Полюбовница твоя!
Вспоминает мое сердце
По тебе, любезной мой.
Гори, гори, мое сердце,
Разгорайся в лице кровь!

Гасни, гасни, огонь страстной,
Исцеляйся, нежна грудь!

Смейся, варвар, надо мною,
Как я буду слезы лить,
Я обману твоего не знала,
Начала верно любить.

Влюблена в дружка смертельно
По несчастью своему...

Сколько мил меня любил,
Столько горестей терплю,
Столько горестей терплю,
Тебя, миленькой, люблю!

(л. 9 об.– 10)

Голос томно протяжной

Ах, ты день ли мой, денечик,
День прекрасной, дарагой!
Ах, денечик мой прекрасной,
Мне тебя уж не видать!

Забывай меня, любезный,
Ты на веки забывай.
А к несносному мученью
Обо мне не вспоминай!

А я с горя, со кручины
Во темны леса пойду,
Закричу ль я, закричу ль я
Громким голосом своим:

«Вы, долины и дубравы,
Пожалейте обо мне!
Ах, вы звери, звери люты,
Собегайтиса ко мне,

Вы воз[ь]мите, растерзайте
Тело бело по частям,
Вы остав[ь]те, сберегите
Ретиво сердце мое! //

Ах, вы, птицы, вы пернаты,
Вы слетайтиса сюда¹⁶,
Вы воз[ь]мите, подымите
Ретиво сердце мое,

---

¹⁶Испр., в рукописи: суда.

Подымите, отнесите
Ко дружочку моему,
Пусть увидит, пусть узнает,
Как верно любила я,
Пусть, узнавши, пожалеет,
Пусть поплачет обо мне».

(л. 56 об. – 57)

Песня

Я не знала ни о чем в свете тужить, (2)
Пришло время: начало сердце крушить, (2)
С воздыханьица сердечку тяжело, (2)
Я не вижу любезнова своево. (2)

Злые люди примечают и глядят, (2)
Меня, девушку, ругают и бранят. (2)
Я не слушала руганьица ничьево (2)
Полюбила¹⁷ любезнова своево. (2)
Полюбивши¹⁸ его, нет дружка¹⁹ при мне. (2)

Я махала белым шолковым платком, (2)
Чтобы милой поскорее в гости шел, (2)
Я при миленьком резва и весела, (2)
Без любезнова печальна и грустна, (2)

Во прекрасной сад, в окошко не гляжу, (2)
Мне не милы в саду розовы цветы (2)
Омертвели все ракитовы кусты, (2)
Обвалились все малиновы кусты. (2)

Я не знала, к чему дружка применить, (2)
Применю дружка ко белому снежку²⁰ (2)
Ево личико, как белинькой снежок, (2)
Щочки алы, словно розовый цветок, (2)
Брови черны, развеселыя глаза, (2)

---

¹⁷Испр., в рукописи: полубила

¹⁸Испр., в рукописи: полубивши

¹⁹Испр., в рукописи: друшка

²⁰Испр., в рукописи: снешку

На головушке кудрявые волоса, (2)
Что красы его лишь малая черта. (2)

Красоты его не можно описать (2)
И примера²¹ невозможно отыскать. (2)

(л. 14–14 об.)

---

²¹Испр., в рукописи: премера

Нежная, просто[народная]

Я не вижу дорогова,
Только тень мово милова
Завсегда в моих глазах. //

Нету звуку по лесочкам
Из ружья, где мил стрелял,
Нету следу по дорожкам²²,
Где мил в саночках ездил.

Ах! Ты купчик, мой голубчик,
Я рас(с)талася с тобой,
Ты в залог сердцу оставил
Страдать вечно по себе.

Я любить равно умею
Как и в городе у вас,
Но сказать того не смею,
Что страдаю всякой час.

Гороцкой любви переменной
Не хочу я брать в пример
Любить нежно и быть верной
Деревенской наш манер.

Не прогневайся, пожалуй,
Что я дерзко говорю.
Я природы-то крестьянской
Без политики живу.

---

²²Испр., в рукописи: дорошкам

Я люблю друга милова
И в деревне, и в Москве.
Не забуду мила друшка
Ни въ яву я, ни во сне.

(л. 65 об. – 66)

[На голос] «Взбейся, выше понесися»

Канареечка любезна,
Утешай хоть ты меня,
Скорбь моя тебе известна,
Что веду я жизнь, стена.

Нет надежды к облегчению
Бедну сердцу моему,
Ничего нет к утешенью,
Ах! к нещастию сему.

Скорбь за скорбию стремится,
Помогай мне, мой Творец,
За слезой слеза катится,
Боже, будет ли конец...

Ты владетель над сердцами,
Помогай несчастной мне,
Долго ль литься мне слезами,
Жить в несчастье, как в огне?

Хищник вольности любезной,
От меня он отлетел, //
Друг мой милой, друг бесценной,
Со мной, бедной, разлучен.

Он живет где, я не знаю,
Может, он меня забыл?
Я об нем здесь умираю,
Может, он мне изменил.

О, жестокие мушкетеры,
Для чего мы любим вас?
Совсем часто, без причины
Вы – убийцы бедных нас!

Но уж я и позабыла
Канареечку свою,
Я об чем ее просила –
Отнести песенку сию.

Отворю тебе я клетку,
Лети к другу моему,
Сядь в саду его на ветку,
Отдай песенку ему.

(л. 43 об. – 44)

Голос приятный

Полно, сизенькой, кружиться,
Голубочик надо мной,
Лутче в даль тебе пуститься,
В даль туда, где милой мой.
Полети к нему скорее,
Долети к душе моей,
Проворкуй ему жалчее,
Что не вижу ясных дней!
Что со мною горесть люта
И тоска со мной везде,
Веком кажется минута,
Все шаги мои к беде.
Как листочик от ветра бьется,
Бьется так сердце мое,
К другу движется, несется,
Тащит горе свое.
Ах, не тучи развилася,
Льет не сильной дождь, гроза,
То подруге пролилася
Горкая моя слеза.
Все я голосом унылым,
Все что встречу, то спрошу,
Дай увидеться мне с милым,
Для него лишь я дышу.
Для него не умираю,
Горем мучусь я моим,
Не на муки я взираю,
На мои свиданья с ним.
Не тяжелы вздохи числю,
Их не можно перечесть,
Я о том, о том лишь мыслю,

Что себя к нему донести.
Он все то, что в свете мило,
Мило сердцу моему,
Нет его – и все постыло,
Я не рада ничему.
Без того, о ком рыдаю
И кого прошу у всех,
Не найду и не желаю
Ни сокровищ, ни утех.
Чтобы с милым повидаться,
Бурно море преплыву,
Чтобы с милым не расстаться,
Смерть я жизнью назову.
Ах! Лети и все до слова,
Голубок, ему скажи!
Возврати мне дорогова,
Душу в теле удержи.
Умереть его дождуся,
Силы все на то сберу,
На него я наляжуся
И от радости умру.

(л. 17 об.– 18)

Нежная

Естьли б ведал ты, жестокой,
Как я мучусь без тебя,
Ты давно бы путь далекой
Совершил, меня любя!

Нет! ты мало понимаешь
Власть всеильну страсти злой,
Мало-мало сердце знаешь,
Вспламененное тобой!

Равнодушие ужасно,
Как умедлить хоть часок?
Нет! меня не любишь страстно,
Что помыслить мне о том?

Для чего, любовник хладный,
Ты страшны клятвы дал,
Для чего ты, безотрадный, //
Пламень в душу мне вливал²³?

Возвратись, не медли боле,
Естли хочешь живу зреть.
Пожалей! нет сил уж доле
Быть в сумнении и терпеть.

Для сердец, взаимно плен[н]ых,
Могут ли препятства быть?
Поспеш! дай возжеленных
Брачных уз покой вкусить!

---

²³Испр., в рукописи: влиал

Если время и отсутствие
Истребили пламень твой,
Если ... о ужасно чувство!
Нет! не верю я ... ты мой!

Вечно мой, меня ты любишь,
Ты чувствителен, как я!
Нет! меня ты не погубишь!
Ты мой, вечно я твоя!

(л. 106–106 об.)

Гростона[родная], нежная

Не нежна горлица порхает,
Летя к дружочку своему,
А красна девица вздыхает
О милом, сидя в терему.

Вздохнет и вздохов тяжких страстных
Уныло сердце не снесет,
Вздохнет и из очей прекрасных
Скатится слеза, упадет.

Вздохнет, своим платочком белым
Прелестны глазки оботрет
И робким голосом несмелым
Такую песенку поет:

«Куда ты, милой, удалился,
Куда ты, милой, залетел?
Ты в дальны стороны пустился,
А мне дать вести не хотел.

На толи я тебя узнала,
Чтоб тщетно мучиться, страдать,
На толь тобой пленена стала,
Чтоб век отрады не видать?

Иль у тебя страны далеки
Меня в забвенье привели,
Иль ветры буйные навеки
Меня из сердца унесли?

Или теперь уже другая,
Не я, живу в душе твоей?
Ты, сердце ей свое вручая,
Меня принес на жертву ей!

Ах, сжался надо мною, милой,
И страстно сердце не круши,
Дай весть душе моей унылой
И горьки слезы осуши.

(л. 62 об. 63)

Известная

Ах, тошно мне
на своей стороне,
Отъезжает, покидает
мил сердечной меня.

Голубчик ты мой,
разлучаюсь я с тобой,
Здесь не будешь, позабудешь,
что была я твоя.

А я, молода,
буду помнить всегда,
Как со мною, с молодойю,
миловался дружок.

Дорожкой пойду
в зеленом саду,
И листочки, и цветочки
все поблекнут²⁴, мой свет.

А где ты с другой
свыкнешься, драгой?
В дни осенни, в дни весенни,
Там проглянут для вас.

Вздохни обо мне
на чужой стороне,
Вздохнувши, вспомянувши,
прослезися хоть раз,

---

²⁴Испр.: в рукописи: боблекнут

А я для тебя
иссушу всю себя,
По разлуке буду в скуке,
лишь тебя вспоминать!

(л. 72)

Льстонародная

Друг мой милой,
Красно солнышко мое,
Сокол ясной,
Златокрылой мой орел!

Уж неделю
Не видался ты со мной,
Уж неделя,
Как спозналась с горем я.

Ровно семь дней,
Как веселья все прошли,
Заменяла их
Сердечная тоска.

Не узнаешь, друг,
Ты девушку свою:
Она вянет,
Как без дождичка трава.

Она сохнет,
Как цветочик без росы.
Опостылел свет ей
Белой без дружка,

Ей не взмились
Подружки без него.
Игры, пляски,
Хороводы и мячи –

Не по нраву,
Не по сердцу ей пришли.
Слезы катятся
Неволей из очей,

Без тебя она
Не видит красных дней.

Я искала
По полям твоих следов,
Я бродила
По сыпучему песку,

Чтобы встретиться
С голубчиком своим,
Чтоб увидеть,
Светел месяц мой, тебя!

Во сыром бору
Аукалась с тобой,
Тяжким²⁵ вздохом
Вызывала я дружка,

Одне пташки
Тосковали там со мной.
Без приюту
Стала девушка твоя,

Без утехи
Ретиво сердце у ней,
Приди, радость,
Ты, веселие мое!

---

²⁵Испр., в рукописи: тяшким.

Приди в терем,
Где злосчастная живет,
Повидайся
С горемычною скорей.

Сиротою
В белом свете я слыву
Дольше году
Без тебя мне каждой день,

При тебе же год,
Как ласточка летит! //
Долго ль буду
Горе мыкать без дружка?

Ах! не в силах
Боле жить я без него!
Как весной от солнца
Речин[ь]ки пройдут,

Так свиданьем друг
Тоску мою уймет,
Как от ветров
С дерев листья опадут,

Как от буйных
Лето красное уйдет,
Так от грусти,
Безталанная, умру.

Грусть сокроет
Во сырой земле меня,
Без надежи, без тебя,
Мой милой друг.

(л. 111–111 об.)

Простонародная

Ах, когда б я то предвидела,
Что в тебе нет сердца нежного,
Что в тебе нет человечества,
Не познал бы ты любви моей,
Ты – к себе – тиран сердечной мой,
Замерла б она в груди моей,
Истлела в сердце огненном.
Ты умел, злодей, притворствовать,
Ты умел скрыть чувства зверския
И тиранством утешаяся,
Клялся верным быть по смерть свою,
Разтравлял лишь сердце бедное,
Обольщал и получил залог,
Залог страстной моей слабости.

Для чего ж не хотел ты любить
Ту, которая всем жертвует,
Сердцем, честью и душой своей...
Неужли был тигр отец тебе,
От змеи что ль породился ты?
Или вскормлен львицей лютою?
Не [с]лучился ль ты жестоким быть
От злодея кровожадного
Иль от аспида ужасного?

Но к чему мои все жалобы?
Ты не стоишь их, бессовестной,
Я забыть тебя рещилася,
Не хочу любить ехидного!
Добры люди не клянут меня,
Не страшат своим презрением,

Лишь о бедной соболезнуя,
Предают тебя проклятию!

Разочтемся теперь чувствами:
Мне отдай свое спокойствие,
От меня ж возьми тоску мою!
Пусть тиранства черной горести
Потемнят твои веселы дни
И растопят сердце каменно,
А я в радостях, щастливая,
Позабуду злость твою навек.

(л. 101)

УТРАТА ЛЮБВИ

*«Я с тем на свет родилась,
Чтоб вся в свободе жить»*

[Г.Р. Державин]

Бабушкина песня

Ах, когда б я предузнала
Страсти бедственны плоды,
Я б с восторгом не встречала
Полуночные звезды!

Не лила б от всех украдкой
Золотова я кол[ь]ца,
Не была б в надежде сладкой
Видеть милова льстеца.

К отвращению удара
В горестной моей суд[ь]бе
Я слила б из воска яра
Легки крылушки себе.

И на родину вспорхнула
Мила друга моего,
Нежно, нежно бы взглянула
Хоть однажды на него.

А потом бы улетела
Со слезами и тоской,
Подгорюнившись бы села
Среди площади какой,

Возрыдала б, возопила:
«Добры люди, как мне быть?
Я неверного любила,
Научите не любить».

(л. 121 об.)

[Аниномные]

Льстонародная

«Радость, выслушай два слова:
Где ты, светик мой, живешь?
Там ли, где светелка нова,
Чья, мой свет, скажи, слывешь?
Как и батюшку¹ зовут,
Расскажи все, не забудь.
Что спешишь ты так домой?
Ах, послушай, ах, постой-постой!» – //

– «Полно, полно, балагур,
Мне пора идти домой,
Мне загнать гусей и кур,
Битой чтоб не быть самой,
Не подставишь ведь² спины,
Смехи знать тебе одни!
Ну ж³, поди ж, ну, не шути,
Добра ночь тебе, прости-прости!» –

– «Ты не думай, дорогая,
Чтобы я тобой шутил.
Ты девица не такая,
Чтоб тебе я досадил.
Но увидел лишь тебя,
Позабыл я сам себя...
Что спешишь ты так домой?
Ах, послушай, постой-постой!» –

---

¹Испр., в рукописи: батюшку

²Испр., в рукописи: веть

³Испр., в рукописи: нуш

– «Господин ты мой, боярин⁴,
Как ты можешь говорить
С сел[ь]ской девкой ненарядной,
Я не знаю в свете жить
И советую тебе
Любить равную себе.
Ну, поди же, не шути,
Добра ночь тебе, прости-прости!» – //

– «Сжал[ь]ся, злая, надо мною,
Не срази меня тоской,
Заразился я тобою,
Слышать не хочу⁵ о той!
Люблю милу простоту,
Непритворну красоту,
Что спешишь ты так домой?
Ах, послушай, ах, постой-постой!» –

– «Молодец ты мой удалой,
Мне с тобой не зговорить,
Отпусти меня, пожалуй,
Мне пора коров доить.
Масло пахтать, хлебы печь,
Щи варить, капусту сечь.
Ну, поди же, не шути,
Добра ночь тебе, прости-прости!» –

– «Ну, поди, ин, дорогая,
Нет, постой, хоть поцелуй!
От меня ты, убегая,
Хоть отраду тем даруй.

---

⁴Испр., в рукописи: боярен.

⁵Испр., в рукописи: хучу.

Ну, теперь я одолжен,
Что толь щедро награжден,
Не держу теперь, ступай,
Добра ночь, мой свет, прощай-прощай!» –

– «Ах, когда б наш Ван[ь]ка ведал,
Что теперь ты накурил, //
Конечно б, ты дубья отведал
И напредки бы позабыл
Наших девок целовать
И домой их не пускать!
Полно ж, полно, не шути,
Убирайся! Ну, прости-прости!»

(л. 66–67 об.)

Во селе-селе Покровском,
Среди улицы большой,
Разыгралась-расплясалась

Красна девица, душа.
Красна девица, душа,
Авдотьюшка хороша.

Разыгравшись, говорила:
«Вы, подруженьки мои,
Поиграемте со мною,
Поиграемте теперь.
Я со радости, с веселья
Поиграть с вами хочу!

Приезжал ко мне детинка
Из Санкпитера сюда⁶,

Он меня, красну девицу,
Подговаривал с собой,
Серебром меня дарил,
Он и золото сулил:

«Поезжай со мной, Дуняша,
Поезжай, – он говорил, –
Подарю тебя парчою //
И на шею жемчугом!
Ты в деревне здесь крестьянка,
А там будешь госпожа,
И во всем этом уборе
Будешь вдвое хороша».

---

⁶Испр., в рукописи: суда.

Я сказала, что поеду,
Да опомнилась опять:
«Нет, сударик, не поеду, –
Говорила я ему:
– Я крестьянкою родилась,
Так нельзя быть госпожой,
Я в деревне жить привыкла,
А там буду привыкать.

Я советую тебе
Иметь равную себе!
В вашем городе обычай –
Я слыхала ото всех –
Вы всех любите словами,
А на сердце – никово.
А у нас-то вить в деревне
Здесь прямая простота».

Вот, чему я веселюсь,
Чему радуюсь теперь!
Что осталась жить в деревне,
А в обман не отдалась».

(л. 26 об.– 27)

Раскаяние от любви

Зараз любви еще не зная,
В ней счастье мнила я найти,
Одне утехы представляя,
Скорей желала полюбить.

В каком была я заблужденье!
Теперь любви утех не зрю,
Одно лишь чувствую мученье,
Страдаю, рвуся и горю!

Любить, девицы, не спешите!
Оков не льститесь налагать,
Себя вы только погубите,
Мущин стараясь уловлять.

Маня того, кто нам любезен,
Мы сами попад[а]ем в сеть,
Напрасен труд и бесполезен,
Попавшись в плен, собой владеть.

(л. 120 об.)

Тихой, нежной и томной [голос]

Вам, прекрасныя долины,
Где я с молодых лет жила,
Где не знала я кручины,
Дни в спокойствии вела,

Вам тоску свою открою,
Я которую терплю,
Как лишившись покою,
Я любовью горю. //

Хоть стараюсь истребляти
Вспламененный в сердце жар,
Тщусь способность искати
Отвратить чем сей удар...

Но старание бесплодно,
Нет уж власти над собой,
Возвратить то неудобно,
Что отъемлетя судьбой.

Я судьбой лишилась воли,
Победитель мне предстал,
Для чего ж толь злыя доли
Ты, мой дух, не предузнал?

Что не сладость я вкушала,
Но смертельный яд пила...
В ком любовника искала,—
В том тирана я нашла.

Нет на свете лутчей части,
Как любя, любимой быть,
Нет и злее сей напасти –
Тщетно вольность погубить.
И в пленение отдавшись,
Никаких утех не зная,
Вечно с вол[ь]ностью расставшись,
Бесполезно воздыхать.

(л. 42–42 об.)

Нежная Стенания Влюбленного

Волга, речин[ь]ка глубока!
Прихожу к тебе с тоской
Мой сердечной друг далеко?
Ты беги к нему вольной!

Ты беги, волна, стремися,
К другу весть скорей снеси,
Как стрела к нему пустися
И словечко донеси.

Ты скажи, как я страдаю,
Как я мучуся по нем,
Говорю – сама рыдаю,
Слезы катятся ручьем.

Вспомню, милой как прощался,
И туда вдруг побегу...
Где со мною разставался,
Плачу там на берегу.

С ветром в шуме Волга стонет –
А я рвуся злой тоской,
Сердце ноет-ноет-ноет
И твердит: где милой мой?

Где мой друг, моя отрада,
Где девался дорогой?
Жизни я тогда не рада,
Вся в слезах иду домой!

Но, к несносному мученью,
Страсть должна свою скрывать!
Здесь – предавшись слез стремленью,
Дома вид иной казать.

Как ни тошно, как ни больно,
Что[б] не знали страсть мою –
Покажусь на час покойной,
Ночь зато проплачу всю!

Поспешай ко мне, любезной,
Ты почувствуй скорбь мою,
Ток очей отри мой слезной,
Облегчи мою судьбу! //

Только я уста сомкнула,
Стон пустился вслед за мной:
Мнится, речинька вздохнула –
Понесла слова волной.

(л. 116 об.–117)

Иностранная

Светик, Танюшка⁷, злощастна,
Уродилася несчастна:
«Не знаю, как быть,
Во нещастье жить,

Во нещастье молодой жить,
Печаль-горе отложить.
Не буду тужить
И себя крушить,

О пустом тужить не стану,
Скоро плакать перестану.
Пущай люди бают,
Пущай говорят,

Пущай, пущай говорят,
Что извадилась гулять,
Многим приучала
Холостых ребят,

Да что многих приучала
И каждого изсушила.
Все это пустое,
Наносны слова!

Не боюсь я пустых слов,
Пошлю к милому послов,
Чтобы побывал,
Хоть на малой час.

---

⁷Испр., в рукописи: Тянюшка

Идет милой по двору,
Огородом ввечеру,
Ручкою махнул,
Головой качнул.

Я, увидевши милова,
Не теряв часа драгова,
В зелен сад пошла,
К милому зашла.

Поклон милому отдавши,
Целовалися, обнявши.
Сели на траву,
Под яблонь в саду.

Я сама себя сгубила,
Другу тайность объявила,
Что многих люблю
Холостых ребят. //

Пошел милой, разсердился,
Со мной, бедной, не простился,
Только он сказал,
Что вперед не жди.

Потом стала не мила,
Что совесть моя худа,
Постоянства нет
В моей верности.

Ах, отец Таню бранит,
Перестать гулять велит,

Ходить ввечеру
К милова двору:

«Учить больше я не стану,
Отдать замуж я не чаю,
Нету жениха,
Нету жениха!

Хотя, чорт, дай жениха!
За старого мужика
Отдал бы я дуру,
Не стал бы держать!»

Приезжал мужик богатой,
Что богатой, тороватой,
В девяносто лет,
Хоть люби, хоть нет.

«Свету белаго отстану,
С бородой любить не стану,
Либо утоплюсь,
Либо удавлюсь»

Как проведаль Яшка милой,
Отдают что Таню силой,
Скоро подбегал,
Ночку ночевал.

Да он ночку ночевал,
Колечюшком даровал.
«Не плачь, не тужи,
Светик ты мой!

Я возьму тебя за себя,
Не достанься никому,
Лишь мне одному,
Лишь мне одному».

(л. 103–103 об.)

Любовная

О, свидетели безгласны,
Днесь в прекрасной стороне,
Вы внимайте стон несчастный
Здесь в тоске, несносной мне.

Вам, леса, я открываю,
Что меня несчастней нет,
Все грущу и все страдаю,
И в слезах теряю свет.

Я к мученью рождена,
Осуждена в грусти жить,
Скорбеть вечно принуждена
И напасти все сносить.

Всемигнута я вздыхаю
И всечасно я в слезах,
О, несчастна! чем стенаю,
То всегда в моих глазах.

Пременись, судьбина гневна,
Душе томной дай покой,
Пременись и, жизнь плачевна,
Или рви теперь дух мой!

Кто чем в жизни не страдает –
Я страдаю больше всех.
Хоть надеждой то питает,
Мне и в ней уж нет утех.

(л. 106)

[Голос] *известный, нежный*

Ты, погибель мою строя,
Тем доволен ли, тиран,
Что, лишив меня покоя,
Совершил свой злой обман.

Обольстил меня слезами,
Ложной клятвой обманул
И притворными словами
Мо[й] невинной дух тронул.

Вспомни, вспомни⁸, как ласкался,
Как ты в первой раз предстал,
Как, вздыхая, ты смущался,
Как божбой⁹ меня прельщал.

Я гордилась пред тобою,
Презирала нежну страсть,
Но жестокою судьбою
Не избегла свою часть.//

Ты быть верным мне казался,
Нежен голос мне был твой,
Дух красой твоей прельщался,
Привыкала быть с тобой.

Я виновна, что сказала
Равно о любви своей,
Рано слабость оказала,
Не зная верности твоей.

---

⁸Испр., в рукописи: вспомний.

⁹Испр., в рукописи: божбой.

С утешением внимала,
Что язык твой говорил,
Я во сне тебя видала,
И тот сон бывал мне мил.

Ныне дух твой изменился,
Нежны речи все забыл,
Словом – ты иной пленился,
А меня ты позабыл...

Позабыл, будь тем доволен,
Смейся, зря, как я терплю,
Знаю я, что ты стал волен,
Знай, что я тебя люблю!

Но теперь ты в награжденье
За мою нелестну страсть
Ввергнул ты меня в мученье,
Совершил мою напасть.

Веселись, мой победитель,
Смейся слабости моей,
Вспомни, чей ты был любитель
И кому был всех милей.

Ныне плачь ты перед нею,
Как ты плакал передо мной,
Клятвой уверяй своею,
Что пленен ты не был мной.//

Клятва клятве изменила,
Тухни жар мой день от дня,
Уже я тебя забыла,
Забывай и ты меня!

(л. 32–33 об.)

[Голос] жалостной и досаду изъясляющий

Я, когда была девицей,
Все влюблялися в меня,
Я, гордясь, летала птицей,
Чла щастливей всех себя.

«Нет, нет, нет, – говорила я тогда, –
Кто может пленить меня, когда?»

Видно, так судьба хотела,
Чтобы гордою мне быть,
И теперь мне повелела
О прошедшем потужить.

Жаль, жаль, жаль теперя мне того,
Что пол[ь]стилась замуж за него!

Я теперь уж проклинаяю,
Что польстил мя интерес,
Горьких слез не осушаю,
Он всю пагубу нанес!

Жаль, жаль, жаль теперя мне того,
Что ныне я стражду чрез него.

Вот желание к богатству
До чего доводит нас,
Подвергаешь судьбы нравству,
Нала[га]я цепь тотчас.

Нет, нет, нет! никто не льстись его обмана,
Советую бежать всем сего тирана!

Посвятила я невинность
И драгую красоту,
С ними прелести и нежность
Я вручила дураку.

Жаль, жаль, жаль теперь мне того,
Что пошла я замуж за него.

(л. 43–43 об.)

Хорободная

При потоках чистых вод
За речинькой хоровод:
Тамо девушки гуляли,
Алы цветики срывали.

Нарвали оне цветов,
Наплели себе венков,
Фиалетовы цветы
От любви свиты!

Фиалетов цвет завянет,
Когда милой не так взглянет.
Мне мила твоя краса
И прелестен милой взор.

Заразил и распалил,
И все мысли истребил,
Не могу я того вспомнить,
Как разстаться мне с тобой!

Мне разлуки не снести,
Когда скажет он: «Прости!»
Я на то скажу в ответ:
«Мне в любви щастья нет».

Я мила дружка любила,
Судьба злая истребила.
Ах, судьба-судьба презла!
Ты, лишив меня покоя,
Велишь вечно мне страдать
И без пол[ь]зы воздыхать!

Хоть я вечно страдать буду,
Тебя, мой друг, не забуду
Оставайся, мой милой,
Со любовницей своей,
Со любовницей своей,
Со разлучницей моей!

(л. 87 об.)

Простонародная

Как у нашего широкаго двора
Собирались красны девушки в кружок,
Они думали, какой игрой играть:
«Семка в жмурки, семка в веревочку начнем!»

Одна девка прослезилась во кругу:
«Вы играйте, красны девушки, одне,
Уж как мне, младо[й], игра на ум нейдет,
Мил-сердечной друг во уме моем живет,
Живучи во мне, сердечушко крушит.

Ничего бы я на свете не взяла,
Тол[ь]ко чтоб ему мила равно была,

Еще бол[ь]ше всего стоит для меня,
Кабы знала, кабы ведала, мой свет,
Что захвачено сердечушко твое,
Не глядела б я на прелести твои,
Глаз¹⁰ прекрасных убегала бы твоих.

Ах! надежда, обол[ь]стила ты меня,
Обол[ь]стила, да уж поздно знать дала.
Знаю, батюшка, прел[ь]щает кто тебя,
Разлучает нас сударушка с тобой.

(л. 99 об.)

---

¹⁰Испр., в рукописи: глас.

Упёки

За что губишь меня, неверной,
За то ль, что, страстно мной любим,
Ты пламень пренебрег безмерно,
Мучением презрев моим.

Тебя душой я обожала,
Всечастно был ты сердцу мил,
Когда тебя столь уважала,
Ждала ль зато, чтоб изменил?

Изменник, может ли другая,
Как я, когда тебя любить?
Моей ты страсти презирая,
Иной не можешь счастлив быть!

Наскучив, можешь восхищаться
Другою льстивой красотой,
Приди, чего тебе бояться?
Я страстна навсегда тобой.

(л. 129 об.)

Печальная Стон матери по умершей дочери

Где она? ах, где любезна,
Ангел, Лизонька¹¹ моя!
Всемогуща власть небесна,
Возврати мне жизнь ея!

Возврати мне утешенье –
Я всего лишилась с ней,
С той минуты огорченье
Кровь сосет в груди моей.

Флером смерти покровенна
Вся природа зрится мне,
Сей потерю сраженна,
Мучусь в яви и во сне.

О удар судьбы неправой!
Здесь невин[н]ость кончит дни,
Там злодей живет кровавой –
Множит бедствия одни! //

Где она? ах, где любезна,
Ангел, Лизонька¹² моя!
Всемогуща власть небесна,
Возврати мне жизнь ея!

(110 об.–111)

---

¹¹Испр., в рукописи: Лизинька

¹²Испр., в рукописи: Лизинька

Иллюстрация: М. В. Давыдов, 1897 г.

Иллюстрация: М. В. Давыдов, 1897 г.

Письня.

Вечеромь краса девица
 Напредокь составомь шла
 Черноброва брѣстолница
 Такъ гуськовѣ долой гнала
 Тега тега тега тега вы гуськи мои домой

Нежди меня богатый!
 Ты немилъ мой душе!
 Что мнѣ что твои поляты
 Съ милымъ счастье въ шельаше
 Тега тега тега тега вы гуськи мои домой

Съ нинѣ одной любви довольно *
 Что вы вѣкъ счастливой быть
 Но скельбѣмъ очееь больна
 Черезъ слеза слезы лить
 Тега тега тега тега вы гуськи мои домой

Любовное чувство в книжной поэзии

ЛЮБОВНЫЕ ДИАЛОГИ

«Я – твоя, а ты – моя, моя»

Любовная

Ты проходишь, мой любезной, мимо кельи,
Где живет несчастна старица в мученьи,
Где пострижена в шестнадцать лет неволей,
Где наказана суровой в жизни долей.
Не к тому было несчастью я родилась,
Чтоб, разцветши, вечным трауром покрылась,
Но к тому было блаженству я и тщилась,

Чтоб владеть мною, кому я полюбилась.
Не к тому меня во чин сей посвятили,
Чтоб блаженство в жизни будущей купили,
А чтоб больше я имела сокрушенья,
Век в будущем не думала прощенья.

Не грехам я здесь прощенья умоляю
И, рыдая, горьки слезы проливаю,
Но чтоб ты меня, любезной, не покинул
И, любя меня, из пропасти сей вынул.
Ты взойди ко мне во келейку погреться,
Принеси цветно платье мне одеться,

Я оставила бы мрачную пустыню
И притворную смиренства благостыню;
И сложила б с себя рубище простое,
Имя ангела в грехах нося пустое.
Удалилась бы во светское селенье,
Получа тобой из мертвых оживленье.

Коль любовь с моей судьбиной не согласна,
Ах, почто я тобой, милой, стала страдна,
Я б страдания такого знать не знала,
Навсегда бы от тебя, мой друг, бежала.

(л. 41 об.)

Любовная

Ты проходишь, дорогая, мимо кельи,
Мимо кельи, где бедняк-чернец горюет,
Где пострижен доброй молодец насильно.
Ты скажи мне, красна девица, всю правду:
Или люди-то совсем уже ослепли,
Для чего меня все старцем называют?

Ты сними с меня, драгая, камилавку,
Ты сними с меня, мой свет, и черну рясу,
Положи ко мне на груди белу руку
И послушай¹, как трепещет мое сердце,
Обливаясь все кровью с тяжким² вздохом;
Ты отри с лица румяна горьки слёзы,

Разгляди ж теперь ты ясными очами,
Разглядев, скажи, похож ли я на старца?
Как чернец перед тобой я воздыхаю,
Обливаясь весь горькими слезами,
Не грехам моим прощенье умоляю,
Но чтоб ты меня любила, моя радость.

(л. 42)

---

¹Испр., в рукописи: послушай.

²Испр., в рукописи: тяшким.

Нежная. Песня-признание

Я навек тобою страдна,
Естьли ты жесток – нещастна,
И нещастней нет меня.

Жизни рай в тебе я вижу,
Без тебя все ненавижу,
Ты мне солнце, небо – все.

Изнывая в стоне тайном,
Я в терзаньи чрезвычайном
Скромности оковы рву.

Долее с тобой сражаться
И в любви к тебе скрываться
Не достало сил в душе.

Ах, за адское мученье,
Что мне, что мне в утешенье
Царь души определит?

В гроб паду я без роптанья,
Но на смерть без содроганья,
Можешь ли ты осудить?

Нет, воспитан ты не львицей,
Нет, не будешь той убийцей,
Сердце чье тебе алтарь³;

---

³Испр., в рукописи: олтарь

Естли ж ты, увы, не властен,
Естьли ты иною страстен,
Естьли гибель мой удел...

Не спеши тогда с ответом,
Пусть надежды лживой светом
Лишний миг повеселюсь.

(л. 112)

Ответ
Нежная

Я твой, а ты моя, моя!
Равно тобою страстен я,
Сердечной цепью сопряженны,
Теперь взаимно мы блаженны,
Пусть слезы радости текут!

Я твой, а ты моя, моя,
Равно тобою страстен я!
Как ты, и я, и я терзался,
Открыться пред тобой боялся,
Чтобы несчастнее не стать.

Из грозных, безызвестных туч
Сверкал мне в грудь надежды луч;
Любимым быть тобой хоть мало,
Но вслед отчаяние летало
И яд свой в сердце мне лило!

Я думал нрав лишь милой твой
Драгих твоих мне ласк виной,
Но ими яд мой умерялся,
Но ими в теле дух держался,
Потеря их была б мне смерть.

Ах, смерть ничто!.. не зреть тебя,
Твое почтенье погубя,
Сего ужаснее – не зная,
Я сей награды ожидая,
Поклялся вечно страсть таить.

Но склонность мне открыв свою,
Ты клятву рушила мою,
В восторг священный погрузила,
С бессмертными меня сравнила,
Я небом ангелов дышу!

Я твой, а ты моя, моя!
Равно тобою страстен я,
Сердечной цепью сопряженны,
Теперь взаимно мы блаженны,
Я слезы радостныя лью!

(л. 112 об.)

Голос нежной и приятной

Позволь тебе⁴ открыт[ь]ца
О участи моей,
Я должен покорит[ь]ся
Владычице своей.

Всечасно восхищаюсь,
Дражайшая, тобой,
Тобой одной пленяюсь,
Быть вечно хочу твой!

Почто мне зла суд[ь]бина
Всех щастий не дала,
Лишь ты бы в них едина
Участницей была!

Тебя я обожаю,
Владычица сердец,
В тебе одной считаю
Порфиру и венец. //

Когда бы я родился
Народом управлять,
Я б троном не гордился,
Тебя стал обожать!

Красавицы все в свете
Немилы для меня,
В одном твоём ответе
И жизнь⁵, и смерть моя!

---

⁴Испр., в рукописи: себе

⁵Испр., в рукописи: жисьнь.

Ты счастье составляешь
И ты его лишишь,
Ты жизнь мою скончаешь
И ты мне возвратишь!

Все в свете презираю,
Тебя одну люблю,
Тебя я обожаю,
Вот счастье для меня!

Карай ты за признанье,
Содел[ь]ница бед,
Стерплю я наказанье,
Милей тебя мне нет.

Владычица драгая,
Почувствуй жар любви,
Невол[ь]ником владая,
Оковы разорви! //

Ты зло мое мученье
Окончи поскорей,
Подай мне утешенье
В жестокой страсти сей.

Коль жар мой наградится
Хоть вздохом от тебя,
Несчастье истребится –
Умру, тебя любя!

(л. 22–23)

Недобежчивость

Другим прельстясь, моя драгая,
Щастлива будь, коль можешь быть,
Тяжка премена мне такая,
Но должно мне тебя забыть.

Разкаешься, мой друг, я знаю,
Как ложные пройдут мечты,
Припомнишь, как теперь страдаю,
И обратишься ко мне ты.

Но поздно будет то:

Тому уж впредь никто не верит,
Кто в жизни обманул хоть раз,
Все мнится, будто лицемерит,
И рушит клятвы всякой час.

(л. 124 об.)

К изменнику

Забыть тебя мне должно,
Коль ты мне изменил.
Но, ах! забыть не можно
Того, кто столько мил!

На место ласки – строгость
Являет мне твой вид,
За нежности суровость
Мне кажет Миловид.

Ах, тем ли награждаешь,
Неверной, за любовь,
Что мной пренебрегаешь,
Не слышишь страстных слов?

Познай мое мученье,
Которое терплю,
С тобою в разлученье –
Я всегда тебя люблю!

Смягчись, тиран любезный,
Холодность уменьши!
Отри потоки слезны
Иль жизни уж лиши!

Мне умереть приятно,
Коль хочешь ты того.
Смерть сноснее стократно
Презренья твоего!

(л. 119)

ОБРАЗ ЛЮБВИ

«Любовь – блаженство смертным в жизни»

[И. И. Дмитриев]

Прия́тныя о́ковы

Птичка вырвавшись из клетки,
Долго в воздухе кружит,
И зеленой даже ветки,
Испугавшись, дрожит.

Далеко гнездо свивает,
Не глядит на мягкой дерн,
По несчастью уже знает,
Что где роза, там [и] терн.

Всем, кто чувствует в природе,
Мила вольности¹ дорога,
Лишь любовник во свободе
Видит злейшаго врага.

Он, смотря на те оковы,
В коих долго так стонал,
Всякой день досады новы
От жестокой получал,

Воздыхает и слезами
Окропя их, говорит:
«Не хочу разстаться с вами,
Пусть любезна уморит».

(л. 116 об.)

¹Испр., в рукописи: вольность

[А. Ф. Мерзляков]

Нежной и приятной голос

Кому страдать, крушиться
Назначено суд[ь]бой,
Тот должен в свет² родит[ь]ся
С чувствительной душой.

Дар пагубной и милой,
О, сердце! жертва бед³,
До самыя могилы
Тебе покоя нет!

Весь мир за рай считая,
Ты льстишь себя мечтой,
Но миг – и светлость рая
Исчезла пред тобой!

Дыша любезном чувством,
Друзьями всех зовешь⁴,
Но все друзья искусством,
А ты – простяк слывешь.

Любовь зовут отрадой
Всех горестей земных, //
На что ж любви наградой
Собор мучений злых?

Я сердцем – там притворство,
Я плачу – тамо смех,

---

²Испр., в рукописи: в свете.

³Испр., в рукописи: будь.

⁴Испр., в рукописи: зовет.

Измены, вероломства –
Игрушкой будь у всех.

Любимый, даже страстно,
Как дерзостный пловец,
Ждет бури повсечастно,
Любовь есть вихрь сердец!

Единый взгляд смущает,
Но взгляд⁵ – и щастья луч!
Ах, солнышко сияет
Над ним всегда из туч.

Невол[ь]ник, поздно [ль], рано [ль]
Плен тяжкой сокрушит,
Я сам себе тираном,
Свобода мне не л[ь]стит.

Холодность – дар ничтожной,
До смерти мертвым быть,
Страдать хоть гор[ь]ко можно,
Неможно не любить!

Друзья, как скоро боги
На жалость преклонят //
За слезы, бедства многи
Пошлют мне смертный час.

Здесь друга положите,
Здесь я тоскою жил,
На гробе надпишите:
«Нещастный, он любил».

(л. 49 об.–50 об.)

---

⁵Испр., в рукописи: взглят.

[Ю. А. Нелединский-Мелецкий]

У кого душевны силы
Истожилися тоской,
Кто лишь в мрачности могилы
Чаёт обрести покой,
На лице того проглянет
Луч веселья в первой раз,
В ту минуту, как настанет
Для него последний час.

Жизнь во мне тобой хранится,
Казнь и благо дней моих,
Дух хоть с телом разлучится,
Буду жив без вязи их.
Душу что во мне питало,
Смерть не в силах то сразить,
Сердцу что тебя вмещало,
Льзя ли не бессмертну быть?

Нет, нельзя тому быть мертву,
Что дышало божеством,
От меня ты примешь жертву
И в сем мире, и в другом.
Тень моя всегда с тобою
Неотступно будет жить,
Окружать тебя собою,
Вдох твой, взор, мысль ловить.

Насладится, вникнув тайно,
В прелести души твоей,
Естьли ж будешь, хоть случайно,
Близ гробницы ты моей,

Самый прах мой содрогнется,
Твой приход в нем жизнь родит,
И тот камень потрясется,
Под которым буду скрыт.

(л. 118 об.)

Несколько отрывистой голос

Кто страсть любовну в жизни знает,
Кто был в оковах у нее,
Согласно тот, без лести скажет
Со мною вместе про нее:

Любовь – блаженство
Смертным в жизни,
Любовь – отрава, гибель, яд!

Ее на свете нет сильнее,
Наш разум, сердце помрачить.
Ея уставы всех вернее,
Мы их не можем пременить.

Любовь – блаженство
Смертным в жизни,
Любовь – отрава, гибель, яд!

Она царица нам бывает
От самых юных наших лет,
И власть над нами продолжает,
Пока оставим мы сей свет.

Любовь – блаженство
Смертным в жизни,
Любовь – отрава, гибель, яд!

(л. 45)

На то ль, чтобы печали
В любви нам находить,
Нам боги сердце дали,
Способное любить.

Одно лишь чувство страсти,
Без бед, без злой напасти,
На свете есть ли где?
Нигде, нигде, нигде!

С ним горести жестоки
Везде, везде, везде!
Любил ли кто в Вселенной
И жизнь не испытал?

Какой, какой влюбленный
Не плакал, не вздыхал?
Минута утешенья –
Год лютаго мученья,

А часто и навек
Беда, беда, беда!
О, жалкое творенье –
Влюбленный человек!

Все сердцу грусть, мученье,
Отрады ни на час,
Невольник в заключении –
Щастливее в сто раз!

Так страшно сердце в горе,
Как лодка гибнет в море.

На что ж оно дано?
Назло, назло, назло!

Возьмите ж, боги, сердце
Назад, назад, назад!

(л. 10)

ПАСТОРАЛИ

«Улымый глас свирели, вещай мою напасть»

[М. В. Ломоносов]

Голос томной и нежной

Молчите, струйки чисты,
И дайте мне вещать,
Вы, птички голосисты,
Престаньте воспевать.

Пусть в рощах раздаются
Плачевныя слова,
Ручьями слезы льются
И стонут деревья!

Ты здесь, моя отрада,
Любезной пастушок,
Со мной ходил от стада
На крутой бережок.

Я здесь с тобой свыкалась
От самых лет молодых
И часто наслаждалась
Любовных слов твоих.

Уж солнышко спустилось
И село за горой,
И поле окропилось
Вечернею росой,

Я в горькой скуке трачу
Прохладные часы
И наедине плачу,
Лишась твоей красы.

Целую те пруточки,
С которых ты срывал
Прекрасные цветочки
И мне пучки вязал.

Слезами обливаю
Зеленые листья,
В печали презираю
Приятные плоды; //

Я буд[то]¹ вижу часто
Тебя во древесях,
Бегу туда напрасно,
Хочу обнять в слезах;

Но только тень пустая
Меня несчастну льстит,
Смущаюся, теряя²

Приятной твой вид.
Лишь только ветр листьями
Тихонько потрясет,
Я тотчас меж кустами
Тебя ищу, мой свет!

---

¹Испр., в рукописи: буду.

²Испр., в рукописи: теряюся.

От всякой перемены
Всечастно я крушусь,
И, муча слабы члены,
На всякой слух³ стремлюсь.

(л. 46–46 об.)

---

³Испр., в рукописи: слуг.

и красоте!
 и красоте!
 и красоте!
 и красоте!
 и красоте!

Всю, всю всю всю,
 поспрашу земляницу;
 всю, всю, всю, всю,
 подрушину подрушину;
 всю, всю, всю, всю
 маду Абасину подрушину.
 всю, всю, всю, всю
 маду Абасину подрушину.

Пастушеская

Лишь только занялась заря
И солнце взошло сверх горы //
И осветило земный круг,
Пошла пастушка с стадом в луг.
К потоку чистых вод. (2)

В нем виден был на дне песок,
Понравился ей струй тех ток⁴,
Раздевшись, стала мыться в нем,
Невидима нага никем
Плескалася водой. (2)

Вдруг в сторону простерла взор:
Идет пастух с высоких гор,
Который ею был пленен
И часто духом возмущен.
Из струй спешил вон. (2)

Уже пастух к струям прибег,
А ей еще далек был брег.
Она не знала что начать,
Казаться или утопать,
Смутившись в мыслях вся. (2)

Нашла скрыть стыд⁵ единой путь –
Что, бросаюсь в глубину, тонуть.
Пастух, лишенный зреть красы,
И видя чуть одни власы,
Кидается с берегов. (2)

---

⁴Испр., в рукописи: вод.

⁵В рукописи «стыд» написано над строкой.

Где делось платье, где свирель?
Нагой нагу влечет на мель,
Страх гонит стыд, стыд гонит страх,
Пастушка вопит вся в слезах:
«Забудь, что видел ты!» – // (2)

– «Какую плату дашь мне ты,
Что спас твои я красоты?» –
– «Я не могу свирепой быть
И не хочу я так любить,
Как хочется тебе». (2)

Недолго продолжалась речь,
Как начала любовь ту жечь,
Не молвит уж ни да, ни нет,
Потом вскричала: «Ах, мой свет!
Теперь я вся твоя». (2)

(л. 27–28)

Пастушеская

Пастушка – эхо

– Как розы здесь растут в кустах,
Между лесами?..

– Сами...

– Кто мне отвечает,
Себя в лесу тая?..

– Я...

– Знать, духи здесь живут,
И это ведь неложно...

– Ложно...

– Уйду, не духи то,
Но голос лишь пустой...

– Стой!.. //

– Конечно, эхо, ты мне
В роще отвечаешь?..

– Чаешь...

– Конечно, ты вело меня
С полей сюда?..

– Да...

– Мне долго говорить с тобою
Невозможно...

– Можно...

– Нет, нет, пойду искать овечку я
К ручью...
– Чью?..

– Моя овечка то и,
Может быть, пропала...
– Пала...

– Увы, так нет ее? Мертва
И недохнет?..
Нет...

– Плачь, эхо, обо мне,
Овечку я оплачу...
– Плачу...

– Знать, пала там она,
Где тернии растут?..
– Тут...

– Пойду, о голос мой,
Исчезни, пропади!
Пади...

(л. 48 об. – 49)

Пастушеская

Пастушок – эхо

– Придти ко мне в лесок
Анюта не забудет?..
– Будет...

– Кто мне ответствует,
Ты ль, милая моя?..
– Я⁶...

– Как ты, но где ж Анюта,
Невозможно...
– Можно...

– Но полно! твой ли глас
Мне слышится, друг мой?..
– Мой...

– Ты, видно, спряталась,
Что мне тебя не видно...
– Видно...

– Не там ли ты, где дуб к высокой
Липе льнет?..
– Нет...

– Но где ж тебя искать, скажи,
Не будь упряма...
– Прямо...

---

⁶Испр., в рукописи: моя.

– Так, знать, прижалась ты
К тем розовым кустам...
– Там...

– Ах, как я без тебя
Томлюся и скучаю...
– Чаю!..
– Позволишь ли ты мне
Придти туда?..
– Да... //

– Ау-ау, Где ж ты?
Анюты уж не стало?..
– Стало...

– Пойду, ты, эхо⁷, льстишь
Надеждою пустой...
– Стой!..

(л. 49–49 об.)

---

⁷Испр., в рукописи: еко

Иностранная

Ах, как скучно мне одной,
Где девался мой покой?

Я любила завсегда
Пасти стадо здесь одна.

Ныне, стадо – поди прочь,
День темнее, нежели ночь.

Стражду, рвуся, слезы лью,
Отчего? Ах, я люблю!

Зло пастух пленил меня,
Где ты? плачу без тебя!

Он мне часто говорил:
«Умились, люби», – твердил.

Я внимала его речь,
Не стараися пресечь.

От того терплю напасть,
От того узнала страсть!

Вон он, вижу за рекой,
Вон и машет мне рукой.

Овцы, нужды мне в вас нет,
Коль пастух к себе зовет!

Ай, ау, мой свет, постой,
Я останусь там с тобой. //

Нет силы огня скрыть,
Коль вся кровь во мне кипит!

(л. 50 об. – 51)

Приметы моей милой

Перестань петь, друг природы,
О, счастливый соловей!
Не журчите, быстры воды,
Не лобзай, *зефир*, лилей.

Все умолкни... и внимлите:
Вы теперь все нужны мне!
Сжальтесь, милую сыщите
В чужой дальней стороне.

Коль увидите прекрасну
Вы пастушку близ ручья,
Погруженну в грусть ужасну –
Это милая моя!

Коли взор ея так ясен,
Как в источнике струя⁸,
Голос нежен и опасен –
Это милая моя!

Коль вздохнет она и скажет:
«Страсть! тобой несчастна я», –
Все то ясно вам покажет –
Это милая моя!

Вы молчите, примечайте,
Молвит: «Тирсис, я твоя!»
О! тогда уж верно знайте –
Это милая моя!

---

⁸Испр., в рукописи: струи.

Тут скорее все начните
Вы пастушку утешать,
Я Темиру – ей твердите, –
Буду вечно обожать!

Ни разлука, ни дверь гроба
Страсть не могут погасить.
Хоть несчастливы мы оба,
Но умеем мы любить!

(л. 119 об.)

«Удобол[ь]ствована любовь»
На го[лос] «Поля, леса густые»

Унылый глас⁹ свирели,
Вещай мою напасть,
И птички б в рощах пели
Мою плачевну часть.
Ликас, который страстной
Душе моей так льстил,
Теперь, увы, несчастной
Дориде изменил.

Неверный, воздыхая,
Мне часто говорил:
«Твой взор меня, драгая,
Любови научил.
Моя на свете слава –
Уметь тебя любить,
Твоя же в том забава,
Чтоб мучить и крушить».

Слова его пронзили
Мою холодну¹⁰ грудь
И к сердцу отворили
Себе свободный путь.
Тут поцелуй, мной данной,
В знак верности служил.
Ликас непостоянной,
Меня ты обольстил.

⁹Испр., в рукописи: глаз.

¹⁰Испр., в рукописи: голодну.

Пастушки молодья,
Я уверяю вас,
Не так струи водная
Пременны, как Ликас.
В любви лишь только розы
Не должно сорывать,
Без них пустая лозы
Не могут нас прельщать.

(л. 119)

Противно без любезной

В сих горестных местах
Вы, птички, петь престан[ь]те,
На скучных сих лугах,
Цветочки все, повяньте!

Замолкни, соловей,
В долине той прелестной,
Где с Машею моей
Я хаживал любезной.

Где вместе с ней гулял,
Пас стадо, пел, резвился,
Где ей цветочки рвал
И с нею веселился.

Не вейте на меня,
Прохладные зephyры,
Коль вы не от нея –
Так мне уж и не милы!

Умолкните на час,
О вы, прозрачны речки,
Подите вы прочь с глаз,
Невинныя овечки!

Вы уж противны мне
И стадо все немило,
В сей скучной стороне
Без Маши все постыло.

(л. 125)

ПЕСНИ-ПОЗДРАВЛЕНИЯ

«Звук веселья раздвигайся»

[С. Каргопольский]

Веселая

Кто?

Приятна, весела,
Разумна и мила,
Как лилия бела,
Как роза разцвела,
Кто?..
Сашинька-душинька!

Тринадцати уж лет
Пленять умеет свет,
В него, когда войдет,
Как солнышко блеснет,
Кто?..
Сашинька-душинька!

Как взгляду мил цветок,
Как вкусу льстит медок,
Как манит холодок,
Всех сих утех льет ток,
Кто?..
Сашинька-душинька!

Коль крылышки ей дать,
Глазки завязать,
То стала бы порхать,
И как Амур играть,
Кто?..
Сашинька-душинька!

(л. 124)

На голос «Тром победы раздавался»

Звук веселья, раздавайся
В день щастливой, дорогой,
Ты, милена, украшайся
Нравом ангельским, душой.

Веселись и утешайся
Ты, прекрасная, в свой век!

Счастья мы тебе желаем
Все от искренних сердец,
Дорожить тобою знаем,
Твой покой – есть нам венец.

Веселись и утешайся
Ты, прекрасная, в свой век!

Никому мы льстить не знаем,
В сердце то, что на словах,
Никогда чувств не скрываем,
В наших все читай сердцах!

Веселись и утешайся
Ты, прекрасная, в свой век!

Мы достойных прославляем с
Сердцем, нравом, простотой!
И тебя мы избираем
Нашею владеть душой.

Веселись и утешайся
Ты, прекрасная, в свой век!

Нимфы, грации томятся,
Чтоб прекрасну посмотреть,
Игры, смехи – все боятся
От прекрасной улететь.

Веселись и утешайся
Ты, прекрасная, в свой век!

Всех к веселию сзываем
В сей для нас прекрасной час,
Не даров мы ожидаем –
Награди улыбкой нас!

Веселись и утешайся
Ты, прекрасная, в свой век!

(л. 34–34 об.)

«В День рождения Филлиды»

Утеха Флоры, нежна роза,
Цветочик милой, дорогой!
Храним от лютого мороза,
Оставь сего дня мой покой.

Ты была очей предмет всечасно,
Но ныне ты со мной прости!
Поди к Филлиде ты прекрасной
И на груди у ней цвети.

Цвети и с краскою своею
Являй оттенки на щеках,
Прельщай, сама прельщайся ею
И смейся на ея губах!

Когда же из-под радуг черных
Блеснут вдруг искры на тебя,
Тогда чрез зефиров проворных
Скажи ей будто от себя:

«Филлида, ангел жизни, здравствуй!
В сей новый год весны твоей
Разсмейся, будь еще прекрасна,
Прекрасна сердцем и душой!»

Блаженство сих красот вкушая,
Печалью неба не гневи;
Цвети всегда, не увядая,
Живи сама, других живи!»

Тут нежна роза изумяся,
Как бы в задумчивость пришла...
И вдруг, печально наклоняся,
Со вздохом тяжким мне рекла:

Я на груди ея цвесьть стану,
Ах! нет увидев взор ея,
Поблекну и с стыдом увяну,
Коль я мила, оставь меня!

Какой во мне надеждой льстишься?
Поди к ней сам, не тронь меня», –
О роза! коль и ты страшишься,
Коль ты робка, дерзну ли я?

(л. 118 об.)

Лапочке, душечке,
Милой милушечке,

Разуму здоровому,
Доброму, правому,

Нраву спокойному,
Станику стройному,

Ангелу голосом,
Русенькой волосом,

Личику снежному,
Белому, нежному,

Взору прелестному,
Цветом небесному,

Алым губеночкам,
Черным глазеночкам,

Важной осаночке
Щочкам, где ямочки,

Прелесть, усмешечка,
Грудь, где нежичка, //

Движась дыханием,
Всех с чувствованием

Сердцем и каменных
Делают пламенным,

С огненной кровию,
С вечной любовью

Я угождающий,
Я почитающий

Волю милушички,
Душеньки, душечки,

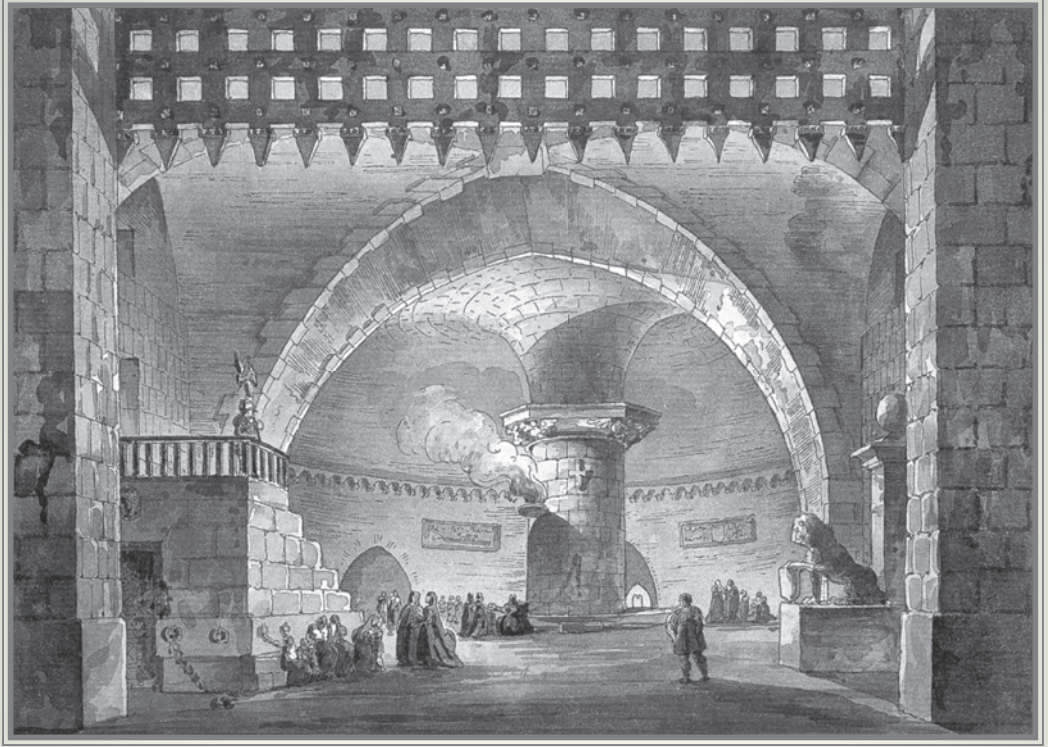
Вняв повелению,
Во угождение

Молвит без лишнева
Соку брусничнова,

Ей посылаю,
Кушать желаю.

(л. 29–29 об.)

ПЕСНИ ИЗ ТЕАТРАЛЬНЫХ
СПЕКТАКЛЕЙ, ЛИТЕРАТУРНЫХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ И МАСОНСКАЯ

НА РУСИ ПОВЕСЕЛИМСЯ

А. О. Аблесимов «Мельник, колдун, обманщик и сват»

Театральная

Уж как шли старик со старухою из лесочка:

Из лесочка,
С ними дочка,
Пригожайка ... (2).

Навстречу им попался сосед мельник:

Сосед мельник,
Не бездельник,
Ворожайка... (2)

Сосед мельник загадает им загадку:

Им загадку,
Правду-матку,
Загадает (2)

«Ищо што таково на Руси у нас давно:

Сам помещик,
Сам крестьянин,
Сам холоп и сам боярин,
Сам пашет, сам орёт
И с крестьян оброк берет –
Отгадайте!

Толк в том дайте,
Не болтайте,
Отгадайте» (2),

Старики моей догадки не умеют,
Не умеют,
Не умеют
Отгадати (2),

Так ин мне пришло загадку разгадати,
Разгадати,
Не солгати,
Объявити: (2),
«Еще вот, да что оно на Руси у нас давно:
Сам помещик, сам крестьянин,
Сам холоп и сам боярин,
Сам пашет, сам орёт
И с крестьян оброк берет.

Это знайте,
Это знайте,
Не вступайте
Больше в спорец.
Его знают,
Называют
Однодворец!».

(л. 78 об.)

Из «Русалки»

Я цыганка молодая,
Я цыганка непростая,
Знаю ворожить.

Положи-ка мне на ручку,
Положи мне денег кучку,
Всю правду скажу!

Все, что было, я узнаю
И что будет, отгадаю,
Ни в чем не солгу.

Естьли что с тобой случится,
Если горе приключится,
Меня позови.

А теперь прощай, дружочик,
Ты мой сизой голубочик,
Мне пора домой!

(л. 78)

Д. Б. Горчаков «Халиф на час»

Из «Русалки»

Полноте вздорить,
Начните плясать,
Бросьте вы ссору –
Примитесь скакать!

За руки взявшись,
В веселье таком
Выше скачите,
Вертитесь кругом!

Полноте вздорить¹,
Начните плясать,
Бросьте вы ссору –
Примитесь скакать!

Лучше жить дружно,
Чем гневом пылать,
Будьте согласны,
Начните плясать!

(л. 88 об.)

---

¹Испр., в рукописи повтор: вздорить, вздорить.

Театральная

Кто оконча дни младья,
Нажил волосы седья,
А резвит[б]ся не отвык,
Бедной, бедной тот старик!

Он лишь к девушке с амуром,
Девка с старым балагуром
Рта не хочет отворить,
А не только говорить.

А плутишки-ребятишки
Тут хохочут изпо[д]тишки
И трунят над стариком,
Будто как над дураком.

Вот как грус[т]но, как обидно
До седых волос дожить.
Старикам резвиться стыдно,
Что ж осталось им – тужить!

(л. 79)

Театральная

О судьи, судьи, плутяги,
Разоряете вы нас!
Вас просители, бедняги
Тщетно молят всякий раз.

Ваши души, будто крюки,
Попадися к вам лишь в руки,
Рады кожу вы содрать!

Вас не тронут только слезны,
И у вас сердца железна,
Любят взятки только взять.

(л. 79)

Н. М. Карамзин «Остров Борнгольм»

Голос унылой. Любовьная

Законы осуждают
Предмет моей любви,
Но кто, о сердце, может
Противиться тебе?

Какой закон святее
Твоих врожденных чувств,
Какая власть сильнее
Любви и красоты?

Люблю, любить ввек буду,
Клянните страсть мою,
Безжалостныя души,
Жестокия сердца!

Священная природа,
Твой нежный друг и сын
Невинен пред тобою,
Ты сердце мне дала,
Твои дары благие
Украсили ее!

Природа, ты хотела,
Чтоб Лилу я любил.
Твой гром гремел над нами,
Но нас не поражал,
Когда мы наслаждались
В объятиях любви.

О, Борнгольм! милой Борнгольм!²//
К тебе моя душа
Стремится беспрестан[н]о,
Но тщетно слезы лью,
Томлюся и вздыхаю,
Навек я удален
Родительскою клятвою
От берегов твоих!

Еще ли ты, о Лила,
Живешь в тоске своей
Или в волнах шумящих
Скончала злую жизнь?
Явися мне, явися,
Любезнейшая тень,
Я сам в волнах шумящих
[С тобою погребусь].

(л. 20 об.– 21)

---

²Испр., в рукописи: «О, Воргольном, мило Воргнгольм»

Я. Б. Княжнин «Сбитенщик»

Театральная

Щастье строит все на свете,
Без него худо с умом,
Ездит щастие в карете,
А с умом идет пешком.

Знаем мы людей довольно,
Знаем с головы до ног,
Говорить – так будет бол[ь]но
Вдоль спины и поперек!

Но сказать о них неложно
Потихоньку может всяк:
Без ума – таки жить можно,
А без щастия никак!

(л. 79)

Театральная

1-я

Кажется не ложно:
Всё на свете можно.
Покупать,
Продавать,
Только должно
Осторожно
Поступать.

Люди всем торгуют,
Да и в ус не дуют.
И Степан
Не болван,
Только должно
Осторожно
Класть в карман!

2-я

Правда, честен буди
Только как все люди.
От ума
Не до дна,
В четвертину,
В половину,
Не сполна!

Что корысть едину
Всяк свою скотину
То пасет,
То стрижет,
Кто умеет,

То и бреет
Весь завод.

Чтобы выйти в люди,
Что плывет – все уди!

(Л. 79)

П. Н. Кобяков «Оборотни»

Театральная

Для любви одной природа
Нас на свет произвела,
В утешенье смертна рода
Нежно чувство дала!

Истребляет цветок стужа,
А траву – палящий зной,
Девушка-краса без мужа
Сохнет и грустит век свой.

Ах! еще ли в тоске жить
Бедной девушке одной,
С милым сердца не делить
И век мучиться с красой.

Говорят: “Любовь опасна”, –
Многие из стариков,
Но словами лишь напрасно
Вас пугают простячков!

(л. 109 об.)

М. Комаров «История мошенника Ваньки Каина»

Простонародная

Бес проклятой
Дело нам затеял,
Мысль картежну
В мысли наши всеял.

Ту разпространяйте,
Руки простирайте,
С радостным плеском
Кричите: «Рест!» (2)

Дверь в трактирах,
Бахус отворяет,
Полны чаши
Пуншем наливает.

Тем дается радость,
Льется в уста сладость,
Дайте нам карты,
Здесь олухи есть! (2)

Стенька Разин,
Сенной и Гаврюшка,
Ванька-каин и
Лжехрист-Андрюшка,

Хоть дела их славны
И коль неудачны,
Прах против наших
Картежных дел! (2)

Постоянием (?) все
Нас ругают,
Авантажа в картах
Вить не знают,

Портной и сапожник –
Давно б был картежник,
Бросил бы шилья
И иглы в печь! (2)

Ни стыда, ни совести
В нас нету,
Олухам-то здешним
Не в примету.

Карты подрезныя,
Крапом намазныя,
Делаем разом
И нечет, и чет! (2)

Мы в камзолах,
Хотя без ковтанов –
Веселее посадских
Брюханов.

Игру б где проведать –
Сыщем мы обедать,
Лишь бы попался
Нам в руки фетюк! (2)

Стройтесь стены
В тюр[ь]мах магистрацких,

Вам готовят
Дворян и посадцких.//

Радуйся, подьячий,
Камень те горячий,
Ты гложи кости их
После нас. (2)

Нам не страшны
Ни наши бедства,
Мы лишаем
Отцовска наследства,

В тюр[ь]мы запираем,
Как их обыграем,
Пусть они плачут –
Нам весело жить! (2)

(л. 47–47 об.)

Н. С. Краснопольский «Днепровская русалка»

Из «Русалки»

Полноте вздорить,
Начните плясать,
Бросьте вы ссору –
Примитесь скакать!

За руки взявшись,
В веселье таком
Выше скачите,
Вертитесь кругом!

Полноте вздорить³,
Начните плясать,
Бросьте вы ссору –
Примитесь скакать!

Лучше жить дружно,
Чем гневом пылать,
Будьте согласны,
Начните плясать!

(л. 88 об.)

---

³Испр., в ркп. повторено дважды

М. М. Херасков «Добрые солдаты»

Восенная

Веселяся в чистом поле,
Льзя ли воину тужить?
В самой неге вить недоле
Может человек прожить!

Не убили нас походы,
Пули, язвы и труды,
Проходя сквозь огонь и воды,
Живы мы пришли сюды!

На Руси повеселимся,
Мед у нас и пиво есть,
Для чего ж мы все родимся?
Мы родимся – пить и есть!

(л. 64)

[Второй вариант]

Веселяся в чистом поле,
Льзя ли воину тужить?
В самой⁴ неге ведь не доле
Может человек прожить!

Не убили нас походы,
Пули, язвы и труды,
Проходя сквозь огонь и воды,
Живы мы пришли сюды! //

---

⁴Испр., в ркп.: самом

На Руси повеселимся,
Мед у нас и пиво есть,
Для чего мы все родимся?
Мы родимся – пить и есть!

М. М. Херасков «Добрые солдаты»

Мы тебя любим сердечно,
Будь нам начальником вечно,
Наши зажег ты сердца,
Видим мы в тебе отца!
Рады мы с тобою в воду,

Рады в огонь, в непогоду,
Всякой с тобою нам край
Кажется рай, рай, рай, рай!

Рады с тобою веселит[ь]ся,
Рады допьяна напйт[ь]ся,
Этот наливки стакан
Выпей, хозяин, ты сам, сам, сам!

(л. 13 об.–14)

Масонская

Свет троякий зря, щастливы очи,
Мрак печальный призирайте, ночи;
Льстит ли сон мечтами,
Кроя вас крылами,
Бодрствуйте, светом питая дух.

Кто златыми блещет там крылами?
Се Астрея! хочет жити с нами.
Души съединяйте,
Руки простирайте,
Радостным плеском разите брань!

Янус двери наши затворяет,
Мир приятный с нами водворяет,
Вольность золотая,
Истинна святая,
Царствует в наших теперь сердцах!

Огнь священный Весты погасился,
Но сильнее наш воспламенился,
Греет и блистает,
Гордость пожигает,
В наших хранится теперь сердцах.

Сын Аммонов! Естли б ты проснулся,
Зря наш узел крепкой, ужаснулся,
В твердость нерушиму
Сплел бы диадему⁵,
Сам почитая, его б лобзал.

---

⁵Испр., в рукописи: диадиму

Аргонавты, как добычь златую,
Ищут кожу взять от нас простую.
Оных многотрудна
Прелесть злоторунна
В полночь морозит, в полудни жжет.

Сан, богатство, гордость, пышность, слава
Нам как детска видится забава.
Здесь все благородны,
Равны и свободны. //
Всех добродетель венчает нас!

Образ Диев, стены Вавилонски,
Гроб Мавзолов и колос Родос[с]кий,
Фарос, пирамиды
С храмом Артемиды –
Прах против наших великих дел!

Златолюбец Мидас нас ругает,
Муסיкийской сладости не знает,
Длинны осли уши,
Длин[н]ы, только глухи –
Наших согласий не могут знать.

Стройте стены от согласна звона,
Песнь поем мы лучше Амфиона,
Уж Фивейска града
Рушилась ограда –
Наш не падется⁶ вовеки храм!

(л. 108–108 об.)

---

⁶Испр., в рукописи: попадется.

18514 ичма, 312 грие: лод, цен: С: аксаков

Семикъ:
Или гуляние в новой деревне
Возле речки: то канавке
возле лосту: травка расла

ПОСЛЕСЛОВИЕ

ФОЛЬКЛОРНАЯ И СВЕТСКИ-ЕВРОПЕЙСКАЯ ТРАДИЦИИ
В КАРТИНЕ ЧУВСТВ РУССКОГО ЧЕЛОВЕКА НАЧАЛА XIX в.

Человек велик своими чувствами

Ж. – Ж. Руссо

Рукописные песенники в русской культуре

В русской словесной культуре XVIII – первой половины XIX в. получили широкое распространение сборники лирических текстов песенного характера благодаря которым переживания человека открывались во всем их разнообразии.

Специфика рукописного сборника еще со времени средневековой культуры состояла в том, что в его составе учитывались и воспроизводились читательские интересы, а в песенниках – пожелания исполнителей. Это позволяло владельцу при наличии сравнительно небольшого количества рукописных книг иметь в своем распоряжении оптимальный набор нужных произведений. Именно литературные сборники, составлявшиеся из произведений различных жанров, были источниками важнейшей историко-культурной информации, формулировали религиозно-этические установки, привносили занимательность в каждодневный быт и удовлетворяли чувству прекрасного его тогдашнем массовом понимании.

Формирование иной структуры чтения, которая детерминируется государственными или коммерческими интересами, волей издателя, а также авторскими возможностями складывалась под влиянием новых средств воспроизведения – книгопечатания. В российских условиях, начиная с момента возникновения книгопечатания (сер. XVI в.) и позднее (XVII в.) в типографиях преимущественно печаталась литература церковного богослужебного характера, тогда как произведения развлекательного «четьего» (от четий – предназначенный для чтения) характера продолжали сохраняться в рукописной традиции. Новый этап в развитии светской традиции приходится на XVII в. и связан с демократизацией литературы (появлением массового читателя, расширением круга писателей, обращения к новым темам, а также со стилевым многообразием и взаимодействием с искусством фольклора¹).

У феномена рукописных сборников продолжительная исследовательская традиция, связанная с их основополагающим значением для описания изменения читательских интересов и воспроизведения процесса чтения. Среди

¹См.: Лихачев Д. С. Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили // Лихачев Д. С. Избранные работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 1. С. 173.

исследователей, раскрывающих данную проблему В. П. Адрианова-Перетц, М. Н. Сперанский, Д. С. Лихачев, Н. Н. Розов, О. Н. Фокина и др. Принципиально важными представляются выводы специалистов новосибирской текстологической школы о необходимости рассматривать рукописный «четый» сборник как своеобразный «микромир», сложно соотносящийся с литературным «макромиром»².

К XVIII в. тематика произведений в рукописных сборниках от богослужебного характера переориентировалась в направлении к христианской этике и онтологии, «отразившей народный этический идеал в традиционных образах»³. Расширение читательского обращения к письменности в XVII – XVIII вв. приводит к возникновению сборников, берущих на себя функцию народной книги, при этом среди читательских приоритетов явно выделяются темы судьбы человека, перипетий его частной жизни, нравственного и психологического состояния. Выбор текстов, их расположение в составе сборника и творческая переработка зависели от многих факторов, главным из которых были аксиологические представления человека, его вкус и личный выбор. Чередуя назидательные, историко-патриотические, апокрифические, комические тексты, сборники, предлагали человеку различные по тональности переживания, тем самым обогащая его ежедневную жизнь событиями и эмоциями общечеловеческого опыта. Обращение к миру частного человека и внимание к его индивидуальному эмоциональному пространству определяет новации в музыкально-литературной сфере, вызывая к жизни поэтические произведения музыкально-лирического плана (канты)⁴.

В нарождающейся светской культуре, для которой воплощение лирических переживаний в связи как с частной жизнью, так и с выражением гражданской позиции становится значимым для разных слоев населения, этот аспект важен при формировании песенных сборников. Страницы последних в результате их накопления образуют «особое культурное пространство, в котором обращаются и поэтические шедевры и спонтанные отклики на тронувшее сердце слова и напевы»⁵. Новые сборники лирических жанров опирались на фольклорную песенную традицию в слиянии с темами и жанрами близкими к книжной европейской поэзии.

Дальнейшее развитие светского начала в культуре было неразрывно связано с совершенствованием искусства пения, где соединялись салонное исполнение

---

²Дергачева-Скоп Е. И. Средневековая русская книга и литература // Фокина О. Н. «Повесть о бражнике» в рукописных сборниках XVII – начала XIX в.: текст и контекст. Новосибирск: Изд-во НГУ, 2008. С. 10.

³Фокина О. Н. Древнерусский сборник поздней рукописной традиции. Проблема народной книги // Русская книга в дореволюционной Сибири: Археография книжных памятников. Новосибирск, 1996. С. 47.

⁴Келдыш Ю. В. Внекультульная духовная песня // История русской музыки. Т. 1. М., 1983. С. 201.

⁵Васильева Е. Е. О рукописных песенниках, их создателях и читателях: (по записям и пометам в рукописях) // История русского читателя. Вып. 5. – СПб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. С. 6.

песен и романсов и привлекаемые в разной степени произведения фольклорного характера. Привычным воспринимается звучание в одной аудитории песен и романсов различного музыкального генезиса: салонные песни и романсы, соединяемые с разнообразными фольклорными песнями и балладами, существующими в обрядовой, воинской, семейно-бытовой, молодежной сферах. Авторы книжных песен обращаются к образам и типам переживания, свойственным европейской литературе, в которой описание любовных переживаний, создание образа возлюбленной и драматических перипетии личной судьбы в сфере интимных отношений стали важной частью культуры, начиная со времен Данте и Петрарки (XIII – XIV в.). Именно эти жанры оптимально для массовой культуры отвечали возникающему спросу на художественное воплощение тонкостей эмоционального мира⁶.

Востребованность подобного рода сборников для широких слоев населения отразилась в их коммерческой судьбе: на протяжении XVIII – XX вв. сборники издавались и переиздавались неоднократно. Но несмотря на коммерческий успех тираж большинства изданий, которых в XVIII в. было более 30, был невысоким и экземпляров явно не хватало для насыщения рынка, особенно в провинции, так как практически все издания совершались в столице и в Москве. В совокупности с факторами вкусового индивидуального порядка это приводило к созданию рукописных сборников, у каждого из которых было собственное лицо. Создание таких памятников письменности была свойственна разным слоям населения России и важен факт расширения социального статуса создателей сборников. Этот тип сборников оказался чрезвычайно гибким, и множественность составляющих песенный фонд текстов позволяла отвечать на запросы как высших дворянских кругов, так и городских демократических слоев. И хотя отсекал дворянство от фольклорной культуры было бы в принципе и по существу неверно, но к первой трети XIX в. традиция формирования сборников и исполнения песен и чувствительных романсов, по мнению исследователей, все больше становилась достоянием средних и низших сословий⁷. Это имело важные последствия для процесса развития русской культуры, направленного к созданию единой национальной словесности и музыки.

---

⁶Культурная история эмоций сравнительно недавнее направление в гуманитарных исследованиях. На сегодняшний день процесс формирования исследовательских подходов и типов источников для изучения этой важнейшей сферы истории человека только начинается. См.: Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. Во вводной статье Яна Плампера отмечается, что гуманитариев в отличие от естественных наук в изучении эмоций интересует их культурная вариативность, соотносимость с хронотопом и выработка понятийного аппарата. «Самое сложное в истории эмоций, – пишет исследователь, – это вплетенность эмоционального фактора в причинность исторических событий. Сложность обусловлена тем, что эмоции часто невозможно выявить или подтвердить документально» (См.: Плампер Ян. Эмоции в русской истории // Там же. С. 35).

⁷Келдыш Ю. В. Песня в рукописных сборниках // История русской музыки: в 10 т. Т. 2. XVIII век. Ч. 1. М.: Музыка, 1984. С. 183.

На фоне серьезной литературы классицизма с ее дидактическими установками и государственно-патриотическим пафосом подобного рода произведения воспринимались как проявление художественных описаний каждодневных типов человеческих отношений, любовной близости и дружеской симпатии важных для любого исполнителя и слушателя. Мелодии, преимущественно простые, часто основанные на использовании уже известных мотивов, способствовали запоминанию и многократному повторению песен⁸. Однако значение этих произведений для развития типа культуры с европейским акцентом, в основе которой лежало формирующееся убеждение в ценности личности и открытие богатства внутреннего мира человека, скорее недооценивалось, чем получало глубокое научное объяснение в гуманитаристике, при этом точные замечания относительно природы и своеобразия этого искусства можно найти во многих исследованиях и издательских предварениях к песенным сборникам. В частности, уже процитированный нами историк музыки Ю. В. Келдыш, характеризуя сентиментальные настроения песен, напрямую утверждал: «Стремление к душевной открытости, теплоте, интимности тона особенно полно отразилось в песенном жанре»⁹.

Музыковеды и фольклористы немало сделали по выявлению рукописных сборников и систематизации наличествующего там материала, установлению генезиса песен и определению вариантов. Исследования в области фольклористики осуществлялись преимущественно с целью нахождения в печатных и рукописных сборниках новых вариантов фольклорных песен. Обращалось внимание на проблему восприятия книжной поэзии в фольклорной среде и наблюдения за дальнейшими изменениями произведений в условиях народной культуры¹⁰, а также истории жанра баллады и городского романа¹¹.

Среди них публикация незавершенного, но фундаментального исследования академика М. Н. Сперанского о рукописных сборниках XVIII в., в которой определено значение письменной презентации песенной культуры¹². Автор, выявляя памятники устной словесности, соотносил развитие четвертого сборника с культурой «средних и низших классов» XVIII в.

---

⁸Келдыш Ю. В. Светское музыкальное искусство // История русской музыки: в 10 т. Т. 1. М.: Музыка, 1984. С. 197–202.

⁹Келдыш Ю. В. Песня в рукописных сборниках // История русской музыки: в 10 т. Т. 2. XVIII век. Ч. 1. М.: Музыка, 1984. С. 274.

¹⁰Библиография вопроса разработана достаточно подробно. Здесь выделяются исследования А. А. Веселовского, Н. Н. Трубицына, В. Н. Перетца, Т. М. Акимовой, Н. П. Колпаковой, А. М. Новиковой, В. М. Сидельникова и др.

¹¹Городской романс начал изучаться с конца XIX в. и с различной степенью активности продолжает исследоваться до настоящего времени. Существенны работы А. М. Путинцева, Н. А. Смирнова, Д. М. Балашова, В. С. Бахтина, Я. И. Гудошникова, Н. П. Зубовой, Т. Н. Якунцевой и др.

¹²Сперанский М. Н. Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы. М.: Изд. АН СССР, 1963.

Столь же важной для данной проблемы оказалась докторская диссертация А. В. Позднеева, изданная в виде монографии его коллегами¹³. Ученый задействовал большой пласт рукописных песенников XVII–XVIII вв., что позволило ему уверенно говорить о близости книжных песен к народным по трем признакам: произвольному чередованию песен в сборниках, анонимности наличием постоянных изменений текста. Обратил внимание Позднеев и на сходство различию в поэтике книжных и фольклорных песен, в частности, в использовании в художественных приемах и метрике¹⁴.

Если о фольклорных песенных жанрах в различных исследовательских курсах написано достаточно много, то исследований, посвященных изучению целостности подобных сборников, их структуры и отношению составителя, выражению примет времени и культурной рефлексии современных работ, как мы видим, немного¹⁵. Между тем, в подобном подходе, учитывая многообразие рукописного материала, скрывается важная информация о времени и человек¹⁶.

Рукописный песенник первой четверти XIX в. из собрания библиотеки им. В. Г. Белинского (Екатеринбург)

Публикуемый в данном издании рукописный сборник из собрания отдела редкой книги Свердловской областной универсальной научной библиотеки им. В. Г. Белинского № 375380¹⁷ относится ко второму десятилетию XIX в., Датировка рукописи достаточно точная и основывается на экспертизе филигранных, где прочитывается две даты «1813» и «1814». Кроме того в сборнике присутствуют две песни, посвященные событиям 1813 года (сражению при Бунцлау – в марте и отъезд государыни Елизавета Алексеевна к Александру I – в декабре). К сожалению, при неудачной реставрации сборника в XX в. был утрачен не только прежний переплет, но и титульный лист вместе с частью оглавления, где могли располагаться владельческие и писцовые записи.

Косвенно датировку подтверждает то, что в сборнике, где переписаны произведения, бытовавшие в первых десятилетиях XIX в., например, нет ни одной песни Н. Г. Цыганова – популярного автора конца 20-х г. столетия.

---

¹³Позднеев А. В. Рукописные песенники XVII–XVIII вв.: Из истории переводов песенной силлабической поэзии). М.: Наука, 1996.

¹⁴Там же, с. 7.

¹⁵Библиография изучения рукописных песенников до XIX в. и исследовательские задачи см.: Васильева Е. Е., Лапин В. А. «Книжная песня» XVII–XVIII вв. и фольклорные песенные традиции // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докл. М., 2006, Т. 2. С. 290–314.

¹⁶О культурно-историческом феномене рукописных сборников из собрания Титова (РНБ) см.: Васильева Е. Е. Рукописные песенники в Титовском собрании // История и культура Ростовской земли. Мат-лы конф. Ростов, 2006. С. 133–148. См. также публикацию сборника из того же собрания (РНБ, Тит. 4272): Музыкальный Петербург XVIII в. Кн. 5: Рукописный песенник с голосами, положенными на ноты. СПб.: Композитор, 2002.– 311 с.

¹⁷Екатеринбург, ОРК СОУНБ им. Белинского № 375380. Сборник песен. 4 (210/216 на 160/170 мм), 125 л. Первая четверть XIX в. Полное описание см. в Приложении.

Знаменателен внешний вид сборника. Палеографическое исследование выявило наличие в рукописи трех почерков, различающихся степенью профессионализма и временем формирования писцовых навыков. Почерки чередуются бессистемно, разные типы зачастую встречаются в границах одного листа (л. 54–54 об.) и даже отдельные произведения могут переписаны быть двумя писцами (л. 31–32 об.). Доминирующая часть сборника создана писцовым почерком XVIII века (скорописью), который перемежается с более поздними почерками различной степени квалификации. В чередовании почерков какой-либо соотношенности с содержанием не наблюдается. После того, как сборник был составлен, каждую песню обозначили своим номером, а рукопись пронумеровали постранично. И двумя основными почерками в рукописи составлено алфавитное оглавление с указанием на порядковый номер песни в списке («коих числом с органами выходит 267») и страницу.

Алфавитная классификация, типичная для XVIII в., должна была способствовать дальнейшему быстрому поиску песен для исполнения. Подобный прием присущ изданиям печатных песенников этого времени.

Скорописью XVIII в. после первой части (л. 14 об.) и в конце рукописи (л. 125 об.)¹⁸ сделаны записи, относящиеся к ее составу. Сборник составлялся не по старинке – по тетрадам, когда тексты распределяли между писцами, а затем все тетради сшивались воедино. В данном сборнике почерки меняются не только в границах листа: в ряде случаев какое-то одно произведение переписано разными почерками. Последнее свидетельствует о другом типе работы: составлении текста в коллективе близких людей либо живущих рядом, либо служивших вместе. Наличие немногочисленных ошибок непонимания и опiski свидетельствуют, что рукопись создавалась перепиской песен с черновики, подготовленных и записанных «с голоса», или заимствованных из другого письменного источника, так как практически каждый текст имеет отличия от опубликованных вариантов. Внешний вид сборника, отличающийся некоторой небрежностью и отсутствием какой-либо систематизации (за исключением алфавитной, внесенной позднее), свидетельствует об известной непосредственности подхода переписчиков, записывающих песни более из желания адекватно отразить свои чувства, нежели следующих рациональному плану составителя.

В личном подходе создателей сборника и заключена главная ценность представленного материала, обратившись к рассмотрению которого можно нарисовать картину чувств и эмоций, свойственную данному времени. Забегая вперед, можно утверждать, что послевоенное российское общество оказалось открытым к различным культурным традициям, в музыкальной словесности эпохи причудливо соединились линии развития, берущие начало как

---

¹⁸Записи (скоропись XVIII в.): л. 14 об. – «Все окончены 22 песни на арканах (!) а будут разные веселыя песни после сих»; Л. 125 об.: «Все семь песнямъ окончание на сей странице и ихъ числомъ с органами выходитъ 267 песенъ, которыя по алфавиту все значются в заглавии сей книги следующимъ порядкомъ. Конецъ».

в европейском романсе, так и в народной песне, что неудивительно: в последней трети XVIII в. – начале XIX в. углубляется интерес к национальным корням культуры, и народная песня входит в первые печатные сборники песен, хотя зачастую в адаптированном к светским развлечениям виде. Формирующееся романтическое восприятие создает «культ свободных чувств и страстей, берущих верх над рассудком и здравым смыслом, не связанных ненужными ограничениями и ложными условностями»¹⁹.

Рукописный сборник по составу очень пестрый, именно такие песенники становились катализаторами развития светской культуры, к ним обращались в разных слоях общества, формируя принципы социальной коммуникативности и эмоциональный этикет.

Трудно отделаться от впечатления, что рукопись создавалась в компании близких людей, вкусы которых совпадали или дополняли друг друга, отчего Этот сборник оказывается своего рода механизмом, облегчающим взаимопонимание, сближающим «своих» людей и отделяющих «чужих».

Ю. М. Лотман пишет о том, что культивирование «антиофиальности тесного дружеского кружкового общения, было свойственно в пушкинскую эпоху определенным кругам офицерства». Этот тип коммуникации предполагал использование стиля устной речи в общении, доказывающего близость людей, и в нем присутствовали отношения дружеского равенства и ненависти к формализму, «кружковая жизнь была не только «отмечена поэзией товарищества, удалства и бесшабашности, но и ... не лишена была известного налета либерализма»²⁰. Именно в гвардейском, как отмечает исследователь, «мы сталкиваемся с сознательным языковым творчеством, языковой игрой, ориентированной на пародирование, смесь “французского с нижегородским”. Соединение несоединимых стилей, утонченности с простонародностью является здесь источником той индивидуальной выразительности и нестандартности языка, которая так ценится в эпоху романтизма»²¹. Несомненно, фактором формирования неформальных компаний служили тяжелая военная служба и опьяняющее чувство победы в Отечественной войне 1812–1814 гг., а также атмосфера дружеской взаимопомощи и европейская культура.

Показательно, насколько изменилось поведение и запросы участников европейского похода по его завершении, что отмечалось современником (Н. И. Тургеневым). Офицерский круг стал отличаться «свободой своих суждений и смелостью, с которой они высказывали их, мало заботясь о том, говорили они в публичном

---

¹⁹Архипова А. В. Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX в. (эпоха становления романтизма) // Русская литература и фольклор: Первая половина XIX века. Л.: «Наука», 1976 С. 33.

²⁰Лотман Ю. М. К функции устной речи в культурном быту пушкинской эпохи // Лотман Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб.: Искусство – СПб. 1997. С. 795.

²¹Там же. С. 800.

месте или в частной гостиной, слушали ли их сторонники или противники их воззрений»²². Представляется, что рассматриваемый рукописный сборник вполне мог быть составлен в подобном кружке в условиях похода в Европу, или сразу после возвращения, а затем привезен в Екатеринбург для постоянного использования на досуге.

Наблюдения Ю. М. Лотмана могут быть распространены на характеристику других городских социальных слоев. С учетом уральских особенностей стратификации населения подобного рода сборник мог появиться в среде заводской администрации, имевшей военный опыт, ориентированной на европейские технологии производства и позиционирующей себя как институализацию нового времени.

Традиция создания рукописных песенников формируется, в основном, начиная с XVIII в. и сохраняется до второй половины XX в.: типы песенников зависят от целей составителей. Рассматриваемая рукопись выполняет несколько взаимосвязанных задач. С одной стороны, это и своего рода ориентация на особенности печатных изданий (например, наличие комментариев к песням). С другой – это письменное «коллекционирование» понравившегося, поскольку не все тексты смогли быть исполнены в рамках дружеской компании, особенно хороводные. В третьих, запись песен производится «для памяти» (указание на страницы, дописанное после составления рукописи, свидетельствует об этой прагматической цели)²³. Такая социо-культурная атрибуция сборника дает основание видеть в нем проявление стихийной и поэтому ценной информации об спектре чувств, воплощенных в переписанных песнях. Многогранность тем и выраженных настроений песен сборника дает ощущение культурной многослойности, сборник, подобно калейдоскопу, соединяет отдельные тексты в неповторимый эмоциональный узор, свойственный времени.

Учитывая, что основные личные дневники и рукописные альбомы относительно этого времени связаны с дворянским сословием, рукописный сборник содержащий сведения об эмоциональной сфере иного, более демократичного социального круга, становится важным источником по истории эмоций, не имеющим аналогов в других эгодокументах. Слияние в сборнике генетические разных ветвей лирики отвечало желанию найти нужную интонацию для воплощения оттенков переживаний²⁴.

---

²²Тургенев Н. И. Россия и русские. М.: ОГИ, 2001. – 742 с.

²³В дальнейшем бытовании песенников произойдет разграничение целей создания и появятся разные типы сборников. О типах песенников XX в. см.: Башарин А. С. Городской песенный фольклор // Современный городской фольклор / отв. ред., автор вступ. ст. С. Ю. Неклюдов. М.: Росс. гос. гуманитарный университет, 2003. С. 531–532.

²⁴Песни не только исполняются в компаниях, обращение к такого рода времяпровождению формирует дружеское сообщество, характеристики которых и репертуар соответствуют определенному этапу культуры (городской и современной деревенской). Типологизация современных компаний, исполняющих городские песни, см.: Там же. С. 508–509.

Тематический состав рукописного сборника

Показателем интересов составителей и различных граней их досуга становится структура сборника. Среди общего количества записанных песен (без учета тех, из которых приведены только названия) 103 текста относятся в фольклорной традиции, 160 – к книжной.

Нигде не указаны авторы песен, хотя их число достаточно велико (нами определено 26 имен), что свидетельствует о сохранении в читательской среде равнодушного отношения к личности создателя текста, то есть даже в первой трети XIX в. оставалось издревле идущее пренебрежение к голосу автора. Эта форма подачи текста была в равной степени присуща печатным песенникам этого времени.

В сборнике две песенные стихии: фольклорная и книжная. Выбор песен фольклорного репертуара своеобразен: отсутствуют песни календарного и свадебного обряда, не переписываются популярные в простонародной среде духовные стихи, отсекаются устаревшие вирши, зато многочисленны плясовые и комические песен, солдатские, казачьи, темничные, а также песни патриотического содержания, посвященные победам российских войск. Выбор составителей, по нашему наблюдению, определяется игровым и энергично-удальным настроением отобранных фольклорных текстов. В устно-поэтическом пласте сборника доминируют оптимистичные жизнеутверждающие ноты: даже в печальные песни вкрадывается элемент самоиронии, столь характерный для народной культуры. Позитивный настрой, выражен не только в воинских, казачьих, но и даже в песнях, составляющих главную его часть – любовных, что не мешает разнообразию и искренности переживаний, сопрягаясь с тонкой передачей горьких размышлений о судьбе, любовных изменах или даже смерти героя.

Книжный пласт песен включает в себя разнообразный по качеству материал, среди которого более половины песен анонимны. Наряду с текстами высокого художественно-образного уровня в рукописи переписано немало песен наивного характера, схематично передающих человеческие взаимоотношения.

Среди книжных *авторских* песен присутствуют песни военно-патриотические, театральные, доминируют любовные. Среди книжных анонимных песен есть несколько патриотических, но в основном – это любовные произведения, а также диалоги и пасторали. И одна – сугубо корпоративная, *масонская*. Составителя явно отбирали песни, настраивающие читателя на сочувствие и понимание даже в моментах, когда действия и переживания героев не вписывались в традиционный эмоциональный этикет.

При обращении к своеобразию эмоционально-чувственного мира песен сборника необходимо учитывать не только социо-культурный генезис, но гендерно-ролевую составляющую текстов. В песнях выявляется несколько наиболее распространенных для того времени ролевых функций, чувственный мир носителей которых представлен в песнях. В фольклорных текстах это, первую очередь, мужские персонажи: цари, полководцы, солдаты, казаки, «темничники», матросы, конторский служащий, а также обездоленный «детинка», добрый молодец или

влюбленный «парень». Женские роли фольклорного типа существуют исключительно внутри семейных отношений: «молодка», жена, дочь, сноха.

В книжных песнях, посвященных любовным отношениям, ролевые характеристики редки. Это традиционные условные фигуры пастушки и пастуха в пасторалях, или крестьянки, отказывающейся от городского образа жизни. Зато формируется новый образ чувствительной барышни, терзающей своего возлюбленного или томящейся в ожидании любви. Добрый молодец фольклорных песен и городской кавалер лишь частично пересекаются в своих переживаниях, но «предмет» их восхищения, а главное, жизненные драмы лежат в различных плоскостях. Появляются любовные книжные песни без конкретной ролевой привязки, лирический герой оказывается вне видимой сословной соотнесенности.

В то же время составителей привлекают насмешливые песни из спектаклей с откровенной ролевой семантикой. В сборнике обнаруживается несколько песен, описывающих чувство любви как таковое. Самоценность чувства начинает осознаваться и входит в песенный репертуар. Предлагаем посмотреть структуру сборника с учетом тематики и генезиса песен в количественном аспекте. В перечне не учтены песни, представленные в сборнике без текста, только по названиям.

Фольклорные песни: историческая – 1; солдатские – 5; воинские 4; казачьи – 8; плясовые и хороводные – 35; комические – 7; песни о судьбе – 7; любовные мужские – 11; любовные женские – 25;

Авторские песни: воинские – 3; любовные мужские – 26; любовные женские – 9; о чувстве любви – 3; пасторали – 1; песни – поздравления – 1; театральные – 12.

Анонимные книжные песни: воинские – 3; любовные мужские – 44; любовные женские – 39; о чувстве любви – 2; пасторали – 7; песни – поздравления – 3; песни-диалоги – 6; масонская – 1.

Из перечня видно, что в фольклорных текстах существенно больше любовных песен, исполняемых от женского имени: 48 песен, включая 23 хороводные, и существенно меньше – 18 песен – от имени мужчины, в литературных любовных романсах (авторских и анонимных) – мужская доминанта: 70 – от мужского имени, 48 – от женского²⁵.

Народные и стилизованные под народную традицию песни определяются составителями как «простонародные», хотя данное определение не всегда совпадает с фольклорным генезисом: в ряде случаев это указание свидетельствует о наибольшей распространенности и популярности произведений. Данное определение может относиться и к песням, имеющим авторское происхождение, однако написанным в фольклорном стиле. Кроме определения «простонародная», упоминаются другие жанровые характеристики: «военная», «солдатская», «цыганская», «пастушеская», «театральная». Романсы не выделяются составителями среди прочих песен и их характеристика ограничивается указаниями: «нежная» или «любовная».

---

²⁵В расположении песен при их публикации тексты приводятся в определенной последовательности, учитывающей эмоциональный настрой, начиная с веселых и оптимистичных и заканчивая печальными и горестными.

Книжные песни не выделены внутри сборника отдельным блоком, но во второй части рукописи они доминируют: их переписывали также без указания автора.

Песни получали разнообразные характеристики. В одних случаях внимание уделяется манере исполнения с разной степенью уточнения («несколько отрывисто» или «голос протяжной», «голос громкой». И это сплошь и рядом: «голос нежной, приятной»; «голос самой томной»; «голос приятный, любовный»; «голос унылой, любовная»; «голос] унылой с порывами отчаяния»; «голос живой с некоторою томностью». В других акцентируется основная чувствительная идея песни: «Тяжкая разлука с милою и надежда будущего соединения»; «Любовник, довольный своею участью»; «Песня девушки, оставленной своим любовником»; «Неж[ный] стон влюбл[енной]», «Плач любовника на гробнице своей любезной»). В ряде песен кратко комментируется содержание: «Любовь живит»; «Совет модной красавице»; «Упреки к неверной».

Подобного рода комментарии – наследие XVIII в., когда авторы, преследуя дидактические цели, стремились дать объяснения образности художественных текстов, предопределить читательские переживания. Примечания отвечали важной культуртрегерской задаче, формируя вербальное сопровождение новым более разнообразным и тонким оттенкам настроения. Кроме подобного рода замечаний, может идти указание на известный мотив, на который исполняется песня. И это относилось как к самым популярным народным напевам, так и известным книжным произведениям: «На голос предыдущей песни»; «Удовол[ь]ствована любовь, на го[лос]: поля, леса густые». В данном случае песенная креативность поддерживается анонимностью композитора, позволяющей без затруднений соединять музыку с новыми словами.

Приведенные примечания демонстрируют важное качество массовой культуры, свойственное данному сборнику: человек ищет от литературы «пользы», то есть возможности обращения к ней в каждодневной жизни и воспринимает произведения не только как эстетические феномены, но как некий стереотип переживаний и ту модель поведения, следование которой в глазах окружающих создаст о тебе мнение как о глубоко чувствующем человеке.

Предваряя итоги, можно отметить, что в жанре романса перед нами раскрывается процесс поиска нового языка для выражения чувств, причем большее внимание составители сборника уделяют мужским переживаниям, что видимо, обусловлено большей сдержанностью предыдущей фольклорной традиции в описании мужских страданий и недостаточным разнообразием проявлений любовных чувств в маскулинной культуре²⁶.

Песни военные и патриотические в составе сборника

Предположение о близости создателей сборника к военной среде подтверждается воински-патриотической лирикой. Среди песен военной тематики

---

²⁶О понятии маскулинная культура см.: Connell, R. W. *Masculinities*. – Second Edition. – Berkeley: University of California Press, 2005. – 327 с.

в фольклорных текстах подборки рассказывается о тяжелой солдатской доле («Не кокушечка во сыром бору куковала...») и сожалениях доброго молодца, уезжающего «во солдаты», что вполне небезосновательно приравнивается к неволе. При этом печаль выражается пролитием слез, по признанию песни, молодец «во неволюшке сидя, плачет, / Обливается горячими слезами». «Тужит» о молодце только матушка, а «Весь род-племя меня, молотца²⁷, провожают: “Послужи там, доброй молодец, верой-правдой, Положи за нас свою буйную головку”». Для патриархального христианизированного общества слезы не свидетельство слабости и отсутствия мужества, а напротив, высшее выражение человеческих переживаний. Чувство причастности к защите рода-племени – одно из самых глубоких и древних в народной жизни, но в данной песне составителей привлекает конфликт индивидуальной судьбы человека с ее горестями и радостями и требований патриархального общества. Необходимость соединения родового долга с сочувствием к собственной судьбе приводит к драматическим мужским переживаниям.

Участие всех слое населения России в Отечественной войне 1812 года обострило внимание к военной жизни, роли солдат и единению с командирами. Важной национальной особенностью патриотического пафоса становится идея патриархальности, лежащая как в основе отдельной солдатской судьбы, так и распространяющаяся на обобщенное взаимоотношение воина с Российским государством, где государь трактуется как отец, а государыня – мать всем солдатам. Петр Первый именуется «Ах ты, наш батюшка, государь-царь!»; «батюшко-император», «батюшка, государь-царь». Подобное прославление распространяется на графа Румянцева – «Граф Румянцев – наш отец» («Нам нельзя того оставить...»), полководца Суворова, образ которого соединяется с упоминанием христианского святого Николая Чудотворца, «Батюшка Никола с нами и Суворов – друг ево...». Этому же определению придерживается книжная песня, посвященная победе Александра Первого при Кульме. В сочиненной анонимным автором прославлении хор поет: «Славься царь наш несравненный, ты *Отечества отец...*».

Столь же патриархальные чувства проявляются по отношению к государыне. В похвальной песне Екатерине (вероятно, к Екатерине Первой) возникает устойчивое прославление: «Виват, мать наша Екатерина...», которое подхватывается в более позднем гимне Державина, относящегося к Екатерине II, «Гром победы раздавайся»: «Слав[ь]ся сим, Екатерина, Славься нежная к нам мать...». Умилительно-теплыми чувствами окружено имя императрицы Елизаветы Алексеевны и императора Александра, В книжной песне «петербур[г]ских жителей на отъезд царицы-матушки к царю, к батюшке» «Понесись по поднебесью..» автор использует устойчивую топику фольклорной лирики, где женщина уподобляется

---

²⁷Здесь и далее при цитировании приведенных сохраним орфографию оригинала, исправляются только опечатки, препятствующие пониманию.

«сизокрылой голубушке», а чувства передаются в сентиментально-слезливых тонах: «Грустно в свете жить сиротинками»; «Не утаивай пред ним, как и мы с тобой, / Расстававшись, горько плакали».

Серьезные прославления командования и раздумья о солдатской доле сочетаются с ироническим высмеиванием неспособных генералов, которые могут только табак курить, да бездарно командовать, «предая» свою армию прусскому королю. Чувство горечи и возмущения изменой в песне выражается описанием сцены, когда генерал «столует и пирует / Со прусским королем, / Проедает, пропивает / Он всю армию ему» (л. 87 об.). Народная ирония и насмешка, становятся выражением патриотических чувств.

Песню о казни сына Ивана Грозного, традиционно и справедливо относят к исторической, но в контексте данного сборника, где нет других исторических песен, ее содержание вероятнее всего привлекает составителей сюжетом об измене, связанной с убийством наследника престола. Цареубийства XVIII – начала XIX в. не были тайной для российского общества, и историческая песня о событиях XVI в. становилась аллюзией к недавним событиям, актуализируя историческую память. Песня утверждает необходимость не только верного, но и разумного служения государю, когда подчинение приказам соединяется с общечеловеческими ценностями. Надежда на чувства отцовской любви, противостоящие предательству, придает песне необходимый лирический оттенок.

Негодованием насмешкой наполнены песни о походе Наполеона. Среди них есть и «Не в чистом поле, не в пустой степи...», что написана особым (белым) стихом, стилизацией былинного и прославляя русского царя в образе орла, уничижительно представляя Наполеона Бонопарта в образе «корсиканского петуха» и «ощипанного сыча» Подобные насмешки и сатирические выпады несут определенное компенсаторное чувство: так изживается страх и боль. Песня явно создана в процессе войны, так как московский пожар рисуется здесь яркими красками, и призвана внушить чувство уверенности в победе над Бонопартом, от которого отказываются все «мелкие пташечки» обманом приведенные им на «святую Русь». Будучи авторской²⁸ песня обращается к аллегориям, принятым в мировой литературе. Орел – аллегория благородства и силы, тогда как одно из значений аллегории петуха, как указывает в своей работе посвященной книжной эмблеме – словесно-музыкальному жанру, популярному в XVI–XVIII вв., современный исследователь, – «отвержение истинных

---

²⁸Н. Н. Трубицын указывает на публикацию этого стихотворения в 1813 г. (Русский вестник, Ч. 23, № 8) и автором называет С. Юшкова. См.: Трубицын Н. Н. О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века. СПб., 1912. С. 254. О том, что это Степан Юшков, сын священника и студент Харьковского университета в 1812 г. пишет И. Ю. Фоменко в статье «Песни Отечественной войны 1812 года. Публикации 1812–1815 годов» // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Мат-лы XVIII Международной научной конференции. Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник «Бородинское поле». 2014. С. 74.

ценностей»²⁹. Рисуя поражение петуха от орла, автор создает уничижительную картину его бегства:

Да и кто же видал, да и кто же слышал,
Чтоб ободранной сыч мог сравниться с орлом?
Орел – всем птицам царь, всему свету – судья,
А ощипанной сыч – всему свету смех
(л. 60 об.)

В воинской тематике особое молодечество, храбрость верность воинскому долгу, готовность к защите рода-племени соединяются с переживаниями о не легкой солдатской доле, с тоской по оставленной семье, молодой жене и «малых детушках». И рядом с ними переписываются патриотические песни, прославляющие в самых торжественных тонах государя и военачальников, вызывающих чувства благоговения и торжества от побед русских войск. Все эти песни говорят о разнообразии мужских чувств, вызванных ответственностью за социозначимую службу и осознающих важную роль защитников отечества.

И хотя сборник вышел явно не из казачьей среды, прославление и особого ухарства и доблести, ценности «вольной волюшки» привлекло составителей. Приведенные здесь песни (8 текстов) разворачивают картину веселой вольной жизни на синем море или на Волге-матушке реке, казаки, не скрывая, гордятся своей добычей, но при этом утверждают верность «православному царю». Как это принято в народной словесности, радостное состояние персонажей передается через описание их внешнего облика, идеального в своей завершенности.

На них шапочки соболя,
Верхи бархатные,
Еще смурые кафтаны,
Кумачом подложены.
Астраханские кумачи
Полушелковые,
Пестряные рубашки –
С золотым голуном,
Что зелен сафьян сапожки,
Кривые каблучки, //
И с заносами чулочки
Да все гарусные!

...
Они веслами гребут,
Сами песенки поют,
Они хвалят-величают
Православного царя,

---

²⁹Махов А. Е. Эмблематика: макрокосм. М.: Intrada, 2014. С. 61, 98.

Православного царя –
Императора Петра.
(л. 92–92 об.)

Однако для составителей сборника не остались без внимания и другие настроения, в том числе, и связанные с неподчинением самому государю. В песне об убийстве в 1630 г. «царского посланника» Ивана Константиновича Карамышева, который вез на Дон царскую грамоту, казаки не испытывают сожаления или раскаяния, а песня об Ярославле-городе трогательно заканчивается «возрыданиями» «атамановой любовницы», предсказывающей:

Атаману быть пойману,
Есаулу быть повешену,
Добрый молодцам – голова рубить,
Красной девице – во темнице быть
(л. 63–63 об.)

Тема судьбы молодца и смерти – одна из самых драматичных в сборнике. Стойкость перед лицом смерти, оказывается важным моментом развязки, демонстрирующем независимость, самообладание и бесстрашие «доброго молодца» («Не шуми мати, зеленая дубровушка»). Смелые ответы «крестьянского сына» «государю-царю» позволяют утверждать чувство равенства перед смертью. И сам «православный царь» отдает должное разбойнику такими вот словами:

Исполать тебе, детинушка, крестьянской сын,
Что умел ты воровать и умел ответ держать.
Я за то тебя, детинушка, пожалуйю
Среди поля хоромами высокими,
То двумя ли столбами с перекладиной.
(л. 93)

Чувством бесстрашия и высоко чтимым ощущением равенства в смелости поступков пронизаны песни о пленении донского казака, так удивившего своими смелыми речами турецкого царя, что ему даровали свободу («Ах, талан, мой талан...»). Столь же храбрыми и главное наполненными чувством собственного достоинства оказывается перед смертью слова знаменитого предводителя казаков Ивана Матвеевича Краснощекова, отважного «гулебщика», то есть охотника набегов, созданные на основе приема парадокса. Афористические, наполненные иронией по отношению к врагам слова атамана усиливают впечатление от важного качества русского характера – негибкости и независимости в ответе Краснощекова «злым татаревам»:

Послужу я вам, друзья,
Саблей острою,
Посеку ей ваши буйны головы
(л. 91)

Молодечество как высоко ценимое качество мужчины особым образом с включением самоиронии обыгрывается в песне «Долго ли снежочкам / во чистом поле лежать...», где ощущение опасности, возможной гибели преодолевается маршевым ритмом и оксюмороном с комическим подтекстом и бодрым настроением:

Забывай солдатушки,
Отца, мать, жену,
Вспомните, служивья,
Тесак, ружье, суму;
Ходя наедемся,
Стоя выпьемся,
Поутру слезами умываемся,
Утремся полою,
Богу помолимся.
(л. 77)

Экстремальная ситуация войны, требующая своего художественного воплощения, приводила, по наблюдениям Г. П. Макогоненко над поэтами – продолжателями Г. Р. Державина, к тому, что из песен начинает исчезать одическая громогласность, «герой их заговорил легко и свободно о том, что его волновало, в песню хлынул быт»³⁰.

Комические, иронические и плясовые песни

Ироническая природа народной поэзии встретится в это сборнике и в других типах песен, что конечно заставляет вспомнить известное высказывание Н. В. Гоголя об иронии в народной культуре, которая видна в пословицах и песнях «что всего изумительнее, часто там, где видимо страждет душа и не расположена больше к веселости... Трудно найти русского человека, в котором бы не соединялось, вместе с умением пред чем-нибудь истинно возблагодарить, свойство – над чем-нибудь истинно посмеяться»³¹.

В сборнике переписано 35 песен плясового характера, что вполне соответствует важному месту, которое занимали молодежные совместные «игры» в жизни крестьянской общины, изначально приуроченные к календарной обрядовости и служившие репродуктивным целям культуры³². Эти совместные игры, которые происходили в течение года и охватывали определенную возрастную категорию,

---

³⁰Макогоненко Г. П. Русское просвещение и проблема фольклора // Русская литература и фольклор (XI – XVIII вв.). Л.: Наука, 1970. С. 199.

³¹Гоголь Н. В. В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. 1952. С. 369–409.

³²Подробнее о праздничных формах поведения молодежи см.: Бернштам Т. А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, 1988.

допускали достаточно вольное поведение и служили для завязывания каких-либо отношений, давали возможность продемонстрировать физические достоинства, материальный достаток, чувственность и сопровождалась хороводными песнями различными по эмоциональному настрою. По выводам Т. Бернштам «община разумно понимала признаки и свойства возраста молодежи: ей была предоставлена возможность в течение и игры – перехода – выплескивать избыток жизненной энергии, проявлять агрессивные (разрушительные) наклонности, пробовать брачные силы – словом, дозреть и избыть свою биологическую и социальную неопределенность»³³.

В сборнике отсутствует какая-либо прикрепленность хороводных песен к календарному обряду, но сохраняется их откровенная эротическая привлекательность, веселость, озорство, что очевидно и стало причиной их частого присутствия в сборнике. Традиция исполнения подобного рода песен в коллективе – посредством чередования исполнителей – имела зазывной «хороводный» характер: давала участникам действия либо от лица девушки, либо, соответственно, парня объявить о своих любовных чувствах и брачных намерениях. В песнях прославляется облик молодца (черные кудри, чернобровый, черноглазый), внешний облик (кафтан, камзол, белые чулки, сафьяновые башмаки, немецкий убор), провоцирующее поведение. Песня, показывая человека в движении, передает чувственную сторону взаимоотношений. Молодец нарочито прохаживается перед окнами девицы или по «бережку крутому», высказывая намерение «взять за себя». В описание традиционно символического плана проникают конкретные детали изменения внешнего облика молодца в соответствие с новомодными представлениями:

Голубой на нем кафтан,
Фалды машутся,
И гризетовый камзольчик
Раздувается!
Миткалинна рубашичка
Белеется,
На шейке платок,
Будто алой цветок,
Во кармане-то другой –
Итальянской голубой,
Во правой во руке
Трость серебрянная,
Во тросточке ленточка
Пукетовая [букетовая – Л. С.].
Он тросточкой подпирается,
Сам пукетовой лентой похваляется...
(л. 13)

---

³³Там же. С. 247.

Выражением чувств девицы становятся ее восхищение внешним обликом *добра молодца*, приглашение заходить, побег к «милому» «во высокий во терем» или более откровенное зазывание к себе, даже готовность нести «худу славушку», «погубить свою честность»:

Ах ты, миленькой, милой,
Пойдем в горницу со мной,
Э-э, хи, пойдем в горницу со мной!
Сядем вместе на кровать,
Начни меня целовать,
Э-э, хи, начни меня целовать.
(л. 104 об.)

Кодекс сложного поведения в молодежной культуре, где сочетались и прославлялись традиционные для общественного мнения скромность и достоинство для девушки – вместе с необходимостью игровой демонстрации темперамента и раскованности в роли «сударушки», а для молодого парня – острословие и ухарство, несколько небрежный характер обращения с «милой», щегольство (как умение наряжаться) соединялись с идущими в стиле поведения от некоего идеала верностью возлюбленной и готовностью исполнить ее желания³⁴, оказался востребованным в молодежной культуре города, с которой были связаны составители сборника. Среди плясовых песен три говорят об измене «милого», используя при этом откровенный символ тесовой кровати «на разлучном месте» (Например, «Ах ты Ванюшка, Ванюша...»). Женские горькие чувства от измены, будучи исполнены в общем хороводе, призваны были приоткрывать глубину женской печали, чем добивалось сочувствие участников хоровода к ее судьбе.

В сборнике переписаны песни, рисующие попытки молодой замужней женщины сохранить прежний тип веселого времяпровождения, что хотя и противоречило правилам семейной жизни, но передавало драматизм в необходимости соблюдения общинного кодекса поведения. Темы измены и ненависти к супругу, проникнув в плясовые песни, стала признаком грядущего сокрушения патриархальных правил. Сочетание веселого припева, традиционного для плясовых песен и драматического содержания, когда женское поведение, отрицающее обычай и граничащее с дерзостью, создавало новый облик женщины готовой постоять за себя («Мне моркотно³⁵, молоденьке...») и в то же время объятая страстью, с которой невозможно бороться. Живописное описание в плясовой песне рисует навязчивое состояние тоски и печали:

Чорт воз[ь]ми родню, соседей,
Вся деревня чинь огнём!
Ай-люли, ай-люли,

---

³⁴Там же, с. 98.

³⁵Моркотно – скучно, грустно.

Вся деревня чинь огнем!
Тут-то я, млада, рихнуся,
Совсем спячу я с ума...
(л. 84 об.– 85)

В одной из песен («Я вечер, млада во пиру была...») признание, что муж «горький пьяница», который «надо мной, младой, он ломается», сопровождается насмешливым ироническим «ответом» молодой жены:

У меня, младой,
В доме убрано,
Ложки вымыла,
Во щи вылила,
Порог вымыла,
В горох вылила,
Чашу вымыла,
В кашу вылила,
Косячки скребла,
Пирог пекла
(л. 86)

Смысл иронии состоит в том, что она «иносказательно раскрывает недостатки того, о чем (или о ком) говорят. Она представляет собой один из видов насмешки, и этим же определяется ее комизм. Тем что недостаток обозначается через противоположное ему достоинство, этот недостаток выделяется и подчеркивается»³⁶. При этом она знаменует собой чувство внутреннего освобождения от своей зависимости от ситуации, что свидетельствует об авторском превосходстве³⁷. В данном случае ирония освобождает героиню от безысходности в оценке своей судьбы.

Таким образом, плясовые песни, перестав быть частью календарного или семейного обряда в составе сборника приближаются к лирическим, описывая состояние безграничного веселья или тоски и насыщая рукопись энергией движения и силой чувства.

Примыкают к плясовым песни комические, пародийные, веселые, также отвечающие многогранному настрою сборника (шесть текстов). Насмешка над собой, всеобъемлющая ирония выделяют песню «Я в том острове родился...», рассказывающей о якобы печальной судьбе отца автора текста. Пародия на любовное переживание прослеживается в песнях, одна из которых использует прием смешения слов и форм из различных, а другая нарочито грубую лексику («Долго ль будешь куролесить ты, Хавронья, надо мной...»). В песне, пародирующей

---

³⁶Пропп. В. Я. Проблемы комизма и смеха. Второе изд. СПб.: «Алетейя», 1997. С. 158.

³⁷Понимание иронии не столько как стилистического приема, сколько как способа мировосприятия, состояния духа и способ мышления был предложен и в кн.: Muecke D. C. The Compass of Irony. London, 1969. P. 69.

немецкий акцент, смешливо рассказывающий и расставании некоего иноземца со своей возлюбленной Кристиной. Странные «макаронические» слова звучали комично и вызывали у исполнителей и слушателей веселье, основанное на фонетической игре:

Фуй! на сфете как мне крусна,
Мой Крестин талек пашол.
Мой Крестин пуль ошинь вкусна,
Всех мамзелей буля кроль.
(л. 101)

Под плясовую песню с припевом «Барыня...» развернуто повествование об обучении некой девицы грамоте («Отдана я пономарю / Обучаться букварю...»). Помимо формы плясовой песни здесь использованы старославянские названия букв, рифмование которых и бесшабашный тон образуют комический эффект. Для читателя в описании мог присутствовать скрытый эротический подтекст во взаимоотношениях девицы и пономаря Агафона.

Впрочем, хотя в стихии фольклорного искусства эротические мотивы нередки и продуцирующая функция фольклора хорошо известна, в этом сборнике таких текстов единицы. Сборник не обращается к песням с абстинентной лексикой, исключением стала песня «Полюбила молодчика дворянская дочка...», где используется сочетание «бестия-лакей», еще более подчеркивающая ловкость «молодчика», ставшего любовником дворянской дочери. Связь дворянки со слугой описывается в тоне озорства и превосходства лакея над своей барыней.

Воплощение мужских переживаний в фольклорных песнях

Особого внимания заслуживают песни, выражающие представления о судьбе, ее радостях, горестях, любовных переживаниях и драмах. Эта тематика представлена как в фольклорных вариантах, так и в книжных Их сравнение, которое ярко проявляется в результате проведенной систематизации материала, позволяет прийти к интересным, на наш взгляд, наблюдениям о сложной природе эмоционального мира человека, когда две культурные традиции начинают созвучно выстраивать общую мелодию, образуя симфонию чувств.

Своеобразен состав переписанных песен о мужских чувствах фольклорного генезиса. Их сравнительно немного (18 песен) и среди них только одна («Нынче был я на почтовом на дворе») рисует безмятежную картину счастливой любви³⁸, еще одна описывает любовь, которая «иссушила» и «рассыпала печаль по моим ясным очам», третья – сожаление о не полученном письме. Все остальные говорят о разлуке, смерти и горькой судьбе. Тексты насыщены яркими образами

---

³⁸Заметим попутно, что усиление эффекта в песне «Что не сам я к девице ходил...» используется заговорная формула: «Доброй молодец осенью ночь не спал, / Все душу, красну девицу, утешал, / Чтобы девица любила молодца / И любила бы, и жаловала, / И ни в чем бы не отказывала».

и трогающими за душу сожалениями о тяжелой доле и жизненных неудачах. Среди них выделяется песня «Ах житье мое, житье бедное!», поэтика и содержание которой вызывает в памяти демократические повести XVII в. («Азбука о голом и небогатом человеке» или «Повесть о Горе-злочастии»), в которых открывалась тяжкая доля разорившегося человека. Основное передаваемое чувство – горечь от беспредельной безысходности, доводящая человека вплоть до смерти. Образ Доли и Судьбы из упомянутых Повестей соотносится в песне более суровым образом «скуды» (предельной бедности) и герою предрекается смерть и похороны в скудельничьем доме, куда, начиная с XVI в. свозили безымянных покойников для их возможного опознания и хранили до «семика».

Куды ни поди – в скуде страх беды,
Как корабль в море, так-то я в горе,
Тот всегда в волнах, а я во слезах!
(л. 96)

В песне о неудавшемся браке «Нешастным детинка / на свет сей родился...» в песне появляется новый образ, свойственный времени, – «контора государева», которая и оказывается главной виновницей несчастной судьбы молодца. Так же героем несчастной судьбы оказывается «Доброй молодец, молодой матрос...», девица встречает его в необычном месте и за новым занятием

Как на матушке на Неве-реке,
На Васильевском славном острове,
Что у пристани корабельныя,
Молодой матрос корабли снастит...
(л. 73 об.)

Завершается песня необычно, влюбленной матрос после смерти девушки приходит к церкви и горько плачет, привлекая общие места из былинной поэзии:

Раступися ты, мать-сыра-земля,
И раскройся ты, гробова доска,
Развернися ты, золота парча,
Пробудися ты, красна девица!
(л. 74)

Мужская судьба в песне чаще имеет трагическую развязку, нежели женская, и отчаяние мужчины в текстах, в известной мере, безысходней. Он может оказаться в Преображенском приказе, куда попал по вине возлюбленной и ведут его на казнь по вине «красной девицы» («Ты змейка-скоропайка, змея лютая...») или убитым лежать в чистом поле «под ракиновым кустом» («Ах ты поле мое, поле чистое...») и оплакивают его мать, сестра и жена. В песне приводится тонкое наблюдение, что плач молодой жены подобен росе, но «взойдет солнышко – росу высушит».

Женские переживания фольклорной культуре

Число фольклорных песен любовного характера, исполняемых от имени женщины в сборнике больше, чем мужских (25 песен), но здесь проявляется своя специфика. Только в девяти песнях рассказывается о взаимной любви, доставляющей «радость и веселие». В круг признаков данных чувств входят не только поцелуи и ласки («целовать и миловать»), но и откровенный намек на сексуальные отношения, обозначаемые действием («быть со мной», «ночевать», «стелить постелю»), местом («спальня», «кровать»), символами («сладко вишенье щипала», «ломать виноградные листья», «гулять в зеленом саду») и т. п.

В ряде песен облик молодой девушки отличается заметно активным поведением, эффект от которого усиливается с упоминанием символа заточения женщины – терема («Как на горке, на горе...»). Традиционный образ «красной девицы» с пальцами в руках и готовностью «принести покорность» в сочетании с откровенными признанием о любви к «молотчику» создает впечатляющую *эмоциональную* динамику: от теремной замкнутости и покорного молчания – к смелому отстаиванию своего права на любовь. Решительность *молодки* в отношениях с *милым* впечатляет в песне «Молодка, молодка...». «Побранившись» с другом, она также решительно отвергает «покорность»:

Не знаю, как с другом помирит[ь]ся:
Самой покориться – не годится,
Людей засылаети – мне некстати,
Дождуся я, млада, темной ночи,
Что темной ночки осенней.
Сама к милому побываю...
(л. 46 об.–47)

Столь же нетрадиционно *девица-красавица* называет милого «во глаза» «негодным» и «разнегодным», вызывая просьбу о прощении и обещание: «Тебя стану больше прежнего любить». Привлекает создателей сборника готовность девушки сопротивляться «отцу-матери», не слушать «небылицы», то есть быть равнодушной к общественному мнению в отстаивании права на свою судьбу («Ах, как нынешние люди...»). В связи с темой судьбы в женских песнях появляется образ «чужой стороны», куда уезжает *миленок* «в незнамы города» («Ах, жаль-то мне милова, любезнова своево!..»):

Уезжает молодец в чужу дальну сторону,
А я, красна девица, буду плакать и тужить!
– Не плачь, не плачь, девица,
Не плачь, радость, жизнь моя!
Наплачешься, жизнь моя, как не будет и меня.
(л. 70)

Для выражения горьких чувств в песнях появляется «весточка», письмо, послание другу, которое пишется не чернилами, а «горючими слезами», тогда как сама героиня, по словам песни, теряет всякую привлекательность от горя:

Без тебя я здесь чуть жива хожу,
Я изсохла вся по тебе, мой свет,
Один остов лишь человеческой,
Только тень моя лишь шатается.
Я хожу, млада, запинаясь,
Говорю, млада, забываюсь,
Сна, питья, ества я лишаюсь,
Что с тобой, мой друг, разлучилась,
Все тебя к себе дожидаюсь,
А не будешь ты, я скончаюсь»
(л. 104)

Сочувствие к горьким трагическим переживаниям женщины поднимали эмоциональный статус личного чувства, утверждая частные переживания как важнейшую ценность в общественном бытии. В теме смерти от разлуки русская песня оказывается родственна книжному романсу, потому что ставит индивидуальное чувство выше родового долга, связанного с патриархальным укладом. Не отказывались составители, судя по всему, от исполнения старинной песни, где девушка горюет от разлуки с родными и «жалобу творит» на «заезжева добра молодца», который «хочет кинуть ее», завезя в «чужу дальнюю сторону» («Ты дубровушка моя...»).

В теме любви и выбора намечается угроза, исходящая от девушки, уйти в монастырь («Как за реченькой слободушка стоит...») из-за нежелания идти замуж за старого и недоверие к «пустым словам» молодца. В таком негативном развитии событий начинают проявляться первые ростки самостоятельности выбора брачных отношений и разочарование девушки воспринимаются как этап утверждения ее личности. В песне звучат и новые детали в описании внешности, соотносимые с поэтикой романса:

Ее личико, как
Беленькой снежок,
Щечки алы, ровно
Розовой цветок,
Брови черны,
Развеселыя глаза,
Речь умил[ь]на,
Политичныя слова
(л. 25)

Женские переживания в книжных романах

Книжные песни и романсы создают новый образ проявления женских любовных чувств. Для демонстрации женских переживаний в романсах (в ту пору тексты преимущественно сочиняются авторами-мужчинами, да и сам сборник очевидно составлялся в мужском коллективе) ищутся образные словесные эквиваленты, для воплощения женского идеала. Талантливые мужчины-стихотворцы формировали идеальный мир женских любовных чувств. Хотя вполне вероятно среди анонимных текстов могли быть женские тексты (есть косвенные сведения о создании песен императрицей Елизаветой Петровной, Екатериной II, певицей Е. С. Сандуновой). К сожалению, точное выявление таких авторов затруднено из-за анонимности текстов в сборниках.

В рукописном сборнике авторами стихов, написанных от женского имени, были И. Ф. Богданович, Н. П. Николев, А. Ф. Мерзляков, Ю. А. Нелединский-Мелецкий.

Женские чувства, передаваемые фольклорными текстами, были сосредоточены на стремлении к любовным отношениям, выборе возлюбленного и страданиям из-за измены и разлуки. В песнях книжного происхождения чаще рассказывается о взаимной любви, «когда миленький со мной», появляется и новое отношение с возлюбленным на основе равенства в силе чувств. Кроме произведений в жанре чувствительного романа, стилизованной фольклорной песни, сборник предлагает жанр лирического диалога, где взаимные признания в любви осложняются чувством уважения и доверительных отношений влюбленных. Песни становятся своего рода посланиями.

Девушка, тайно вздыхая о друге, отправляет послание возлюбленному, который должен разделять ее страдания и радости. Так обосновывает свое место в песенной лирике сентиментальное представление о ценности содружества и сочувствия, занявших важное место среди других личных чувств. Постоянными становятся обращения к любимому человеку: «Мой друг». Например, в наивном, но искреннем анонимном романсе от имени девушки поется:

Ах, сердце так ли ясно,
Так ясно ли во мне,
Стараюсь скрыть напрасно,
Что нет дружечка, нет при мне.//
Но я, наверно, знаю,
Дружечка нет при мне,
О нем я все вздыхаю,
Мой друг, вздыхаю о тебе!
(л. 119–119 об.)

Сентиментализм, открывший образованному обществу ценность естественного чувства отражается в жанре пасторали, тексты которых трогательно повествуют о свиданиях влюбленных на фоне сельских пейзажей. Герои пасторалей наслаждаются природой, законы которой дают свободу чувствам, в сентиментальном

мире гармония природы переливается в гармонию души, в гармонию отношений. Богатство этого мира, «злато и слава» – ничто по сравнению с любовью («Весела тогда бываю...»). При этом смелость женщины в любви начинает трактоваться не как недопустимое и греховное поведение, а как вполне приемлемое условие достижения счастья

За что прелестны лета
Мне в скуке провожать,
Бежать того предмета,
Что должно обожать?

Люблю и тем горжуся
Что сердце дам с рукой,
Греха я не боюся,
Коль щастлив будешь мной.
(л. 117 об.)

В составе сборника переписано произведение Н. М. Карамзина, утверждавшего чистоту и нежность деревенской любви, противостоящей городской переменной:

Гороцкой любви прременной
Не хочу я брать в пример
Любить нежно и быть верной
Деревенской наш манер.
Не прогневайся, пожалуй,
Что я дерзко говорю.
Я природы-то крестьянской
Без политики живу.
Я люблю друга милова
И в деревне, и в Москве.
Не забуду мила дружка
Ни въ яву я, ни во сне.
(л. 65 об. – 66)

Подлинной ценностью в жизни оказывается только любовь. Во имя любви женщина, по ее признанию, готова на самые большие жертвы. В том, как смело и парадоксально традиционная тема христианского самопожертвования и любви к Богу замещается жертвой возлюбленному и готовностью быть верной до смерти, проявляется важное качество культуры – возможность перекодировать прежние эмоции в иную интимно-личную сферу.

Тебе навеки посвятила
Я сердце, мысль и жизнь свою,
Душа твоя меня пленила,

Я жар к тебе мой не таю ...
Но если мне данного слова
Не пременишь ты никогда,
Я эту цепь носить готова
И быть хочу твоей всегда!..
Тебя любить и верной быть,
Я тщилась клятву сохранить.
(л. 40)

«Воздыхать» об отсутствии друга и «мучиться» становится высшим проявлением любви:

Ты скажи, как я страдаю,
Как я мучуся по нем,
Говорю – сама рыдаю,
Слезы катятся ручьем.
(л. 116 об.–117)

Новый герой любовных отношений ведет себя иначе, чем «молодец» фольклорной традиции. Почти не приводится описание его внешности, зато он проливает «реку слез», мечет «нежны взоры», усиленно вздыхает и требует сочувствия («Я в 15 лет узнала...»). Описание любовных страданий перерастает в описание страстей, приобретающих эпитет «жестокие». Красота внешняя заменяется внутренним чувством, причем его сила и даже неистовство «жесткость» страстей становятся главными в привлекательности партнера. Женщина начинает трактоваться как «владычица» мужской судьбы, заставляя страдать мужчину – проявляя «нежну власть».

Любовные переживания становятся зеркальными. Авторы стараются обнажить открытость и смелость женской любви, но это не «отвага» общего фольклорного хоровода, где все заедино, а импульс индивидуального чувства, известная решимость при интимном свидании. Подобного рода картины были истинным откровением для русского песенного творчества:

Того бы веселила,
Кто тужит обо мне,
С тем скуку бы делила,
Кто мил и дорог мне.
Он стал бы меня, нежа,
Ласкать и целовать,
Я б ласки ему те же
Старалась повторять
(л. 38)

В сборнике раскрывается идея самодостаточной привлекательности любви, даже если она заканчивается смертью. Поэтизация смерти от любви давно уже часто встречающийся топос русской лирики.

Знай, что вечно ты пребудешь
В сердце, нежном для тебя,
Хоть моим ты и не будешь,
Но умру, тебя любя! //
Скажешь ты: «Она достойна
Жертвы той, чтоб я любил,
Без меня б была покойна,
Я навек ее сгубил».
(л. 24–24 об.)

Любовь без взаимности, любовь тайная приобретает особую поэтичность, становясь признаком глубины и тонкости души как мужчины, так и женщины:

Что есть на свете злее
Несклонного любить?
И тем, кто всех милее,
Век видимой не быть.
(л. 118)

Но женщина не только сама признает верность в любви на всю жизнь, но и требует ответного чувства от возлюбленного:

Естли ты любить умеешь,
Не забудешь ты меня,
Естли чувства ты имеешь,
Будешь верен мне всегда.
Все я горести имею
От любви и от тебя,
Но о том не пожалею,
Лишь люби и ты меня!
(л. 24–24 об.)

В песнях возникает демонический образ возлюбленного «Ловеласа», популярнейшего тогда персонажа соблазнителя романа Сэмюэла Ричардсона «Кларисса, или история молодой леди» Гарлоу» и упоминаемый вкратце Ловлас в «Евгении Онегине» А. С. Пушкина. Насмешка над подлинным чувством, жестокость и «хладность» любовника вызывает особое страдание героини в романсе:

Веселись, что я тобою
Вечно ввержена в напасть.

Смейся, смейся надо мною,
Ты, презревши нежну страсть!
Естьли б ведал ты, жестокой,
Как я мучусь без тебя,
Ты давно бы путь далекой
Совершил, меня любя!
(л. 106–106 об.)

Образ, который иронически обыгрывал Пушкиным в письме Татьяны Лариной, поместившей Онегина между двумя полярными определениями «коварный искуситель» и «ангел-хранитель», в романсах необходим для определенного обобщения отношений. Выраженные с некоторой излишней прямоотой, они свидетельствуют о стремлении понять женские ощущения, и вынести жестокий приговор мужчинам, сделав первый шаг к независимости женского мира чувств:

О, жестокие мущины,
Для чего мы любим вас?
Совсем часто, без причины
Вы – убийцы бедных нас!
(л. 43 об.)

В многообразии женских чувств, отмеченных новым временем, надо выделить и желание женщины сохранить достоинство и отомстить «ехидному» своей холодностью, преодолеть любовь к «тирану» и стать счастливой:

Но к чему мои все жалобы?
Ты не стоишь их, бессовестной,
Я забыть тебя решилася,
Не хочу любить ехидного!
Разочтемся теперь чувствами:
Мне отдай свое спокойствие,
От меня ж возьми тоску мою!
Пусть тиранства черной горести
Потемнят твои веселы дни
И растопят сердце каменно,
А я в радостях, щастливая,
Позабуду злость твою навек.
(л. 101)

Завершая картину состояния эмоционального мира, связанного с женскими переживаниями в данном сборнике, отметим предвестие нового типа женского поведения, утверждающего радость жизни вне зависимости от страданий и драматических переживаний от несчастной любви:

Я с тем на свет родилась,
Чтоб век в свободе жить,
Тобой я не пленилась
И не хочу любить!

...

Не мучься ты напрасно,
Никем я не пленюсь,
Никем не буду страстна,
Свободой веселюсь!
(л. 115)

Мужские переживания в книжной поэзии

Качественные изменения в первых десятилетиях XIX в. происходят в представлении о мужском эмоциональном мире. Из фольклорной культуры в сборник привнесены песни военные, казачьи, комические, утверждавшие традиционные маскулинные качества: удалство, храбрость, верность воинскому долгу, озорство. Из народных представлений в сборнике фиксировались драматические сожаления о несчастной доле, смерти, бедности, преследовании и тюремном заключении. Характеристика мужской натуры, мужских чувств принципиально меняется в новой галантной культуре XVIII в., и в начале XIX в. расширилась и заиграла новыми словесными красками эмоционально-чувственная сфера культуры. Переписанные в сборнике тексты песенно-романных жанров рисовали другой тип мужчин и раскрывали новые грани любовных чувств, соединяя описания радостных и печальных страниц любовных отношений. Книжные песни и романсы расширяли выраженные эмоций, рисуя образы галантных кавалеров, верных чувствительных мужчин, разочарованных любовников.

Любовь, а не брак обретают очертания наслаждения. Страдание становится своего рода показателем души, но не относительно веры, а в личном переживании. Любовь в несчастье трактуется как проверка подлинности чувства:

Ни разлука, ни дверь гроба
Страсть не могут погасить,
Хоть несчастливы мы оба,
Но умеем мы любить
(л. 119 об.)

В поэтических опытах Ю. А. Неледицкого-Мелецкого чувство любви сопоставимо со смертью, и лирический герой в прямом обращении к возлюбленной верность трактует как жертву, которую не в силах прервать даже смерть. Заголовок к тексту в рукописи гласит: «Любовь живет»:

...От меня ты примешь жертву
И в сем мире и в другом

Тень моя всегда с тобою
Неотступно будет жить.
(л. 118)

Страдания влюбленного раскрываются в романсе М. М. Хераскова. Выразительно рисуется состояние души и внешнее выражение эмоций, которое от тоски вырастает до отчаяния. Заканчивается по-житейски мудро: герой ждет терзаний только для себя³⁹:

Сердце ноет, дух томится,
Кровь то стынет, то кипит,
За слезой слеза катится,
Стон за стоном вслед летит.

О несносное мученье,
Что любезно, то терять,
Медли, медли, разлученье,
Медли душу отнимать!

Нет отрады, все теряю,
Час разлуки настает,
Стражду, мучусь, рвусь, рыдаю,
Ах, прости, прости, мой свет,

Во слезах, тоске и скуке
Продолжится жизнь моя.
Будь спокойна ты в разлуке,
Пусть один терзаюсь я.
(л. 118)

Из многочисленных песен А. Ф. Мерзлякова составители выбирают тексты, говорящие о душевном благородстве влюбленного, готового ради возлюбленной на самые жестокие страдания («В чем я винен пред тобою...»). Любовь характеризуется как роковая неизбежность, и здесь уже женщина описывается как жестокая «тиранка», которую любят вопреки всему. Таким образом, любовь отдаляется от реальной женщины, становится самодовлеющим чувством, сопрягается со страданием и составляет суть жизни мужчины вплоть до смерти:

---

³⁹В этом выходе за пределы собственных страданий открывается перспектива будущего благородного самоотречения Пушкина, выраженного в строке «Как дай вам Бог любимой быть другим», чувства, обновленного затем в стихах Бродского, Пригова, Сосноры и др. См.: Платт Джонатан. Отвергнутые приглашения к каменным объятиям: Пушкин – Бродский – Жолковский. Авторизованный перевод с англ.: Е. Канишевой / НЛО, 2004. – № 67. Эл. ресурс: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67>

Сила страсти – рока сила,
Можно ль ей противостоять?
Так судьба уже судила:
Мне, узнав тебя, страдать. /

...

Вот страдальца награжденье,
Естьли можешь – отнимай!
Вот мое все преступленье,
Будь тиранкою – отмщай!

Позабудь меня жестока,
Запрети себя видать,
Но какая силы рока
Запретят мне обожать?

Чувство сладостно, отраднo –
Существо души моей,
Под землю, разве, хладной
Ты погаснешь вместе с ней.
(л. 30–30 об.)

Идею предопределенности страданий А. Ф. Мерзляков продолжит в романсе «Кому страдать, крушиться...». В трогательных словах высказана мысль, что печаль порождается состоянием души и причины страданий не только неразделенная любовь. Горечь вызывается тем, что лирический герой отличается простотой и наивностью, искренними чувствами, а вокруг лицемерие и игра. У Мерзлякова появится ощущение предательства окружающего мира, которые выразятся в чувстве разочарования в литературе XIX в. Но автор не видит для себя иного пути, холодность означает смерть, тогда как любовь и представляется жизнью, даже когда приходится «жить тоской»:

Кому страдать, крушиться
Назначено суд[ь]бой,
Тот должен в свет родит[ь]ся
С чувствительной душой.

...

Дыша любезном чувством,
Друзьями всех зовешь,
Но все друзья искусством,
А ты – простяк слывешь.

...

Я сердцем – там притворство,
Я плачу – тамо смех,

Измены, вероломства –
Игрушкой будь у всех.

...

Холодность – дар ничтожной,
До смерти мертвым быть,
Страдать хоть гор[ь]ко можно,
Неможно не любить!

...

Здесь друга положите,
Здесь я тоскою жил,
На гробе надпишите:
«Нешастный, он любил».
(л. 49 об.–50 об.)

В очень популярном романсе И. И. Дмитриева «Тише, ласточка болтлива!..» главное чувство, которое герой чувствует в своей душе и в природе – чувство тоски, с которой он готов встречать каждый день. С ним согласен князь П. С. Гагарин в романсе «Я доволен был судьбою...», без своей «дорогой» ему ненавистна сама жизнь, он на все «смотрит с тоской», и в его душе «живет грусть». В не менее популярном романсе И. И. Дмитриева «Голубочек сизокрылый...» стенания голубка о смерти голубки сопоставляются с переживаниями лирического героя о любви к «жестокой». В романсах вырабатывается своя система образов, воплощающая иные представления о типе чувств и характере поведения влюбленного мужчины. Например, романсу на стихотворение А. В. Аргамакова «Песня» «Все покоится в природе...» присущ следующий набор сентиментально-романтических образов: «тяжкий стон», который разносит ветер, «буря сердца», «мрачная душа», «скорбная душа», «жестокая грусть», от переживаний «слезы градом катятся из глаз». Все влечет героя «в хладный гроб», но и в «тоске» герой находит «сладость».

Упреки судьбе сведены к упрекам возлюбленной в романсе Д. И. Вельяшева-Волынцева «Здесь, под тенью дров ветвистых...». «Злобная измена» героини приведет к смерти героя, но только тогда «грусть в душе твоей вселится», «скорбь на гроб мой приведет», как надеется лирический герой. Постоянное обращение к смерти, надежда на раскаяние и возвращение любви, хотя бы в ином мире, становится общим местом для поэзии.

Так в анонимном романсе «Как скоро я тебя узнал...» герой с пафосом восклицает: «О, небо, грянь, рази меня / Карай, судьба, умру, стенья», но этот героический возглас относится всего лишь к ситуации, когда «любезную» нельзя назвать своей. А в одном из вариантов романса «Винят меня в народе...» герой готов возненавидеть весь мир, чтобы «дышать» кроткой возлюбленной. В своей любви он готов отдать ей «Жизнь, душу и себя» и даже умереть «ее любя»

Тема простоты и искренности в романсе М. Н. Карамзина «Кто мог любить так страстно...» разрешается введением образа человека незнатного и простого,

---

способного на страстную, но скрытую любовь, обладающего нежной и страдающей душой. Именно такого Молчалина будет представлять себе Софья, противопоставляя его говорливому, открытому Чацкому в комедии А. С. Грибоедова.

Не знатен я, не славен,
За что меня любить?
Не весел, не забавен,
Могу ль кого прельстить?

Простое сердца чувство
Для света – ничего,
Там надобно искусство,
А я не знал его.

Искусство величаться,
Искусство ловким быть,
Умнее всех казаться,
Приятно говорить...
(л. 21–22)

Руссоистская тема в литературе того времени была притягательна для русского читателя. В анонимном романсе «Я счастлив, счастлив, конечно...» проявляется идущее от французского писателя представление о мимолетности и изменчивости счастья, утверждается, что счастье «живет» в самом человеке, и «Тот лишь радостей не знает, / За честию кто вслед идет...» (л. 125). В другом тексте напрямую говорится «Презираю я богатства, / Злато, пышность, / Блеск пустой!» (л. 86). Автор противопоставляет единению с своей «драгой» власть, покой мудреца, богатство и развлечения. И даже военные успехи и слава нужны только для того, чтобы принести «в дар» возлюбленной. Приоритет частной жизни и прославление любимых глаз вместо «кровью купленного» лаврового венка и власти над народом утверждает П. С. Гагарин в романсе «Лирой громкою иные...» (л. 115).

Отдал дань чувству печали И. А. Крылов, в «песенке» под заголовком «Отъезд». Память о моменте разлуки подвергается глорификации, становится причиной горьких и сладостных переживаний. Выражение Крылова «А ты, мой друг, кто знает, / Ты вспомнишь ли меня?» обретает плоть в окружении атрибутики: слезы, мучение, утешение, расставание с возлюбленной как прощание с душой. Найденный Крыловым контекст получит продолжение в трагических стихах Ф. Тютчева, посвященных памяти о смерти Денисьевой (1864)⁴⁰.

---

⁴⁰Найденный трогательный мотив получит продолжение в трагических стихах Ф. И. Тютчева, посвященных памяти о смерти Е. А. Денисьевой (1864): Вот бреду я вдоль большой дороги / В тихом свете гаснущего дня... / Тяжело мне, замирают ноги... / Друг мой милый, видишь ли меня?

Расставшись с тобою,
Расстанусь я с душою,
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?

...

Пусть за меня в разлуке
Она напомнит муки,
А ты, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?

Ах, вспомни все мученье
И это разлученье,
Мой друг, мой друг, кто знает,
Ты вспомнишь ли меня?
(л. 117)

По сути, в книжных романсах происходит становление языка для выражения двойственности сентиментально-романтической страстной любви как в ее драматической ипостаси, сопровождаемой чувствами тоски и желания смерти, так и утверждения радостей счастливой любви. В анонимном романсе с пространным названием «Московское времяпровождения влюбленных» поется о взаимной страсти и подробно описывается развлечения летом (скачки, гулянье, воксал), мрачной осенью (карты, театр), зимой (бег в санях, маскарад). И все хорошо, если рядом «миленушка». В анонимной песне «Теките, струйки, пеньтесь...» лирический герой наслаждается жизнью, отказываясь от тоски («несите прочь тоску»), имеет только одно желание – «милой угодить» (л. 97).

В анонимных романсах рассматриваются границы дозволенного в поэзии при показе интимных отошений. Сексуальные утехы признаются достойными поэтического воплощения, и детали раскрывают тайные желания. В вышеназванном романсе герой осмеливается «корсет свободить», «млеет, воздыхает», «не знаю, что начать / Боюсь и желаю, не знаю, что сказать» и, наконец, «со вольностью резвлюся, / Потом себя забыл» (л. 97)

Столь же откровенно описывается взаимная страсть в анонимном романсе «Уговор мы положили». Ничто не мешает исполнению «желанья» мужчины, «драгая» не требует от него «слез и воздыханий» и, наконец, признание:

Мы час от часу вольнее
В темноте стали играть,
Стали друг другу милее,
Что ж еще мне вам сказать...
(л. 39–39 об.)

В романсе «Звезда первая взошла...» женщина оказывается «в объятьях» любовника, они сначала встречаются нежными взглядами, а следом

Страстно оба мы взираем,
Оба-оба жаром таем,
Ах, любовь, любовь, любовь!»
(л. 35 об.)

Описание близости влюбленных в романсе происходит с обращением к общепринятым приемам – образу бога любви и метафоре любовного огня:

Тут Амур к нам прилетел,
Он сердца взаимны зрел,
Вмиг обоих съединяет,
Огонь в обоих распалает
Уже оба мы одно
(л. 36)

Страстная любовь сопровождается чувством ревности, в состав сборника входит романс «Ты дивишься, что ревную» с описанием мук ревности. Присваивая единственному себе право ревности, лирический герой объясняет это силой чувства, не сопоставимого с женской любовью. И при этом эгоистично требует от возлюбленной, чтобы она «дышала б только мной, / И тогда-то лишь бы ревность / Я из сердца истребил» (л. 122).

В книжной песенной культуре предпушкинской эпохи происходит создание не только языка, но и новой модели поведения мужчины в любовных отношениях. Ярко выраженная маскулинность фольклорного характера сменяется чувствительным любовником с печальным взглядом, ждущим страстной и искренней любви, не скрывающего своих слез от измены или невозможности воссоединения с любимой. Став классическим в романе И.-Ф. Гете «Страдания юного Вертера» (1774), образ со временем превращается в стереотип, пройдя этап массовой культуры в песенном романсовом творчестве.

Сопrotивление стереотипу обнажится, начиная с 1820-х годов в русской литературе, создав конфликт нормированного и ненормированного поведения, например, в комедии Грибоедова «Горе от ума» и «Евгении Онегине» Пушкина.

Театральные песни в составе сборника

В песнях книжного происхождения главной также остается любовная тематика. Но, помимо этого присутствуют и песни, заимствованные из театральных спектаклей (мы определили не менее шести музыкальных спектаклей) и литературных произведений. С театром была связана очень объемная и важная часть русской словесной культуры. К концу XVIII в. театр прочно вошел в быт не только дворянства, но и городских средних слоев населения, а также помещичьих имений, ставивших спектакли с использованием крепостных актеров. Особенностью театра того времени было соединение в спектаклях драматического действия, музыкальных арий и танца. Через многочисленные арии, которые составляли

существенную часть спектаклей в обыденную жизнь входили переживания, манера объяснений между влюбленными, по которым выстраивалась модель эмоционально-чувственного переживания. Выходя из театра, зритель уносил с собой тип чувств, который затем обязательно стремился воспроизвести в жизни. Театр начинает диктовать моду в важнейшей части человеческого бытия – мире эмоций. Совсем неслучайно одним из проявлений будет особая любовь к актрисам и актерам, свойственная культуре начала XIX в.

Именно о такой любви повествует дневник Андрея Ивановича Тургенева (1781–1803), одаренного поэта, но трагически, как показывает исследование А. Зорина, не сумевшего соотнести реальную жизнь и свою личность с литературно-умозрительными концептами, на которых был воспитан⁴¹. Его страсть к актрисе Елизавете Сандуновой была вызвана ее удивительным актерским талантом, кроме того она была знаменита исполнением народных песен и романсов.

Из театральных спектаклей преимущественно заимствуются песни шуточные, комические, танцевальные – такие как ария из оперы Я. Б. Княжнина «Сбитенщик» «Щастье строит все на свете, Без него худо с умом...» (л. 79). Назначение комических опер состояло в жизнеутверждающем пафосе показа серьезных социальных проблем, что привлекало составителей сборника.

В сборнике только в одном случае правильно указана опера на либретто Н. С. Краснопольского «Днепровская русалка» (1803), из которой позаимствована песня «Полноте вздорить, Начните плясать...»⁴². К «Русалке» ошибочно отнесены несколько других песен. Кроме театральных спектаклей источником текста становились литературные произведения. Проник в сборник тоскливый романс из произведения Н. М. Карамзина «Остров Борнгольм», повествующий о запретной любви. Из романа Матвея Комарова «История мошенника Ваньки Каина» переписывается острая и поэтому привлекательная песня картежников:

Бес проклятой
Дело нам затеял,
Мысль картежну
В мысли наши всеял.
(л. 47)

---

⁴¹Зорин А. Л. Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. – 568 с.: ил.

⁴²Эта опера имела сложную судьбу, изначально она была создана в Германии Ф. Кауэром по пьесе К. Ф. Генслера «Дунайская нимфа». В России музыка оперы на этот сюжет писалась неоднократно и арии из нее были настолько популярны, что ироническое упоминание об одной из них «Приди в чертог ко мне золотой!..» есть в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин». (См.: Лаптева Е. Р. Русалочья тема в интерпретации А. С. Даргомыжского: опыт создания либретто // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 187–189.

Памятуя, что зачастую указание «театральная» не соответствует действительности, других упоминаний каких-либо спектаклей, кроме «Русалки» нет, а часть упоминаний ошибочны, в романсе же из произведения Н. М. Карамзина остров Борнгольм называется «О, Воргольном...» (л. 20 об.) можно предположить, что вряд ли составители были частыми посетителями указанных спектаклей или читали повесть Карамзина с ее романтическими недоговоренностями.

Песенники в известной мере, заменяли широкой публике в начале XIX в. сборники стихов, спектакли и литературные произведения, извлекая из них самое значимое. Музыкальный вокал в сочетании с доступными пониманию текстами формировали культуру чувственного самовыражения, подготавливая к восприятию более сложных литературных феноменов. К театральным песням примыкают легкие и игривые песни-поздравления, сочиненные к дням рождения, которые должны были украсить семейные праздники, придав им театральность, сделать день ангела значимым событием.

Заключение

Своеобразие рукописного сборника идентично своеобразию времени. Удачно это качество определил В. В. Кожин, который писал, что осваивая мировую культуру русская культура выявляла и сознавала на ее фоне свои самобытные цели и ценности, для чего необходимо было *соизмерить* свое и общечеловеческое. «Язык» русской культуры сближался с «языками» других великих культур. <...> Для этого необходимо было с конца XVIII в. до Пушкина в русской лирике осуществляется двуединый процесс национального самосознания и истинного взаимодействия мировой поэтической культурой. Тогда же совершается и чрезвычайно существенное для лирической поэзии становление всецело самостоятельной личности»⁴³.

Составители сборника, создают сложную картину эмоций, соединяющую, казалось бы, различные по генезису и образного проявления в стихотворно-музыкальной культуре чувства. Но именно эта сложность придает русской лирической поэзии, где слово оказывается на первом месте⁴⁴, внутреннюю энергию дальнейшего развития. Авторы не дают преимущества какому-либо одному аспекту личностных качеств, соединяя геройское поведение, верность родовому миру, государственный патриотизм с трогательными интимными переживаниями сентиментально-романтического свойства. И активная форма воплощения в песенной культуре позволила стремительно освоить эмоциональную сферу в ее многогранных проявлениях, формируя тем самым основу для восприятия классической поэзии XIX в.

---

⁴³Кожин В. В. Книга о русской лирической поэзии XIX века: Развитие стиля и жанра. М.: Современник, 1978. С. 31–32.

⁴⁴Там же. С. 10

Материалы сборника, включая само расположение песен внутри рукописи, свидетельствуют, что представления о существенной разнице в сознании русского человека лирических текстов, созданных в фольклорной традиции или появившихся в книжной поэзии, для исполнителя имеют равновеликий статус. Подобного рода сборники представляются бесценным материалом для истории эмоций.

FOLKLORIC AND SECULAR EUROPEAN TRADITIONS
ON THE RUSSIAN FEELINGS MAP
AT THE BEGINNING OF THE 19TH CENTURY

Lyrical collections spread widely in Russian literary culture between the late 1600s and the early 1800s, mapping a wide spectrum of human feelings and emotions. Folk lyrics often coexisted with literary verses in such collections. The authors of the present work are interested in the feelings and imagery characteristic of (Western) European literary traditions, where the dramatic peripeteias of a private destiny and the detailed mapping of human emotions had been an important part of reader interests from as early as the 13th and 14th centuries. During the long 18th century, the songs under consideration here were republished more than 30 times. However, their circulation was relatively small: there were not enough printed editions for the vast readership, and thus demand for hand-copied manuscripts continued. In the first third of the 19th century, these copies spread widely among the middle and lower classes.

The collection of hand-copied lyrical texts presented in this edition comes from the Rare Books Collection of the Sverdlovsk Regional Universal Scientific Library named after V. G. Belinskiy (N375380). It can be dated between 1814 and 1820, and contains three distinct scripts. The overall look and composition of the collection are indicative of its ownership: it was most likely composed and copied in a close circle of friends with military experience. This type of collection served as a catalyser for the spread of secular culture, forming new types of communicability and emotional etiquette.

Interestingly, the usual suspects in mapping emotional culture of the period – private diaries and manuscript ‘albums’ – were created by the nobility, so a hand-copied collection bearing witness to the range of feelings and emotions of a more democratic social circle is a unique source with almost no analogue in other types of documents from the epoch.

The texts in the collection are divided almost equally between folklore and more refined literary genres: 103 are folk and 160 as literary. The authors of the literary texts are never mentioned, although there were quite a few of them (we have identified 26 individuals). This was common for manuscript and printed song collections of the time. Among the folk texts, there are no ritual songs or spiritual poetry: dance or comic songs are in abundance, as well as female love songs and male songs about fate, military life, Cossacks, and prison.

Among the literary verses (both authored and anonymous), there are victory hymns, patriotic anthems, and theatrical songs; however, love songs and romances clearly dominate. While studying the emotional and sensual map of the collection, we have considered not only the social and cultural genesis of the mapped feelings,

but also the aspect of gender. The study identifies the most widespread types of folk personages whose feelings are mapped in the songs. Among the male characters, one can find a king, a military chief, a soldier, a Cossack, a sailor, an office servant, and a destitute detinka (adolescent). Female characters are depicted mostly in terms their family roles: a newly-married molodka, a wife, a daughter, and a daughter-in-law. In the literary songs devoted to romantic relationships, one finds, among other theatre-related roles, a shepherd, a shepherdess, and a sensitive girl awaiting her love.

Thematic distribution of the songs in the collection*

Theme of the song	Folk	Literary		Total
		Authored	Anonymous	
Historical	1			1
Russian army songs	5	–	–	5
Military and patriotic	4	3	3	10
Cossack	8	–	–	8
Dance songs	35	–	–	35
Comic songs	7	–	–	7
Fate (male)	7	–	–	7
Love songs (sung by a man)	11	26	44	81
Love songs (sung by a woman)	25	9	39	73
On the feeling of love	–	3	2	5
Theatre and literary	–	12	–	12
Pastorals	–	1	7	8
Dialogic songs	–	–	6	6
Inaugural songs		1	3	4
Mason	–		1	1
Total	103	55	105	263

*The table does not account for the songs only mentioned by their name in the collection.

The table shows the predominance of love songs sung by women; however, the male first person perspective dominates the literary romances (both authored and anonymous).

Military folk songs tell of the difficult fates of soldiers. The defence of the Fatherland is shown in patriarchal terms, describing the protection of the family

---

tribe: the tsar is called 'Father', and the tsarina 'Mother'. Dramatic reflections on military life accompany ironic mockery of talentless generals. Indignation and mockery are also present in songs about Napoleon's campaign. One of them copies the form and style of an epic song, praising the Russian tsar as an eagle while pejoratively presenting Bonaparte as a 'Corsican cock' and a 'battered owl': the authors thus seem to be trying to overcome the fear of defeat through satirical attacks. Attitudes and feelings related to the theme of 'freedom' and disobedience to the sovereign are not left without attention. In the song about the killing of the 'messenger of the tsar' Karamyshev, the Cossacks feel neither regret nor remorse, for which the emperor promises to 'gift' the Cossacks with gallows.

As many as 35 dance songs were copied into the collection; this ratio is consistent with the important role of 'games' among the younger members of peasant communities. The tradition of performing this kind of song in a collective fashion and with alternations between the performers had the function of luring more participants into the 'dance circle' (horovod). Such a style gave the performer, whether male or female, the right to declare their feelings of love and even their marriage intentions. Particularly noteworthy are songs that express ideas connected to fate: its joys, sorrows, and dramas. This topic is present both in the folk and literary verses; comparing the two allows us to see the complex nature of a human emotional world where two cultural traditions are beginning to intertwine into a common melody, creating a symphony of the senses.

The texts are filled with bright imagery and touching remorse for one's tough luck and tumultuous life. The main feeling communicated in this type of song is the bitterness of the infinite despair that drives a human being to death. In the songs, a man's fate, more frequently than that of a woman's, has a tragic ending, thus meaning that their despair is depicted more deeply.

The theme of resistance to patriarchy clearly attracted the creators of the collection; the motif begins to appear in the women's songs. Sympathy for the bitter and often tragic experiences of women is metonymically elevated to the status of a personal feeling, thus claiming that their personal emotions had value. The topic of death from separation allows these Russian songs to approximate literary romances: it puts individual feeling above the family duty associated with the patriarchal mode of living. The theme of love can also be found among songs with a literary origin. Beyond that, there are songs from theatrical performances (not less than six various musical performances) and literary works. By the end of the 18th century, the theatre had become very familiar not only to the nobility, but also to the urban middle class. Through the multiple theatre arias that constitute a significant part of the performances, many new feelings and emotions, as well as new modes of explaining oneself, penetrated common life: the new poetics and its verbal embodiment helped to create a fuller map of human emotional and sensual experience.

To demonstrate women's feelings in the romances, notions of the 'ideal' and its metaphors dominate the poetics. In the presented collection, the authors of

the female songs were actually men, such as Dmitriev, Bogdanovich, Merzliakov, and Neledinsky-Meletsky. Talented male poets habitually formed an 'ideal' world of female romantic feelings. It is highly possible, however, that there are some texts created by women in the collection. There is sufficient data to suggest that women like Empress Elizabeth Petrovna, Catherine II, the singer E. Sandunova and the wife of the poet Neledinsky-Meletsky wrote songs themselves: therefore, it is not beyond the realm of possibility that other women might have done so anonymously.

As communicated through folkloric texts, women's feelings were usually focused on expressing readiness for love, the search for love, and suffering from infidelity or separation. In the songs of a literary origin, mutual love appears more frequently; the reader sees a new parity in relationships, one based on the equality of the strength of both male and female feelings. Apart from sensual romantic texts and stylised folk songs, the collection takes the form of a dialogic genre, where mutual love confessions are deepened by feelings of respect and trust between lovers. The songs become messages that explain the sentimental value of friendship and empathy in romantic relationships: these two notions begin to occupy an important place on the map of individual feelings. Sentimentalism discovered the value of 'natural' feelings for educated society. This idea was reflected in the genre of pastoral songs, which wistfully tell of meetings between lovers in the midst of natural scenery. The heroes of such pastorals enjoy nature, the laws of which give them freedom and legitimise their own feelings: in the sentimental world, the harmony of nature flows over into the harmony of souls and relationships.

The new hero of such romantic relationships differs from the 'molodets', the hero in the folkloric tradition. His appearance is no longer worthy of mention: instead, we are told that he sheds 'a river of tears', 'throws tender glances', sighs mightily, and demands compassion. The description of suffering from love grows into a description of the passions, to which the epithet 'cruel' is often applied. Outer beauty and courage give way to inner feelings: the ability to have strong passions becomes a leading element in mutual attraction, while the woman is interpreted as 'the owner' of a man's fate.

Feelings of love start to mirror each other in gender terms: the authors tried to introduce the same openness and boldness into a woman's love that were typically thought to characterise that of a man. Unrequited love and secret love gain additional poetic attractiveness and become signs of the depth and fineness of the souls of both women and men. However, a woman who swears fidelity in love demands mutual feelings from her beloved. We see the appearance of the demonic image of the lover in some of the songs.

Summarising the analysis of the diversity of women's feelings in the new epoch, it is necessary to highlight women's desire to preserve their dignity, to revenge themselves on a 'spiteful' partner with coldness, to overcome love of a 'tyrant', and to be happy.

The first decades of the 19th century saw a qualitative change in men's emotional map. The manuscript collection contains folk songs that affirm the characteristics of traditional masculinity: boldness, bravery, submission to military duty, and mischief, accompanied with cries against unlucky fate. Literary songs and romances significantly widened in terms of the variety of expressed emotions, presenting images of gallant cavaliers, sensitive men, and disappointed lovers: all of these were new with regards to the national tradition.

The literary romances see the formation of a new language for the duality of the sentimental and romantic passions. They are accompanied by a sense of longing and a desire for death, but also contain happy elements, such as approval for the joy of blissful love. In the literary song culture of the pre-Pushkin era, one can witness the creation not just of a new language, but also of a new model of behaviour for men and women in romantic relationships. The pronounced masculinity inherent in folklore is replaced by gloomy sensitivity, a lover who desires passion and sincerity, and who does not hide his tears when he is betrayed or is unable to reunite with his beloved. The search for a new language to describe and map feelings dominates the romance genre; the compilers of this collection paid more attention to men's feelings and experiences, seemingly ridding themselves of the previous restraint that the folkloric tradition put on the description of male suffering while also compensating for the lack of diversity in the verbal manifestations of love in masculine culture.

Larisa Soboleva

ПѢСНЯ.

Волосье, волосье
1 Волосье, зеленые лузья!
2 Выросла выросла
3 Выросла трава шелковая
4 Разцвѣли, разцвѣли,
5 Разцвѣли цветы альбервыи

Съ той травы съ той травы,
1 Ия съ той травы выкормлю коня,
2 Выкормлю, выкормлю
3 И я выкормлю выглажу его,
4 Побѣду побѣду,
5 Побѣду я коня къ батюшкѣ

Батюшка батюшка
1 Ахъ ты батюшка, родимой мой
2 Ты прими, ты прими,
3 Ты прими слово ласковое
4 Не отдай, не отдай,
5 Не отдай меня за старова за ружь

Старова, старова
1 Ия старо насмерть не люблю
2 Со старымъ со старымъ
3 Со старымъ гулять не пойдю
4 Ты отдай меня за ровню
5 А я съ ровню глять пойдю

ПРИЛОЖЕНИЕ

ИМЕННОЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аблѣсимов Александр Онисимович (1742–1783) – русский драматург, автор сатирической музыкальной оперы «Мельник – колдун, обманщик и сват» (1779), арии и песни из которой на музыку М. М. Соколовского входили в репертуар престоляродья.

Авдѣтя – народный вариант женского церковного имени Евдокия греческого происхождения. С XVIII в. получило распространение среди низших слоев населения Производные формы: Доня, Дуня, Дуся и т. д.

Азѡв – город в устье реки берегу Дон, на месте древнегреческого поселения Танаис, (III в. до н.э. – V в. н.э.) входившего в Боспорское царство Расположенный на «великом торговом пути» населенный пункт завоевывался сарматами, гуннами и греками, владели им генуэзцы и турки. Борьба с последними осталась в истории эпизодом знаменитого Азовского осадного сидения казаков (1637–1642), в которых Азов перешел к России, став в 1709 г. губернским городом после неудачного Прутского похода город отошел к Османской империи, но вновь был взят русскими войсками во время войны 1735–1737 гг. По Белгородскому миру 1730 г. крепость возвращена туркам и лишь в марте 1796 г. снова – теперь уже навсегда – завоевана российской армией.

Александр I (1777–1825) – российский император, сын Павла I, правивший с 1801 по 1825 год. Во время его правления была одержана победа в Отечественной войне 1812 г.

Александрѡ – женское имя греческого происхождения, распространенное среди высших сословий. Производные формы Саша, Сашенька и т. д.

Алѣна – народный вариант женского имени Елена, в XVIII–XIX в. часто использовался в литературе и фольклоре при создании престоляродных образов. Производные формы Алѣнушка, Алѣнка, Лѣля и т. д.

Амур (лат. Amor – любовь) – древнеримский аналог Эроса, божества любви, чувственной страсти и влечения. Еще одно именование – Купидон (лат. Cupido – желание).

Амфиѡн – в древнегреческой мифологии царь Фив; сын Зевса и Антиопы, брат-близнец Зефа. Славился как музыкант, который своей игрой на кифаре и пением «привлекал» не только людей, но даже зверей и камни, покоряясь гармонии, «сами» двигались в ходе строительства крепостных стен Фив. Погиб от стрел Аполлона и Артемид, по другой версии покончил жизнь самоубийством.

Андрюшка, «лжехрист» – Селива нов Андре й (XVIII в., точные годы жизни неизвестны). Считается создателем и главным апологетом секты скопцов – «духовных христиан», борющихся с человеческой греховностью путем борьбы с плотью, в данном случае – оскпления.

А́нна – женское имя древнееврейского происхождения, многократно упоминающееся в Библии. Производные формы – Аня, Анюта, Аннушка, Ньюра, Ньюся и т. д.

Аргамáков Алекса́ндр Васи́льевич (1776–1833) – лейб-гвардеец Преображенского полка из дворянского рода, известного с XVI в., племянник Д. И. Фонвизина по материнской линии. Принимал участие в заговоре против Павла I. В 1809 г. подал в отставку в чине полковника, в 1812 г. – командир егерского полка Московского ополчения. Начал заниматься литературной деятельностью (сочинением стихов и переводами) с 1789 г.

Артемíда – древнегреческая богиня плодородия, охоты и женской мудрости и чистоты. В честь нее в Эфесе был воздвигнут храм, считавшийся одним из чудес света.

Астраха́нь – город в России, экономический и культурный центр Нижнего Поволжья и Прикаспия. Первые упоминания города под названием Хаджи-Тархан близ современной Астрахани относятся ко второй половине XIII в., с 1459 г. он входит в состав Астраханского ханства, в 1556 г. территория ханства была включена в состав России. Закладка Астрахани состоялась в 1558 г. как военной крепости и торговых «ворот» в Азию. В 1670 году жители Астрахани впустили в город Стеньку Разина и организовали народное самоуправление, ликвидированное через год царскими войсками.

Астрéя – древнегреческая богиня справедливости, дочь Зевса и Фемиды.

Аттíла (умер в 453 г.) – правитель гуннов с 434 по 453 г., завоеватель, создавший свою империю, «бич Божий», как его именовали римские хронисты. В Средневековье его имя стало символом наказания народов Европы за недостаточно усердное служение Богу.

Ба́хус или Вакх – античный бог виноделия, плодородия и веселья. Другое имя – Дионис.

Богданóвич Ипполи́т Фёдорович (1743–1803) – русский поэт. Автор популярной в свое время поэмы «Душенька» (1783), являющаяся вольным переложением романа Лафонтена «Любовь Психеи и Купидона», сюжет которого был заимствован из Апулея.

Брэ́йла / Браил – город в Румынии, в регионе Валахия, торговый порт на реке Дунай, в XVII – XVIII в. – военная турецкая крепость. В ходе неудачной Русско-Турецкой войны (1710–1713) была атакована отрядом русской армии под командованием генерала К. Э. Ренне и капитулировала 12 июля 1711 г.

Бу́ницлау, совр. Болеславец – город в Польше (Нижнесилезское воеводство).

Здесь 16(28) апреля 1813 г. скончался от болезни М. И. Голенищев-Кутузов, главнокомандующий русской армией в Отечественной войне с Наполеоном 1812 г.

Букарест / Бухарест – впервые упоминается в 1469 г., с 1665 г. главный город Валахии, с 1859 г. становится столицей объединенной Румынии. В XVIII в. город несколько раз занимали турецкие, русские и австрийские войска. В 1812 г.

в нём был подписан мирный договор, по условиям которого территория между Прутом и Днестром отошла к Российской империи.

Вавилон – город Древней Месопотамии, основанный не позднее III тыс. до н. э., в II–I тыс. до н. э. – столица Вавилонского царства, которая пришла в упадок во II в. н. э. Название города становится символом утраты могущества, о чем гласит ветхозаветное предание о Вавилонской башне (Быт. 11:1–9), ее строительство было прервано Богом, заставившего людей говорить на различных языках. Перестав понимать друг друга, они разошлись по земле, чем объясняется появление многоязычия. В христианской эсхатологии образ «Вавилона великого» – обитель греха и город Антихриста.

Ванька-Кайн / Осипов Иван (1718–после 1756) – известный русский вор, работавший осведомителем в полиции. В фольклоре и книжности стал символом не только разгульного образа жизни и обмана, но удалства и лихачества.

Васильевский остров – самый большой остров в дельте реки Невы. Входит в состав Санкт-Петербурга с 1737 г.

Великий Новгород (Новгород, Новаград) – город на северо-западе России, считается, что первое упоминание в летописи относится к 859 г. Через Новгород пролегал знаменитый путь «из варяг в греки». В Средневековье центр Новгородской земли, с 1136 г. становится первой феодальной республикой на территории Руси, утрачивая этот статус в 1478 г. в результате победы московского князя Ивана III над новгородцами. В 1570 г. Иван IV Грозный, обвинив новгородских бояр в измене, подверг город разгрому.

Вельяшев-Волынцев Дмíтрий Ива́нович (1774–1818) – русский поэт, драматург, переводчик. Родился в Москве в дворянской семье генерал-майора И. А. Вельяшева-Волынцева, преподавателя военных и математических наук. Обучался в Благородном пансионе при Московском университете, в эти годы стал писать стихи. После военной службы вышел в отставку в чине полковника (1800) и посвятил себя литературе, был одним из учредителей Общества любителей российской словесности (1811 г.), членом Московского общества истории и древностей при Московском университете (с 1816 г.). Стихи были изданы в сборнике: «Ли́ра, или собрание стихотворений» (М., 1804). Перевел с французского множество пьес, часть из которых напечатаны в его журнале для любителей театра «Талия» (1810–1812).

Вене́ра – в римской мифологии богиня садов. С распространением предания об Энее была отождествлена с Афродитой, став богиней красоты и любви. В литературе Венера – богиня любовной страсти, мать Амура.

Во́лга – река в Европейской части России, самая длинная в Европе. Прилегающая к Волге часть территории России называется Поволжьем. В литературе и фольклоре отождествляется с Родиной, являясь символом свободы, простора, широты души.

Вя́зьма – название города и реки в Смоленской области России. Город выгодно располагался в бассейне трех рек, по которым шел основной торговый путь

и находился на главной сухопутной дороге (она вошла в историю как Старая Смоленская дорога), соединявшей центральные области Руси со странами Западной Европы. Впервые Вяземское удельное княжество упоминается в 1239 г., в 1403 году Вязьма присоединена к Литовскому княжеству, с 1494 в составе Московского государства. В XVII и XVIII вв. Вязьма оставалась не только военным, но и торгово-ремесленным городом. В Отечественную войну 1812 г. около Вязьмы русские войска 22 октября (3 ноября) нанесли поражение отступавшей наполеоновской армии. Город был почти полностью разрушен.

Гаври́л – русское мужское имя, происходящее от библейского имени Гавриэль (буквально «Всевышний – сила моя»). Имя одного из четырех архангелов, стоящих по четырем сторонам престола Бога и исполняющих обязанности стражей на четырех концах мира. Упоминается в Писании, как вестник, которого Бог посылает, чтобы возвестить людям о спасении. Производные формы: Гаврила, Гаврюшка.

Гага́рин Па́вел Серге́евич (1747–1789) – из княжеского рода, известный поэт и переводчик. В чине полковника участвовал в первой русско-турецкой войне, в 1779 году пожалован в генерал-майоры, с 1788 года – генерал-поручик. В последний год жизни – обер-комендант Москвы. Входил в окружение Ю. А. Нелединского-Мелецкого, Н. П. Николева и Д. П. Горчакова, служившего в 1770-х годах его адъютантом. Произведения Гагарина были изданы после его смерти в журналах «Чтение для вкуса» (1792–1793), «Приятное и полезное» (1794–1796) и «Аониды» (1798–1799).

Гамаю́н – мифическая райская птица в русской культуре. В произведениях книжности XVII – XIX вв. описывается, как гамаюн пением предсказывает будущее, а падением – смерть.

Гли́нка Фёдор Никола́евич (1786–1880) – русский офицер, писатель и поэт, песни которого стали военными гимнами. Воспитание получил в Первом кадетском корпусе, в 1805–1806, гг. состоял адъютантом при генерале М. А. Милорадовиче. Участвовал в деятельности декабристского «Союза спасения», вместе с М. Ф. Орловым и А. Н. Муравьёвым основал «Союз благоденствия». Арестован 11 марта 1826 г., после освобождения 15 июня 1826 года был исключен из военной службы и сослан в Петрозаводск, где определен советником Олонецкого губернского правления. В дальнейшем жил в Твери, Орле, Москве, Санкт-Петербурге. Хорошо известны его прозаические и многочисленные поэтические произведения печатавшиеся в популярных журналах.

Гребенская́ – станица в кавказском регионе России (совр. Шелковский район Чечни), с XVI в. место проживания гребенских казаков, принявших при Петре I российское подданство, из основанных ими пяти городков сформировалась Кавказская укрепленная линия В 1711 г. было образовано Гребенское казачье войско, переформированное в Гребенской казачий полк (1832 г.), а затем – в Кизлярско-Гребенской казачий полк Терского казачьего войска (1870 г.)

Дезе́д Алекса́ндр Никола́ (Dez de или Dezaides) (1740–1792) – французский композитор, сочинявший оперы в духе пасторалей.

Державин Гаври́л Рома́нович (1743–1816) – русский поэт, драматург, переводчик эпохи русского классицизма, сенатор, действительный тайный советник. Будучи родом из небогатого дворянского рода, не закончив Казанскую гимназию, был отправлен в Преображенский полк простым солдатом, участвовал в дворцовом перевороте 1762 г., шесть месяцев служил секретарем в Комиссии по составлению Нового уложения. В 1772 г. получил первый офицерский чин, в 1773 г. участвовал в подавлении крестьянской войны Е. Пугачева. Тогда же начали печататься его стихи. Став общепризнанным поэтом, Державин дослужился до сенатора и министра юстиции (1802–1803), после чего был отправлен в отставку. Самая известная ода «Фелица» (1782 г.) посвящена Екатерине II, общепризнанны его гражданская и любовная лирика. Стихотворение «Гром победы раздавайся», стало русским национальным гимном в русско-турецкую войну 1787–1791 г. после взятия Измаила.

Дитц – см.: Тиц.

Дми́триев Ива́н Ива́нович (1760–1837) – русский поэт, баснописец, государственный деятель; представитель сентиментализма. Член Российской академии (1797). Происходил из дворянского рода Дмитриевых, После кратковременной службы в армии сделал гражданскую карьеру (сенатор, действительный статский советник), на каждой должности государственного управления характеризовался как честный и добросовестный служитель закона. В литературе известен благодаря жанрам басни и сказки, отличавшимся удивительной легкостью языка, совершенством формы. Многие написанные им песни, обрели широкую популярность в разных кругах.

Дон – крупная река в европейской части России, впадает в Азовское море. Река является колыбелью российских южных флотов – военного, возникшего при Петре в 1696 г., и торгового при Екатерине II в 1772 г.

Дори́да – (др.-греч. Δωρίς) – в древнегреческой мифологии океанида, дочь титанов Океана и Тефиды. В XVIII в. популярное литературное женское имя, характерное для героинь идиллий, пасторалей, элегий.

Дубянский Федор Михайлович (1760–1796) – русский композитор, автор музыки к песне «Стонет сизый голубочек» на стихи И. И. Дмитриева.

Дуна́й – вторая (после Волги) по величине река, протекающая по территории 10 европейских стран. Берега Дуная – место дислокации войск во время Отечественной войны 1812 г.

Журка – село, входившее в XIX в. в состав Молдавии.

Зелим / Сели́м III (1789–1807) – правитель Османской империи (1789–1807), пытавшийся вести просветительскую политику в своем государстве. Был вовлечен в войну с Францией, стал главным объектом ненависти янычар и свергнут ими.

Екатери́на – женское имя греческого происхождения. Варианты имени: Катя, Катюша, Катерина и т. д.

Екатерина I (1684–1727) – вторая супруга Петра Первого, императрица России (1725 по 1727).

Екатерина II (1729–1796) – императрица России, правящая с 1762 по 1796 год. Во время царствования Екатерины привилегии дворян были значительно увеличены, оптимизировано управление государством. Образ Екатерины в литературе стал символом мудрого и просвещенного правителя.

Елизавета – женское имя древнееврейского происхождения. Производные формы Лиза, Лизонька, Лизавета, Элиза. и т. д.

Елизавета Петровна (1709–1762) – русская императрица, правящая с 1741 по 1762 г., положившая начало эпохе Просвещения в России.

Захарьин-Юрьев Никита Романович (ок. 1522–1586 или 1585) – боярин, дипломат, видный государственный и военный деятель эпохи Ивана Грозного. Положил начало династии Романовых. Младший (третий) сын окольничего и воеводы Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина (ум. 1543) от первой жены, либо от второго брака с Ульяной Фёдоровной, дед русского царя Михаила Фёдоровича, родитель патриарха Филарета, шурин Иоанна Грозного (брат его жены Анастасии Романовны).

Иван IV Грозный (1530–1584) – великий князь Московский (1533 г.), первый царь «вся Руси (1547 г.). Старший сын великого князя московского Василия III и Елены Глинской. По отцовской линии происходил из московской ветви династии Рюриковичей, по материнской – от Мамая, считавшегося родоначальником литовских князей Глинских. Бабушка по отцу, София Палеолог – из рода византийских императоров. Провел реформы военной службы, судебной системы и государственного управления. Были покорены Казанское и Астраханское ханства, присоединены Западная Сибирь, область войска Донского, Башкирия, земли Ногайской Орды. Отличался жестоким нравом, властностью, бескомпромиссностью.

Измайл – город на территории Украины (сейчас Одесская область). С XVI в. был одной из важных крепостей Османской империи, неоднократно переходил из рук в руки во время русско-турецких войн.

Илья Муромец – богатырь, легендарный герой русского былинного эпоса, в 33 года чудом вылечившийся от недугов, сражавшийся с врагами Русской земли. В русском искусстве является идеалом воина, символом богатырской силы и верности Родине.

Италия – государство в южной Европе, в центре Средиземноморья. Занимает Апеннинский полуостров, часть Балканского полуострова, Паданскую равнину, южные склоны Альп, острова Сицилия, Сардиния и ряд мелких островов.

Кавказ – географический регион в Евразии, расположенный к югу от Восточно-Европейской равнины, на границе Европы и Азии, охватывает территории: России, Грузии, Южной Осетии, Абхазии, Азербайджана и Армении. Ограничен Чёрным морем с запада, Каспийским морем с востока.

Кагул – река на территории Кагульского района Молдавии и Одесской области Украины. Известна благодаря победе П. А. Румянцева над турками 21 июля (1 августа) 1770 г. во время русско-турецкой войны 1768–1774 гг.

Казань – столица республики Татарстан, крупный порт на левом берегу реки Волги, при впадении в неё реки Казанки. Казань была основана как пограничная крепость на севере Волжской Булгарии. В XIII–XIV в. Казань становится важным торговым и политическим центром в составе Золотой Орды, чему способствовало географическое положение города на пересечении торговых путей, соединяющих Восток и Запад. Первое упоминание в древнерусской летописи о городе встречается в 1391 г. (Рогожский летописец). Вошла в состав Русского государства во времена правления Ивана Грозного (1552 г.).

Камышенка – правый приток Волги, в его устье находится г. Камышин, длина реки составляет 26 км.

Капнист Василий Васильевич (1757–1823), – русский поэт, драматург, родом из семьи полковника Войска Запорожского. После окончания школы при лейб-гвардии Измайловском полке в 1770–1775 гг. служил в гвардии в Петербурге, в 1775 г. ставил военную службу и отдался литературному творчеству. Входил в поэтический кружок Н. А. Львова, первое собрание своих стихотворений издал в 1796 г., наиболее известна его комедия «Ябеда», поставленная в 1798 г.

Карамзин Николай Михайлович (1766–1826) – из среднепоместного симбирского дворянинского рода, выдающийся историк и литератор эпохи сентиментализма. Создатель «Истории государства Российского» (тома 1–12, 1803–1826) – одного из первых обобщающих трудов по истории России. Редактор «Московского журнала» (1791–1792) и «Вестника Европы» (1802–1803). Его прозаические и поэтические произведения были важной страницей истории русской литературы.

Карамышев Семён Константинович – фольклорный персонаж, воспеваемый в русском эпосе о казачестве. Реальным историческим прототипом XVII в. является Иван Константинович Карамышев, служивший воеводой в Волоколамске (1613), Ярославле (1618), приставом у английского посла (1621), судьей Приказа Большого прихода (1625, 1628–1630). Посланный в 1631 г. на Дон, был убит местными казаками.

Каргопольский Сергей – русский поэт-драматург и талантливый переводчик XVIII в. Переводил с польского языка оды и песни, изданные в 1794–1796 г.

Карита – женское имя для героинь стихотворных произведений элегического характера сентиментального направления.

Каспийское море – крупное море, лежащее на границе Европы и Азии.

Килия – город и порт на Дунае, в XVIII в. принадлежал Турции, с 1878 г. вошел в состав России, сейчас в составе Украины.

Клóa / Хлоя – женское имя, характерное для пасторалей и эклог (жанров пастушеской поэзии), воспевających идиллический образ жизни.

Княжнин Яков Борисович (1742–1791) – сын псковского вице-губернатора, русский драматург, поэт, представитель классицистического направления в литературе. В 1780-е и 1790-е его пьесы, как оригинальные, так и переводные, составляли основу репертуара русских театров, ориентировался на античное

и современное ему европейское творчество, интерпретируя тексты через призму событий из российской истории.

Кобяко́в Пётр Никола́евич (1784 – после 1818) – русский поэт-драматург начала XIX века. Наиболее известен водевиль, переведенный с французского, «Оборотни, или спорь до слез, а об заклад не бейся» (1808).

Кованько́ Ива́н Афанáсьевич (1773/1774–1830) – русский поэт, происходил из небогатого украинского дворянского рода. Окончил Горное училище в Санкт-Петербурге и служил в различных учреждениях горного ведомства. В 1802 г. вступил в «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств» и стал одним из наиболее деятельных членов. Сочинял оды, философские стихи, а также лирические и патриотические песни, ставшие популярными в народной культуре особенно во время Отечественной войны 1812 г.

Коло́сс Родо́цкий – статуя греческому богу солнца Гелиосу (между 292 и 280 гг. до н.э.), воздвигнутая скульптуром Харесом на острове Родоссе в Эгейском море, одно из семи чудес света. Колосс простоял шестьдесят пять лет и был разрушен во время землетрясения (222 или 226 г. до н.э.).

Комаров Матвей (не позднее 1738–не ранее 1815) – русский писатель, крепостной, получивший вольную в 1785 г. Автор популярной в свое время повести «Обстоятельное и верное описание добрых и злых дел российского мошенника, вора, разбойника и бывшего московского сыщика Ваньки Каина, всей его жизни и странных походов»; оставил после себя серию книг, развивавших традиции западноевропейской рыцарской романистики, русских рукописных повестей и фольклора.

Котра́сля / Которо́сль – река в Ярославской области, приток Волги.

Краснобо́льский Никола́й Степа́нович (1774–после 1813) – русский переводчик с немецкого, обладавший несомненным талантом, легкостью слога.

Участвовал в создании цикла с продолжением популярной оперы-феерии «Днепровская русалка» (переделка «Дунайской нимфы» К. Ф. Генслера), и ее продолжения, которые с успехом ставились до середины XIX в.

Красноще́ков Фёдор Ива́нович (1710–1764) – русский казачий военачальник, подвиги которого сделали его героем народных исторических песен. Участвовал в Русско-турецкой войне (1735–1739), русско-шведской войне (1741–1743), Семилетней войне (1756–1763).

Красо́вский Васи́лий Ива́нович (1782–1824) – из духовного сословия, русский писатель, поэт, один из основателей «Вольного общества любителей словесности, наук и художеств», был секретарём Санкт-Петербургского цензурного комитета (1804–1813).

Крыло́в Ива́н Андре́евич (1769–1844) – русский баснописец, поэт и драматург, журналист, издатель сатирико-просветительских журналов «Почта духов» «Зритель».

Крым – полуостров в северной части Чёрного моря, с северо-востока омывается Азовским морем, с античных времён являлся перекрёстком морских

транзитных путей, после захвата Северного Причерноморья монголами стал резиденцией наместника хана Золотой Орды (XIII в.). С конца XV в. приморские города и горная часть Крыма вошли в состав Османской империи. Русско-турецкая война (1768–1774) положила конец османскому господству над Крымом, в 1783 г. Крымский полуостров был присоединён к Российской империи.

Кульм – город на территории современной Чехии, где в 1813 г. произошло сражение русско-прусско-австрийских войск с наполеоновской армией.

Купидон – см. Амур.

Лагойск – см. Логойск.

Логойск (белор. Лагойск) – город в Минской области, центр Логойского района Белоруссии. Расположен в 30 км на северо-северо-восток от Минска, на реке Гайна.

Ликас – мужское имя для персонажа пастушеской поэзии, элегий, идиллий, пасторалей XVIII в.

Ли́ла – женское имя героинь пастушеской поэзии, элегий, идиллий в поэзии XVIII в.

Ломоно́сов Михаи́л Васи́льевич (1711–1765) – русский ученый-исследователь, филолог, поэт и драматург. Статский советник, профессор химии, действительный член Санкт-Петербургской Императорской и почётный член Королевской Шведской академий наук. Известен торжественными и философскими одами, трагедиями, лирическими стихотворениями, теоретическими статьями о языке и литературе.

Людо́вик XIV де Бурбо́н (1638–1715) – король Франции и Наварры с 1643 г., был сторонником принципа абсолютной монархии и божественного права королей. Это время консолидации Франции, возрастания её военной мощи, политического веса, интеллектуального престижа и расцвета культуры.

Люце́нко Ефи́м Петро́вич (1776–1854) – государственный чиновник, поэт, писатель и переводчик с французского и немецкого языков. Кроме научных трудов практического характера, сочинял произведения изящной словесности.

Магомёт / Муххамед (571–632) – арабский проповедник единобожия, основатель и центральная фигура ислама. По мнению мусульман, является пророком. Согласно исламскому вероучению, Аллах ниспослал Мухаммеду своё священное писание – Коран. В российской литературной традиции имя становится воплощением стран, придерживающихся мусульманских воззрений. Здесь: Магомета ты потрёс – завоеваны государства, исповедовавшие ислам.

Мали́та Скура́тов (настоящее имя Григорий Лукьянович Скуратов-Бельский, погиб в 1573 г.) – выходец из провинциального дворянства, русский государственный, военный и политический деятель, думный боярин (с 1570), руководитель опричнины, известный своей жестокостью и преданностью царю Ивану Грозному.

Ма́льборо, Герцо́г Ма́льборо (Duke of Marlborough) – аристократический титул дарованный английской королевой Джону Черчиллю в 1702 г.

Марія – распространенное женское имя древнееврейского происхождения. Производные формы: Маша, Маруся, Марусенька и т. д.

Матисов остров – остров в устье реки Мойки в Санкт-Петербурге, один из малых островов дельты Невы. Омывается Мойкой с севера, Большой Невой с запада и Пряжкой с востока и юга. Входит в состав Санкт-Петербурга. Здесь: Матисов как далекое от родной деревни место (в Матисове очутился).

Мерзляков Алексей Фёдорович (1778–1830) – родом из небогатой купеческой семьи, поэт, литературный критик, переводчик, профессор Московского университета, член Общества любителей российской словесности при Московском университете, действительный член Общества истории и древностей российских, Казанского и Ярославского обществ любителей российской словесности. Романсы и песни Мерзлякова, в которых он обращался к фольклорной традиции, пользовались большой популярностью.

Милон – мужское имя, свойственное персонажам лирических стихов и драматических произведений XVIII в.

Милорадович Михайл Андреевич (1771–1825) – русский генерал от инфантерии (1809), один из предводителей русской армии во время Отечественной войны 1812 г., Санкт-Петербургский военный генерал-губернатор и член Государственного совета. Отличался талантом полководца, личной храбростью, заботой о солдатах. Был убит выстрелом Каховского во время восстания декабристов на Сенатской площади.

Митрофанов Сергей Михайлович (точные даты жизни неизвестны) – поэт-песенник XVIII в. Известен его сборник «Песни русского известного охотника М*****, изданные им же в удовольствие любителей оных, с гравированным портретом» (1799).

Москва – столица Российского государства, начиная с конца XV в. до 1712 г., с 1728–1732, 1918 – по наст. время.

Наполеон I Бонапарт (1769–1821) – французский император (1804–1815), великий полководец и государственный деятель, заложивший основы современного французского государства. Начало крушению империи Наполеона I положило поражение наполеоновских войск в войне 1812 года против России. Последние годы жизни провел как пленник англичан на острове Святой Елены.

Нева – река, соединяющая Ладожское озеро и Балтийское море. Важная локация в российской истории, здесь был заложен Санкт-Петербург и создан один из крупнейших российских торговых портов.

Нелёдинский-Мелёцкий Юрий Александрович (1752–1829) – русский поэт, тайный советник, сенатор, статс-секретарь Павла I. Военную карьеру закончил в 1785 г. в звании полковника, в отставку с поста сенатора вышел в 1826 г. . Его литературные опыты, особенно романсы и песни, созданные в подражании народному стилю, имели большой успех у разных слоев населения.

Никола / Николай-чудотворец / Николай Мирликийский / святой Николай (около 270 г. – около 345 г.) – архиепископ Мир Ликийских (Византия),

---

в христианстве почитается как чудотворец, покровитель сирот, путешествующих и сирот. По преданию, молитва ему избавляет от напрасной смерти и помогает в достижении мира. В российской традиции один из самых влиятельных и почитаемых святых.

Николев Николай Петрович (1758–1815) – из дворянского рода, поэт, драматург, переводчик, член Академии Российской. Принимал активное участие в событиях Отечественной войны 1812 г., сочинял эпиграммы, стихи, драмы, торжественные оды, популярны были его романсы и песни.

Орешек – древняя крепость и город в истоке реки Невы, основанный 1323 г., неоднократно переходила от новгородцев, а потом московского княжества к шведам. С 1612 по 1702 год принадлежала шведам, в ходе Северной войны была захвачена войском Петра I (1702) и переименована в Шлиссельбург («ключ-город»).

Остерман-Толстой Александр Иванович (1770/72–1857) – граф, генерал, герой Отечественной войны 1812 г. военачальник, руководивший кампаниями во время сражений Герой, сравнивавшийся по силе и величию со спартанским царем Леонидом. Здесь: Леонид Остерман.

Павел I (1754–1801) – сын Екатерины II и Петра III, император Российского государства с 1796 по 1801 год. Издал ряд законов, направленных на улучшение состояния крестьянского сословия и на ослабление дворянских привилегий, а также провел административную реформу, усиливающую централизацию власти. Современниками из дворянского высшего сословия трактовался как тиранический правитель-самодур и был убит в результате заговора.

Паранья – женское имя, производное от древнегреческого имени Πάρασκεβα. В XVIII–XIX вв. было популярно в среде среднего и низшего сословия. Производные формы: Параша, Паша, Проня, Поруша и т. д.

Париж – город, столица Франции. Расположена на берегах реки Сены, на севере Франции, основана в III в. до н. э., считается столицей с конца X в. (с небольшими перерывами) по сегодняшний день.

Пётр I Алексеевич (1672–1725) – сын царя Алексея Михайловича из династии Романовых, царь всея Руси (с 1682 г.), первый Император Всероссийский (с 1721 г.), перенес столицу в новый город Санкт-Петербург, провел ряд реформ, способствовал развитию просвещения, науки и искусства. Оценка его деятельности историками противоречива. В личности сочетались ум, смекалка, твердость и целеустремленность с гневливостью и жестокостью.

Пленёра – женское имя героинь стихотворных элегий, пасторалей, романсов XVIII–нач. XIX в.

Покровское – наименование деревень и сёл в ряде областей России. Здесь вероятнее всего упоминается село к югу от Москвы, вотчина Новоспасского монастыря (с 1544 г.).

Полтава – город на территории Украины, бывшей Малороссии. Полтава стала центром Северной войны (1700–1721), когда русские войска обороняли

город от шведского вторжения. Победа в битве под Полтавой (1709) символизирует воинскую славу России.

Прач Иван / Práč Ян Богумир (середина XVIII в. – 1818) – русский музыкальный фольклорист, композитор и педагог, чех по национальности. Известен как составитель (совместно с Н. А. Львовым) «Собрания народных русских песен с их голосами» (1790).

Преображенское – наименование сёл и небольших населенных пунктов в ряде областей России. Здесь: село к востоку от Москвы, на берегу реки Яузы, впервые упомянутое в 1661 г. летняя резиденция царя Алексея Михайловича. Здесь провел детские годы Петр I, где в 1683 г. завел потешные полки, один из которых был назван по имени села Преображенским. Вошло в состав города в 1864 г.

Пруссия – объединение нескольких земель в восточной и центральной Европе, существовала в разных границах и административных объектах: герцогство (1525–1618), королевство (1701–1772), Свободное государство Пруссия (1918–1947).

Псков – один из древнейших городов России, впервые упоминается в 903 г. (Лаврентьевская летопись), расположен на северо-западе России. В 1348–1510 гг. был столицей Псковской республики, вошел в состав Великого княжества Московского в 1510 г.

Рейн – река, протекающая по территории шести стран западной Европы. Исторически значимое место, во время Отечественной войны 1812 г. здесь были военные укрепления.

Румянцев-Задунайский Пётр Александрович (1725–1796) – граф, полководец и государственный деятель, генерал-фельдмаршал. Руководил войсками в Семилетней войне и русско-турецких войнах. Румянцев был талантливым военачальником и военным теоретиком, его образ воспел Г. Р. Державин в оде «Водопад».

«Русалка» или «Днепровская русалка» – оперный цикл начала XIX века, созданный композиторами С. И. Давыдовым и К. А. Кавосом, а также поэтом С. Н. Краснопольским. Сочинения стали русскими интерпретациями «Девы Дуная» (иначе «Дунайская русалка»; нем. «Das Donauweibchen») – оперы-феерии австрийского композитора Ф. Кауэра по пьесе К. Ф. Генслера. Арии из этой оперы были очень популярны и исполнялись как песни.

Самара – река, левый приток Волги, длина 594 км.

Санкт-Петербург – второй (после Москвы) по значению и масштабам город в России, основан в 1703 г., расположен на побережье Финского залива и в устье реки Невы. Экономический, культурный и исторический центр, бывший столицей государства с 1712 по 1918 г. Другие наименования: Петербург, Питер, Сан-Питер.

Саратов – город в юго-восточной части России, центр торговли рыбой, солью, зерном. В XVII подвергался разорениям от разноплеменных воровских команд и вольного казачества. В эпоху царствования Петра I Саратов стал губернским

центром и впоследствии имел важное культурно-историческое значение. После Отечественной войны 1812 г. был местом ссылки пленных французов.

Святогѳр – один из героев древнего славянского эпоса, богатырь, отличающийся огромным ростом и силой.

Селѳста – женское имя, свойственное героиням стихотворений элегического характера (XVIII–нач. XIX в.).

Семѳк – весенне-летний праздник в восточнославянской народно-христианской традиции (47 день после Пасхе), его обряды должны были способствовать улучшению плодородия земли. К этому дню было приурочено погребение и поминовение «заложных покойников» – людей, умерших не своей смертью (до конца XVIII в.).

Смолѳнск – один из древнейших городов на западе России, стоящий на пути из Москвы в страны Центральной и Западной Европы, впервые упоминается в 863 г. («Повесть временных лет»). Пограничное положение драматически сказалось на судьбе города, пережившего множество нападений. Окончательно присоединен к Московскому государству в 1667 г. В войне 1812 г. известно Смоленское сражение с армией Наполеона, после которого французы взяли город.

Спѳрта / Лакѳдемон (XI вв. до н.э. – 146 г. до н.э.) – древнегреческое государство и город на юге полуострова Пелопонес, в долине Эвроты. В историю вошло как пример зарождающегося демократического строя и рабовладения. Спарта – прообраз идеального государства, описанного Платоном, главную известность составили как военные успехи спартанцев, так и особая система воспитания воинов.

Стењка Разин / Рѳзин Степѳн Тимофѳевич (ок. 1630–1671) – донской казак, предводитель народного восстания (1670–1671). Образ Стењка Разина в фольклоре подвергается эпической идеализации, исторические песни описывают его как вольнолюбивого человека с широкой душой.

Сувѳров Алексѳндр Васѳильевич (1730–1800) – граф, затем князь, военный теоретик, великий русский поководец, генералиссимус, одержавший многочисленные победы на территории России, Европы и Турции. Стал героем фольклорных исторических песен, воплощением воли к победе и патриотизма.

Сумароков Алексѳндр Петрович (1717–1777) – из дворянского рода, действительный статский советник, директор Российского театра (1756) крупнейший русский литератор, поэт, драматург, сочинявший произведения как высокого жанра (оды) и среднего (трагедии, послания), так и низкого (сатиры, басни, эпиграммы, комедии и т.п.). Издатель первого частного журнала «Трудолюбивая пчела» (1759). Был автором множества популярных любовных песен и романсов.

Тавр / Таврѳда – Крымский полуостров, переименованный в конце XVIII в. в связи с вхождением в состав Российского государств.

Татѳяна – женское христианское имя древнегреческого происхождения, в России XVIII–XIX вв. было наиболее распространено в демократической среде. Производные формы: Таня, Танюшка и т.д.

Теміра – женское имя, принадлежащее героиням элегий, песен и пасторалей XVIII–нач. XIX в.

Теплиц / Тёплице – город на северо-западе Чехии, в долине реки Билины. Место подписания в 1813 г. договора России, Пруссии и Австрии против Наполеона.

Тірсис – мужское имя персонажей пастушеских стихов, элегий XVIII – нач. XIX в.

Тиц / Дитц Антон Август Фердинанд (нем. Anton August Ferdinand Tietz; 1742–1810) – немецкий, австрийский и русский композитор, скрипач, автор музыки к песне «Стонет сизый голубочек».

Троїца / Троїцын день – в общехристианской традиции – день сошествия на апостолов Святого Духа в 50-й день по Пасхе. В славянской народной традиции завершает весенний цикл праздников, связан с культом растительности, включает обряд кумления, смотрины невест, сбор лекарственных трав. В субботу перед Троицей – день поминовения предков.

Троїце-Сєргіев монастырь – самый большой мужской монастырь в России, основанный Сергием Радонежским в конце 30-х – 40-х г. XIV в. Расположен в центре города Сергиев Посад (70 км. на северо-восток от Москвы). Помимо службы и духовной деятельности, в монастыре всегда занимались просвещением и наставничеством.

Трутовский Василий Фёдорович (ок. 1740– ок. 1810) – собиратель народной музыки и композитор. Большое значение для истории русской музыки имело его четырехтомное издание «Собрание русских простых песен с нотами» (М., 1776–1795).

Турция – страна территориально занимает земли юго-западной Азии и Юго-Восточной Европы. В XVI в. – XVII в. (до 1683 г.) Османская империя простиралась от Вены до Персидского залива, владела Крымом. Русское государство с конца XVII в. неоднократно воевало с Турцией за выход к Черному морю. В фольклорных исторических и солдатских песнях Турция является символом чужой земли.

Україна – государство в Восточной Европе, название укоренилось на протяжении XVI – XVIII в. Входила в состав Российского государства разными по величине территориями, начиная с середины XVII в. до 1991 г.

Урусова Елизавета (Екатерина) Сергеевна (1747– после 1817), княжна, автор стихотворных произведений, почётный член общества «Беседы любителей русского слова».

Фарос / Фаросский маяк – маяк, построенный на острове Фарос в III в. до н.э., достигал высоты более 120 м., указывал путь в александрийскую бухту, одно из семи чудес света, маяк пришел в упадок к XII в., был разрушен землетрясением в XIV в. Другое название – Александрийский маяк.

Феб – в древнегреческой мифологии сын Зевса и титаниды Лето, брат-близнец Артемиды, бог света, символ солнца, покровитель искусств, предводитель и покровитель муз. Символ прекрасного. Другое имя – Аполлон.

Фелли́да – имя героинь в пасторальных, эклогах, элегиях XVIII – нач. XIX в.
Хавро́нья – сатирический вариант христианского женского имени Феврония древнегреческого происхождения.

Хера́сков Михаи́л Матвее́вич (1733–1807) – русский поэт, писатель и драматург эпохи Просвещения. Был автором од, поэм, а также многих развлекательных и лирических произведений. С 1756 года состоял на службе в Московском университете, его директор (1763–1770) и куратор (1778–1802). Член Вольного российского собрания, основатель первых московских театров. Издатель литературно-просветительских журналов «Полезное увеселение» (1760–1762) и «Свободные часы» (1763), деятель российского масонства.

Ша́ликов Пётр Ива́нович (1767–1852) – из грузинского старинного рода, русский поэт сентиментального направления.

Шве́ция – государство в Северной Европе на Скандинавском полуострове. Особое значение государство имело в XVIII в. Швеция громко заявила о себе, став значительной силой в Европе благодаря своей опытной и эффективной армии. Также страна делала успехи в торговле. В последующее столетие королевству оказалось не под силу удерживать свои обширные завоевания – в результате Северной войны Россия обрела власть в большей части северной Европы и в 1809 году Швеция потеряла восточную половину своих территорий. В российской истории оставила след в связи с русско-шведскими сражениями и легендарной Северной войной. В народном творчестве стала воплощением чужой, далекой земли: «Земля шведская».

Эльви́ра – женское имя, характерное для роковых героинь элегических песен XVIII – нач. XIX в.

Эльми́ра – женское имя, свойственное героиням песен, воспевающих идиллические топоры и образ жизни героинь XVIII – нач. XIX в., страдающих об утраченном счастье.

Ю́лия – распространенное женское имя латинско-греческого происхождения.

Яи́к – историческое название современной реки Урал. Здесь располагались казачьи станицы и войска.

Яков – мужское имя, наиболее распространенное в XVIII – XIX в. среди простых сословий. Производные формы: Яша, Яшка и т. д.

Янус – божество древнего Рима с двумя лицами, олицетворяет единство начало и конца. Известен своей способностью открывать любые двери и находить выход из сложных ситуаций.

Яросла́вль – город на Верхней Волге, основанный в XI в. и имеющий богатое историческое прошлое. В XVIII в. был крупным административным центром губернии. В фольклоре упоминается как Ярослав-город.

УКАЗАТЕЛЬ ИНЦИПИТОВ

- «Ах, в прекрасном во местечке...» (Л. 51 – 52),
«Ах вы, кумушки-голубушки-подружки...» (Л. 105 об. – 106)
«Ах, грустно мне на чужой стороне...» (Л. 72 об. – 73)
«Ах, девица-красавица...» (Л. 76 об.)
«Ах, девица, красавица моя...» (Л. 26 – 26 об.)
«Ах, деревня от деревни...» (Л. 96 – 96 об.)
«Ах, жаль-то мне милого...» (Л. 70 об. – 71)
«Ах, жил я, молодец...» (Л. 85 об.)
«Ах, житье мое, житье бедное!...» (Л. 95 об. – 96)
«Ах, как нынешния люди...» (Л. 24 об. – 25)
«Ах, как скучно мне одной...» (Л. 50 об. – 51)
«Ах, когда б я предузнала...» (Л. 121 об.)
«Ах, когда б я то предвидела...» (Л. 101)
«Ах, очи, мои очи...» (Л. 56 – 56 об.)
«Ах, по морю, морю синему...» (Л. 90 об.)
«Ах, по мосту, мосту...» (Л. 13 – 13 об.)
«Ах, по мосту, мосту...» 100 (Л. 64 – 64 об.)
«Ах, сени мои сени...» (Л. 11 об.,)
«Ах, с тобою я расстался...» (Л. 114)
«Ах, талан ли мой, талан такой...» (Л. 93 – 93 об.)
«Ах, тошно мне на своей стороне...» (Л. 72)
«Ах ты, Ванюшка, Ванюша...» (Л. 97 об. – 98)
«Ах, ты день ли мой, денечек...» (Л. 56 об. – 57)
«Ах ты, наш батюшка, Ярослав-город...» (Л. 68 – 68 об.)
«Ах ты, пиво мое...» (Л. 98)
«Ах ты, поле мое, поле чистое...» (Л. 99)
«Ах, утушка луговая...» (Л. 108 об. – 109)
«Барыня, барыня, сударыня, барыня...» (Л. 12 об. – 13)
«Батюшка Никола с нами...» (Л. 110 – 110 об.)
«Бес проклятый дело нам затеял...» (Л. 47 – 47 об.)
«Будь музою моею...» (Л. 116)
«Вам, прекрасныя долины...» (Л. 42 – 42 об.)
«Ваня, братец мой...» (Л. 47 об.)
«Вдоль по улице молодчик...» (Л. 86 об.)
«Весела тогда бываю...» (Л. 106 об. – 107)
«Веселая голова...» (Л. 88 – 88 об.)
«Веселитесь, все наши солдаты...» (Л. 61 об. – 62.)

-
- «Веселяся в чистом поле...» (Л. 13 об. – 14)
«Веселяся в чистом поле...» (Л. 64,)
«Вечерком в саду гуляла...» (Л. 24 – 24 об.)
«Взвейся, выше понесися...» 125 (Л. 8 – 9) 259
«Взвейся, ласточка, вскрутися...» (Л. 15 – 15 об.)
«Вид прелестной, милы взоры...» (Л. 118, 3, 221)
«Винят меня в народе ...» (Л. 19 об.)
«Винят меня на свете...» (Л. 20)
«В лазурном своде неба...» (Л. 119 – 119 об.)
«Вниз по матушке, по Волге...» (Л. 74 – 74 об.)
«Возле речки, возле мосту...» (Л. 68 об. – 69 об.)
«Волга, речинька глубока...» (Л. 116 об. – 117)
«Во лужях, во лужях...» (Л. 86 об. – 87)
«Во поле береза стояла...» (Л. 36 – 36 об.)
«Во приселке, во селе...» (Л. 101 – 101 об.)
«Во селе-селе Покровском...» (Л. 26 об. – 27)
«В поднебесье раздается...» (Л. 121)
«В сем месте тихом и безлюдном...» (Л. 121 об.)
«Все покоится в природе...» (Л. 117 – 117 об.)
«В сих горестных местах...» (Л. 125)
«Вспомни, вспомни, мой любезный...» (Л. 48)
«Вспомним, братцы...» (Л. 112)
«В темном лесе...» (Л. 73)
«В чем я винен пред тобою...» (Л. 30 – 31)
«Выйду ль я на реченьку...» (Л. 9 – 9 об.)
«Выйду я на реченьку...» (Л. 39 об. – 40)
«Вылетала бедна пташечка...» (Л. 53 об. – 54)
«Где, где, ах, ах, укрыться...» (Л. 33 об. – 34)
«Где она, ах, где любезна» (Л. 110 об. – 111)
«Где счастье, где отрада...» (Л. 109 об.)
«Говорил-то мне сердечный друг...» (Л. 36 об. – 37)
«Голубочик нежно-страстный...» (Л. 116 – 116 об.)
«Голубочек сизокрылый...» (Л. 106)
«Гром победы раздавайся...» (Л. 60 об. – 61 об.)
«Девки скачут, красны пляшут...» (Л. 101 об)
«Денечик проходит...» (Л. 71 об. – 72)
«Для любви одной природа...» (Л. 109 об.)
«Для того ль, любезна Лиза...» (Л. 115 – 115 об.)
«Долго ли снежочкам...» (Л. 77)
«Долго ль будешь куролесить...» 102 (Л. 85, 3, 121)
«Друг мой милой...» (Л. 111 – 111 об.)
«Если б ведал ты, жестокий...» (Л. 106 – 106 об.)

- «Желанья наши совершились...» (Л. 39 а об. – 40)
«Забыть тебя мне должно...» (Л. 119)
«За горами, за долами...» (Л. 80 – 80 об.)
«Законы осуждают предмет моей любви...» (Л. 20 об. – 21)
«Зараз любви еще не зная...» (Л. 120 об.)
«Заря утрення взошла...» (Л. 34 об. – 35)
«За что губишь меня, неверный...» (Л. 120 об.)
«Звезда первая взошла...» (Л. 35 об – 36)
«Звук веселья, раздавайся...» (Л. 34 – 34 об.)
«Звук унылый фортепьянный...» (Л. 16 об. – 17 об.)
«Здесь под тенью древ ветвистых...» (Л. 117 об.)
«Здесь я жизнью наслаждаюсь...» (Л. 122 об. – 123)
«Зрак весны открыт природой...» (Л. 125 об.)
«Ивушка, ивушка зеленая моя...» (Л. 74 об. – 75)
«Из-под дуба, из-под вяза...» (Л. 97 – 97 об.)
«Из роз прекрасна роза...» (Л. 113 об.)
«И я селезня любила...» (Л. 69 об. – 70)
«Кадрель» (Л. 10 об.)
«Кажется не ложно...» (Л. 79)
«Как быстрой вихрь промчались...» (Л. 31 – 32)
«Как вечер тоска нападала...» (Л. 95)
«Как во городе было во Казани...» (Л. 104 об. – 105 об.)
«Как за реченькой слободушка стоит...» (Л. 25 – 26)
«Как на горке, на горе...» (Л. 55 об. – 56)
«Как на матушке, на Неве-реке...» (Л. 73 об. – 74)
«Как никто-то про то не знает...» (Л. 55 – 55 об.)
«Как по речке, как по быстрой...» (Л. 95)
«Как розы здесь ...» (Л. 48 об. – 49)
«Как скоро я тебя узнал...» (Л. 42 об. – 43)
«Как у нашего широкого двора...» (Л. 99 об.)
«Как у наших у ворот...» (Л. 6 об. – 8)
«Как ходил-гулял Ванюша...» (Л. 107 об.)
«Камаринской» (Л. 12 об.)
«Канареечка любезна...» (Л. 43 об. – 44)
«Козачок» (Л. 8)
«Коль ты меня любила...» (Л. 116)
«Кому страдать, крушиться...» (Л. 49 об. – 50 об.)
«Кто мог любить так страстно...» (Л. 21 – 22)
«Кто оконча дни младые...» (Л. 79)
«Кто страсть любовну в жизни знает...» (Л. 45)
«Лапочке, душечке...» (Л. 29 – 29 об.)
«Лирой громкою иные...» (Л. 115)

-
- «Лишь только занялась заря...» (Л. 27 – 28)
«Любви препоны нет...» (Л. 96 об.)
«Любовь за грех считают...» (Л. 117 об.)
«Любовью пагубной вспаленный...» (Л. 123 об.)
«Малбрук в поход наш едет...» (Л. 77 об. – 78)
Марш из Ладойска (Л. 10 об.)
Марш польской в Варшаве (Л. 5)
Марш французской в походе (Л. 5)
«Миленушку свою люблю...» (Л. 116)
«Мне должно изъясниться...» (Л. 123 – 123 об.)
«Мне моркотно, молоденьке...» (Л. 84 об. – 85)
«Мне нельзя быть равнодушным...» (Л. 115 об.)
«Можно ль быть в лютейшей доле...» (Л. 112 об. – 113)
«Молодка, молодка молодая...» (Л. 46 об. – 47)
«Молодость, молодость...» (Л. 57 – 57 об.)
«Молчите, струйки чисты...» (Л. 46 – 46 об.)
«На бережку у ставка...» (Л. 5 – 5 об.)
«На закате светла месяца...» (Л. 65 – 65 об.)
«Нам нельзя того оставить...» (Л. 87)
«Напрасно хранить ты старалась...» (Л. 118 – 118 об.)
«На то ль, чтобы печали...» (Л. 10 – 10 об.)
«Наши в поле не робеют...» (Л. 76 об. – 77)
«Не вини меня, любезна...» (Л. 114)
«Не в чистом поле, не в пустой степи...» (Л. 59 – 60 об.)
«Неизбежным уже роком...» 180 (Л. 120 об., 3, 231) 340
«Не кокушечка в сыром бору ...» (Л. 54 об. – 55)
«Не нежна горлица порхает...» (Л. 62 об. – 63)
«Не свети ты, месяц, ясно...» (Л. 123 об.)
«Несись повсюду громка слава...» (Л. 109 об. – 110)
«Не спала я целу ноченьку, млада...» (Л. 88)
«Нешастная наша доля: никто нас не любит...» (Л. 80 об.)
«Несчастливым детинка на свет сей родился...» (Л. 87 об.)
«Не шуми, мати, зеленая дубровушка...» (Л. 93)
«Ночною темнотою покрылись небеса...» (Л. 40 – 41)
«Нынче был я на почтовом на дворе...» (Л. 62 об.)
«Ой, коли я продыуса любила...» (Л. 100 об.)
«Ой, матушка, тошно...» (Л. 107)
«О, свидетели безгласны...» (Л. 106)
«О, судьи, судьи, плутяги...» (Л. 79)
«Отдана я пономарю обучаться букварю...» (Л. 81 – 81 об.)
«Перестань петь, друг природы...» (Л. 119 об.)
«Под розой разместившись...» (Л. 120)

- «Пожалуй, открывайся...» (Л. 115)
«Пожалуйте, сударыня...» (Л. 23 об – 24)
«Позволь себе открыться...» (Л. 22 – 23)
«Полно, пеночка любезна...» (Л. 37 об. – 38 об.)
«Полно-полно, зяблик милой...» (Л. 37 – 37 об.)
«Полно, сизенькой, кружиться...» (Л. 17 об. – 18 об.)
«Полноте вздорить, начните плясать...» (Л. 88 об.)
«Понесися по поднебесью...» (Л. 111 об. – 112)
«По улице мостовой...» (Л. 11 об. – 12)
«По что ты, сердце, страстным...» (Л. 15 об. – 16)
«Пошли наши подружки...» (Л. 28 – 29)
«Презираю я богатства...» (Л. 86)
«Прекратились случаи...» (Л. 123)
«Престань, источник слезной...» (Л. 102 об.)
«При долинушке стояла...» (Л. 63 – 63 об.)
«При зачине каменной Москвы...» (Л. 88 об. – 90)
«Прийти ко мне в лесок...» (Л. 49 – 49 об.)
«При потоках чистых вод...» (Л. 87 об.)
«Приятна, весела, разумна и мила...» (Л. 124)
«Прости мне, дружечко, роптанье...» (Л. 115 об.)
«Простите обольщенье честей...» (Л. 52 об. – 53)
«Проходи, несносно время...» (Л. 102 об. – 103)
«Птичка вырвавшись из клетки...» (Л. 116 об.)
«Пятнадцать мне минуло лет» (Л. 45 – 46)
«Радость, выслушай два слова...» (Л. 66 – 67 об.)
«Разлука неизбежна...» (Л. 110 об.)
«Ручей, текущий в сей долине...» (Л. 113 об. – 114)
«Светик, Танюшка, зловещна...» (Л. 103 – 103 об.)
«Свет троякий зря, счастливы очи...» (Л. 108 – 108 об.)
«Сидя вместе на кусточке...» (Л. 106 об.)
«Сидя вместе на кусточке...» (Л. 121)
«Сказали про молодца...» (Л. 95 об.)
«Сказать ли вам, братцы...» (Л. 91)
«Скоро зов послышим к бою...» (Л. 112)
«Скучно, матушка, весной ...» (Л. 48 – 48 об.)
«Слеза священная дрожи...» (Л. 114)
«Случилось-то мне доброму молодцу...» (Л. 70 – 70 об.)
«Смертных счастье и мученье...» (Л. 114 об.)
«Снеги белые, пушисты...» (Л. 18 об. – 19)
«Спиря» (Л. 12 об.)
«Стонет сизый голубочек...» (Л. 16 – 16 об.)
«Счастье строит все на свете...» (Л. 79)

-
- «Теките, струйки, пеньтесь...» (Л. 97)
«Тише, ласточка болтлива...» (Л. 41)
«Ты воспой, воспой, млад жавороночек...» (Л. 94)
«Ты дивишься, что ревную...» (Л. 122 – 122 об.)
«Ты, дубровушка моя, дубровушка...» (Л. 99 об. – 100)
«Ты душа моя, красна девица...» (Л. 71)
«Ты злодей, злодей, ретиво сердце...» (Л. 91 об. – 92)
«Ты, змейка, скоропейка...» (Л. 94 – 94 об.)
«Ты, отеческая дочь...» (Л. 107 – 107 об.)
«Ты, погибель мою строя...» (Л. 32 – 33 об.)
«Ты поди, коровушка моя, домой...» (Л. 79 об. – 80)
«Ты почувствуй, дорогая...» (Л. 82 об. – 83, 3, 116)
«Ты почувствуй, дорогая...» (Л. 83 – 83 об.)
«Ты проходишь, дорогая...» (Л. 42)
«Ты проходишь, мой любезный...» (Л. 41 об.)
«Ты, рябинушка, ты кудрявая...» (Л. 57 об. – 58 об.)
«У ворот девка стояла...» (Л. 109)
«Увы, любезной в отдалении...» (Л. 122 об.)
«Увяли нежные цветочки...» (Л. 113 об.)
«Уговор мы положили...» (Л. 39 – 39 об.)
«Уже близка минута...» (Л. 117)
«Уже со тьмою ночи...» (Л. 119 об.)
«Уж как вниз было...» (Л. 92 об.)
«Уж как пал туман...» (Л. 75 об. – 76)
«Уж как нуте, господа...» (Л. 87 – 87 об.)
«Уж как шли старик со старухою...» (Л. 78 об.)
«Уж солнце скрылось в чисты воды...» (Л. 124 об.)
«У залетного ясного сокола...» (Л. 98 об.)
«У кого душевны силы...» (Л. 118 об.)
«Улица, улица, моя трава...» (Л. 82 – 82 об.)
«У нас, было, во садочке...» (Л. 84 – 84 об., 3, 119)
«Унылый глас свирели...» (Л. 119)
«У сыра дуба скрыпучева...» (Л. 103 об.)
«Утеха флоры, нежна роза...» (Л. 118 об. – 119)
«У Троицы, у Сергия было под горою...» (Л. 94 об.)
«Фортепяно звук унылый...» (Л. 44 – 44 об.)
«Фуи, на сфете как мне грусна...» (Л. 102 – 102 об.)
«Хожу я по улице, да не нахожуся...» (Л. 6 – 6 об.)
«Цвели, цвели цветики...» (Л. 84)
«Чем больше скрыть стараюсь...» (Л. 23 – 23 об.)
«Чем тебе я досадила...» (Л. 107)
«Чем тебя я огорчила...» (Л. 58 об. – 59)

- «Чем я тебя огорчила...» (Л. 9 об. – 10)
«Чернобровый, черноглазый...» (Л. 54 – 54 об.)
«Что девушке сделалось...» (Л. 104 – 104 об.)
«Что есть на свете злее...» (Л. 118)
«Что не сам-то я к девице ходил...» (Л. 67 об. – 68)
«Что пониже было города Саратова...» (Л. 92 – 92 об.)
«Что это за сердце во мне все изныло...» (Л. 10 об. – 11)
«Экосез» (Л. 5)
«Эльвиры нет, она сокрылась...» (Л. 123)
«Я вечер млада...» (Л. 86)
«Я вечер своего милого...» (Л. 75 – 75 об.)
«Я в печали пребываю...» (Л. 44 об.)
«Я в пустыню удаляюсь...» (Л. 29 об. – 30)
«Я в пятнадцать лет узнала...» (Л. 96 об. – 97)
«Я в том острове родился...» (Л. 124 об.)
«Я доволен был судьбою...» (Л. 123 об. – 124)
«Я когда была девицей...» (Л. 43 – 43 об.)
«Я навек тобою страдна...» (Л. 112 об.)
«Я не вижу дорогого...» (Л. 65 об. – 66)
«Я не думала ни о чем в свете тужить...» (Л. 64 об. – 65)
«Я не думал, дорогая...» (Л. 124)
«Я не знала ни о чем в свете тужить...» (Л. 14 – 14 об.)
«Я пойду ли, молоденька...» (Л. 71 об.)
«Я посею ль, млада...» (Л. 62)
«Я птичкой быть желаю...» (Л. 38 об. – 39)
«Я счастлив, счастлив, конечно...» (Л. 125)
«Я твой, а ты моя...» (Л. 112 об.)
«Я цыганка молодая...» (Л. 78)

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

АВО́СЬ – народное выражение. Это надежда, которая основана на удаче. То, что может произойти и – в равной степени – не произойти.

АЗ – первая буква старославянской азбуки.

АЛТА́РЬ – святыня, кто/что-либо очень дорогое, важное.

АМУ́Р – древнеримское божество, символизирующее любовь.

А́СПИД – змея, от яда которой наступает скорая смерть человека. В переносном значении аспид – это очень злой человек, жестокий тиран.

АСТРЕ́Я – древнегреческая богиня, символ справедливости.

АТАМА́Н – глава казачьего войска, казачьей общины. В общем смысле – предводитель, начальник, авторитет.

БАЛАГУ́Р – веселый человек, весельчак, шутник. Часто так говорят о несерьезном, смешливом человеке.

БАСНОСЛÓВ – человек, который много говорит, много выдумывает, может обмануть.

БЕЗВРЕМЯ́НЬЕ – состояние человека, находящегося в тоске, в горе, в забвенье.

БЕЗДЕ́ЛКА – ничтожная или бестолковая вещь; пустое, не имеющее смысла занятие. То, что не имеет ценности.

БЕСПРЕСТА́ННО – постоянно, непрерывно.

БЕСТАЛА́ННЫЙ – человек, к которому неблагоприятна судьба; несчастный, одинокий.

БЕ́СТИЯ – ругательство по отношению к презренному человеку; часто о плуте, хитром человеке.

БОБЫ́ЛЬ – человек без земли, обнищавший, бездомный. Часто о холостяках, одиноких людях.

БОЖБА́ – клятва, обещание, уверение.

БОМБА́РДИР – солдат артиллерии, обслуживающий бомбардирские орудия.

БРА́НЫЙ – вышитый узорами, применительно к тканям.

БРЕ́МЯ – тяжесть, ноша; часто нелегкая судьба, которую человек вынужден терпеть и принимать.

БУ́КИ – вторая буква старославянской азбуки.

БУЛА́ТНЫЙ – выполненный из хорошей стали, применительно к острому холодному оружию.

ВЕ́ДИ – третья буква старославянской азбуки.

ВЕРЕ́Я – столб; часть конструкции, на которую навешивались ворота.

ВВЕК – продолжительное время; вечно, навсегда, на всю жизнь.

ВЕЛИЧА́ТЬСЯ – хвастать, быть тщеславным; выгодно себя представлять.

ВЕНЧА́ТЬ – сочетать браком в соответствии с церковным обрядом.

ВЕРВЬ – веревка, свитая в несколько прядей.

ВИВАТ – (лат. vivat) выражение, употребляемое как приветствие, восхваление, пожелание, буквальный перевод «да здравствует!».

ВЛАЧИТЬ – тащить, терпеть; терпение трудной судьбы, без радости и надежды.

ВНИМАТЬ – слушать внимательно, ловить каждое слово и мысль; устремляться к кому/чему-либо: и ему внемлет с изумленьем.

ВОЗОПÍTЬ – закричать, разрыдаться; сильно страдая, кричать.

ВООЧИЮ – своими глазами, по собственному опыту; перед глазами, на виду.

ВОРКОВАТЬ – нежно говорить, бормотать спокойно и с удовольствием.

ВОРОЖАЙКА – человек, обладающий способностями к ворожбе, колдовству, гаданию. Иначе – ворожейка.

ВОРОЖБА – гадание, колдовство; часто – владение знаниями о народной медицине.

ВОРОЖИТЬ – колдовать, гадать, загадывать.

ВОРОНО́Й – насыщенный иссиня-черный цвет; лошадь черной масти.

ВОСТАВИТЬ – восстановить, наладить.

ВСПАЛИТЬ – разжечь сильное чувство, возбуждать сильную страсть, увлеченность кем/чем-либо.

ВСПЛАМЕНИТЬСЯ – сильно загореться страстью к кому/чему-либо; влюбиться.

ВЫМЫШЛЯТЬ – придумывать, ухитряться.

ВЫНЯТЬ – вынимать, забрать; часто о душе, влюбленном человеке.

ГАЛУ́Н – нашивка из золотой или серебряной тесьмы для украшения форменной одежды.

ГА́РНЫЙ – ((укр.)) очень красивый, статный, восхитительный.

ГА́РУСНЫЙ – выполненный из мягкой крученой шерстяной пряжи, шерсти для шитья или вышивания; применительно к ткани или одежде.

ГЕЕ́ННА – место вечных мук, ад; характеристика душевного состояния человека.

ГЛАГО́Л – четвертая буква старославянской азбуки.

ГНЕВЛÍВЫЙ – негодующий, сердитый, вспыльчивый; применительно к характеру человека.

ГНУША́ТЬСЯ – избегать, пренебрегать.

ГОЙ ЕСÍ – форма приветствия, значившая «будь здоров»; формула, выражающая одобрение.

ГОРЕМЫ́КА – несчастный человек, с которым случилась беда; его не покидают страдания. Горемычный.

ГОРЕНКА – горница. Дом, изба; чистая, светлая часть дома.

ГО́РЛИЦА – вид малых диких голубей.

ГОРНОСТА́ЙКА – горноста́й. Небольшое хищное животное из семейства кунных, а также его мех.

ГОРЮ́Н – несчастный, обделенный; бедняга. Горю́ша – о женщине.

ГОРЯ́ЧНОСТЬ – сильная страсть, стремление, увлеченность кем/чем-либо.

ГРЕЗÉТОВЫЙ – сделанный из однотонной шерстяной ткани с мелким травчатым узором.

ГРЕЗИТЬСЯ – мечтать во сне, видеть во сне; часто мерещиться, показаться.
ГРЕНАДЁР – солдат кавалерийских или пехотных полков, предназначенный для метания гранат.
ГУДОК – вид скрипки без выемок по бокам, с плоским дном и крышкой, с тремя струнами. Гудочек.
ГУДОРИТЬ – гуторить. Оживленно разговаривать, болтать. Погудорить.
ГУСЛИ – народный струнный инструмент, напоминающий небольшую арфу. Гусельцы.
ДАТЬ ЛЕЩА – ироничное выражение; сильно ударить (обычно ладонью), толкнуть кого-либо. Не дадут мне и леща.
ДВА СТОЛБА С ПЕРЕКЛАДИНОЮ – виселица.
ДЕВЕРЬ – брат мужа. Деверёк. Деверинушка.
ДЕВКА – молодая девушка, обычно незамужняя.
ДЕРЗНОВЕННЫЙ – дерзкий, отважный, отчаянный.
ДЕСНИЦА – правая рука, карающая. Символ царской власти.
ДЕТИНА – молодой мужчина высокого роста и большой силы, статный.
ДИВИТЬСЯ – удивляться, не понимать.
ДИВОВАТЬСЯ – то же, что удивляться. Поражаться, удивляться.
ДНЕСЬ – сегодня, сейчас, в данный момент. Иначе: днесть.
ДОБРО – пятая буква старославянской азбуки.
ДОЖИДАТЬ – ждать, находиться в состоянии ожидания.
ДОКОЛЬ – пока, когда.
ДОНЦЕ – дощечка, на которую садится пряжа, втыкая в нее же гребень или кудель.
ДОРÓДНЫЙ – рослый, полный, с крупной фигурой.
ДОРÓДСТВО – рослость, статность человека, его крепкая фигура, здоровье.
ДОСАЖДАТЬ – досадить. Сделать что-то неприятное, сердить, раздражать кого-либо.
ДОСПЕВАТЬ – случиться, приключиться, произойти. Что девушке сделалось, что красной доспелось...
ДУБЬЁ – палки для битья, дубины.
ДУ́ЖЕ, ДЮ́ЖЕ – очень сильно, в высокой степени.
ДЬЯКОН – помощник священника, служащий в церкви.
ЕЛИ́НА, ЕЛИ́НКА – ель.
ЕСАУ́Л – офицер в казачьем войске, в казачьей общине.
Е́СТВА – еда, кушанья, блюда, яства.
Е́СТЬ – шестая буква старославянской азбуки.
ЕХИ́ДНЫЙ – злой, лукавый человек, подобный змею.
ЖА́РТЛИВЫЙ – (укр.) Молодой, подвижный, горячий; человек, в котором много жизненной энергии, активный.
ЖАРТОВА́ТЬ – ((укр.)) танцевать увлеченно; что-либо делать с большим рвением.
ЖИВЕ́ТЕ – седьмая буква старославянской азбуки.
ЖИВОТО́К – живот. Жизнь, жизненная сила; то, что дорого как жизнь.

- ЖУПАН – (укр.) Верхняя одежда, достаточно теплая.
- ЖУРІТЬ – ругать, выговаривать кому-либо, поучать.
- ЗАЗНО́БА – возлюбленный, возлюбленная. Зазнобушка.
- ЗАЗУ́БРИСТЫЙ – неровный, с зазубринами, выемками; часто противный, неприятный.
- ЗАЛЁ́СЬЕ – место, расположенное среди лесов.
- ЗАНИМА́ТЬСЯ – загораться, появляться. Занялась заря.
- ЗАРА́ЗА – губительное влияние, разрушающее человека. Часто о любовном чувстве.
- ЗЕЛЮ́ – восьмая буква старославянской азбуки.
- ЗЕМЛЯ́ – девятая буква старославянской азбуки.
- ЗЕФІ́Р – западный ветер, отличающийся своей легкостью и приятной прохладой; поэтическое название теплого ветра.
- ЗРАК – образ. Твой изобразила зрак.
- ЗРЕТЬ – видеть, замечать.
- И ВОСЬМЕ́РІЧНОЕ (і) – одиннадцатая буква старославянской азбуки.
- ЙБО – потому что, так как.
- ЙЖЕ – десятая буква старославянской азбуки.
- ИЗВА́ДИТЬСЯ – повадиться, приучиться, привыкнуть.
- ИЗНЫ́ТЬ – устать, исстрадаться, истосковаться.
- ИК – двадцать первая буква старославянской азбуки. Другое название – Ук.
- ИНА́КО – иначе, по-другому, иным образом.
- ИСПОДТІ́ШКИ – исподтишка. Тайно, украдкой.
- ИСПОЛА́ТЬ – выражение одобрения, похвала.
- ИССТУПЛÉНИЕ – страсть, одержимость, необъяснимое, нерациональное стремление к кому/чему-либо.
- ИСТОЦІ́ТЬ – ослабить, изнурить, утомить кого/что-либо.
- КА́КО – двенадцатая буква старославянской азбуки.
- КАЛА́Ч – хлеб из пшеничной муки в форме дуги.
- КАЛЁ́НЫЙ – обработанный сильным нагреванием. В песенной поэзии о стрелах или об ало-красном цвете.
- КАЛІ́НОВЫЙ – выполненный из калины. Калинов мост.
- КАМЗО́Л – одежда под кафтан, длинное мужское платье.
- КАМИЛА́ВКА – высокий головной убор православного духовенства.
- КАНА́ЛЬЯ – ругательство по отношению к хитрому, неугодному человеку.
- КАНО́НЕР – пушкарь в артиллерии.
- КАРА́ТЬ – наказывать.
- КАРТУ́З – головной убор с козырьком.
- КАСА́ТЫЙ – красивый, привлекательный; ласковое обращение к мужчине, юноше; касатик.
- КАФТА́Н – верхняя одежда с длинными полами.
- КВІ́ТКА – (укр.) цветок. Квиточка.
- КЕ́ЛЬЯ – уединенное жилище монаха; часто о комнате одинокого человека.

КЛІ́КАТЬ – звать, призывать, кричать.
КЛОБ – собрание, постоянное общество, которое собирается в особом помещении для беседы и увеселений. Клуб.
КЛОБУ́К – Высокий головной убор монахов с покрывалом. Клубуец.
КЛО́ЧИТЬ – сбивать в клочья, трепать, рвать.
КЛЯНУ́ТЬ – проклинать, ругать кого/что-либо, не перенося, осуждая.
КОКУНЯ́ТОЧКИ – птенцы кукушки.
КОКУ́ШЕЧКА – кукушечка. Кукушка – небольшая лесная птица, издающая особенные звуки в весенне-летние периоды.
КОЛЬ – если.
КОЛЧА́Н – сумка для стрел.
КО́НПА́НИЯ – компания, социальная группа, способ общения людей.
КОРОМЫ́СЛО – деревянная дуга с выемками или крючками на концах для переноски ведер на плечах. Коромысел.
КОСЯ́ЩАТОЕ ОКНО́ – окно, пропускающее много света, обрамленное тремя косяками, которые украшены резьбой. Косятчатый.
КРА́ГА – накладное голенище.
КРАП – расцветка оборотной стороны карты. Часто о специально отмеченных картах шулеров, обманывающих в карты.
КРА́СНЫЙ – красивый, очаровательный.
КРО́ТОСТЬ – мягкость, покорность, безропотность, доброта.
КРУЧИ́НА – расстройство, тоска, переживание. Кручинушка.
КРУЧИ́НИТЬСЯ – грустить, тосковать, печалиться.
КРУШИ́ТЬ – расстраиваясь, разрушать себя, сильно переживать. Истомлять, огорчать, не отвечая на чувства.
КУМА́Ч – ярко-красная ткань из хлопка, обычно использовалась как подкладка.
КУ́ПНО – вместе, совместно. Совокупно.
КУРА́Ж – смелое, непринужденное поведение или состояние.
КУРGÁН – могильный холм.
КУРИ́ТЬ ВИНО́ – кустарное производство, изготовление спирта и водки из хлебных злаков или картофеля.
КУРОЛÉСИТЬ – проказничать, издеваться, хитрить; вести себя развязно, свободно.
КУША́К – тканевый пояс.
ЛАЗО́РЕВЫЙ – насыщенный голубой цвет.
ЛІ́ТЕРА – буква.
ЛИТЬ КОЛЬЦО́ – элемент обряда гадания девушек (через кольцо льют воду).
ЛИХО́Й – злой, губительный, лукавый. Бонапарт лихой.
ЛИХОМА́НКА – первоначально болезнь, сопровождающаяся жаром и ознобом попеременно. Во втором значении что-то или кто-то, вызывающий эмоциональную болезнь, внутренний раскол, несчастные чувства.
ЛОБЗА́ТЬ – целовать, нежить.
ЛО́ДОЧКА-КОЛО́МЕНКА – большегрузное речное судно.

ЛУЗЬ – луг. Во лузях.

ЛЪЗЯ – можно.

ЛЪНУТЬ – прижиматься, обниматься; испытывать нежное чувство.

ЛЪСТИТЬ – утешать себя, успокаивать себя, часто намеренно обманываясь.

ЛЮБЕЗНЫЙ – любимый, дорогой человек. Любезная.

ЛЮБЫЙ – (укр.) прекрасный, приятный глазу; любимый. Любчик.

ЛЮДИ – тринадцатая буква старославянской азбуки.

ЛЮТЫЙ – невероятно жестокий, властный, злой, несправедливый. Часто о судьбе, жизни, полной невыносимых трудностей.

ЛЯД – леший, черт. К ляду скажет. Выражает презрение, пренебрежение, желание избавиться от чего-либо.

МАНЕСЕНЬКИЙ – (укр.) маленький, нежный.

МАНОВЕНЬЕ – мгновение, одно движение.

МАРЬЯЖ – брак, свадьба. В карточных играх – король с дамой одной масти у игрока.

МАНЕРНЫЙ – соблюдающий манеры, вежливый, приятный. Во втором значении – образованный.

МЕТАТЬСЯ – беспокоиться, нервничать, суетясь.

МИЛЫЙ – возлюбленный.

МИЛОВАТЬСЯ – проявлять нежные чувства к возлюбленному.

МИНОВАТЬ – избежать чего-либо; обойти, пройти; закончиться.

МИНОВАТЬСЯ – миновать. Закончиться, избавиться.

МИТКАЛЬ – грубоватая, но легкая хлопчатобумажная ткань серо-коричневого цвета, изготовленная для обивки.

МИТКАЛЬНЫЙ – выполненный из миткаля.

МЛЫНОК – (укр.) название небольшой деревни. Млинок.

МНИТЬ – предполагать, представлять, казаться.

МНИТЬСЯ – мнить.

МОЛЕБСТВО – церковная служба, благодарственная молитва.

МОЛОДЕЦ – молодой, неженатый человек; статный молодой мужчина. Молодчик.

МОЛОДУШКА – молодая девушка; часто замужняя.

МОРКОТНО – скучно, тоскливо.

МОЧКА – волокнистый материал, который предварительно вычесывают гребнем или щеткой, для прядения нити на веретене. То же, что кудель.

МОШНА – кошелек в виде мешочка. Деньги, богатство.

МУРАВА – луговая сочная, густая трава.

МУРАВЫЙ – зеленый, обычно о сочной траве.

МЫКАТЬ – переживать тяжелую долю, подвергаться испытаниям со стороны судьбы.

МЫСЛЁТЕ – четырнадцатая буква старославянской азбуки.

НАВЗБАЛМОШЬ – безрассудно и безрезультатно; бестолково.

НАВИНА – новина. В первом значении новость, новая информация. Во втором значении – новый урожай или непаханая земля. В третьем – небеленый холст.

НАВСТ – навстречу.
НАДÉЖА – надежда, тот, на кого надеются, от кого ждут только блага.
НАЛÍВЧАТЫЙ – наливной, зрелый и сочный.
НАНОСНО́Й – неверный, клеветнический.
НАПА́СТЬ – беда, тяжелое испытание, часто внезапное.
НАТУ́РА – природа.
НАХЛУ́ПИТЬ – надеть, надвинуть. Нахлучить, наклобучить, принахлупить.
НАШ – пятнадцатая буква старославянской азбуки.
НЕБОГО́ – (укр.) милый, дорогой, любимый.
НЕМА́Е – (укр.) нет.
НЕКО́ШНЫЙ – нелегкий, недобрый, нечистый.
НЕСНО́СНЫЙ – нестерпимый, невыносимый; тот, который не хватает сил терпеть, отнимающий много жизненных сил.
НЕХА́Й – (укр.) пусть, пускай.
НИОТКО́ЛЬ – ниоткуда.
НО́НЕЧЕ – нынче, недавно, на днях.
НОРОВÍТЬ – намереваться, желать, стремиться.
НУ́ТЕ – побудительное обращение к большому количеству человек, как «ну».
ОБЛЕКА́ТЬ – заволакивать, закрывать, проникать.
ОВÍН – хозяйственная постройка для сушки снопов.
ОДНОДВО́РЕЦ – человек из сословия служилых людей, имеющий право владеть крестьянами, но небогатый, работающий наравне с ними и облагавшийся подушной податью.
ОКО́ЛЫШ – облегающая часть головного убора. Околышек.
ОКÓННИЦА – оконная рама.
ОКРОПÍТЬСЯ – покрыться небольшими каплями.
О́ЛУХ – дурак, простой человек, которого можно легко обмануть.
ОН – шестнадцатая буква старославянской азбуки.
ОНУ́ЧА – обмотка на ногу, портянка или ткань для нее.
ОПОСТЫ́ЛЕТЬ – надоест, стать невыносимым, вызывать тоску и неприятные эмоции.
ОСТÓВ – основа; часто о скелете, сильно похудевшем человеке.
ОРА́ТЬ – пахать или взрывать землю для посева.
ОТРА́ДА – то, что вдохновляет и успокаивает; радость, наслаждение.
ОТРЕКА́ТЬСЯ – отказываться, отворачиваться, часто от кого/чего-то близкого, важного, дорогого.
ОТСÉЛЕ – отсюда, из этих мест.
ПА́ГУБА – несчастье, беда, гибель.
ПАЖ – слуга при владетельной, богатой особе или воине.
ПАНИХИ́ДА – совершение молитвы по умершему с целью успокоения его души.
ПАРЧА́ – плотная шелковая ткань с узорами из золота и серебра.
ПАСТЬ – умереть, погибнуть.

- ПАХТАТЬ** – сбивать, встряхивать жидкость, делая из нее масло.
- ПАШНЯ** – земля, нуждающаяся в обработке, для ежегодного посева и взращивания культур. Пашенка.
- ПЕНЯТЬ** – выговаривать, упрекать, изъяслять неудовлетворение, корить.
- ПЕРЕСУД** – недобрый отзыв, обсуждение кого-либо с высказыванием плохого мнения.
- ПЕСТРЯНЫЙ** – пестрый, яркий.
- ПЕЧЬСЯ** – заботиться, переживать, печалиться. О жизни боле не пекися.
- ПИТАТЬ** – ощущать, чувствовать, переживать; часто: поддерживать чувство, быть его основой.
- ПЛАМЕНЬ** – пламя; чувство, страсть.
- ПЛАТ** – платок.
- ПЛЕНЯТЬ** – захватить чью-либо волю, внимание, расположение; привлечь к себе, прельстить.
- ПЛЕНЯТЬСЯ** – увлекаться кем/чем-либо.
- ПЛУТЯГА** – плут, нечестный человек, способный на обман, мошенничество и пр.
- ПОБРАНКА** – небольшая ссора, разногласие. Часто о семейных ссорах или ссорах между возлюбленными. Побраночка.
- ПОГОВОРОЧКА** – речь, разговор. Манера разговаривать.
- ПОГУТОРИТЬ** – доверительно и весело поболтать, поговорить.
- ПОДГОРЮНИТЬСЯ** – расстроиться, впасть в задумчивость, в тоску.
- ПОДОЙНИК** – ведро для молока, в которое доят корову.
- ПОДРЕЗНАЯ КАРТА** – карта со специальными отметками, используемая при нечестной карточной игре. Во втором значении – карты, с которыми можно рассчитывать на победу и которые «подрежут» соперника.
- ПОДЬЯЧИЙ** – канцелярский служащий.
- ПОЕЗЖАЛЫЙ** – посыльный, гонец, курьер; часто поезжалые – свадебные гости.
- ПОКАМЕСТ** – пока, до определенного времени.
- ПОКОЙ** – семнадцатая буква старославянской азбуки.
- ПОКОРСТВОВАТЬ** – покоряться, отдаваться на волю кого/чего-либо.
- ПОЛА** – нижняя часть одежды, запашной край.
- ПОЛИТИКА** – уклончивое поведение, хитрость, не совсем искреннее отношение, ориентирующееся на разум, а не чувства.
- ПОЛИТИЧНЫЙ** – тактичный, дипломатичный; во втором значении – обходительный, внимательный, услужливый.
- ПОЛОГ** – ткань, занавеска, закрывающая кровать сверху.
- ПОЛОН** – плен.
- ПОЛОНИТЬ** – захватить, взять в плен.
- ПОНОМАРЬ** – одна из низших ступеней в церковной службе. Пономарик.
- ПОНОРАВЛИВАТЬ** – не спешить, медлить, ожидать лучший момент, время.
- ПОП** – православный священник.
- ПОПЕНЯТЬ** – упрекнуть, укорить.

ПОПИРА́ТЬ – топтать; нарушать что-либо, пренебрегать.
ПОРТУПЕ́Я – ремень для ношения оружия; часть обмундирования солдат.
ПОРФЫ́РА – торжественная верхняя одежда, мантия царя.
ПОРХА́ТЬ – очень легко, беззаботно летать, веселиться, радоваться.
ПОСОБИ́ТЬ – помочь, оказать содействие.
ПОСТРЕ́Л – озорной, дурашливый человек, активный и шутливый; хулиган, сорванец.
ПОСТРИ́ЧЬСЯ – стать монахом, принять монашество.
ПОСТЫ́ЛО – противно, немило; то, что вызывает тягостные, неприятные чувства.
ПОТУ́ПИТЬСЯ – опустить голову, глаза в расстроенных чувствах или смущении.
ПОЯ́СКА – пояс. Поясочка.
ПРЕЛЬСТИ́ТЬСЯ – увлечься, замечаться о ком/чем-либо забыться.
ПРЕМЕ́НА – изменение, часто в поведении знакомого человека.
ПРЕМИ́НУТЬ – забыть, оставить; перестать.
ПРЕПО́НА – препятствие, помеха.
ПРИГОЖА́ЙКА – милостивая, приятная девушка.
ПРИГО́ЖИЙ – красивый, хороший.
ПРИЛУ́КА – изогнутый берег реки.
ПРИНАХЛУ́ПИТЬ – очень низко надеть головной убор; натянуть шапку так, чтобы не видно было глаз.
ПРИСТЯ́ЖКА – лошадь, запряженная сбоку, в помощь основной. Или процесс запряжки лошади.
ПРИТАРА́НИТЬ – принести, притащить, используя силу.
ПРИТВО́РСТВОВАТЬ – притворяться, вести себя ложным образом.
ПРИЯ́ТСТВО – что-либо приятное, приносящее удовольствие.
ПРОВОЖДА́ТЬ – проводить время.
ПРОВЯ́НУТЬ – просушиться, обсохнуть на ветру. Во втором значении – стать несвежим.
ПРОНЫ́РЕЦ – проныра, хитрый человек, во всем умеющий найти собственную выгоду.
ПРОСВЫ́РНЯ – женщина, которая выпекает просфоры – специальный вид еды для прихожан церкви.
ПРОСТИРА́ТЬСЯ – распространяться, занимать место.
ПРОСТЯ́К – простак, простой человек, которого легко обмануть, с которым легко общаться.
ПРОТА́ЛИНА – место, где растаял снег.
ПРОТИВОСТА́ТЬ – противостоять, сопротивляться, сохранять свою позицию.
ПУКЕ́ТОВЫЙ – букетовый, букетный, из цветов.
ПУСТЫ́НЯ – безлюдное, тихое место.
ПУ́ТНО – вместе, совместно.
ПЫЛА́ТЬ – гореть страстью, быть страстным, эмоциональным.
РАЗИ́ТЬ – бить, убивать; сражать, побеждать.
РАКИ́ТОВЫЙ – о кустах, часто ивовых.

- РАСКАЯТЬСЯ – тяжело переживать о содеянном, сожалеть, сознавать ошибку.
РАСПАЯТЬСЯ – разойтись, расплавиться; разделиться.
РВАТЬСЯ – стремиться к кому/чему-либо, будучи одержимым страстью.
РЕСТ – карточная игра, а также остаток.
РЕТИВЫЙ – скорый, пылкий, горячий, страстный.
РЕФЭТ – особый расчет в некоторых картежных играх при близком исходе игры
вничью.
РÓВНУШКА – человек, равный по возрасту, ровесник; человек равного соци-
ального положения.
РОК – судьба; часто тяжкая участь, которая предполагает беды, угрожает стра-
даниями и испытаниями.
РОПТАТЬ – жаловаться, переживать о тяжелой судьбе; быть недовольным соб-
ственной жизнью.
РОСС – россиянин, русский.
РЎБИЩЕ – грубая, простая одежда.
РУСАК – русский человек.
РЦЫ – восемнадцатая буква старославянской азбуки.
САЛÓП – женская верхняя одежда, длинная, часто с капюшоном. Салопчик.
САФЬЯНОВЫЙ – сделанный из качественной козловой кожи.
СВАТ – человек, который организует сватовство (знакомство и договоренность
о свадьбе) молодых людей.
СВЕТЛÍЦА – самая светлая, парадная комната в доме. Светелка.
СВЁКОР – отец мужа.
СВИРÉЛЬ – музыкальный инструмент, напоминающий дудочку, популярный
в народной среде.
СГОВОРÉНЬЕ – помолвка, договоренность о свадьбе.
СÉЛЕЗЕНЬ – в песнях о красивом мужчине, хорошем собой, статном. Зелезень.
СЁМ-КА – выражение ободрения, начинания действия: а ну, давай!
СЖИДАТЬСЯ – встречаться, ожидать друг друга.
СКÍПЕТР – жезл, символ царской власти.
СКЛАДЫ́ – слоги.
СКУДА – бедность, нищета, недостаток; часто о душевном состоянии находя-
щегося в тоске человека.
СЛОБОДА – село с некрепостным населением. Слободушка.
СЛÓВО – девятнадцатая буква старославянской азбуки.
СМÉТИТЬ – сообразить, прийти к выводу, понять что-либо.
СМУР – смурый.
СМУ́РЫЙ – темно-серый, темно-бурый. Смур кафтан.
СНАСТÍТЬ – оснащать, готовить судно к отплытию.
СНЕСТЬ – перенести, пережить, принять.
СНОХА́ – жена сына. Сношка.
СОБО́Р – собрание, совокупность. Соборище.

СОВЕ́ТНО – совместно, вместе.
СОВМЕ́СТНИК – соперник, противник, который претендует на то же самое. Часто о претендентах на женское сердце.
СОДЕ́ТЕЛЬНИЦА – та, которая совершает действие; свершительница.
СОПРЯГА́ТЬ – связывать, соединять браком.
СПИ́РЯ – сокр. от Спиридон, в честь которого 25 (12) декабря праздновали день зимнего солнцестояния. Впоследствии название танца с неприличными движениями.
СПОЗНА́ТЬ – узнать, признать кого/что-либо, пережить.
СПОКО́ИТЬ – успокоить, усмирить.
СРАМЛÉНЬЕ – смущение, стыд.
СРЯЖА́ТЬСЯ – готовиться к чему-либо, запастись необходимым для долгого пути.
СТАВО́К – (укр.) пруд, небольшой водоём. На бережку у ставка.
СТА́РИЦА – отшельница, монахиня.
СТЕЗЯ́ – путь, дорога, жизненное предназначение.
СТЕНА́ТЬ – мучительно, болезненно вздыхать; стонать; страдать от переживаний.
СТОЛОВА́ТЬ – принимать пищу, проводить застолье.
СТРАЖ – сторож, охранитель; тот, кто (то, что) бережет покой.
СТРА́ЖДАТЬ – страдать, мучиться в переживаниях.
СТРАЦА́ТЬ – пугать, запугивать.
СТРЕМНИ́НА – место наиболее бурного, стремительного течения реки.
СТРУГ – речное судно, гребное и парусное, лодка, челн.
СТРУЖО́К – то же, что струг. Выплывают два снаряжены стружки...
СУГУ́БИТЬ – увеличивать, множить (обычно о страданиях), делать хуже.
СУЛИ́ТЬ – обещать, предлагать для выполнения своих намерений.
СУПОСТА́Т – злой, жестокий человек; тиран, враг.
СУПРО́ТИВ – напротив, перед кем/чем-либо.
СУХОТА́ – страдание, переживание; тоска, грусть.
СУШИ́ТЬ – страдать от любви; переживать, забывая о себе; впадать в любовное забвение.
СЫЗМАЛÉНЬКА – с малых лет, с детства.
СЫСКА́ТЬ – найти, отыскать.
ТАЛА́Н – участь, судьба, предназначение.
ТАМБУ́Р – вышивание по типу «петля в петлю».
ТАРА́НИТЬ – тащить, нести или везти что-то тяжелое, громоздкое.
ТАФТА́ – плотная ткань с мелким узором.
ТВАРЬ – всё живое; живые существа.
ТВЕРДО́ – двадцатая буква старославянской азбуки.
ТЕРЯ́ТЬ – лишаться чего-либо. Во втором значении – сгубить, убить, лишить жизни.
ТЕСО́ВЫЙ – сделанный из досок, вырезанных из хвойных пород деревьев.
ТЕТЕ́РИТЬСЯ – сердиться, намеренно показывая свою обиду; дико реагировать на проявления чувств.
ТЕТИВА́ – натянутая струна, элемент стрелкового оружия.

- ТЛЕТЬ – гореть без пламени. Тлеть страстью – о томной любви.
ТОК – течение, движение, обычно стремительное; голос, звучание: вспели птицы в один ток.
ТОМИТЬСЯ – переживать, быть в неведении.
ТОМНЫЙ – нежный, слабый, расслабленный.
ТОРИТЬ – прокладывать дорогу, протаптывать. Торить дорожку.
ТОРОВАТЫЙ – великодушный, щедрый.
ТРУНИТЬ – подшучивать, смеяться над кем-либо.
ТУЖИТЬ – переживать, расстраиваться; испытывать трудности.
ТЩЕТА – суетливость и бесполезность; рутинность, безрезультатность.
ТЩЕТНО – бесполезно, зря, напрасно.
ТЩЕТНЫЙ – бесполезный; тот, который не имеет результата, безуспешный, напрасный.
ТЮРЬМА МАГИСТРАЦКАЯ – относящаяся к магистрату – городскому распорядительному и судебному управлению, заведующему горожанами.
УБОГИЙ ДОМ – богадельня, приют для калек. Также место, куда привозили тела погибших странников, утопленников, убитых в пути. Общая могила, морг. Убожница.
УБОР – наряд, одежда.
УДЕЛ – судьба, то, что ею уготовано.
УК – тридцатая буква церковно-славянской азбуки
УЛАСКАТЬ – убеждать, уговаривать; удовлетворять, угождать человеку.
УМИЛИТЬСЯ – разжалобиться, смягчиться; стать жалостливее, сердечнее; оттаять.
УНЯТЬСЯ – успокоиться, перестать, прекратить.
УПОВАТЬ – надеяться на что-либо с глубокой верой в счастливый исход, полагаться на что, кого-нибудь.
УПОЁНЬЕ – восторженность, радость, состояние восхищения кем/чем-либо.
УРОДЛИВА – (укр.) Девушка, которая очень хороша собой, здорова, весела, красива.
УТЁХА – радость, веселье; часто утешение, то, что успокаивает.
ФАЛДА – задний длинный конец мужской верхней одежды, пола.
ФАТА – большой женский платок, легкое покрывало на голову.
ФЕРТ – двадцать вторая буква старославянской азбуки.
ФЕТЮК – рассеянный человек, дурак, которого легко обмануть.
ФЛЁР – покров, завеса, пелена.
ФЛÓРА – растительный мир; природа.
ФРУНТ – выстраивание в строй, по стойке прямо.
ХАЖИВАТЬ – много раз ходить в одно и то же место; прогуливаться по любимым местам.
ХИМЕРА – фантазия, нечто неосуществимое, призрачное, нереальное.
ЦУР – (укр.) Чур.
ЧАД – густой дым, обычно с неприятным запахом.

ЧА́РКА – небольшой сосуд для питья.
ЧАСОСЛÓВ – книга с некоторыми текстами для церковной службы. Часто по ней изучали грамоту.
ЧАСТЬ – участь, доля, судьба.
ЧАТЬ – возможно, вероятно, по-видимому.
ЧА́ЯТЬ – надеяться, предполагать, желать.
ЧЕЛОБИ́ТЬЕ – поклон; привет, весть. Челобитьице.
ЧЕРВÓННЫЙ – алый.
ЧЕРЕВÍКИ – (укр.) Башмаки, сапоги с каблуком.
ЧЕРНÉЦ – монах.
ЧЕРТО́Г – красивое, богатое здание с великолепным убранством.
ЧЁСКА – второй разбор пакли, вычески.
ЧИНÍТЬ – устраивать, создавать, делать, производить.
ЧИНЬ ОГНЁМ – загорайся, гори все огнем.
ЧÓБОТЫ – сапоги, часто с высоким голенищем.
ЧОК – звук во время соприкосновения чего-либо, легкого удара.
ЧТИТЬ – уважать кого, что-либо, проявлять почтение; одобрять что-либо.
ЧУБ – (укр.) Прядь волос на темени. Чубчик.
ЧУФÍС – падение в ноги.
ШАНЦЫ́ – земляные укрепления, окопы.
ШАТЁР – палатка.
ШЕЛЬМÓВКА – хитрая девушка, женщина; обманщица, притворщица.
ШИРÍНКА – короткое полотнище, кусок ткани, полотенце.
ШИША́К – защитный головной убор воина.
ШКО́ЛЬНЫЙ – образованный, просвещенный.
Я́ЗВА – вред, зло.
Я́К, Я́КО – как, подобно.
Я́РЫЙ – яркий, чистый, часто расплавленный: Ярый воск.

ОПИСАНИЕ СБОРНИКА

Список сокращений, использованных в описании

БАН – Описание рукописного отдела БАН СССР. Том 4, вып. 2. Стихотворения, романсы, поэмы и драматические сочинения. – Л. : Наука, 1980.

Герстенберг/Дитмар – Русские песни XVIII века / песенник И. Д. Герстенберга и Ф. А. Дитмара ; общ. ред. и вступ. ст. Б. Вольмана. – М. : Государственное музыкальное издательство, 1958.

Иваницкий – Песни, сказки, пословицы, поговорки и загадки, собранные Н. А. Иваницким в Вологодской губернии / [подгот. текстов, вступ. ст. и примеч. Н. В. Новикова] ; Акад. наук СССР, Ин-т рус. литературы (Пушкинский дом). – Вологда : Кн. изд., 1960.

Киреевский 1968 – Песни, собранные писателями. Новые материалы из архива П.В. Киреевского. Т. 79. – М. : Наука, 1968.

Киреевский/Якушкин – Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи П. И. Якушкина. Т. 2. – Л. : Наука, 1986.

Киреевский 1977 – Собрание народных песен П. В. Киреевского. Записи языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях / П. В. Киреевский. – Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1977.

Клепиков Клепиков С. А. Филиграни и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII – XX веков М. : Изд-во Всесоюзной Книжной палаты, 1959.

Львов/Прач – Собрание народных русских песен с их голосами / Под ред. и с вступ. ст. В. М. Беляева. М. : Государственное музыкальное издательство, 1955.

НВП 1819 – Новейший всеобщий и полный песенник, или Собрание всех употребительных, доселе известных новых и старых отборных песен лучших в сем роде Сочинителей в шести частях. – СПб. : В типографии И. Глазунова, 1819.

НКП 1815 – Новейший карманный российский песенник, или Собрание самых новейших и употребительнейших всякаго рода песен; как-то: веселых, любовных, пастушеских, простонародных, сатирических, хороводных, святошных, свадебных и проч.: Избранные из лучших сочинений Карамзина, Державина, Дмитриева, Хераскова, Богдановича, Мерзлякова, Хованскаго, Неледискаго-Мелецкаго и Жуковскаго. – М. : В тип. Н. С. Всеволожскаго, 1815.

НРП 1812 – Новейший российской песенник. : С приобщением арий из Русалки из 4-х частей. Как то: нежных, любовных, пастушеских, простонародных, театральных, военных, издевочных, выговорных, критических, веселых, и печальных, плясовых, цыганских, хороводных и малороссийских. [Ч. 1-2]. – СПб. : В тип. В. Плавильщикова, 1812-1817.

НРП 1817 – Новейший российский избранный песенник, : Содержащий в себе: полное собрание лучших разного рода песен, как употребительных, так и очень многих доселе неизвестных, : С приобщением арий из лучших новейших опер, как-то: Любовной почты, Деревенских певиц, Леона, Яма и прочих лучших опер, с дополнением вновь вышедших в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах военных песней и хоров.: Расположенный на пастушеския, любовныя, театральныя, простонародныя, веселыя, хороводныя, цыганския, святочныя, свадебныя, застольныя, военныя, былевыя, сатирическия и проч. и проч., с объяснением содержания и голоса каждой песни. : Собранный из лучших авторов, в удовольствие любителей пения. Ч. [1-2]. – М.: В типографии Н. С. Всеволожскаго, 1817.

Песенник 1810 – Новейший всеобщий песенник, или песенное собрание лучших всякого рода песен. Собр. Аф. Калатилиным. – М., 1810.

Соб. – Великорусские народные песни. Т. 1, 2, 3, 4, 5 / изд. проф. А. И. Соболевским. – СПб, 1897.

Трутовский – Трутовский В. Собрание русских простых песен с нотами / Под ред. и вступ. ст. В. Беляева. М.: Государственное музыкальное издательство, 1953. - 184 с.

Чулков – Новое и полное собрание российских песен, содержащих в себе песни: любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, свадебные, святочные, с присовокуплением песен из разных российских опер и комедий. Ч. 1 – 4 / Сост. Н. И. Новиков. – М., 1780-81.

Россия, Екатеринбург, Отдел редкой книги Свердловской объединенной универсальной научной библиотеки им. Белинского, № 375380. Сборник песен. 4 (210/216 на 160/170 мм.). 125 л. Бумага синяя разных оттенков начала XIX.

Филиграни:

1) л. 2 – «Pro Patria»; л. 6 – литеры ЯМФ в круге (Ярославская мануфактура фабриканта Дмитрия Яковлева), начало даты: «18»; л. 60 – вторая часть филиграни и дата (18) «14». Ближе см.: Клепиков, с. 72, № 780, 781;

2) л. 65 – дата (18)13;

3) л. 8 – филигрань «Герб Ярославской губернии» (Медведь с секирой), тип. 10 (см. классификацию: Клепиков, с. 24).

Таким образом, датировка бумаги сборника ограничивается 1813 –1814 г.

Нумерация. Сохранилась авторская постраничная нумерация: 2–9; 1–243 = 125 лл. (по архивной нумерации).

Текст располагается в один или два столбца. Каждая песня заканчивается словами: «Конец» или «Конец сей песни», которые при описании опускаются.

Почерк. Рукопись написана тремя перемежающимися почерками конца XVIII – начала XIX в.

1) скоропись конца XVIII в.: Л. 1-3, 5 – 5 об., 8–16, 17 об., 39, 39об., 40 об.–50, 54 об. 57–60 об., 61 об.–63 об., 65–66, 69 об., 73 об., 76 об.–79, 98, 101, 102, 106–

2) писарский почерк начала 19 в.: Л. 3–4 об., 6 – 8, 16 об. – 17 об., 20 об., 22–23

об., 32, 49 об., –50 об., 51 об.–54 об., 55 об., 56–57 об., 61–61 об., 64–65, 66 об., 76, 79 об., 89–97 об., 99, 100, 101 об., 104,

3) почерк XIX в. 32 об.

Утраты: обложка, титульный, первый листы.

Переплет поздний, картон в серой бумаге XX в. Корешок более светлый. Надпись на переплете от руки «Сборник песен». Переплетные листы – белый вагман, XX в.

Записи: 1) л. 14 об. (1 почерк): «Все окончены 22 песни на арханах, а будут разные веселыя песни после сих»;

2) л. 125 об. (1 почерк): «Всемъ песнямъ окончание на сей странице и ихъ числомъ с аргаными выходитъ 267 песенъ, которыя по алфавиту все значуются в заглавии сей книги следующимъ порядкомъ. Конецъ».

Состав песенника

л. 1–4 об. «Алфавит, 2-я страница». Нач.: «А» [Алфавит приведен в виде таблицы, где в первом столбце указан номер песни в сборнике, во втором – инципит по алфавиту, в третьем – номер страницы в сборнике. Инципиты указаны только до буквы «У»].

л. 5. «Песни выпесанные прежде бывших у меня органнов по 1-му валлу». [Название рубрики].

л. 5. № 1-ой – военная. Марш французской в походе».

л. 5. «№ 2-ой – военная. Марш польской в Варшаве».

л. 5. «№ 3-ой – театральная. Экоссес».

л. 5–5 об. № 4-ая – малоросиянская». Нач.: «На берещку у ставка, на дощечки у млинка...». [Трутовский, с. 147. Львов-Прач, с. 319. НВП 1819, ч. 2, с. 156. Незначительные фонетические разночтения (берещку – бережку, щоб – щоп)].

л. 6 – 6 об. «Песня под № 5». Нач.: «Хожу я по улицы, да не нахожуся я...». [НРП 1817, с. 55. «Песня, которую поют цыгане удалым голосом (припев к каждому двум стихам)». Разночтения в припевке: то-то люлюшинки – то-то люшеньки. Композиционный вариант: отсутствие повторов и некоторых стихов. НВП 1819, ч. 2, с. 131; Соб., т. 7, с. 54].

л. 6 об. – 8. «№ 6-я песня». Нач.: «Как у наших у ворот...». [НКП 1815, с. 60; НРП 1817, с. 51. «Песня, употребляемая цыганами». НВП 1819, ч. 2, с. 110. Иные варианты со сходным сюжетом. Соб., т. 2, с. 430. Композиционный вариант: отсутствие повторов каждого стиха].

л. 8. «№ 7-я, песня. Козачок» [Текст песни отсутствует].

л. 9. «№ 8 песня». Нач.: «Взвейся, выше понесися...». [Автор Н. Николев. Впервые опубликовано в периодическом издании «Чтение для вкуса, разума и чувствований», 1793 г. Герстенберг / Дитмар, ч. 1. НРП 1812, с. 22; НКП 1815, с. 26; НВП 1819, ч. 1, с. 12. Лексические разночтения (тамо – здесь), незначительные перестановки слов в стихе].

л. 9–9 об. «№ 9 песня». Нач.: «Выйду ль я на реченьку...». [Львов-Прач, с. 176; Соб., т. 2, с. 236. Иные варианты со сходным зачином. НКП 1815, с. 36; НРП 1817, с. 194; НВП 1819, ч. 2, с. 20. Незначительные лексические разночтения].

л. 9 об. – 10. «№ 10-ая песня». Нач.: «Чем я тебя огорчила...». [НРП 1812, с. 794; НРП 1817, с. 183. Указание в издании: «Новая петербургская песня, известная по своему голосу»; НВП 1819, ч. 2, с. 2. Композиционные варианты].

л. 10 – 10 об. «№ 11-ая песня». Нач.: «На толь, чтобы печали в любви нам находить...». [НРП 1812; с. НКП 1815, с. 77; НВП 1819, ч. 1, с. 174. Лексические разночтения (счастливее – спокойнее, так – коль)].

л. 10 об. «Песни, выпесыныя для органов по в 2-му валу». [Название рубрики].

л. 10 об. «№ 1-ая песня. Марш из Ладойска». [Текст песни отсутствует].

л. 10 об. «№ 2-я песня. Кадлель» (Так!) [Текст песни отсутствует].

л. 10 об. – 11. «№ 3-я песня ». Нач.: «Что это за сердце во мне все изныло...». [НКП 1815, с. 119; Соб., т. 5, с. 240. В издании пространный вариант, исполняется с припевками].

л. 11 об. «№ 4-ая песня». Нач.: «Ах! Сени мои, сени...». [Львов-Прач, с. 200].

л. 11 об. – 12. «№ 5 песня». Нач.: «По улице мостовой...». [Львов-Прач, с. 214. Незначительные морфологические разночтения].

л. 12 об. «№ 6-ая песня. Спирия». [Текст песни отсутствует].

л. 12 об. «№ 7-ая песня. Комаринская». [Текст песни отсутствует].

л. 12 – 13. «№ 8-ая песня». Нач.: «Барыня, барыня, сударыня-барыня... ». [НВП 1819, ч. 2, с. 113. Незначительные морфологические (дорожке – дороженьке) и лексические разночтения (смотрел – глядел, если – кабы)].

л. 13 – 13 об. «№ 9-ая песня». Нач.: «Ах по мосту, мосту...». [Львов-Прач, с. 196; НВП 1819, ч. 2, с. 102; Соб., т. 3, с. 197, № 245. Морфологические (камзольчик – камзол, платок – платочек) и лексические разночтения (итальянский – ост-индийский) и композиционные разночтения: в сборнике отсутствует строка после 5 стиха «Батистовы манжеты трепещутся»); БАН, с. 169].

л. 13 об. – 14. «№ 10-го песня». Нач.: «Веселяся в чистом поле...». [Автор: М. М. Херасков. Ария из комической оперы «Добрые солдаты» (1780). НВП 1819, ч. 5, с. 6; БАН, с. 171].

л. 14. Нач.: «Мы тебя любим сердечно...». [Автор: М. М. Херасков. Ария из комической оперы «Добрые солдаты» (1780). НВП 1819, ч. 5, с. 7].

л. 14 – 14 об. «№ 11-го песня». Нач.: «Я не знала ни о чем в свете тужить...». [НВП 1819, ч. 2, с. 42. Незначительные лексические разночтения (развеселыя – с подволокою и пр.)].

л. 15. «Разныя песни». [Название рубрики].

л. 15 – 15 об. «№ 1-ой песни, на голос «Взвейся выше понесися...». Нач.: «Взвейся, ласточка, вскрутися...».

л. 15 об. – 16. «№ 2-я пес[н]я на голос «На толь, чтобы печали...». Нач.: «Почто ты, сердце, страстным...». [НВП 1819, ч. 6, с. 21].

л. 16 – 16 об. «№ 3 песня. Голос нежной, приятной». Нач.: «Стонет сизой голубочик...». [Музыка: Дитц Антон Август Фердинанд. НВП 1819, ч. 1, с. 8. Незначительные лексические разночтения (тоскует – горюет)].

л. 16 об. – 17 об. «№ 4-й, песня. Голос самой томной». Нач.: «Звук унылой

фортопьяной...». [НВП 1819, ч. 1, с. 155. Лексические разночтения (хотя тирана – хотя и рано, реки – токи, иногда – и когда и пр.)].

л. 17 об. – 18. «№ 5 песня. Голос приятный». Нач.: «Полно, сизенькой, кружиться...». [НВП 1819, ч. 1, с. 6. Незначительные лексические разночтения].

л. 18 об. – 19. «№ 6 пе[сня]. Голос томный, нежный». Нач.: «Снеги белые, пушисты...». [НВП 1819, ч. 1, с. 186. Незначительные лексические разночтения].

л. 19 об. «№ 7 песня. Голос приятный, любовный». Нач.: «Винят меня в народе ...». [НВП 1819, ч. 1, с. 1].

л. 20. «№ 8-ой песня. На голос предыдущей песни». Нач.: «Винят меня на свете...». [НКП 1815, с. 31; НРП 1817, с. 77; НВП 1819, ч. 1, с. 114].

л. 20 об. «№ 9-ой песня. Голос унылой, любовная». Нач.: «Законы осуждают предмет моей любви...». [Автор М. Н. Карамзин. Песня из повести «Остров Борнгольм» (1793). В сборнике отсутствует последний стих «С тобой погребусь». НРП 1812, с. 119; НКП 1815, с. 46; НВП 1819, ч. 1, с. 37. В этом издании вариативность имен: Лилу – Лиду; БАН, с. 210, 278].

л. 21 – 22. «№ 10-ая песня. Голос нежной и приятной». Нач.: «Кто мог любить так страстно...». [Автор М. Н. Карамзин. «Прости», впервые опубликовано в «Московском журнале» 1792 г. НРП 1812, с. 20; НВП 1819, ч. 1, с. 4].

л. 22 – 23. «№ 11-й песня. Голос нежной и приятной». Нач.: «Позволь себе открыться...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 1; НРП 1812, с. 95. Лексические разночтения (пленаюсь – прельщаюсь, народом – короной, содетельница – свидетельница и др.); НКП 1815, с. 84; НВП 1819, ч. 1, с. 2; БАН, с. 171 – 172].

л. 23 – 23 об. «№ 12-й песня. Голос нежной и приятной». Нач.: «Чем больше скрыть стараюсь...». [Песня неизвестного автора на музыку И. Козловского. Первая публикация в издании «Карманная книжка для любителей музыки на 1796 год». В издании краткий вариант и исполняется от лица лирического героя, в сборнике – от лица женщины. НВП 1819, ч. 1, с. 44; БАН, с. 172].

л. 23 об – 24. «№ 13-ая песня. Любовная». Нач.: «Пожалуйте, сударыня...». [НРП 1812, с. 93; НКП 1815, с. 86; НРП 1817, с. 5. В издании указание: «Любовник, изъясняющийся в любви». Композиционно меньший вариант].

л. 24 – 24 об. «№ 14 любовная». Нач.: «Вечерком в саду гуляла...». [НВП 1819, ч. 6, с. 6].

л. 24 об. – 25. «№ 15-й простонародная». Нач.: «Ах! как нынешния люди...». [НРП 1812, с. 86. НРП 1815, с. 19; НВП 1819, ч. 2, с. 90. Незначительные композиционные разночтения, связанные с повторами; Соб., т. 2, с. 39].

л. 25 – 26. «№ 16 простонародная». Нач.: «Как за речинькой слободушка стоит...». [НВП 1819, ч. 2, с. 72, вариант; Соб., т. 2, с. 369. Незначительные лексические разночтения].

л. 26 – 26 об. «№ 17 простонародная». Нач.: «Ах, девица, красавица моя...». [Киреевский, вып. 2, ч. 2, с. 164. Иной вариант].

л. 26 об. – 27. «№ 18». Нач.: «Во селе-селе Покровском...». [Чулков, ч. 1, с. 190. Львов-Прач, с. 166;

НРП 1812, с.104; НКП 1815, с. 32; НВП 1819, ч. 2, с. 72. Слова песни приписываются императрице Елизавете Петровне (1709–1762)].

л. 27 – 28. «№ 19, пастушеская». Нач.: «Лишь только занялась заря...». [Впервые опубликована: Российская универсальная грамматика, или Всеобщее писмословие Курганова. (1796). Незначительные лексические и композиционные различия со сборником (сверх горы – вверх горя, скрыть стыд – стыд скрыть, лишенный зреть красы – узреть лишен красы и др.). НРП 1812, с. 41; НВП 1819, ч. 1, с. 255; БАН, с. 169].

л. 28 – 29. «№ 20, цыганская». Нач.: «Пошли наши подружки...». [Львов-Прач, с. 164. Вариант со сходным сюжетом; Соб., т. 4, с. 203. Незначительные морфологические и лексические различия (ягоды – ягодки, заблудилась – заплуталась, Катюша – девочка и др.); БАН, с. 173].

л. 29 – 29 об. «№ 21 веселая». Нач.: «Лапочке, душечке...». [НКП 1815, с. 63, «Подарок»; НВП 1819, ч. 3, с. 1].

л. 29 об. – 30. «№ 22-ая песня. Голос нежный». Нач.: «Я в пустыню удаляюсь...». [Автор М. В. Зубова (1791). Герстенберг/Дитмар, ч. 2. НРП 1812, с. 30. Лексические различия (нужно – должно, бедной – мне так, не забудь – и не будь). Композиционный вариант: каждый четвертый стих повторяется, меняется порядок слов; НВП 1819, ч. 1, с. 9; БАН, с. 170, 247].

л. 30 – 31. «№ 23. Голос унылой». Нач.: «В чем я винен пред тобою...». [Автор И. Ф. Мерзляков. Первая публикация: «Собрание русских стихотворений, взятых из лучших стихотворцев российских и из многих русских журналов, изданное В. Жуковским» 1810 г. В сборнике лексические различия с оригинальным текстом (рока сила – бога сила, ни полслова, ни смущенья – и наружности смущенья и пр.). НРП 1812, с. 108; НРП 1817, с. 86; НВП 1819, ч. 6, с. 7. Незначительные лексические различия (прогневил – огорчил)].

л. 32 – 33 об. «№ 24. Голос известной, нежной». Нач.: «Как быстрой вихрь промчались...». [Впервые опубликована в издании: Чтение для вкуса, разума и чувствований (1792); Герстенберг/Дитмар, ч. 1; НКП 1815, с. 57; НВП 1819, ч. 1, с. 52].

л. 33 об. «№ 25-ая. [Голос] известной, нежной». Нач.: «Ты, погибель мою строя...». [Чулков, ч. 2, с. 10; НКП 1815, с. 109; НРП 1817, с. 90. «Песня любовницы огорченной неверностью друга (голос очень известной)». Незначительные фонетические и лексические различия (слезами – словами, перед нею – пред нею); НВП 1819, ч. 1, с. 209. Композиционный вариант; БАН, с. 171].

л. 33 об. – 34. «№ 26-ой. [Голос] унылой с порывами отчаяния». Нач.: «Где, где, ах, ах, укрыться...». [Песня на музыку И. Козловского. Чулков, ч. 1, с. 20; НВП 1819, ч. 1, с. 223. Незначительные лексико-стилистические различия (никак не скрыли – но нас не скрыли, возопи – восстени и др.); БАН, с. 140, 171].

л. 34 – 34 об. «№ 27-ая. На голос «Гром победы раздавайся». Нач.: «Звук веселья, раздавайся...». [Песня на музыку И. Козловского. НВП 1819, ч. 1, с. 169].

л. 34 об. «№ 28-ой. Нежная, веселая». Нач.: «Заря утренняя взошла...». [Трутовский, с. 134. Незначительные лексические различия. Герстенберг/

Дитмар, ч. 1; НКП 1815, с. 51. Композиционные разночтения: отсутствие повторов последнего стиха каждого куплета; НВП 1819, ч. 1, с. 11. Лексические разночтения (нежный – милой, утешать – забавлять); Соб., т. 2, с. 242. Иной вариант со сходным зачином и сюжетом].

л. 35 об – 36. «№ 29. На голос «Утрена заря взошла». Нач.: «Звезда первая взошла...».

л. 36 – 36 об. «№ 30-ая песня, простонародная». Нач.: «Во поле береза стояла...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 2; Львов-Прач, с. 156; Соб., т. 2, с. 294. Композиционно больший вариант; НВП 1819, ч. 2, с. 94. В сборнике отсутствует последний стих: «Вот тебе камень – подавился»].

л. 36 об. – 37. «№ 31-ая песня, простонародная». Нач.: «Говорил-то мне сердечной друг...». [Трутовский, с. 121. Лексические разночтения (землю турецкую – Швецию и пр.); НРП 1812, с. 13; НВП 1819, ч. 2, с. 19; Соб., т. 5, с. 163; Киреевский 1968, с. 422. Незначительные лексические разночтения (белая лебедушка – сизая голубушка)].

л. 37 – 37 об. «№ 32-ая. Голос нежно-томный». Нач.: «Полно-полно, зяблик милой...». [НРП 1817, с. 16. «Сила природы побеждает страсть. Голос нежно-томный». Незначительные лексические разночтения; НВП 1819, ч. 1, с. 41].

л. 37 об. – 38 об. «№ 33-ая. На тот же [голос]». Нач.: «Полно, пеночка любезна...». [Автор Н. Николев (1798). Нач. «Смолкни, пеночка любезна...». В сборнике иной вариант; НВП 1819, ч. 1, с. 199].

л. 38 об. – 39. «№ 34-ая. С веселостию приятной». Нач.: «Я птичкой быть желаю...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 1. «Российская песня» композитора О. А. Козловского; НВП 1819, ч. 1, с. 49. Незначительные лексические разночтения (дорог – равно, я ввек – хотя); БАН, с. 173].

л. 39 – 39 об. «№ 35-ая. Я негде друшка не вижу». Нач.: «Уговор мы положили...». [НРП 1812, с. 11; НКП 1815, с. 128. Лексические разночтения (сжидаться – сходить, вспламененную – кипящую и т. п.); НВП 1819, ч. 1, с. 14].

л. 39 об. – 39а. «№ 36-ая. [Голос] нежной и томной». Нач.: «Выйду я на реченьку...». [Автор Нелединский-Мелецкий. Первая публикация: «Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен» (1796). Незначительные лексические разночтения (посмотрю – погляжу, внимаю – пылаю); Герстенберг/Дитмар, ч. 2; НРП 1812, с. 23; НКП 1815, с. 15; НВП 1819, ч. 1, с. 19. Лексические разночтения (ад – жар)].

л. 39а об. – 40. «№ 37-ой. Голос живой с некоторою томностью». Нач.: «Желанья наши совершились...». [Пастораль из оперы Н. Дездема «Julie», популярной во второй половине XVIII в. Чулков, ч. 5, с. 11. Незначительные морфологические (презришь – презря, тлела – тлею), лексические (мой – твой, эту – ту), композиционные разночтения; НВП 1819, ч. 1, с. 22. Композиционные разночтения, некоторые стихи вариативны, например: душа твоя меня пленила, я жар к тебе мой не таю – мне тем же, мнилось, заплатила душа твоя за страсть мою); БАН, с. 169].

л. 40 – 41. «№ 38-ая. Голос приятный, любовная». Нач.: «Ночною темнотою

покрылись небеса...». [Впервые опубликована: Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию. Книга первая. (1747). Незначительные лексические различия. Герстенберг/Дитмар, ч. 1; НКП 1812, с. 16. Стилистические различия (испугался – испужался); НКП 1815, с. 79; НВП 1819, ч. 1, с. 175].

л. 41. «№ 39-ая. С томностью нежной ». Нач.: «Тише, ласточка болтлива...». [Автор И. И. Дмитриев. Впервые опубликовано: Московский журнал. 1792 г., ч. 8. Незначительные лексические и композиционные различия, связанные с перестановкой слов в тексте; НВП 1819, ч. 1, с. 94].

л. 41 об. «№ 40. Любовная». Нач.: «Ты проходишь, мой любезный...». [НКП 1812, с. 33; НВП 1819, ч. 1, с. 36. Композиционно меньшие варианты].

л. 42. «№ 41-ая. Любовная». Нач.: «Ты проходишь, дорогая...». [Песня впервые опубликована в издании Чулкова 1763 г. (Чулков, ч. 4, с. 162. Композиционные различия: перестановки слов в стихе; Герстенберг/Дитмар, ч. 1. НВП 1819, ч. 1, с. 38].

л. 42 – 42 об. «№ 42-ая. [Голос] тихой, нежной, томной». Нач.: «Вам, прекрасная долины...». [Чулков, ч. 2, с. 109; НВП 1819, ч. 1, с. 38. Незначительные лексические различия (спокойствию – веселью), композиционная перестановка слов в стихах; БАН, с. 139, с. 172].

л. 42 об. – 43. «№ 43-ая нежная». Нач.: «Как скоро я тебя узнал...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 1; НКП 1815, с. 59; НВП 1819, ч. 1, с. 99. Незначительные морфологические различия (искать – сыскать); БАН, с. 187].

л. 43 – 43 об. «№ 44-ая. [Голос] жалостный и досаду изъясляющий». Нач.: «Я когда была девицей...». [НКП 1812, с. 15. НВП 1819, ч. 1, с. 65. Фонетические различия (стражду – страдаю). Композиционно меньшие варианты].

л. 43 об. – 44. «№ 45-ая. Взвейся, выше понесися». Нач.: «Канареечка любезна...». [НКП 1817, с. 103. Указание в издании: «Девушка в разлуке с милым, исчисляющая свои несчастья (На голос «Взвейся, выше понесися»)». НВП 1819, ч. 1, с. 114; БАН, с. 216, заголовок «Кинареечка»].

л. 44 – 44 об. «№ 46-ая. Звук унылой фортопяно». Нач.: «Фортопяна звук унылый...». [НКП 1815, с. 129].

л. 44 об. «№ 47-ой. На голос: «Я в пустыню удалюся». Нач.: «Я в печали пребываю...». [НКП 1815, с. 130; НКП 1817, с. 106. «Тяжкая разлука с милою и надежда будущего соединения. На голос: Я в пустыню удаляюся». Лексико-морфологические различия (когда – всегда, нам – нас)].

л. 45. «№ 48-ая. [Исполняется] несколько отрывисто». Нач.: «Кто страсть любовну в жизни знает...».

л. 45 – 46. «№ 49-ая. [Голос] изъясляющий любовь и невинность». Нач.: «Пятнадцать мне минуло лет». [Богданович. Впервые опубликовано: Лира, или Собрание разных в стихах сочинений и переводов некоторого Муз любителя. (1773). Композиционные различия. Герстенберг/Дитмар, ч. 2; НКП 1815, с. 13; НВП 1819, ч. 1, с. 225. Лексические различия, отличающие отношение героев песни друг к другу (придет любиться – ко мне явится; любовь и я ему явлю – я

ничего не посулю). Композиционно больший вариант; БАН, с. 169].

л. 46 – 46 об. «№ 50-ая. Голос томной и нежной». Нач.: «Молчите, струйки чисты...». [Впервые опубликована: Ломоносов М. В. Краткое руководство к красноречию, книга первая (1747). Лексические разночтения (будто вижу часто – часто вижу властно, всякий – каждой). Чулков, ч. 1, с. 71; Герстенберг/Дитмар, ч. 1; НКП 1815, с. 67; НРП 1817, с. 22. Указание в издании: «Мечтания оставленной пастушки (голос томный и нежный)»; НВП 1819, ч. 1, с. 238. Незначительные лексические разночтения (пруточки – кусточки); БАН, с. 152, 172].

л. 46 об. – 47. «№ 51-ая песня, простонародная». Нач.: «Молодка, молодка молодая...». [Трутовский, с. 132. Львов-Прач, с. 76; Герстенберг/Дитмар, ч. 2; НКП 1815, с. 69; БАН, с. 170; НВП 1819, ч. 2, с. 24. Лексические разночтения (красотка дорога – солдатка полковая)].

л. 47 – 47 об. «№ 52-ая простонародная». Нач.: «Бес проклятой дело нам затеял...». [Комаров. Чулков, ч. 6, с. 103. БАН, с. 172. НРП 1817, № 107].

л. 47 об. «№ 53-ая простонародная». Нач.: «Ваня, братец мой...». [НВП 1819, ч. 6, с. 126. Незначительные лексические разночтения (млада – ведры); Соб., т. 2, с. 411. Композиционно меньший вариант].

л. 48. «№ 54-ая простонародная». Нач.: «Вспомни, вспомни, мой любезной...». [НВП 1819, ч. 2, с. 87; Соб., т. 5, с. 518. Незначительные лексические разночтения].

л. 48 – 48 об. «№ 55-ая простонародная». Нач.: «Скучно, матушка, весной ...». [Львов-Прач, с. 69. Композиционно меньший вариант; Герстенберг/Дитмар, ч. 2; НВП 1819, ч. 2, с. 21; Соб., т. 4, с. 351. Незначительные лексико-морфологические разночтения; БАН, с. 170].

л. 48 об. «№ 56-ая пастушеческая». Нач.: «Пастушка – эхо. Как розы здесь ...». [Автор: Екатерина Урусова. «Пастушка и Эхо», первая публикация одновременно в двух разных журналах: Иппокрена или Утехи любословия. 1799; Новости. 1799].

л. 49 – 49 об. «№ 57-ая простонародная». Нач.: «Пастушок – эхо. Прийти ко мне в лесок...».

л. 49 об. «№ 58-ая. [Голос] нежной и приятной». Нач.: «Кому страдать, крушиться...». [Автор И. Ф. Мерзляков. Впервые опубликовано: Песенник 1810, с. 102. Незначительные фонетические разночтения; НВП 1819, ч. 6, с. 92].

л. 50 об. – 51. «№ 59-го простонародная». Нач.: «Ах, как скучно мне одной...». [Чулков, ч. 1, с. 91. НВП 1819, ч. 1, с. 231. Незначительные лексические разночтения. Композиционные разночтения, связанные с перестановкой слов и целых стихов; БАН, с. 114, 125].

л. 51 – 52. «№ 60-го. На голос: «За горами, за долами». Нач.: «Ах, в прекрасном во местечке...». [Чулков, ч. 3, с. 140. Последняя строка каждого куплета текста сборника повторяется. БАН, с. 170].

л. 52 об. – 53. «№ 61. Голос нежной и веселой». Нач.: «Простите обольщенья честей...». [Автор А. Ф. Мерзляков, «К моей Л. В-не». Лексические разночтения (льстивы – златые, Элизин – любви, по образу других – игрушкой был слепых и пр.); НРП 1817, с. 59. Указание: «Любовник, довольный своею участью. Голос

нежный и веселый». Незначительные лексико-морфологические различия; НВП 1819, ч. 6, с. 13].

л. 53 об. – 54. «№ 62. На голос: Вылетала голубина». Нач.: «Вылетала бедна пташичка...». [Автор А. Ф. Мерзляков. Впервые опубликовано: Новейший и полный российский общенародный песенник, содержащий в себе всеобщее собрание всех родов новейших и употребительнейших песен. С объяснением содержания и голоса каждой песни. Изданием м.к. Павла Вавилова, М., 1810. Морфологические различия (пташичка – пташка, в буре – в бурю и др.). Песенник 1810, с. 120; Соб., т. 3, с. 93; Киреевский/Якушкин, с. 202. Иные варианты со сходным зачином; НВП 1819, ч. 2, с. 122. Незначительные морфологические различия].

л. 54 – 54 об. «№ 63-й. На голос: Чернобровой, черноглазой». Нач.: «Чернобровой, черноглазой...». [Автор А. Ф. Мерзляков. 1803 г. Впервые опубликована: Журнал отечественной музыки на 1806 г., издаваемый Д. Кашиным. № 4. Лексические различия (родил – вложил, красному – светлому, другу – ему и пр.). Композиционно больший вариант; НКП 1815, с. 117; НВП 1819, ч. 2, с. 15; Соб., т. 4, с. 304; Киреевский 1968, с. 616. Иные варианты].

л. 54 об. – 55. «№ 63 лишно 64 дол[жен] ». Нач.: «Не кокушичка в сыром бору ...». [Соб., т. 6, с. 55. Фонетические различия (кокушичка – кукушечка пр.); Киреевский/Якушкин, с. 243].

л. 55 – 55 об. «№ 64 простонародная». Нач.: «Как никто-то про то не знает...». [Чулков, ч. 3, с. 58. Важное лексическое различие (православный царь – государь-царь); БАН, с. 169].

л. 55 об. – 56. «№ 65-й. Голос очень приятной и веселый». Нач.: «Как на горке, на горе...». [НВП 1819, ч. 2, с. 103; Соб., т. 1, с. 379; т. 2, с. 66; т. 7, с. 632, 645. Иные варианты; Иваницкий, № 166. Композиционный вариант].

л. 56 – 56 об. «№ 66. Голос протяжной ». Нач.: «Ах, очи, мои очи...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 1; т. 4, с. 542. Различие в имени: Пашинька – Ташенька].

л. 56 об. «№ 67-й. Голос томно протяжной». Нач.: «Ах, ты день ли мой, денечик...». [НВП 1812, с. 91. Композиционные различия; НКП 1815, с. 21; НВП 1817 с. 190. Указание в издании: «Песня девушки, оставленной своим любовником»; НВП 1819, ч. 2, с. 67. Композиционные различия; Соб., т. 4, с. 365. Иной вариант со сходным зачином].

л. 57 – 57 об. «№ 68». Нач.: «Молодость, молодость...». [НВП 1817, с. 28. Указание в издании: «Приятный и веселый голос сей песни ввел ее во всеобщее употребление (припев к каждому стиху)»; НВП 1819, ч. 2, с. 47. Лексические различия (Аннушка – Ленушка); Соб., т. 2, с. 137 Киреевский, вып. 2, ч. 2, с. 284].

л. 57 об. – 58 об. «№ 69-го песня». Нач.: «Ты, рябинушка, ты кудрявая...». [Чулков, с. 179. Композиционно меньший вариант. НВП 1819, ч. 2, с. 39. Соб., т. 5, с. 562, № 721. Лексико-морфологические различия (зарей цвела, в полдень вызрела – весной цвела, летом вызрела; молодетцкое – молодецкое и пр.). Киреевский/Якушкин, с. 34. Диалектный вариант].

л. 58 об. «№ 70-ая песня». Нач.: «Чем тебя я огорчила...». [НВП 1819, ч. 1, с. 123.

Композиционный вариант].

л. 59 – 60 об. «№ 71-ая». Нач.: «Не в чистом поле, не в пустой степи...». [НРП 1817, с. 251. НВП 1819, ч. 3, с. 121].

л. 60 об. – 61 об. «№ 72-ая песня». Нач.: «Гром победы раздавайся...». [Автор Г. Р. Державин. Песенник 1810, с. 104. НРП 1817, с. 163. Вариант «Гром оружий, раздавайся», посвященный Александру I. НВП 1819, ч. 3, с. 138].

л. 61 об. – 62. «№ 73-ая. Голос громкой». Нач.: «Веселитесь, все наши солдаты...». [Песенник 1810, с. 151].

л. 62. «№ 74 простонародная». Нач.: «Я посею ль, млада...». [Соб., т. 5, с. 193. Незначительные морфологические разночтения (тоненькой – тонкой, минутку – минуту и пр.); Киреевский 1968, с. 416. Лексические и композиционные разночтения].

л. 62 об. «№ 75 простонародная». Нач.: «Нынче был я на почтовом на дворе...». [Шаликов, «Русская песня». Первая публикация в издании «Плод свободных чувствований», 1801 г. НРП 1817, с. 171. Указание в издании: «Любовник, не получающий писем от своей милой (на голос: Вечер был я на почтовом на дворе)». Незначительные лексические разночтения].

л. 62 об. – 63. «№ 76-й престо[народная], нежная». Нач.: «Не нежна горлица порхает...». [НРП 1817, с. 136. Указание в издании: «Песня злосчастной девушки, которую любовник оставил, не простясь, и ее о себе не уведомляет. На г(о)лос театральной песни: Не утрення заря играет». НВП 1819, ч. 6, с. 32; БАН, с. 243].

л. 63 – 63 об. «№ 77-ая простонародная». Нач.: «При долинушке стояла...». [НВП 1819, ч. 2, с. 17. Морфологические разночтения (калину – калинушку, купеческа – купецкая и др.); Киреевский/Якушкин, с. 73. Аналогичные морфологические разночтения. Композиционная вариативность; Соб., т. 3, с. 209].

л. 64. «№ 78-ая военная». Нач.: «Веселяся в чистом поле...». [Автор М. М. Херасков. Ария из комической оперы «Добрые солдаты». НВП 1819, ч. 5, с. 6; БАН, с. 171].

л. 64 – 64 об. «№ 79-ая театральная». Нач.: «Ах, по мосту, мосту...». [Львов-Прач, с. 196; НВП 1819, ч. 2, с. 102; Соб., т. 3, с. 197, № 245. Морфологические (камзольчик – камзол, платок – платочек) и лексические разночтения (итальянский – ост-индийский). Композиционные разночтения: в сборнике отсутствует строка после 5 стиха «Батистовы манжеты трепещутся»; БАН, с. 169].

л. 64 об. – 65. «№ 80 простонародная, нежная». Нач.: «Я не думала ни о чем в свете...». [Автор А. Ф. Мерзляков. Впервые опубликовано в Журнале Отечественной музыки, № 4, 1806 г. Лексико-морфологические разночтения (полюбить – любя, жалеет – погорюет, с тяжкою тоской – бедное с тоской и пр.); НРП 1812, с. 3; НКП 1815, с. 123. Композиционно меньшие варианты; НВП 1819, ч. 2, с. 132. Незначительные лексические разночтения].

л. 65 – 65 об. «№ 81-ая простонародная». Нач.: «На закате светла месяца...». [НРП 1817, ч. 1, с. 188. «Горестное прощание любовницы с любовником»; НВП 1819, ч. 2, с. 123].

л. 65 об. «№ 82-ой нежная, просто[народная]». Нач.: «Я не вижу дорогова...».

[Герстенберг/Дитмар, ч. 1. НВП 1819, ч. 1, с. 104. Композиционный вариант].

л. 66 – 67 об. «№ 83-ая простонародная». Нач.: «Радость, выслушай два слова...». [Дуэт из оперы В. Мартин-и-Солера «Фекул с детьми». Текст приписывается Екатерине II. Герстенберг/Дитмар, ч. 2; НРП 1812, с. 65. Лексические (баярин – изрядной, конечно – точно) и незначительные композиционные разночтения; НКП 1815, с. 97; НВП 1819, ч. 5, с. 22].

л. 67 об. – 68. «№ 84-й простонародная». Нач.: «Что не сам-то я к девице ходил...». [НВП 1819, ч. 2, с. 70; Соб., т. 4, с. 572. Лексические разночтения (девице – хорошия, каналью-лакея – посла)].

л. 68 – 68 об. «№ 85 простонародная». Нач.: «Ах ты, наш батюшка, Ярослав-город...». [Чулков, ч. 1, с. 182. Вариант; Соб., т. 6, с. 313. Незначительные лексические разночтения; Киреевский 1977, с. 219 – 220. Иные варианты].

л. 68 об. – 69 об. «№ 86 простонародная». Нач.: «Возле речки, возле мосту...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 1; НВП 1819, ч. 2, с. 58. Композиционно меньший вариант; Соб., т. 5, с. 495].

л. 69 об. – 70. «№ 87-ая простонародная». Нач.: «И я селезня любила...». [Песенник 1810, с. 153; НВП 1819, ч. 2, с. 53; Соб., т. 7, с. 436. Незначительные композиционные разночтения].

л. 70 – 70 об. «№ 88-го простонародная». Нач.: «[С]лучилось-то мне доброму молодцу...». [Чулков, ч. 1, с. 175].

л. 70 об. – 71. «№ 89-ая простонародная». Нач.: «Ах, жаль-то мне милого...». [Песенник 1810, с. 149; Соб., т. 5, с. 416].

л. 71. «№ 90-ая». Нач.: «Ты душа моя, красна девица...». [НРП 1812, с. 12. Лексические (растерзай – распори, милей старого – чаще прежнего), композиционные разночтения (отсутствие стиха «Я любить буду милей старого»); НРП 1817, с. 202. Указание в издании: «Однажды оставивши в другой раз не любят (Голос, изъявляющий унылую горесть)»; Соб., т. 3, с. 309].

л. 71 об. «№ 91-ая известная». Нач.: «Я пойду ли, молоденька...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 1. НВП 1819, ч. 2, с. 38; Соб., т. 2, с. 92. Незначительные лексические разночтения (друга – своего, нельзя – некому, свои – его и пр.)].

л. 71 об. – 72. «№ 92-ая известная, просто[народная]». Нач.: «Денечик проходит...». [Киреевский 1968, с. 614. Иная тема: лирическая героиня терпит тиранию родителей в отличие от варианта в сборнике, где главным становится мотив «чужой стороны» и рекрутчины; НРП 1812, с. 116; НВП 1819, ч. 2, с. 13. Морфологические разночтения (денечик – день)].

л. 72 – 72 об. «№ 93 известная». Нач.: «Ах, тошно мне на своей стороне...». [Подражание романсу Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох! тошно мне...» (1791 г.). Герстенберг/Дитмар, ч. 1; НРП 1817, ч. 2, с. 65; НВП 1819, ч. 2, с. 95].

л. 72 об. «№ 94-ая простонаро[дная] тож[е]». Нач.: «Ах, грустно мне на чужой стороне...». [Подражание романсу Ю. А. Нелединского-Мелецкого «Ох! тошно мне...» 1791 г. Герстенберг / Дитмар, ч. 1].

л. 73. «№ 95 п[е]сня». Нач.: «В темном лесе...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 1. Чулков,

ч. 4, с. 153; Вариант. НВП 1819, ч. 2, с. 71; Соб., т. 5, с. 199. Незначительные лексические разночтения (не будет – не станет, перебыю – переломлю). Композиционные разночтения: отсутствие песенных повторов].

л. 73 об. – 74. «№ 96-ая простонародная». Нач.: «Как на матушке, на Неве-реке...». [Львов-Прач, с. 89; НВП 1819, ч. 2, с. 12. Незначительные лексические разночтения; Соб., т. 5, с. 568. Композиционно меньший вариант].

л. 74 – 74 об. «№ 97-й простонародная». Нач.: «Вниз по матушке, по Волге...». [Песня неизвестного автора XVIII в., впервые опубликованная в издании Чулкова. Трутовский, с. 69. Чулков, ч. 2, с. 195. Львов-Прач, с. 88. Соб., т. 4, с. 431. НВП 1819, ч. 2, с. 17. Лексические разночтения (домашней – кумачной). Киреевский 1968, с. 405].

л. 74 об. – 75. «№ 98-й простонародная». Нач.: «Ивушка, ивушка зеленая моя...». [Трутовский, с. 71. Чулков, ч. 1, с. 177. Герстенберг/Дитмар, ч. 1. Львов-Прач, с. 94. НВП 1819, ч. 2, с. 5. Незначительные морфологические разночтения. Соб., т. 2, с. 31. Композиционно больший вариант].

л. 75 – 75 об. «№ 99-й простонародная». Нач.: «Я вечер своего милова...». [Соб., т. 5, с. 74. Незначительные фонетические и морфологические разночтения (слезами – слезми, горче – горше и пр.)].

л. 75 об. – 76. «№ 100 простонародная». Нач.: «Уж как пал туман...». [Значительно измененный поздний вариант песни, приписываемой неизвестному автору XVIII – нач. XIX в., впервые изданной в Московском журнале 1791 г., ч. 4. Чулков, ч. 2, с. 153. Вариант. Соб., т. 1, с. 464. Незначительные фонетические и композиционные разночтения (перестановка слов в тексте). НРП 1817, с. 207. «Печальный, меланхоличный голос сей песни может тронуть всякого». Лексико-морфологические разночтения. НВП 1819, ч. 2, с. 133. БАН, с. 172].

л. 76 об. «№ 101-ая простонародная». Нач.: «Ах, девица-красавица...». [Песня стала основой для создания романса А. Ф. Мерзлякова «Ах, девица, красавица! Тебя любил, я счастлив был!» Соб., т. 5, с. 29.].

л. 76 об. – 77. «№ 102-ая пе[сня] военная». Нач.: «Наши в поле не робеют...». [Чулков, ч. 4, с. 61. Композиционные разночтения последних двух стрóf. Песенник 1810, с. 145. Иной вариант. НВП 1819, ч. 6, с. 146].

л. 77. «№ 103 военная». Нач.: «Долго ли снежочкам...». [Киреевский/Якушкин, с. 241. Иной вариант].

л. 77 об. – 78. «№ 104-ой песня военная». Нач.: «Малбрук в поход наш едет...». [Вольный перевод французской солдатской песенки времен Людовика XIV «Malborough s'en va-t-en guerre, Mironton, mirinton, mirontaine», созданной около 1709 года на основе ложных слухов о гибели английского военачальника герцога Мальборо (1650-1722). Более известна под заглавием «Мальбрук в поход собрался» Впервые опубликована в издании «Русская эрата» 1792 г. Герстенберг/Дитмар, ч. 2. НКП 1815, с. 70. НРП 1817, с. 247. НВП 1819, ч. 3, с. 100, «Малборуг в поход поехал». Морфологические разночтения].

л. 78. «№ 105-го. Из Русалки». Нач.: «Я цыганка молодая...». [НВП 1819, ч. 5, с. 56].

л. 78 об. «№ 106-ая театральная». Нач.: «Уж как шли старик со старухой...».

[Автор А. О. Аблесимов, песня из комической оперы «Мельник — колдун, обманщик и сват». НВП 1819, ч. 5, с. 5].

л. 79. «№ 107 театральная». Нач.: «Кажется не ложно...». [Автор Я. Б. Княжнин. Ария главного героя Степана из комической оперы «Сбитенщик» (1787). Композитор А. Булландт. НВП 1819, ч. 5, с. 1].

л. 79. «№ 108 песня театральная». Нач.: «Щастье строит все на свете...». [Я. Б. Княжнин, перевод арии из оперы А. (Ж.) Булландта «Сбитенщик». Композитор А. Булландт. Герстенберг/Дитмар, ч. 1; НВП 1819, ч. 5, с. 2].

л. 79. «№ 109 театральная». Нач.: «Кто оконча дни младые...». [НВП 1817, с. 165. Указание в данном издании на оперу Н. П. Николева «Розана и Любим» сомнительно; НВП 1819, ч. 5, с. 11].

л. 79. «№ 110 театральная». Нач.: «О, судьи, судьи, плутяги...». [НВП 1819, ч. 5, с. 8].

л. 79 об. – 80. «№ 111-ая простонародная». Нач.: «Ты поди, коровушка моя, домой...». [НКП 1815, с. 114; НВП 1817, с. 3. «Веселая простонародная песня, очень употребительная (Голос известный. Припев за каждыми двумя стихами)». НВП 1819, ч. 2, с. 140. Незначительные морфологические разночтения; Соб., т. 7, с. 136. Композиционные разночтения: отсутствуют припевки].

л. 80 – 80 об. «№ 112-ая веселая». Нач.: «За горами, за долами...». [Автор С. М. Митрофанов. Впервые опубликовано в издании «Песни русские известного охотника М*****, изданные им же, в удовольствие любителей оных, с гравированным портретом» 1799 г. Незначительные лексические разночтения. Композиционные разночтения (перестановка куплетов). НКП 1815, с. 52. НВП 1817, с. 6. «Санкт-Петербургская песня, которую поют многие по веселому ея голосу». НВП 1819, ч. 2, с. 114. Композиционные разночтения: отсутствие повтора последнего стиха каждого куплета].

л. 80 об. «№ 113-ая цыганская». Нач.: «Нешастная наша доля: никто нас не любит...». [Соб., т. 1, с. 91].

л. 81 – 81 об. «№ 114 цыганская». Нач.: «Отдана я пономарю обучаться букварю...». [НВП 1812, с. 70. В издании графически выделены все буквы азбуки. Незначительные лексические разночтения (зазубристо – зарубисто, когда – едва, Рцы – арцы, долгохвостое – крючковатое и пр.); БАН, с. 278].

л. 82 – 82 об. «№ 115-го цыганская». Нач.: «Улица, улица, моя трава...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 1; НВП 1817, с. 19. «Веселая русская песня, очень употребительная. Припев к каждым двум стихам». Композиционно больший вариант. НВП 1819, ч. 2, с. 82. Соб., т. 7, с. 92. Морфологические разночтения (зеленая – зелененькая), композиционные разночтения: повторы некоторых стихов. БАН, с. 172].

л. 82 об. – 83. «№ 116-ая веселая». Нач.: «Ты почувствуй, дорогая...». [НВП 1812, с. 46. НКП 1815, с. 115. Лексико-морфологические разночтения (орлины брови черненьки – орлина бровь черненька, дал сердечку толчок – дал мому сердцу толчок, сгинула – стегонула, размилую – разцалую и пр.)].

л. 83 – 83 об. «№ 117-ая веселая». Нач.: «Ты почувствуй, дорогая...». [С. М. Митрофанов. Авторский текст значительно короче. Герстенберг/Дитмар, ч. 1.

НВП 1819, ч. 2, с. 34].

л. 84. «№ 118 простонародная». Нач.: «Цвели, цвели цветики...». [НВП 1819, ч. 2, с. 37. Соб., т. 2, с. 223. Незначительные композиционные перестановки слов в тексте].

л. 84 – 84 об. «№ 119-ая печальная». Нач.: «У нас было во садочке...». [Соб., т. 5, с. 327. Композиционное разночтение: отсутствие последнего стиха].

л. 84 об. – 85. «№ 120-ая простона[родная]». Нач.: «Мне моркотно, молоденьке...». [Львов-Прач, с. 161. Иной вариант; НВП 1819, ч. 2, с. 97. Композиционно больший вариант].

л. 85. «№ 121-ая веселая». Нач.: «Долго ль будешь куролесить...». [НВП 1817, с. 27. Указание в издании: «Полюбится сатана лучше яснаго сокола. На голос: Мне моркотно молоденьке». Здесь песня отнесена к сатирическим; НВП 1819, ч. 3, с. 4; БАН, с. 215].

л. 85 об. «№ 122-ая простонародная». Нач.: «Ах, жил я, молодец...». [Чулков, ч. 3, с. 108; Львов-Прач, с. 190; НВП 1819, ч. 2, с. 14; Соб., т. 5, с. 96. Композиционные разночтения. Стих в сборнике: «Не я ль тебя иссушила, не я ль сокрушила?» позволяет обратить внимание на ответ молодца. Финальный стих: «Рассыпала печаль по моим ясным очам» позволяет сделать сюжетную композицию песни завершенной].

л. 86. «№ 123-ая военная». Нач.: «Презираю я богатства...». [НВП 1817, с. 37. Указание в издании: «Песня молодого офицера, пренебрегающего все на свете для своей любезной. На голос: Косари. Все пиры – во пиры». НВП 1819, ч. 6, с. 39].

л. 86. «№ 124-ая простона[родная]». Нач.: «Я вечер млада...». [НВП 1819, ч. 2, с. 125. Незначительные фонетические разночтения (млада – молода); Соб., т. 2, с. 336].

л. 86 об. «№ 125-ая простона[родная]». Нач.: «Вдоль по улице молодчик...». [Чулков, ч. 3, с. 96; Соб., т. 4, с. 309].

л. 86 об. – 87. «№ 126-ая веселая». Нач.: «Во лузях, во лузях...». [Львов-Прач, с. 180; НВП 1819, ч. 2, с. 78. Морфологические разночтения (ровнушкой – ровней); Соб., т. 2, с. 247. Незначительные лексические разночтения. БАН, с. 170].

л. 87. «№ 127-ая военная». Нач.: «Нам нельзя того оставить...».

л. 87 – 87 об. «№ 128-ая военная». Нач.: «Уж как нуте, господа...». [Чулков, ч. 3, с. 190. Разночтения инициального междометия: «уж» – «эх». НВП 1817, с. 204. Сопровождается пометой «Русский солдат видит все», а также указанием «Голос хотя несколько печальной, но отрывистой». Относится к былевым песням. НВП 1819, ч. 3, с. 104].

л. 87 об. «№ 129-ая хороводная». Нач.: «При потоках чистых вод...». [НВП 1819, ч. 4, с. 59].

л. 87 об. «№ 130-ая простонародная». Нач.: «Нешастным детинка на свет сей родился...». [НВП 1819, ч. 2, с. 21; Соб., т. 3, с. 348].

л. 88. «№ 131-ая простонародная». Нач.: «Не спала я целу ноченьку, млада...». [Трутовский, с. 104. Незначительные морфологические разночтения. НВП 1819, ч. 2, с. 88. Соб., т. 4, с. 377].

л. 88 – 88 об. «№ 132-ая веселая». Нач.: «Веселая голова...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 2. НВП 1819, ч. 2, с. 80; Соб., т. 5, с. 293. Незначительные лексико-морфологические разночтения].

л. 88. «№ 133-ая. Из Русалки». Нач.: «Полноте вздорить, начните плясать...». [Ария из оперы «Леста, Днепровская русалка» 1805 г., музыка Давыдова. Автор текста Н. С.Краснопольский. НРП 1812, с. 54. НКП 1815, с. 92].

л. 88 об. – 90. «№ 134-ая былевая». Нач.: «При зачине каменной Москвы...». [НРП 1817, с. 207. «Постоянная верность и постыдное вероломство, получившие достойную цену от Иоанна Грозного». Морфологические и лексические разночтения (бояре – боярева, громким – грозным; палату – палатушку, взяв – взял и др.); НВП 1819, ч. 3, с. 78].

л. 90 об. «№ 135 былевая». Нач.: «Ах по морю, морю синему...». [Чулков, ч. 3, с. 82. Лексические разночтения (названия воинских званий есаул – податаман). Композиционные разночтения: в сборнике отсутствует стих «Всю жизнь свою тут кончили»; БАН, с. 169].

л. 91. «№ 136-ая военная». Нач.: «Сказать ли вам, братцы...». [Чулков, ч. 3, с. 55. Незначительные лексические разночтения].

л. 91 об. – 92. «№ 137 былевая». Нач.: «Ты злодей, злодей, ретиво сердце...». [Чулков, ч. 4, с. 60. НРП 1817, с. 202. «Твердость и рвение Русских воинов (голос громкой)». Незначительные морфологические разночтения. НВП 1819, ч. 3, с. 130].

л. 92 – 92 об. «№ 138-й былевая». Нач.: «Что пониже было города Саратова...». [Трутовский, с. 175; Лексические разночтения. Чулков, ч. 1, с. 142. Композиционно больший вариант с сатирическими мотивами; Львов-Прач, с. 65. Незначительные лексические разночтения. НРП 1817, с. 206. Указание в издании: «Прогулки Донских казаков (голос веселый, но протяжный)». Незначительные морфологические разночтения; НВП 1819, ч. 2, с. 142].

л. 92 об. «№ 139-й былевая». Нач.: «Уж как вниз было по матушке...». [Чулков, ч. 1, с. 143. Лексические разночтения (князь – сударь, удалые – добрые)].

л. 93. «№ 140 простонародная». Нач.: «Не шуми, мати, зеленая дубровушка...». [Чулков, ч. 1, с. 147. Лексические разночтения (поклон – исполать); НВП 1819, ч. 2, с. 129; Соб., т. 6, с. 333; Киреевский 1968, с. 347, 348, 511, 622. Иные варианты].

л. 93. «№ 141-ая темничная». Нач.: «Ах талан ли мой талан такой...». [Чулков, ч. 1, с. 145; Львов-Прач, с. 9; НВП 1819, ч. 2, с. 93. Иной вариант; Соб., т. 5, с. 474; БАН, с. 170].

л. 94. «№ 142-ая темничная». Нач.: «Ты воспой, воспой, млад жаворончек...». [Трутовский, с. 176. Лексическая вариативность; Чулков, ч. 1, с. 151. Композиционно больший вариант; Львов-Прач, с. 106. Незначительные лексико-морфологические разночтения; НРП 1817, с. 213. «Песня невольника, которого никто из родных не согласился освободить, кроме любезной (голос известной)»; НВП 1819, ч. 2, с. 18; Киреевский 1977, с. 233. Композиционный вариант].

л. 94 – 94 об. «№ 143-ая темничная». Нач.: «Ты, змейка, скоропейка, змея лютая...». [Чулков, ч. 2, с. 149. Незначительные морфологические разночтения и

перестановка слов в тексте; НРП 1817, с. 221. Указание в издании: «И любовь доводит до несчастья (голос печальной)»; Соб., т. 6, с. 369].

л. 94 об. «№ 144-ая темничная». Нач.: «У Троицы, у Сергия было под горою...». [Соб., т. 6, с. 386; Киреевский 1977, с. 232. Композиционный вариант].

л. 95. «№ 145-ая простонародная». Нач.: «Как по речке, как по быстрой...». [Чулков, ч. 3, с. 89; Соб., т. 4, с. 106. Композиционные разночтения: отсутствует повтор последнего стиха каждого куплета; НВП 1819, ч. 2, с. 101].

л. 95. «№ 146-ая простонародная». Нач.: «Как вечер тоска нападала...». [НКП 1815, с. 243; НВП 1819, ч. 2, с. 89; Соб., т. 2, с. 226; т. 4, с. 510. Иные варианты].

л. 95 об. «№ 147-ая простонародная». Нач.: «Сказали про молодца...». [Трутовский, с. 126. Композиционный вариант; Соб., т. 3, с. 404].

л. 95 об. «№ 148 простонародная». Нач.: «Ах, житье мое, житье бедное!...». [Чулков, ч. 2, с. 190. Иной вариант со сходным зачином; НВП 1819, ч. 2, с. 44; БАН, с. 138. Песня близка текстам демократической сатиры XVII в., посвященным тяжкой доле бедняка, впервые упоминается Пыпиным в 1900 году, где приведены сведения из судебного дела 1741 года. Согласно ему песню исполняла Елизавета перед коронацией (ИОРЯС, 1900, т. 5. Кн. 2. С. 562 – 567)].

л. 96 – 96 об. «№ 149-ая простонародная». Нач.: «Ах, деревня от деревни...». [Чулков, ч. 3, с. 121. Львов-Прач, с. 139. Соб., т. 4, с. 437. Лексические разночтения (бежит – тече т, принесу – поднесу и пр.)].

л. 96 об. «№ 150-ая веселая». Нач.: «Любви препоны нет...». [НВП 1819, ч. 1, с. 192].

л. 96 об. – 97. «№ 151-ая нежная». Нач.: «Я в пятнадцать лет узнала...».

л. 97. «№ 152-ая любовная». Нач.: «Теките, струйки, пеньтесь...». [НКП 1815, с. 125].

л. 97 – 97 об. «№ 153-ая простонародная». Нач.: «Из-под дуба, из-под вяза...». [НВП 1819, ч. 2, с. 136; Соб., т. 4, с. 496, с. 500, с. 501. Иные варианты].

л. 97 об. – 98. «№ 154-ая». Нач.: «Ах ты, Ванюшка, Ванюша...». [Киреевский, вып. 2, ч. 2, с. 260].

л. 98. «№ 155. Вторая песня простонародная». Нач.: «Ах ты, пиво мое...». [Чулков, ч. 3, с. 111. Соб., т. 4, с. 226. БАН, с. 170].

л. 98 об. «№ 155-й. Это лишней № 156 дол[жен]». Нач.: «У залетного ясного сокола...». [Соб., т. 5, с. 541. Лексико-морфологические разночтения (право – правое, правильное – правильно, разболелось – щемит, милушке – душечке и пр.). Композиционные разночтения, связанные с перестановкой слов в тексте и отсутствием некоторых стихов].

л. 99. «№ 156-й простонародная». Нач.: «Ах ты, поле мое, поле чистое...». [Чулков, ч. 1, с. 160. Львов-Прач, с. 87. Иной вариант; НВП 1819, ч. 2, с. 25. Композиционно больший вариант; Соб., т. 1, с. 446, № 360. Композиционный вариант].

л. 99 об. «№ 157-й простонародная». Нач.: «Как у нашего широкого двора...». [Трутовский, с. 174. Композиционный вариант; Герстенберг/Дитмар, ч. 2. Чулков, ч. 1, с. 176. Львов-Прач, с. 86].

л. 99 об. – 100. «№ 158-й простонародная». Нач.: «Ты, дубровушка моя, дубровушка...». [Львов-Прач, с. 91. Незначительные фонетические различия. Соб., т. 5, с. 473. Лексико-грамматические различия (горемышна – горемычная, разорил – разогнал); Киреевский 1977, с. 221 – 222. Иные варианты].

л. 100 об. «№ 159-й малоросиянская». Нач.: «Ой, коли я Продыуса любила...». [Трутовский, с. 113. Фонетические различия (Продыуса – Прудыуса, цурт – цур), морфологические (черевики – черевички, рубличка – рублика), лексические (горлинка – горелочка), композиционные (в варианте повторяется последний стих каждого припева, большой объем текста) различия. НВП 1819, ч. 2, с. 166. Фонетические различия].

л. 101. «№ 160-ая простонародная». Нач.: «Ах, когда б я то предвидела...». [Песня 1782 г., приписывается Е. А. Николовой. Впервые опубликована в издании: Творения (1795 – 1798)].

л. 101 – 101 об. «№ 161-ая веселая». Нач.: «Во приселке, во селе...». [Чулков, ч. 4, с. 155; Соб., т. 7, с. 376].

л. 101 об. «№ 162-й простонародная». Нач.: «Девки скажут, красны пляшут...». [Чулков, ч. 4, с. 108. Незначительные морфологические различия (первое – перво, последнее – последнее). НРП 1812, с. 115; НВП 1819, ч. 2, с. 57].

л. 102 – 102 об. «№ 163-ая сатирическая». Нач.: «Фуи, на сфете как мне грусна...». [НРП 1812, с. 18; НВП 1819, ч. 3, с. 51].

л. 102 об. «№ 164-ая нежная». Нач.: «Престань, источник слезной...». [Николев. Впервые опубликовано в Новом Российском песеннике 1790 г. Герстенберг/Дитмар, ч. 2. НРП 1817, с. 67. Указание в издании: «Песня любовницы, уверяющей милого в неизменной любви своей. Голос живой и веселый». Композиционные различия; НВП 1819, ч. 1, с. 40; БАН, с. 172].

л. 102 об. – 103. «№ 165-ая любовная». Нач.: «Проходи, несносно время...». [Чулков, ч. 1, с. 109. Незначительные лексико-морфологические различия. НВП 1819, ч. 1, с. 30. БАН, с. 113, 125, 140].

л. 103 – 103 об. «№ 166-ая простонародная». Нач.: «Светик, Тянюшка, злощастна...». [Соб., т. 2, с. 86. Лексико-морфологические различия (приучала – приучила, драгого – такого, сели – севши, Таню – Ташу, милый – Яшка Свинин и др.)].

л. 103 об. «№ 167-ая простонародная». Нач.: «У сыра дуба скрыпучева...». [Соб., т. 5, с. 12. Незначительные лексические различия (наличие/отсутствие частиц ли; любезнее – милее, чужой – другой и пр.). Композиционно меньший вариант].

л. 104 – 104 об. «№ 168 простонародная». Нач.: «Что девушке сделалось...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 1. НВП 1819, ч. 2, с. 35. Композиционные различия: различные припевки. Соб., т. 5, с. 549. Композиционный вариант. Меняются основные мотивы, на первый план выходит мотив рекрутчины. Вариант сборника исполняется на веселый лад].

л. 104 об. – 105 об. «№ 169-й простонародная». Нач.: «Как во городе было во Казани...». [Чулков, ч. 4, с. 133; Соб., т. 7, с. 302. Композиционный вариант; БАН, с. 173].

л. 105 об. – 106. «№ 170 простонародная». Нач.: «Ах вы, кумушки-голубушки-подружки...». [Чулков, ч. 4, с. 95. Львов-Прач, с. 192. НВП 1819, ч. 2, с. 136. Соб., т. 2, с. 364].

л. 106. «№ 171-ая нежная». Нач.: «Голубочик сизокрылый...». [Дмитриев. Впервые опубликовано в издании «Приятное и полезное препровождение времени» 1795 г. Незначительные лексические разночтения (рыдаешь – иссыхаешь; рано пред зарею – с милой пред зарею). НВП 1819, ч. 1, с. 148. Аналогичные разночтения].

л. 106. «№ 172-ая любовная». Нач.: «О, свидетели безгласны...». [Увертюра, петая хором комитета министров «О свидетели безгласны!» Афиша о концерте (1812-1825 гг.). НВП 1819, ч. 1, с. 18].

л. 106 – 106 об. «№ 173-ая нежная». Нач.: «Естьли б ведал ты, жестокой...».

л. 106 об. «№ 174-ая нежная». Нач.: «Сидя вместе на кусточке...». [Автор П. С. Гагарин. НВП 1819, ч. 1, с. 73. Незначительные лексико-морфологические разночтения (они – кои, песню - пенъем)].

л. 106 об. «№ 175-ая любовная». Нач.: «Весела тогда бываю...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 1. НВП 1819, ч. 1, с. 66. БАН, с. 171, с. 187].

л. 107. «№ 176-ая любовная». Нач.: «Чем тебе я досадила...». [НВП 1819, ч. 1, с. 222. Лексическое разночтение (как – лъзя ль)].

л. 107. «№ 177-ая простонародная». Нач.: «Ой, матушка, тошно...». [Соб., т. 4, с. 341. Фонетические разночтения (одну – едину). Композиционно больший вариант. НВП 1819, ч. 2, с. 59].

л. 107 – 107 об. «№ 178-ая цыганская». Нач.: «Ты, отеческая дочь...». [Львов-Прач, с. 154. Лексические разночтения. НВП 1819, ч. 2, с. 49. Соб., т. 4, с. 503].

л. 107 об. «№ 179-й простонародная». Нач.: «Как ходил-гулял Ванюша...». [НВП 1819, ч. 6, с. 125. Соб., т. 4, с. 311. Лексические разночтения (здоровешенька – здорвехонька, Параня – Параша, собиралася – поднималася)].

л. 108 – 108 об. «№ 180-ая масонская». Нач.: «Свет троякий зря, счастливы очи...». [НКП 1815, с. 107. НВП 1819, ч. 3, с. 46. БАН, с. 150, кант].

л. 108 об. – 109. «№ 181-й простонародная». Нач.: «Ах, утушка луговая...». [Львов-Прач, с. 152. Незначительные лексические разночтения. НВП 1819, ч. 2, с. 61. Соб., т. 3, с. 147. Незначительные композиционные разночтения].

л. 109. «№ 182-ая простонародная». Нач.: «У ворот девка стояла...». [НВП 1819, ч. 2, с. 127; Соб., т. 4, с. 442. Композиционные разночтения (отсутствие припевок, перестановка слов в тексте)].

л. 109 об. «№ 183-ая любовная». Нач.: «Где счастье, где отрада...». [НВП 1812, с. 111. «На голос «Я птичкой быть желаю». НВП 1819, ч. 1, с. 20. Лексические разночтения (где ты, душа, покой – души моей покой; тоскою – злой тоскою). Композиционно меньший вариант].

л. 109 об. «№ 184 театральная». Нач.: «Для любви одной природа...». [Автор П. Н. Кобяков. Отрывок «русской арии» из комической оперы-водевиля «Оборотни, или Спорь до слез, а об заклад не бейся» (1808), переделанной с французского. НВП 1817, с. 152. В издании указан источник песни; НВП 1819, ч. 4, с. 92. Пространный

вариант].

л. 109 об. – 110. «№ 185-ая. Военная песня на баталию при Кульме у Теплица». Нач.: «Несись повсюду громка слава...». [НРП 1817, с. 182; НВП 1819, ч. 3, с. 69. Разные жанровые определения: последние 8 строк в тексте сборника сопровождаются подзаголовком «Молитва»].

л. 110 – 110 об. «№ 186-ая. Песня русских солдат пред сражением с французами в Италии во время войны 1799-го года». Нач.: «Батюшка Никола с нами...». [НРП 1817, с. 171].

л. 110 об. «№ 187-ая. На разлуку, нежная». Нач.: «Разлука неизбежна...». [Автор И. А. Кованько, впервые опубликовано: Новости русской литературы. 1802 г.].

л. 110 об. – 111. «№ 188-ая печальная. Стон матери по умершей дочери». Нач.: «Где она, ах, где любезна...».

л. 111 – 111 об. «№ 189-ая простонародная». Нач.: «Друг мой милой...». [НРП 1817, с. 168. Указание в издании: «Песня девушки, разлучившейся с любезным. На голос: Я не думала ни о чем в свете тужить». Незначительные лексические разночтения (тяжким вздохом – с тяжким вздохом, дольше – больше и др.). Киреевский 1968, с. 188. Иной вариант со сходным зачином].

л. 111 об. – 112. «№ 190-ая. Песня петербургских жителей на отъезд царицы-матушки к царю-батюшке декабря 19 дня 1813 года». Нач.: «Понесися по поднебесью птица милая...». [Впервые опубликовано в издании «Сын отечества» 1813 г. НРП 1817, с. 194; НВП 1819, ч. 3, с. 91].

л. 112. «№ 191-ая. Авангардная песня. На голос: Веселяся в чистом поле. Сочинена во время командования авангардом главной армии графом Михаилом Андреевичем Милорадовичем в Бунцлаут Марта 16 чи[сла] 1813 года». Нач.: «Скоро зов послышим к бою...». [Авто Ф. Глинка. НРП 1817, с. 142; НВП 1819, ч. 3, с. 119].

л. 112. «№ 192-ая солдатская песня». Нач.: «Вспомним, братцы...». [Глинка].

л. 112 об. «№ 193-ая песня нежная, признание». Нач.: «Я навек тобою страстна...». [НРП 1817, с. 138. «Молодая девушка, открывающаяся в любви своей. Голос нежный и приятный». Незначительные морфологические разночтения (осудить – осуждать)].

л. 112 об. «№ 194. Ответ, нежная». Нач.: «Я твой, а ты моя...». [НРП 1817, с. 139. Лексико-морфологические разночтения (блаженны – сближенны, безызвестных – безызвестья)].

л. 112 об. – 113. «№ 195-ая. Стенание любовн[ое]». Нач.: «Можно ль быть в лютейшей доле...».

л. 113 об. «2 № пропущены. № 198-ая ». Нач.: «Увяли нежные цветочки...». [НВП 1819, ч. 1, с. 140].

л. 113 об. «№ 199-й. Совет модной красавице». Нач.: «Из роз прекрасна роза...». [НВП 1819, ч. 1, с. 61].

л. 113 об. – 114. «№ 200. Нежная. Ручей». Нач.: «Ручей, текущий в сей долине...». [Красовский, впервые опубликовано в «Периодическом издании ВОЛСНХ», 1804 г. Композиционные разночтения. НРП 1817, с. 13. Помета: «Счастливая жизнь и

верная любовь». НВП 1819, ч. 1, с. 262].

л. 114. «№ 201. Воспоминание». Нач.: «Слеза священная дрожи...». [НВП 1819, ч. 1, с. 160].

л. 114. «№ 202. Ответ. На голос: Зрю что жар твой угаса...». Нач.: «Не вини меня, любезна...».

л. 114. «№ 203-ая. После разлуки с милую». Нач.: «Ах, с тобою я расстался...».

л. 114 об. «№ 204-ая. Прозьба любви». Нач.: «Смертных счастье и мученье...». [НВП 1819, ч. 1, с. 97. Лексические различия (любезных – священных, прочь – вон)].

л. 115. «№ 205 Пе[сня]: Черныя, голубыя глаза». Нач.: «Лирой громкою иные...». [Автор П. С. Гагарин. НВП 1819, ч. 1, с. 167. Незначительные лексические различия (прекрасней – прелестней)].

л. 115. «№ 206-ая. На го[лос] Позволь себе открыться...». Нач.: «Пожалуй, открывайся...». [НВП 1812, с. 97. НВП 1819, ч. 3, с. 4].

л. 115 – 115 об. «№ 207-ая. Нежные упреки». Нач.: «Для того ль, любезна Лиза...». [НВП 1819, ч. 6, с. 53. Различия в именах: Лиза – Лиля].

л. 115 об. «№ 208. Любезная все[му] замена». Нач.: «Мне нельзя быть равнодушным...». [Герстенберг/Дитмар, ч. 2; НВП 1819, ч. 1, с. 68].

л. 115. «№ 209. Нежные чувства». Нач.: «Прости мне, дружечко, роптанье...». [Автор Ю. А. Нелединский-Мелецкий, 1796 г. Композиционные различия. НВП 1819, ч. 1, с. 162. Лексические различия (души – судьбы, трепетаю – примечаю, статья – льститься)].

л. 116. «№ 210-ой. Долг платежом красен». Нач.: «Коль ты меня любила...». [НВП 1812, с. 98. НВП 1817, с. 227. Иное определение песни: «Сатирическая. Редкое равнодушие». НВП 1819, ч. 1, с. 163].

л. 116. «№ 211-ая. Печальная слеза». Нач.: «Будь музою моею...». [НВП 1819, ч. 6, с. 53].

л. 116. «№ 212-ая. Московское времяпровождение влюбленных». Нач.: «Миленушку свою люблю...». [НВП 1817, с. 226. Определяется в издании как сатирическая. НВП 1819, ч. 3, с. 23. Фонетическое различие (клуб – клуб)].

л. 116 – 116 об. «№ 213-ая. Разлука, неж[ная]». Нач.: «Голубочик нежно-страстный...». [НВП 1819, ч. 1, с. 163].

л. 116 об. «№ 214-ой. Приятныя оковы». Нач.: «Птичка, вырвавшись из клетки...». [Автор Дмитриев. Впервые издано в «Приятном и полезном препровождении времени» 1794 г. Незначительные морфологические различия (испугавшись – быв напугана). НВП 1819, ч. 1, с. 164].

л. 116 об. – 117. «№ 215. Неж[ный] стон влюб[енной]». Нач.: «Волга, речин[ь]ка глубока...». [Впервые опубликована: Чтение для вкуса, разума и чувствований. 1793 г. НВП 1819, ч. 1, с. 43; БАН, с. 244].

л. 117. «№ 216-ая простонародная». Нач.: «Уже близка минута...». [Автор И. А. Крылов «Мой отъезд». Впервые опубликовано в издании «Санкт-Петербургский Меркурий» (1793). НВП 1819, ч. 1, с. 146].

л. 117 – 117 об. «№ 217-ая простонародная». Нач.: «Все покоится в природе...». [Автор А. В. Аргаматов. Первая публикация в издании «Приятное и полезное препровождение времени» 1794 г. Незначительные лексические разночтения. НРП 1817, с. 37; НВП 1819, ч. 1, с. 89].

л. 117 об. «№ 218-го простонародная». Нач.: «Любовь за грех считают...». [НРП 1812, с. 99. НВП 1819, ч. 6, с. 54].

л. 117 об. «№ 219-ая простонародная». Нач.: «Здесь под тенью древ ветвистых...». [Автор Д. И. Вельяшев-Волынцев. Первая публикация в издании «Приятное и полезное препровождение времени» (1794). Незначительные фонетические (Клоя – Хлоя), лексические разночтения (река – ручей). Композиционно больший вариант. НРП 1817, с. 5. Помета: «Пастушок, оплакивающий неверность своей милой. На голос: «Стонет сизой голубочек». НВП 1819, ч. 1, с. 242. Незначительные лексические разночтения (увянет – угаснет)].

л. 118. «№ 220-ая. Любовь к несклоному». Нач.: «Что есть на свете злее...».

л. 118. «№ 221-ая. Разлука». Нач.: «Вид прелестной, милы взоры...». [Автор М. М. Херасков. Впервые опубликовано в издании «Карманный песенник, или Собрание лучших светских и простонародных песен» 1796 г. НКП 1815, с. 34. НВП 1819, ч. 1, с. 15].

л. 118 – 118 об. «№ 222-ой. Похищение волоска в перстень к Анете». Нач.: «Напрасно хранить ты старалась...». [И. А. Крылов. НВП 1819, ч. 6, с. 55. Незначительные лексические разночтения (невозможность – осторожность)].

л. 118 об. «№ 223-ая. Любовь живут». Нач.: «У кого душевны силы...». [Автор Ю. А. Нелединский-Мелецкий. Впервые опубликовано в Московском журнале 1792 г. Лексические разночтения (мрачности – грусти, чаёт – зрит и пр.). НРП 1817, с. 39. «Песня, показывающая сколь сильно действует любовная страсть, что даже и самый прах почувствует приход возлюбленной. (Голос печальной)». Незначительные лексико-композиционные разночтения. НВП 1819, ч. 1, с. 169].

л. 118 об. – 119. «№ 224-го. В день рождения Филлиды». Нач.: «Утеха флоры, нежна роза...».

л. 119. «№ 225-ая. К изменнику». Нач.: «Забыть тебя мне должно...».

л. 119. «№ 226. Удовол[ь]ствована любовь, на го[лос]: поля, леса густые». Нач.: «Унылый глас свирели...». [НРП 1817, с. 158. «Пастушка, оплакивающая измену любовника». НВП 1819, ч. 1, с. 234].

л. 119 – 119 об. «№ 227-ой. Вздохи в разлуке». Нач.: «В лазурном своде неба...». [Автор П. С. Гагарин. Впервые опубликовано в издании «Приятное и полезное препровождение времени» 1794 г.].

л. 119 об. «№ 228-ой. Приметы моей милой». Нач.: «Перестань петь, друг природы...». [НВП 1819, ч. 1, с. 240].

л. 119 об. «№ 229: Надгробные стенания». Нач.: «Уже со тьмою ночи...». [Капнист, «На смерть Юлии». Впервые опубликовано в издании «Чтение для вкуса, разума и чувствований» 1792 г. Незначительные лексические разночтения. Герстенберг/Дитмар, ч. 2. НВП 1819, ч. 1, с. 25. Незначительные композиционные разночтения:

перестановка слов в стихе].

л. 120. «№ 230. Должность и любовь». Нач.: «Под розой разместившись...». [НВП 1819, ч. 1, с. 151].

л. 120 об. «№ 231. Прощение». Нач.: «Неизбежным уже роком...». [Автор Г. Р. Державин «Разлука» (1776). Незначительные фонетические разночтения].

л. 120 об. «№ 232. Упреки». Нач.: «За что губишь меня, неверной...». [НВП 1819, ч. 1, с. 54].

л. 120 об. «№ 233-ой. Раскаяние от любви». Нач.: «Зараз любви еще не зная...». [НВП 1819, ч. 6, с. 114].

л. 121. «№ 234-ой. Грустно жить одному». Нач.: «Сидя вместе на кусточке...». [Автор П. С. Гагарин. НВП 1819, ч. 1, с. 73. Незначительные лексико-морфологические разночтения (они – кои, песнью - пенъем)].

л. 121 – 121 об. «№ 235-ая. К ласточке». Нач.: «В поднебесье раздается...». [Автор П. С. Гагарин. Первая публикация в издании «Приятное и полезное препровождение времени» 1794 г. НВП 1819, ч. 1, с. 181].

л. 121 об. «№ 236-ой. Бабушкина песня». «Ах: когда б я предузнала...». [Впервые опубликовано в издании «Московский журнал» 1792 г. под названием «Бабушкина песня». Композиционный вариант. НВП 1819, ч. 1, с. 211. Лексическая вариативность (предузнала – прежде знала, отвращению – удалению), в том числе некоторых стихов].

л. 121 об. – 122. «№ 237-ой. От любви нигде покоя». Нач.: «В сем месте тихом и безлюдном...». [НВП 1819, ч. 6, с. 115. Незначительные лексические разночтения (безлюдном – безмолвном)].

л. 122 – 122 об. «№ 238-ой. Нежная ревность». Нач.: «Ты дивишься, что ревную...».

л. 122 об. «№ 239-ой. Отсутствие». Нач.: «Увы, любезной в отдалении...». [НВП 1819, ч. 6, с. 68].

л. 122 об. – 123. «№ 240. Островок». Нач.: «Здесь я жизнью наслаждаюсь...».

л. 123. «№ 241-ой. Упреки к неверной». Нач.: «Прекратились случаи...». [Чулков, ч. 4, с. 167. БАН, с. 116].

л. 123. «№ 242. Плач любовника на гробнице своей любезной». Нач.: «Эльвиры нет, она сокрылась...». [НВП 1819, ч. 1, с. 26].

л. 123 – 123 об. «№ 243-ой. Сомнение. На го[лос]: Как быстрый вихрь про[мчались]...». Нач.: «Мне должно изъясниться...». [НВП 1819, ч. 1, с. 133].

л. 123 об. «№ 244-ой. К луне». Нач.: «Не свети ты месяц ясно...». [НВП 1819, ч. 1, с. 103. Композиционные разночтения (слезы хоть на час ты осуши – горьки слезы осуши)].

л. 123 об. «№ 245-ой. Совместники». Нач.: «Любовью пагубной вспаленный...». [НВП 1819, ч. 6, с. 71].

л. 123 об. – 124. «№ 246-го. Разлука». Нач.: «Я доволен был судьбою...». [Автор П. С. Гагарин].

л. 124. «№ 247-го. Веселая: Кто?». Нач.: «Приятна, весела...». [Каргопольский. Впервые опубликовано в издании «Приятное и полезное препровождение времени»

1794 г. Герстенберг/Дитмар, ч. 1. НВП 1819, ч. 1, с. 145].

л. 124. «№ 248-ая. К неверной Маше». Нач.: «Я не думал, дорогая...». [НВП 1819, ч. 1, с. 131].

л. 124 об. «№ 249-ой. Недоверчивость». Нач.: «Другим прельстась, моя драгая...».

л. 124 об. «№ 250. Приметы; то же да не так». Нач.: «Я в том острове родился...». [НВП 1817, с. 228. НВП 1819, ч. 6, с. 136].

л. 124 об. – 125. «№ 251-ая. Клятва». Нач.: «Уж солнце скрылось в чисты воды...». [Автор Е. П. Люценко. Лексико-композиционные различия (лишь смесь теней пленяет взоры – пестрят цветы, пленяют взоры; мой вздох моя слеза свидетель – прелестной вид ея свидетель и пр.). НВП 1819, ч. 1, с. 194. Различны имена героинь: Эльмира – Анюта. Лексические различия (сердце – редкой)].

л. 125. «№ 252-ой. Все противно без любезной». Нач.: «В сих горестных местах...». [НВП 1819, ч. 1, с. 263].

л. 125. «№ 253. Счастье». Нач.: «Я счастлив, счастлив конечно...». [НВП 1819, ч. 6, с. 49].

л. 125 об. «№ 254. Весна». Нач.: «Зрак весны открыт природой...».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акимова Т.М.* О поэтической природе народной лирической песни. Саратов: Изд. Саратовского ун-та, 1966. 172 с.
2. *Аникин В.П.* Балладные песни. В кн.: Русское народное поэтическое творчество / Под ред. проф. Н. И. Кравцова. М.: Просвещение, 1971. С. 190–204.
3. *Аничков Е.* Песня // История русской литературы / Под ред. прив.-доц. Е. В. Аничкова, проф. А. К. Бороздина и проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Т. 1–2. М.: Т-во И. Д. Сытина, 1908. Т. I. С. 173–220.
4. *Архипова А.В.* Проблема национальной самобытности в русской литературе первой четверти XIX в. (эпоха становления романтизма) // Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л.: Наука. С. 30–84.
5. Русская литература и фольклор (первая половина XIX века): [сборник] / отв. ред. Ф. Я. Прийма. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1976. 455 с.
6. *Башарин А. С.* Городской песенный фольклор // Современный городской фольклор / отв. ред., автор вступ. ст. С. Ю. Неклюдов. М.: РГГУ, 2003. С. 503–533. Серия «Традиция – текст – фольклор. Типология и семиотика».
7. Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003. 736 с. (Сер.: Традиция – текст – фольклор. Типология и семиотика)
8. *Бернштам Т.А.* Молодежь в обрядовой жизни общины XIX–начала XX в.: половозрастной аспект традиционной культуры. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1988. – 277 с.
9. *Васильева Е.Е.* Рукописные песенники в Титовском собрании // История и культура Ростовской земли. Мат-лы конф. Ростов, 2006. С. 133–148. Музыкальный Петербург XVIII в. Кн. 5: Рукописный песенник с голосами, положенными на ноты. Спб.: Композитор, 2002. 311 с.
10. *Васильева Е.Е.* О рукописных песенниках, их создателях и читателях: (по записям и пометам в рукописях) // История русского читателя. Вып. 5. Спб.: Изд-во СПбГУКИ, 2010. С. 6–18.
11. *Васильева Е.Е., Латин В.А.* «Книжная песня» XVII–XVIII вв. и фольклорные песенные традиции // Первый всероссийский конгресс фольклористов: сб. докл. М., 2006. Т. 2. С. 290–314.
12. *Веселовский А.А.* Любовная лирика XVIII века. К вопросу о взаимоотношении народной и художественной лирики XVIII в. Спб.: Тип. М. Б. Ясногородского, 1909. 194 с.
13. *Винницкий Илья.* Заговор чувств или русская история на «эмоциональном повороте». Обзор работ по истории эмоций // Новое литературное обозрение. № 117 (5/2012). Эл. ресурс: <http://www.nlobooks.ru/node/2639> (дата обращения 15.05 2016)

-
14. *Гоголь Н. В.* В чем же наконец существо русской поэзии и в чем ее особенность // Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.] / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). – [М.; Л.]: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. 8. Статьи. – 1952. – С. 369–409.
15. *Гудошников Я. И.* Очерки истории русской литературной песни XVIII–XIX вв. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1972. 170 с.
16. *Гудошников Я. И.* Романтизм и русская песенная поэзия первой четверти XIX в. // Из истории русского романтизма. Сб. статей. Вып. I. Кемерово: Изд. Кемеровского гос. педагогического ин-та, 1971. С. 335–349.
17. *Дергачева-Скоп Е. И.* Средневековая русская книга и литература // Фокина О. Н. «Повесть о бражнике» в рукописных сборниках XVII – начала XIX в.: текст и контекст. Новосибирск: Изд. НГУ, 2008. С. 5–18.
18. *Зорин, А. Л.* Появление героя: Из истории русской эмоциональной культуры конца XVIII – начала XIX века. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 568 с.: ил.
19. *Иезуитова Р. В.* Баллада в эпоху романтизма // Русский романтизм. Л.: Наука, Ленингр. отд. 1978. С. 79–117.
20. *Келдыш Ю. В.* Песня в рукописных сборниках // История русской музыки: в 10 т. Т. 2. XVIII век. Ч. 1. М.: Музыка, 1984. С. 153–170.
21. *Келдыш Ю. В.* Светское музыкальное искусство // История Русской музыки: в 10 т. Т. 1. М.: Музыка, 1983. С. 181–201.
22. *Келдыш Ю. В.* Внекультовая духовная песня // История Русской музыки: в 10 т. Т. 1. М.: Музыка, 1983. С. 224–249.
23. *Кожин В. В.* Книга о русской лирической поэзии XIX века: Развитие стиля и жанра. М.: Современник, 1978. 301 с.
24. *Колпакова Н. П.* Русская народная бытовая песня. М.-Л.: АН СССР, 1962. 284 с.
25. *Кулагина А. В.* Русская народная баллада. Учебно-методическое пособие. М.: Изд. Московского ун-та, 1977. 104 с.
26. *Лазутин С. Г.* «Ролевые герои» русских народных и литературных песен и композиционные формы их выражения. В кн.: Поэтика литературы и фольклора. Сборник статей. Воронеж: Изд. Воронежского университета, 1979. С. 59–71.
27. *Лазутин С. Г.* Русские народные песни. М.: Просвещение, 1965. 291 с.
28. *Лаптева Е. Р.* Русалочья тема в интерпретации А. С. Даргомыжского: опыт создания либретто // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2013. № 3 (117). С. 187–189.
29. *Лихачев Д. С.* Избранные работы: в 3 т. Л.: Худож. лит., 1987. Т. 1. 654 с.
30. *Лотман Ю. М.* О русской литературе. Статьи и исследования (1958–1993). История русской прозы. Теория литературы. СПб.: Искусство, 1997. 795 с.
31. *Лотман Ю. М.* Поэзия 1790–1810-х годов. В кн.: Поэты 1790–1810-х годов. «Библиотека поэта», Большая серия. Л.: Советский писатель, 1971. С. 5–62.

32. *Махов А. Е.* Эмблематика: макрокосм. М.: Intrada, 2014. 600 с.
33. *Макогоненко Г. П.* Русское просвещение и проблема фольклора // Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л.: Наука, 1970. С. 180–225.
34. *Новикова А. М.* Русская поэзия XVIII–первой половины XIX века и народная песня. М.: Просвещение, 1982. 192 с.
35. *Пламер Ян.* Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 1–36.
36. *Платт Джонатан.* Отвергнутые приглашения к каменным объятиям: Пушкин – Бродский – Жолковский. Перевод: Е. Канищева / НЛО, 2004.– № 67. Эл. Ресурс: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/67>
37. *Позднеев А. В.* Рукописные песенники XVII – XVIII вв.: Из истории песенной силлабической поэзии. М.: Наука, 1996. 445, [3] с.
38. *Померанцева Э. В.* Баллада и жестокий романс. Русский фольклор. Т. 14. Л.: Наука, Ленингр. отд. 1974. С. 202–209.
39. *Протн. В. Я.* Проблемы комизма и смеха. Второе изд. СПб.: «Алетейя», 1997. С. 158.
40. Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 512 с.
41. Русская литература и фольклор (первая половина XIX в.). Л.: Наука, Ленинградское отд., 1976. 455 с.
42. Русская литература и фольклор (XI–XVIII вв.). Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1970. 432 с.
43. Русская народная песня. Библиографический указатель. 1735–1945 гг. Составил В. М. Сидельников. М.: АН СССР, 1962. 171 с.
44. Русская элегия конца XVIII – начала XIX в. Антология. Подготовка текста, составление, вступительная статья и примечания Виктора Афанасьева. М.: Советская Россия, 1983. 240 с.
45. *Сидельников В. М.* Русские песенники XIX века и лубочные издания песен // Вопросы русской литературы. Межведомственный республиканский научный сборник. Вып. 2 (II). Львов: Изд. Львовского ун-та, 1969. С. 3–11.
46. *Сперанский М. Н.* Рукописные сборники XVIII века: Материалы для истории русской литературы. М.; Изд. АН СССР, 1963. 266 с.
47. Современная баллада и жестокий романс / сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1996. 416 с.
48. *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М.: ОГИ, 2001.– 742 с.
49. *Трубицын Н.* О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX века: Очерки. СПб., 1912. 593 с.
50. *Финдейзен Н.* Русская художественная песня (романс). Исторический очерк ее развития. М.: Изд. П. Юргенсона, 1905. 77 с.
51. *Фокина О. Н.* Древнерусский сборник поздней рукописной традиции. Проблема народной книги // Русская книга в дореволюционной Сибири:

Археография книжных памятников: сб. научн. тр. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 1996. С. 40–51.

52. *Фоменко И. Ю.* Песни Отечественной войны 1812 года. Публикации 1812–1815 годов» // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы: Мат-лы XVIII Международной научной конференции. Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник «Бородинское поле». 2014. С. 67–88.

53. *Цусев В. Е.* Песни и романсы русских поэтов. В кн.: Песни и романсы русских поэтов / Вступительная ст., подготовка текста и примечания В. Е. Гусева. «Библиотека поэта», Большая серия. Второе издание. М.; Л.: Советский писатель, 1965, с. 5–48.

54. *Якуб А.* Современные народные песенники. Петроград, 1914. 46 с. (Отд. оттиск из «Изв. Отд-ния рус. яз. и словесности имп. АН», 1914, т. 19, кн. I, С. 47–92.).

55. *Connell, R. W. Masculinities.* – Second Edition. – Berkeley: University of California Press, 2005. – 327 p.

56. *Muecke D. C.* The Compass of Irony. London, 1969. 276 p.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

С. 15 – Русская крестьянская свадьба. Литография. 1868. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С.-Петербург.

С. 29 – Казаки, настигшие французских кавалеристов. Гравюра на меди. Раскрашена. Начало XIX в. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.

С. 36 – Храбрый Кульнев, генерал майор. Гравюра на меди. Раскрашена. 1839. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С.-Петербург.

С. 36 – С. И. Теребенов. Пляши под нашу дудку. Из серии «Азбука 1812 года». Гравюра на меди. Раскрашена. 1815. Государственный Исторический музей. Москва.

С. 82 – Семик в новой деревне. Литография. 1852. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С.-Петербург.

С. 99 – И. Худояров. Гулянье на Лисьей горе. Роспись крышки свадебного сундука. 1840-е гг. Государственный Исторический музей. Москва. Фрагмент.

С. 114 – И. Худояров. Гулянье на Лисьей горе. Роспись крышки свадебного сундука. 1840-е гг. Государственный Исторический музей. Москва. Фрагмент.

С. 181 – Не брани меня, родная. Литография. 1871. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.

С. 194 – А. Мартынов. Пляска крестьян. Бумага, литография раскрашенная. 1821–1822. Государственный Русский музей.

С. 224 – Притча о блудном сыне. Рисованный лубок. Начало XIX в. Государственный Исторический музей. Москва. Фрагмент.

С. 257 – Гудит звонок, и тройка мчится. Литография. 1856. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С.-Петербург.

С. 283 – Урок мужьям дуракам и женам щеголихам. Гравюра на меди. Раскрашена. 1830-е гг. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С.-Петербург.

С. 312 – Неизвестный художник. Тагильчанка в кокошнике. Х., м. Середина XIX в. Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал».

С. 344 – Неизвестный художник. Тагильчанка в праздничной одежде. Х., м. Середина XIX в. Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал».

С. 391 – В селе малом Ванька жил. Литография. 1854. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С.-Петербург.

С. 425 – А. Мартынов. Крестьянки. Бумага, мягкий лак раскрашенный. 1808. Государственный Русский музей.

С. 466 – Неизвестный художник. Портрет девушки с цветочной гирляндой в руке. Х., м. 1840-е. Государственный Исторический музей. Москва.

С. 481 – Вечерком красна девица. Литография. 1857. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С.-Петербург.

С. 493 – И. Худояров. Роспись шкатулки. 1830-е. Нижнетагильский музей-заповедник «Горнозаводской Урал».

С. 502 – Постоялый двор. Роспись подноса. 1-я половина XIX в. Государственный Эрмитаж. Фрагмент.

С. 519 – А. Мартынов. Крестьянин качает ребенка на ноге. Бумага, литография. 1821–1822. Государственный Русский музей.

С. 529 – Д. Кваренги. Проект театральных декораций. Конец XVIII в. Бумага, акварель, тушь. Государственная Третьяковская галерея.

С. 542 – Н. И. Аргунов. Портрет Ивана Якимова в костюме Амура. 1790. Холст, масло. Государственный Русский музей.

С. 553 – Семик, или гуляние в новой деревне. Гравюра на меди. 1831. Рукописный отдел Института Русской литературы при АН РФ. С.-Петербург.

С. 599 – Во лужях, во лужях. Литография. 1857. Государственная публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. С.-Петербург.

Научное издание

РУССКАЯ ПЕСНЯ И ЕВРОПЕЙСКИЙ РОМАНС
В РУКОПИСНОМ СБОРНИКЕ НАЧАЛА XIX В.:
ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ

Соболева Лариса Степановна
Михайлова Ольга Андреевна

Редактор	<i>Е. С. Зашихин</i>
Корректоры	<i>Я. С. Тагильская, Л. С. Озерская</i>
Макет и верстка	<i>В. В. Таскаев</i>
Ответственный за выпуск	<i>Н. А. Юдина</i>

Формат 70×100/16. Электронное издание.
Уч.-изд. л. Объем данных 31,2 Мб

Издательство Уральского университета
620075, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Университетское издательство
620017, Екатеринбург, ул. Вали Котика, 13, под. 1а

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 358-93-22
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

серияла, ахв; мой светъ:
твоя я вся твоя 2;

20 ая

№ 20 Цыганская

Конецъ

Помни наши погрешки
в влюбленности твоей;

Всего, всего, всего всего,

поверную чернилу,
поправную чернилу,

33

21

Кто же моя душа,
спрелитвоя безвреднаго;
но ты куда слезы твои, ? —
томаюся и взыхаю;

каждо я удалю
рогачевскую ильцовую
отъ берновъ твоихъ ? —

еще ли тебе о мила,
живешь въ тоску свою,
или въ волнахъ шумящихъ
соната злую жизнь ? —

ависа мне ависа,
любимый ты мой
я самъ въ волнахъ шумящихъ ? —

Конецъ

№ 10² Молодъ ильцовъ ильцовъ

Кто мой любимый твой страстно
каждо я люблю тебя.
ноя взыхаю напрасно
помню ильцовъ себя.
люблю ильцовъ любимы
князьство моему,
люблю ильцовъ

суровость прекрати,
вселив возврати;
ишб' ащебго драга,
пещерв хотв мало шив.

| Концы |

№ 25^{ан} известной кельской

теби погибав мов псрод,
тебв доволкв-ш псрабв;
што ишивд мена покоя,
соверилив свой злой обманв?
оболбогилв мена Елвдани

44

Ахб! котиби содманли в обомнв;
Сударушнв краснв дѣвица душв;
Кѣтшнв, радоств красавица мнв,
по старавтв я прошеднв всѣ забвнв,
тебѣ естани болнв прѣтенаво мовнв

18 аа

№ 18

| Концы |

б. Восвал елв покровомв,
Среди улицы обившнв,
развзрала в растаясала в
краснв дѣвица душв,
краснв дѣвица душв
авд отбвншнв хорошв,
радвравшнв в оворнв;
Всѣ погруднлншнв мов!
по и срабв те в солнво
попердлв те в пещерв;
я в сорадошн в влвнв

Соболева Лариса Степановна

Профессор, доктор филологических наук. Окончила Новосибирский государственный университет в 1972 г. Защитила кандидатскую диссертацию по теме «Исторические паремии Борису и Глебу – малоизученный памятник Киевской Руси» в 1981 г. Докторскую диссертацию по теме «Рукописная словесность Урала: наследование традиций и обретение самобытности» защитила в 2006 г. Работала в Свердловском педагогическом институте (1976–1988), Институте истории и археологии УрО РАН (1988–1992). Уральском государственном университете им. А. М. Горького (1988–2009). В настоящее время профессор кафедры классической литературы и фольклора, старший научный сотрудник Лаборатории Эдиционной Археографии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина. Выпускающий редактор журнала *Quaestio Rossica*. Автор более 120 работ по истории древнерусской литературы, фольклору и археографии.

E-mail: l.s.soboleva@mail.ru

Михайлова Ольга Андреевна.

Окончила магистратуру Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина в 2014 г. В настоящее время работает ассистентом кафедры русского языка для иностранных учащихся, соискатель по кафедре классической литературы и фольклора Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.

E-mail: krolishna@gmail.com